Карл Густав
ЮНГ

Фрейд
и психоанализ

PHILOSOPHY

PHILOSOPHY

Карл Густав ЮНГ

Фрейд и психоанализ

Издательство АСТ
Москва

УДК 159.96
ББК 88.6
Ю50

Серия «Философия – Neoclassic»

C. G. Jung
FREUD UND DIE PSYCHOANALYSE
(Collected Works, Volume 4)

Перевод *А. Чечиной*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается при содействии литературного агентства
Paul & Peter Fritz Agency.

Юнг, Карл Густав.

Ю50 Фрейд и психоанализ : [сборник] / Карл Густав Юнг ; [перевод А. Чечиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 416 с. — (Философия — Neoclassic).

ISBN 978-5-17-137025-1

Карл Густав Юнг (1875–1961) — швейцарский психолог, психотерапевт, философ, социолог и культуролог — один из выдающихся ученых XX столетия, ученик Зигмунда Фрейда, основоположник аналитической психологии и психотерапии, основатель и президент Швейцарского общества практической психологии.

В настоящее издание вошли работы Юнга о Зигмунде Фрейде и психоанализе, написанные им в период 1906–1916 гг. и отражающие эволюцию его взглядов на учение Фрейда: от восторженного интереса и стремления к тесному сотрудничеству — до постепенного отдаления и разработки собственной оригинальной теории.

УДК 159.96
ББК 88.6

© Walter Verlag AG, Olten, 1971
© Foundation of the Works of C. G. Jung, Zürich, 2007
© Перевод. А. Чечина, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Предисловие редактора к тому IV полного собрания сочинений К. Г. Юнга

Интересы Юнга с течением времени расширялись, и постепенно он перешел от психиатрии к психоанализу, типологии и теории архетипов, а также в итоге к психологии религиозных мотивов. Этот переход облегчает группировку его опубликованных сочинений в соответствии с некоторыми основными темами исследований, хотя некоторые статьи, безусловно, могли бы по своему содержанию войти в другие тематические тома данного собрания сочинений. Отсюда следует, что каждый том ПСС связан с остальными — если судить по времени написания работ и их содержанию; они образуют своего рода сеть, и ни в коем случае нельзя ограничиваться изучением какого-то конкретного тома, если ставится задача узнать мнение Юнга по той или иной теме. Налицо непрерывность развития авторской мысли, которую возможно проследить исторически.

Настоящий том содержит в основном труды Юнга, посвященные Фрейду и психоанализу и написанные в промежутке между 1906 и 1916 годами; кроме того, сюда включены — по очевидным причинам — и две более поздние публикации. Любой, кто знаком с работами Юнга, обнаружит в них частые отсылки к наблюдениям и выводам Фрейда; уместно напомнить, что эти теории интересовали Юнга до последних лет жизни. Научные статьи в настоящем томе не дают исчерпывающего описания фрейдовского психоанализа, но позволяют составить представление о том, как менялись взгляды Юнга на этот предмет.

В 1907–1912 годах Юнг сам практиковал психоанализ и поддерживал тесное общение с Фрейдом. Личные отношения между ними испортились, особенно после публикации юнговских «Метаморфоз и символов либидо» (1911/12), но Юнг оставался председателем Международного психоаналитического общества до 1914 года. Первая часть данного тома (статьи I–VIII) охватывает период тесного, «восторженного» сотрудничества с Фрейдом; вторая и третья части (статьи IX–XIII) уже предлагают существенную критику, которая впоследствии привела к открытому разрыву отношений. Материалы четвертой части (статьи XIV–XVI) требуют дополнительных пояснений. Статья о фигуре отца, написанная в 1908 году, по своему содержанию как будто перекликается с материалами первой части настоящего тома. Однако она была значительно переработана автором в 1949 году, причем изменения оказались настолько радикальными, что статью по праву нужно рассматривать отдельно. Статью о различиях во взглядах с Фрейдом (1929) Юнгу заказала газета «Кельнише цайтунг» ввиду интереса широкой публики к взаимоотношениям Фрейда и Юнга. Эта статья одновременно демонстрирует развитие теории Юнга после «Попытки изложения психоаналитической теории» и те изменения, которые он вносил в собственные концепции. В частности, подчеркивается, что идеология и личность исследователя неотделимы от психологических формулировок и даже могут рассматриваться как их неотъемлемая часть. Отношение Юнга к Фрейду должно учитывать это обстоятельство (см. также том XV собрания сочинений, где теория Фрейда критикуется в контексте культуры). Указанная статья и рецензия на работу Кранефельдта (1930), таким образом, составляют основу для дальнейшего изучения психоаналитических позиций Юнга (см. другие тома собрания сочинений).

Концепция личности у Юнга тесно связана с типологией, которая впервые затрагивается в работах данного тома и систематически излагается в «Психологических типах» (том VI собрания сочинений). Юнг даже публично утверждал (в эфире английского телевидения в ноябре 1959 г.), что именно различие во взглядах с Фрейдом побудило его в свое время к созданию психологии типов. Это отчетливо прослеживается в статьях 1913–1921 годов (в 1921 г. состоялась публикация «Психо-

логических типов»). После разрыва с Фрейдом Юнг на некоторое время фактически прервал свою деятельность. Помимо нескольких статей, преимущественно на английском языке, за этот период увидели свет всего две важные работы, которые с момента первой публикации (соответственно, 1916 и 1917 годы) переиздавались несколько раз под разными названиями (см., например, знаменитую работу «Два эссе по аналитической психологии», том VII собрания сочинений). В этих статьях излагалось, по сути, направление будущего развития аналитической психологии как терапевтической техники и как метода исследования бессознательного. В этих двух работах Юнг обрисовывал и подробно разъяснял собственные идеи и показывал, чем они отличаются от идей Фрейда. Данные статьи дополнительно раскрывают отношение Юнга к психоанализу, помещают юнговские концепции коллективного бессознательного, архетипов и процесса индивидуации в общий контекст теорий Фрейда и Адлера. В этом смысле они дополняют статьи I–XIII из настоящего тома и перебрасывают мостик к критике воззрений Фрейда в статьях XIV–XVI.

Данный сборник статей также иллюстрирует другой принцип, положенный в основу настоящего собрания сочинений. Снова и снова Юнг сталкивался с интересом широкой публики к психоанализу, а позже — и к аналитической психологии. Именно поэтому редакция сочла возможным публиковать вместе сугубо научные труды и научно-популярные статьи.

Работа над томом IV была глубоко омрачена двойной тяжелой утратой: вечером 5 июня 1949 года скончался от сердечного приступа издатель собрания сочинений Альберт Рашер, проводивший отпуск в Южной Италии, а утром следующего дня испытал внезапное недомогание редактор ПСС, доктор Франц Риклин, которому даже пришлось покинуть торжества в память восьмой годовщины со дня смерти К. Г. Юнга. 1 августа доктор Риклин оставил сей мир, тоже от сердечного приступа. Вышло так, что все три первоначальных редактора собраний сочинений Юнга, Марианна Нихус-Юнг, Лена Гурвиц-Айснер и доктор Франц Риклин, а также издатель Альберт Рашер, с именем которого неразрывно связана публикация работ Юнга, не дожили до завершения издания. Сотрудники издательства сердечно

благодарят переводчика статей III, XI и XIII, написанных автором на английском и французском языках, Клауса Тиле-Дорманна, а также составителей указателя Мари-Луизу Аттенхофер и Йоста Хорни, и заверяют, что продолжат работу над собранием сочинений в согласии с заповедями ушедших.

I

Теория истерии Зигмунда Фрейда: ответ Ашаффенбургу*

«Die Hysterielehre Freuds:
Eine Erwiderung auf die Aschaffenburgsche Kritik»,
Münchener medizinische Wochenschrift (Мюнхен),
LIII (1906).

* Г. Ашаффенбург — немецкий психиатр, прославился как пионер юридической психологии. — *Здесь и далее примечания редактора и переводчика оформлены звездочками, примечания автора — цифрами.*

ТЕОРИЯ ИСТЕРИИ ЗИГМУНДА ФРЕЙДА: ОТВЕТ АШАФФЕНБУРГУ

[1] Если я пытаюсь ответить на весьма сдержанную и осторожную критику теории истерии Фрейда, высказанную Ашаффенбургом*, то делаю это исключительно ради того, чтобы вместе с ненужным не отвергнуть и нужное. Ашаффенбург, разумеется, не утверждает, что вклад в психологию Фрейда сводится к его теории истерии. Тем не менее в медицинских кругах (включая психиатров) Фрейда в основном знают по исследованиям истерии, а потому враждебная критика в адрес этой теории вполне может бросить тень на другие его научные достижения. С самого начала хочу отметить, что мой ответ адресован не лично Ашаффенбургу, но всему направлению научной мысли, взгляды и стремления которого нашли красноречивое выражение в его недавней лекции.

[2] Критические замечания Ашаффенбурга ограничены исключительно той ролью, которую сексуальность, согласно Фрейду, играет в формировании психоневрозов. Сказанное им, следовательно, не относится к более широкому спектру психологии Фрейда, то есть к психологии сновидений, шуток и нарушений обычного мышления, вызванных чувственно окрашенными констелляциями. Оно касается только психологии сексуальности, детерминант истерических симптомов и методов психоанализа**. Уникальные достижения Фрейда во всех этих областях не подлежат сомнению;

---

* [Aschaffenburg, «Die Beziehungen des sexuellen Lebens zur Entstehung von Nerven- und Geisteskrankheiten.]

** [В этой и следующей статье встречается первоначальный термин «психанализ» (Psychanalyse).]

оспаривать их рискнет лишь тот, кто не дал себе труда проверить рассуждения Фрейда экспериментально. Хотя я употребил слово «достижения», это не означает, что я безоговорочно подписываюсь под всеми теоремами Фрейда. Впрочем, ставить неординарные вопросы — заслуга сама по себе, и зачастую немалая. В этом смысле достижения Фрейда не под силу опровергнуть даже самым убежденным его противникам.

[3] Дабы не быть излишне многословным, я оставлю в стороне все те моменты, которые не затрагивает критика Ашаффенбурга, и ограничусь теми, к которым она имеет непосредственное отношение.

[4] Фрейд полагает, что корень большинства психоневрозов кроется в психосексуальной травме. Это утверждение — чушь?

[5] Ашаффенбург придерживается общепринятого мнения, что истерия — это психогенное заболевание. Следовательно, она уходит своими корнями в психику. Было бы излишним указывать на то, что сексуальность есть неотъемлемый компонент психики — компонент, о значении которого мы не можем составить абсолютно никакого представления, учитывая нынешнее неудовлетворительное состояние эмпирической психологии. Единственное, что не вызывает сомнений, так это вездесущность сексуальности. Существует ли какой-либо другой психический фактор, какое-либо другое базовое влечение, кроме голода и его производных, которое играет столь же важную роль в человеческой психологии? Я не могу назвать ни одного. Разумеется, такой большой и весомый компонент психики должен порождать столь же большое количество эмоциональных конфликтов и аффективных расстройств. В реальной жизни во всяком случае мы не находим никаких доказательств противоположного. Таким образом, точка зрения Фрейда, согласно которой в основе истерии лежат психосексуальные конфликты, на первый взгляд представляется весьма правдоподобной.

[6] Далее, Фрейд утверждает, что все случаи истерии сводятся к сексуальности. Что можно сказать по этому поводу?

[7] Фрейд не исследовал все существующие типы истерии. Если так, его суждение подлежит общему ограничению, применимому к эмпирическим аксиомам. Он, несомненно,

нашел подтверждение своих взглядов в случаях, которые ему довелось наблюдать, однако они составляют бесконечно малую долю всех случаев истерии. Можно даже предположить, что существует несколько форм истерии, с которыми Фрейд до сих пор не сталкивался. Наконец, не исключено, что материал, констеллированный в работах Фрейда, приобрел несколько однобокий характер.

[8] С разрешения автора мы можем, следовательно, слегка подправить его утверждение: бесконечно большое количество случаев истерии проистекает из сексуальных источников.

[9] Кто-нибудь доказал, что это не так? Под «доказательством» я, естественно, подразумеваю применение психаналитических методов Фрейда, а не просто тщательное обследование пациента с последующим заявлением, что ничего сексуального найти не удалось. Все подобные «доказательства», разумеется, заведомо непригодны. В противном случае мы были бы вынуждены признать, что человек, разглядывающий бактериальную культуру сквозь увеличительное стекло и утверждающий, что никаких бактерий в ней нет, абсолютно прав. С точки зрения логики применение психаналитических методов есть условие *sine qua non**.

[10] Ашаффенбург настаивает, что истерия сугубо травматического происхождения не содержит в себе ничего сексуального и восходит к другим, четко определенным травмам. Данное возражение кажется мне вполне обоснованным. Однако границы травматической истерии, как показывает пример Ашаффенбурга (падение цветочного горшка, за которым следует афония), очень широки. Такой подход заставляет нас отнести к категории «травматической» истерии бесчисленное множество случаев: только представьте, как часто легкий испуг вызывает новый симптом! Неужели Ашаффенбург допускает, что некто окажется столь наивным, что станет искать причину симптома в столь незначительном аффекте? Едва ли. Очевидный вывод состоит в том, что пациентка страдала истерией задолго до этого инцидента. Когда, например, у девочки, которая идет по улице и слы-

* Непременное условие (*лат.*).

шит внезапный выстрел, развивается абазия, мы можем смело предполагать, что это стало просто последней каплей, переполнившей сосуд. Чтобы правильно интерпретировать первопричину расстройства, не требуется особых интеллектуальных усилий. Стало быть, эти и множество других подобных случаев отнюдь не доказывают неправоту Фрейда.

[11] Совсем иначе обстоит дело в случае физических травм и истерий по поводу страховых выплат. Здесь травма и перспектива получения денег совпадают; в такой эмоциональной ситуации весьма вероятно возникновение определенной формы истерии. Вполне возможно, что воззрения Фрейда в этих случаях неприменимы. В отсутствии иных наблюдений, я склоняюсь именно к такому мнению. Впрочем, если мы претендуем на абсолютную беспристрастность и абсолютную научность, мы, конечно, сперва должны показать, что почва для истерии в самом деле не была подготовлена некой сексуальной констелляцией, то есть что в ходе анализа ничего подобного не обнаруживается. Так, утверждение о травматической природе истерии в лучшем случае доказывает только то, что не все проявления истерии имеют сексуальное происхождение. Последнее, однако, не противоречит основному постулату Фрейда, модифицированному выше.

[12] Опровергнуть его можно лишь посредством психаналитических методов. Тот, кто их не применяет, никогда не докажет несостоятельность теории Фрейда. Только те методы, которые предложил он, позволяют доказать, что в истерии могут присутствовать другие факторы, помимо сексуальных, или что эти методы совершенно не подходят для выявления интимного психического материала.

[13] При таких условиях может ли Ашаффенбург обосновать свою критику?

[14] Мы часто слышим об «экспериментах» и «наблюдениях», но ничто не свидетельствует о том, что наш критик сам использовал эти методы, а главное — применял их более или менее уверенно. Он приводит ряд — надо признать — воистину ошеломляющих примеров фрейдистской интерпретации, которые не могут не поставить в тупик новичка. Он сам указывает на неадекватность цитат, вырванных из контекста; полагаю, будет не лишним еще раз подчеркнуть, что

в психологии контекст — это все. Фрейдистские интерпретации суть результат бесчисленных наблюдений и умозаключений. Если вы представите такие результаты обнаженными, лишенными их психологических предпосылок, никто, естественно, не сможет их понять.

[15] Когда Ашаффенбург говорит, что эти интерпретации произвольны, и утверждает, что возможны другие интерпретации или что обсуждаемые факты ничем не подкреплены, он волен доказать на своем собственном материале, что те или иные феномены допускают совершенно иные толкования. Тогда все сразу станет ясно, и все поблагодарят его за помощь в разрешении столь важного вопроса. То же самое относится к проблеме «забывания» и другим симптоматическим действиям, которые Ашаффенбург переносит в сферу мистицизма. Эти явления чрезвычайно распространены; мы сталкиваемся с ними практически ежедневно. Если так, критику не составит труда показать на конкретных примерах, каковы истинные причины этих явлений. Ассоциативный эксперимент снабдит его любым количеством материала. Опять-таки, это конструктивная работа, достойная всяческой благодарности.

[16] Как только Ашаффенбург удовлетворит этим требованиям, то есть опубликует психаналитические исследования с совершенно иными результатами, мы примем его критику и вернемся к обсуждению теории Фрейда. Пока же этого не произошло, я полагаю его возражения безосновательными.

[17] Ашаффенбург утверждает, что психаналитический метод представляет собой самовнушение как со стороны врача, так и со стороны пациента.

[18] Помимо того, что критик обязан продемонстрировать свое доскональное знание метода, он должен предоставить убедительные доказательства, что метод построен на самовнушении. Такими доказательствами мы пока не располагаем. В более ранних работах* я уже указывал, что разработанный мной ассоциативный эксперимент дает в целом аналогичные результаты и что психанализ по сути ничем не отличается от ассоциативного эксперимента. Об этом же

* См.: *Diagnostische Assoziationsstudien*.

в своей критике говорит и сам Ашаффенбург. Его утверждение, будто эксперимент использовался мной только в одном случае, ошибочно; я применял его в ходе анализа многих пациентов, о чем свидетельствуют мои собственные работы и недавние работы Риклина*. Ашаффенбург может в любое время проверить мои утверждения и утверждения Фрейда, раз уж они совпадают с моими собственными, опытным путем и, таким образом, получить более или менее адекватное представление об основах психоанализа.

[19] О том, что мои эксперименты не имеют ничего общего с самовнушением, говорит сам факт их использования в *экспериментальной диагностике фактов*. Ассоциативный эксперимент, и без того сложный, безусловно, весьма далек от полноценного психоанализа. Однако путем тщательного изучения ассоциативного эксперимента — в развитие которого существенный вклад внес сам Ашаффенбург — можно сделать выводы, важные для последующего анализа. (Во всяком случае, так было со мной.) Только завершив это напряженное и трудное обучение, критик будет вправе приступить к исследованию теории Фрейда на предмет признаков самовнушения. В этом случае он не только сможет более сочувственно отнестись к несколько аподиктической манере изложения Фрейда, но и понять, насколько трудно *описывать* все эти тонкие психологические материи. Письменное изложение никогда не сможет воспроизвести сущность психоанализа даже приблизительно, не говоря уже о том, чтобы воспроизвести ее таким образом, чтобы немедленно развеять все сомнения читателя. Когда я впервые взялся за труды Фрейда, со мной произошло то же, что и со всеми остальными: я усыпал страницы вопросительными знаками. Аналогичная участь ждет всякого, кто впервые берется за отчет о моих ассоциативных экспериментах. К счастью, однако, любой желающий может повторить их и испытать на себе то, во что не верил прежде. К сожалению, это не относится к психоанализу, ибо он предполагает необычную комбинацию специализированных знаний и психологиче-

---

* Ф. Риклин — швейцарский психиатр, первый секретарь Международной психоаналитической ассоциации, вместе с К. Г. Юнгом изучал словесные ассоциации.

ских процедур, которыми не все владеют, но которые могут быть в определенной степени освоены.

[20] Поскольку мы не знаем, обладает ли Ашаффенбург таким практическим опытом, к обвинению в самовнушении, равно как и к обвинению в произвольности интерпретаций, нельзя отнестись сколько-нибудь серьезно.

[21] Ашаффенбург полагает, что исследование сексуальных идей пациента во многих случаях аморально.

[22] Это очень деликатный вопрос, ибо всякий раз, когда мораль смешивается с наукой, мы можем лишь противопоставить одно убеждение другому. Если посмотреть на проблему с утилитарной точки зрения, необходимо спросить себя: половое просвещение вредно при любых обстоятельствах или нет? На этот вопрос нельзя дать общий ответ, поскольку можно привести столько же примеров «за», сколько и «против». Все зависит от человека. Одни люди могут воспринять определенные истины, другие — нет. Каждый опытный психолог обязательно учтет этот факт. Любая жесткая формула здесь неприменима. Помимо того обстоятельства, что есть много пациентов, которым сексуальное просвещение не причиняет ни малейшего вреда, немало и тех, кто затрагивает эту тему по собственному желанию, без всякого давления со стороны аналитика. Наконец, бывают пациенты (и таких у меня было несколько), к которым никак нельзя подступиться, предварительно не подвергнув их сексуальные обстоятельства тщательному рассмотрению. По моему опыту, это приводит к весьма неплохим результатам. Посему мне кажется несомненным, что во многих случаях обсуждение сексуальных вопросов не только не вредит, но и идет во благо. С другой стороны, я без колебаний признаю, что в некоторых случаях сексуальное просвещение приносит больше вреда, чем пользы. Решение, с какими пациентами лучше воздержаться от обсуждения сексуальных вопросов, следует оставить на усмотрение аналитика. На этом, я полагаю, проблему морали можно считать разрешенной. «Высшие» нравственные соображения зачастую проистекают из вопиющего схематизма, а потому их применение на практике должно показаться неуместным с самого начала.

[23] Что касается терапевтического эффекта психанализа, то научная корректность теории истерии или аналитического метода не зависит от того, каким будет терапевтический результат. В настоящее время лично я убежден, что психанализ Фрейда является одним из нескольких возможных методов лечения и что в некоторых случаях он позволяет достичь большего, чем другие.

[24] Относительно научных открытий психанализа я могу сказать следующее: никого не должны отпугивать кажущиеся гнусности и сенсационные цитаты. Как и любой человек, Фрейд, вероятно, склонен ошибаться, однако это никоим образом не исключает возможности того, что истина скрыта в грубой оболочке, о значении которой в настоящее время мы не можем сформировать никакого адекватного представления. Великие истины редко достаются нам без фантастических оберток. Достаточно вспомнить о Кеплере и Ньютоне!

[25] В заключение я хотел бы предостеречь против позиции Шпильмайера*, заслуживающей самого сурового осуждения. Когда некто провозглашает ненаучной не только теорию, экспериментальные основы которой он даже не исследовал, но и тех, кто взял на себя труд ее проверить, свобода научных исследований оказывается под угрозой. Неважно, ошибается Фрейд или нет, он имеет право быть услышанным. Справедливость требует, чтобы утверждения Фрейда были проверены. Но отвергнуть их без всяких на то оснований, а затем предать забвению — ниже достоинства беспристрастного и непредвзятого ученого.

[26] Резюме:

1) Не доказано, что теория истерии Фрейда ошибочна во всех случаях.
2) Это доказательство может предоставить лишь тот, кто практикует психаналитический метод.
3) Не доказано, что психанализ дает результаты, отличные от результатов, полученных Фрейдом.
4) Не доказано, что психанализ основан на ложных принципах и не подходит для понимания истерических симптомов.

---

* См.: *Zentralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie*, XXIX (1906), 322.

II

Фрейдистская теория истерии

«Die Freud'sche Hysterietheorie», *Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie* XXIII/4 (Берлин, 1908), 310–322.
Впервые прочитано в виде доклада на Первом международном конгрессе по психиатрии и неврологии в Амстердаме (сентябрь 1907 г.).

ФРЕЙДИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ИСТЕРИИ

[27] Обсуждать теорию, которой еще сам автор не дал окончательной формулировки, — трудное и неблагодарное занятие. Фрейд никогда не выдвигал четкой и исчерпывающей теории истерии; он просто пытался время от времени обобщить свои теоретические выводы в соответствии с опытом, полученным им на тот момент. Его теоретические формулировки могут претендовать на статус рабочей гипотезы, которая во всех отношениях согласуется с текущими наблюдениями. Следовательно, в настоящее время не может быть и речи о некой утвердившейся фрейдистской теории истерии; мы вправе говорить только о наблюдениях, имеющих определенные общие черты. Поскольку в данном случае мы имеем дело не с учением, уже принявшим некую окончательную и завершенную форму, а, скорее, с гипотезой, которая по-прежнему находится в стадии разработки, исторический обзор представляется мне наиболее подходящим форматом для изложения воззрений Фрейда.

[28] Теоретические предпосылки, на которых Фрейд основывает свои исследования, можно найти в экспериментах Пьера Жане. В своей первоначальной формулировке проблемы истерии Брейер и Фрейд исходят из явлений психической диссоциации и бессознательных психических автоматизмов. Другое допущение — этиологическая значимость аффектов, подчеркиваемая, в частности, Бинсвангером*. Эти два предположения, наряду с выводами из теории внушения, приводят к общепринятому ныне мнению, что истерия есть психогенный невроз.

---

* См.: L. Binswanger, «Freud'sche Mechanismen in der Symptomatologie von Psychosen» (1906).

[29] Цель исследований Фрейда — выяснить, как работает механизм, продуцирующий истерические симптомы. Таким образом, мы видим здесь не что иное, как попытку восполнить недостающее звено в длинной цепи, соединяющей первопричину и конечный симптом, — звено, найти которое до сих пор не удавалось. Поскольку то обстоятельство, что аффекты играют этиологически решающую роль в формировании истерических симптомов, очевидно любому внимательному наблюдателю, выводы из первого доклада Брейера—Фрейда, датирующегося 1893 годом, не вызывают сомнений. Особенно это верно в отношении положения, отстаиваемого обоими авторами, а именно что истерик больше всего страдает от *реминисценций*, то есть от чувственно окрашенных комплексов идей, которые при определенных исключительных условиях препятствуют разрешению и последующему исчезновению первоначального аффекта.

[30] Первым к данной точке зрения, вначале изложенной лишь в общих чертах, пришел Брейер, который между 1880 и 1882 годами наблюдал и лечил одну весьма умную женщину, страдавшую истерией. Клиническая картина преимущественно характеризовалась глубоким расщеплением сознания наряду с многочисленными физическими симптомами второстепенного значения и различной степени стойкости. Брейер заметил, что в сумеречных состояниях пациентка воспроизводит комплексы реминисценций годовой давности. В частности, она галлюцинировала многочисленные эпизоды, имевшие для нее травматическое значение. Брейер обратил внимание, что повторное переживание и пересказ этих травмирующих событий оказывали заметный терапевтический эффект, принося с собой временное облегчение. Если же он прерывал лечение, состояние женщины быстро ухудшалось. Дабы усилить эффективность лечения, Брейер искусственно вызывал сумеречные состояния, позволявшие «абреагировать» более обширный материал. Таким путем ему удалось добиться основательного улучшения. Фрейд сразу распознал необычайную важность этих наблюдений и привел ряд собственных выводов, согласующихся с данными Брейера. И те и другие можно

найти в работе «Исследования истерии», опубликованной Брейером и Фрейдом в 1895 году.

[31] Именно на этом фундаменте совместными усилиями обоих авторов и было воздвигнуто первоначальное теоретическое здание. Отправная точка — симптоматика аффектов у нормальных людей. Возбуждение, продуцируемое аффектами, конвертируется в ряд соматических иннерваций, что приводит к его постепенному истощению и восстановлению «тонуса нервных центров». Таков, в общих чертах, механизм «абреакции» аффекта. При истерии все иначе. Здесь за травматическим переживанием следует, как выразился Оппенгейм, «ненормальное выражение душевных порывов»*. Внутримозговое возбуждение не разряжается напрямую, естественным образом, но вызывает либо абсолютно новые патологические симптомы, либо рецидив старых. Возбуждение преобразуется в анормальные иннервации — явление, которое авторы называют «конверсией суммарного возбуждения». Аффект лишается своего нормального выражения, своего нормального выхода в адекватных иннервациях; он не абреагируется, но остается «заблокированным». Следовательно, результирующие истерические симптомы можно рассматривать как проявления ретенции.

[32] Именно эту ситуацию мы наблюдаем у пациента; однако важный вопрос о том, почему аффект оказывается заблокированным и преобразованным, по-прежнему остается без ответа. Фрейд уделяет ему особое внимание. Так, в своем труде «Невропсихозы защиты», опубликованном в 1894 году, он предпринимает весьма подробный анализ психологических последствий аффекта. Фрейд выделяет две группы психогенных неврозов: в одной группе патогенный аффект преобразуется в соматические иннервации, а в другой — смещается к другому комплексу идей. Первая группа соответствует классической истерии, вторая — неврозу навязчивых состояний. Фрейд обнаружил, что причиной блокировки аффекта, или его преобразования, или смещения является несовместимость травматического комплекса с нор-

* См.: [«Thatsächliches und Hypothetiscbes über das Wesen der Hysterie» (1890).]

мальным содержанием сознания. Во многих случаях он смог представить прямые доказательства того, что несовместимость достигла сознания пациента, вызвав активное подавление несовместимого содержания. Пациент не желает об этом знать и воспринимает критический комплекс как «non arrivé»*. Результат — систематическое обхождение или «подавление» уязвимого места, в результате чего абреакция аффекта становится невозможной.

[33] Таким образом, блокировка аффекта обусловлена не смутной «особой предрасположенностью», а распознаваемым мотивом.

[34] Подытожим сказанное выше. До 1895 года исследования Брейера—Фрейда дали следующие результаты: психогенные симптомы возникают из чувственно окрашенных комплексов идей, которые производят эффект травмы либо 1) путем преобразования возбуждения в анормальные соматические иннервации, либо 2) путем смещения аффекта в менее значимый комплекс.

[35] Причина, по которой травматический аффект не абреагируется нормальным образом, а сохраняется, состоит в том, что его содержание несовместимо с остальной личностью и подлежит вытеснению.

[36] Содержание травматического аффекта стало темой дальнейших исследований Фрейда. Уже в «Исследованиях истерии» и особенно в «Невропсихозах защиты» Фрейд указывает на сексуальную природу первоначального аффекта. Как ни странно, в первом описанном им случае Брейер, напротив, обходит сексуальный элемент, хотя вся история не только содержит множество сексуальных аллюзий, но становится понятной и связной только тогда, когда мы принимаем во внимание сексуальность пациента. На основании тщательного анализа тринадцати больных Фрейд счел себя вправе утверждать, что специфическую этиологию истерии следует искать в сексуальных травмах раннего детства и что травма должна заключаться в «фактическом раздражении гениталий». Изначально травма действует только подготовительно; основной эффект проявляется в период полового

* Букв.: неприбывший (*фр.*), то есть нереализованный.

созревания, когда зарождающиеся сексуальные чувства реактивируют старый след памяти. Таким образом, Фрейд пытается разложить расплывчатое понятие особой предрасположенности на вполне определенные, конкретные события допубертатного периода. В то время он не придавал большого значения более ранней *врожденной* диспозиции.

[37] Если «Исследования» Брейера и Фрейда получили известное признание (хотя, несмотря на заверения Райманна[1], еще не стали частью науки), *эта* теория Фрейда была принята в штыки. Сомнения вызывала не столько распространенность сексуальных травм в детстве, сколько их исключительно патогенная значимость для нормальных детей. Фрейд, разумеется, пришел к этому выводу отнюдь не на пустом месте; он просто сформулировал некоторые наблюдения, сделанные им в ходе анализа. Во-первых, он обнаружил в памяти следы пережитых в младенчестве сексуальных сцен, которые во многих случаях были совершенно определенно связаны с реальными событиями. Кроме того, он заметил, что, хотя в детстве травмы не оказывали особого действия, после полового созревания они становились главными детерминантами истерических симптомов. В результате Фрейд был вынужден признать реальность травмы. По моему личному мнению, он сделал это потому, что еще находился под влиянием первоначальной гипотезы, согласно которой истерик «страдает от реминисценций». Если так, причину и мотивацию симптома следует искать в прошлом. Очевидно, что подобный взгляд на этиологические факторы не мог не вызвать явного сопротивления, особенно со стороны лиц, имеющих опыт лечения истерии: большинство практикующих специалистов привыкли искать движущие силы истерического невроза не столько в прошлом, сколько в настоящем.

[38] Данная теоретическая точка зрения, сформулированная в 1896 году, была для Фрейда не более чем переходным этапом. Впоследствии он отказался от нее. Открытие половых детерминант в истерии стало отправной точкой для обширных исследований в области сексуальной психологии в об-

[1] Эмиль Райманн — венский психиатр, критик теории Фрейда.

щем. Проблема детерминации ассоциативных процессов привела его в сферу психологии сновидений. В 1900 году Фрейд опубликовал свой фундаментальный труд о сновидениях, сыгравший исключительно важную роль в развитии его взглядов и техники. Лишь тот, кто досконально знаком с фрейдовским методом толкования сновидений, может понять концепции, разработанные им в последние годы. В «Толковании сновидений» изложены основные принципы фрейдистской теории и ее применения на практике. Без знания технических приемов, которыми пользовался Фрейд, невозможно не только понимание его нынешних взглядов, но и верификация полученных им результатов. Это обстоятельство вынуждает меня рассмотреть природу психанализа более подробно.

[39] Первоначальный катартический метод стремился обнаружить травматический аффект, лежащий в основе симптомов. Это позволяло поднять аффект до уровня сознания и абреагировать его обычным образом; то есть лишить его травматической потенции. В определенной степени метод опирался на внушение — аналитик брал инициативу на себя, в то время как пациент занимал по существу пассивную позицию. Помимо этого недостатка, оказалось, что выявить следы реальной травмы не всегда возможно. У многих пациентов все эмоциональные конфликты, казалось, проистекали исключительно из болезненной фантазии. В таких случаях катартический метод был бессилен.

[40] Согласно заявлениям Фрейда, сделанным в 1904 году*, с тех пор метод подвергся существенным изменениям. Всякое внушение теперь исключено. Пациенты больше не следуют за аналитиком; их ассоциациям предоставлена полная свобода, вследствие чего можно утверждать, что в действительности анализ проводит пациент, а не аналитик. Фрейд довольствуется тем, что фиксирует и время от времени указывает на возникающие связи. Если интерпретация оши-

* [Очевидно, Юнг ссылается здесь на две публикации: «Психоаналитический метод Фрейда» и «О психотерапии». Также см.: «Фрагмент анализа истерии» (1905), предисловие.]

бочна, ее нельзя навязать пациенту; если она верна, результат виден сразу и проявляется во всем поведении больного.

[41] Нынешний психаналитический метод Фрейда гораздо сложнее и позволяет проникнуть гораздо глубже, чем первоначальный катартический метод. Его цель — довести до сознания и тем самым разорвать все ложные ассоциативные связи, порождаемые комплексом. Пациент постепенно постигает суть своей болезни, а также получает возможность объективно взглянуть на собственные комплексы. Данный метод можно назвать воспитательным, ибо он трансформирует все мышление и чувствование больного, благодаря чему его личность освобождается от компульсии комплексов и может принять независимую установку по отношению к ним. В этом смысле новый метод Фрейда имеет некоторое сходство с методом Дюбуа*, несомненный успех которого главным образом объясняется тем, что разъяснения и убеждения, лежащие в его основе, заставляют пациента изменить отношение к своим комплексам.

[42] Поскольку психаналитический метод всецело базируется на эмпирической практике, его теоретические основы по-прежнему весьма туманны. Надеюсь, мои ассоциативные эксперименты сделали доступными для экспериментального исследования по меньшей мере несколько пунктов, хотя таким способом удалось преодолеть далеко не все теоретические трудности. На мой взгляд, главная сложность заключается в следующем. Если, как предполагает психанализ, свободные ассоциации ведут к комплексу, Фрейд приходит к логическому заключению, что этот комплекс связан с отправной точкой или исходной идеей. Можно возразить, что установить ассоциативную связь между огурцом и слоном не так уж и трудно. Однако при этом мы забываем, во-первых, что в анализе задана только начальная точка, а не цель; а во-вторых, что сознательное состояние — это состояние не направленного мышления, а расслабленного внимания. Здесь можно было бы заметить, что *комплекс* и есть главная мишень и что, в силу независимого чувственного тона, ему

---

[1] Поль Дюбуа — швейцарский невропатолог и психотерапевт, лечил невроз «убеждением».

присуща выраженная тенденция к воспроизведению, в результате чего он «всплывает» самопроизвольно, а затем, словно по чистой случайности, оказывается связанным с исходной точкой.

[43] Это, безусловно, возможно в теории, однако на практике все происходит иначе. Комплекс, по сути, не «всплывает» свободно; он заблокирован в высшей степени интенсивными сопротивлениями. Зачастую вместо него «всплывают» на первый взгляд совершенно непонятные промежуточные ассоциации, в которых ни аналитик, ни пациент не видят никакой связи с комплексом. Когда же мы анализируем всю цепь, ведущую к комплексу, значение каждого отдельного звена становится очевидным, часто самым поразительным образом, так что никакой специальной работы по интерпретации не требуется. Любой, кто достаточно долго практикует анализ, может убедиться, что в таких условиях воспроизводится не просто *что-то*, а всегда нечто, имеющее отношение к комплексу, хотя эта связь не всегда ясна априори. Необходимо свыкнуться с мыслью, что даже в этих последовательностях ассоциаций случайность заведомо исключена. Так, если в цепи ассоциаций обнаруживается непреднамеренная ассоциативная связь — иначе говоря, если обнаруженный комплекс ассоциативно связан с исходной идеей, — то эта связь существовала с самого начала; другими словами, идея, которую мы взяли за отправную точку, уже констеллирована комплексом. Посему мы имеем полное право рассматривать первоначальную идею как знак или символ комплекса.

[44] Этот взгляд согласуется с уже известными психологическими теориями, согласно которым психологическая ситуация в данный момент есть не что иное, как следствие всех предшествующих ей психологических событий. Из них наиболее важную роль играют аффективные переживания, то есть комплексы, которые по этой причине обладают наибольшей констеллирующей силой. Любой сегмент психологического настоящего содержит все предшествующие индивидуальные события, при этом аффективные переживания будут занимать передний план, в соответствии со степенью их актуальности. То же относится ко всем элемен-

там психики. Следовательно, воссоздать констелляции из каждого элемента теоретически возможно. Именно это и пытается осуществить фрейдовский метод. В процессе работы велика вероятность, что вы наткнетесь на ту аффективную констелляцию, которая находится к вам ближе всего, и не только на одну, но на многие, даже очень многие, в зависимости от их констеллирующей силы. Фрейд назвал это *сверхдетерминацией*.

[45] Психанализ, соответственно, держится в рамках известных психологических фактов. Этот метод чрезвычайно труден в применении, но ему можно научиться; правда, как справедливо подчеркивает Левенфельд*, требуется несколько лет интенсивной практики, прежде чем начинающий сможет применять его более или менее уверенно. Уже по одной этой причине всякая поспешная критика выводов Фрейда исключена. Равным образом исключена и возможность использования этого метода для массовой терапии в психиатрических учреждениях. О его преимуществах как научного инструмента может судить лишь тот, кто пользуется им сам.

[46] Фрейд применял свой метод прежде всего к исследованию сновидений, одновременно уточняя и совершенствуя его. Здесь он обнаружил, по-видимому, все те удивительные ассоциативные связи, которые занимают столь важное место в неврозах. В качестве наиболее существенного открытия я бы отметил значимую роль, которую играют в сновидениях чувственно окрашенные комплексы и их символический способ выражения. Фрейд придает большое значение вербальному выражению — одному из важнейших компонентов нашего мышления, ибо двоякое значение слов есть излюбленный канал для смещения и ненадлежащего выражения аффектов. Я упоминаю об этом обстоятельстве потому, что оно имеет фундаментальное значение в психологии невроза. Всякий опытный аналитик знает, что это свойственно не только невротикам, но и нормальным людям; посему в интерпретациях, приведенных во «Фрагменте ана-

* Л. Левенфельд — немецкий психиатр, друг и корреспондент З. Фрейда, активно занимался изучением и толкованием сновидений.

лиза истерии», как бы странно они ни звучали, он не найдет ничего неожиданного. Напротив, он обнаружит, что они вполне согласуются с его собственными наблюдениями. К сожалению, я вынужден воздержаться от подробного обсуждения выводов Фрейда и ограничиться лишь несколькими комментариями. С этими последними исследованиями необходимо ознакомиться любому, кто стремится вникнуть в текущий взгляд Фрейда на истерические болезни. Как подсказывает мой опыт, невозможно понять смысл «Трех очерков» и «Фрагмента» без досконального знания «Толкования сновидений».

[47] Под «доскональным знанием» я, разумеется, подразумеваю не дешевую филологическую критику, которой многие авторы подвергли эту книгу, а терпеливое применение принципов Фрейда к исследованию психических процессов. В этом и заключается суть проблемы. Ни нападающие, ни защищающиеся не добьются своей цели, пока дискуссия будет ограничена теоретическими основами. В настоящее время открытия Фрейда не допускают построения общих теорий. На данный момент единственный вопрос заключается в следующем: ассоциативные связи, о которых говорит Фрейд, действительно существуют? Бездумное подтверждение или отрицание ни к чему не приведут; необходимо смотреть на факты непредвзято, тщательно соблюдая правила, установленные Фрейдом. Пусть вас не отпугивает вездесущность сексуальности, ибо, как правило, мы сталкиваемся со многими другими, чрезвычайно интересными явлениями, которые, по крайней мере вначале, не обнаруживают никаких следов сексуального компонента. Совершенно безобидной, но в высшей степени поучительной процедурой, например, является анализ констелляций, указывающих на комплекс в ассоциативном эксперименте. С помощью этого совершенно безвредного материала можно без излишних затруднений изучить великое множество фрейдистских феноменов. Анализ сновидений и истерии значительно сложнее, а потому менее пригоден для начинающих. Без знания фундамента более поздние учения Фрейда совершенно непостижимы и, как и следовало ожидать, по большей части остаются непонятыми до сих пор.

[48] Посему я не без колебаний решаюсь рассуждать о дальнейшем развитии взглядов Фрейда. Моя задача особенно осложняется тем, что фактически мы можем опереться только на две публикации: это упомянутые выше «Три очерка по теории сексуальности» и «Фрагмент анализа истерии». До сих пор не было предпринято ни единой попытки систематического изложения и документирования более поздних взглядов Фрейда. В первую очередь рискнем подступиться к аргументации «Трех очерков».

[49] Эти очерки чрезвычайно трудно понять, причем не только тем, кто не привык к фрейдовскому способу мышления, но и тем, кто уже работал в этой узкой области. Первое, на что следует обратить внимание, — это на необычайную широту фрейдовской концепции сексуальности. Она включает в себя не только нормальную сексуальность, но и все перверсии, простираясь далеко в сферу психосексуальных производных. Говоря о сексуальности, Фрейд подразумевает не просто сексуальный инстинкт[1]. Еще одно понятие, которое Фрейд использует в очень широком смысле, — это «либидо». Данное понятие, первоначально заимствованное из «libido sexualis*», обозначает прежде всего сексуальные компоненты психической жизни, носящие волевой характер, и лишь затем — любую неумеренную страсть или желание.

[50] Инфантильная сексуальность, как ее понимает Фрейд, представляет собой совокупность возможностей для применения или «инвестирования» либидо. Нормальная сексуальная цель на этой стадии отсутствует, поскольку половые органы еще развиты не полностью. Однако соответствующие психические механизмы, вероятно, уже существуют. Либидо распределяется между всеми возможными формами сексуальной деятельности, а также между всеми перверсиями, то есть между всеми вариантами сексуальности, которые, в случае фиксации, впоследствии превращаются в подлинные перверсии. Прогрессивное развитие ребенка предпо-

---

[1] Понятие сексуальности в трактовке Фрейда включает практически все, что охватывает понятие инстинкта сохранения вида.

* Сексуальное влечение, сексуальное желание (*лат.*). Термин «либидо» Фрейд заимствовал у немецкого врача-сексолога А. Молля.

лагает постепенное изъятие либидозного элемента из извращенных наклонностей; на первый план выходит формирование нормальной сексуальности. Высвобождаемая в ходе этого процесса энергия используется в качестве движущей силы для сублимаций, то есть для высших психических функций. В период полового созревания или после него нормальный индивид выбирает объективную сексуальную цель, и на этом его сексуальное развитие заканчивается.

[51] По мнению Фрейда, при истерии отказ от перверсивных инвестиций либидо в ходе инфантильного сексуального развития происходит гораздо труднее, чем у нормальных людей, а потому занимает более длительный период времени. Когда реальные сексуальные требования более поздней жизни в какой-либо форме затрагивают болезненную личность, ее заторможенное развитие проявляется в том, что это требование не может быть удовлетворено надлежащим образом, ибо наталкивается на неподготовленную сексуальность. Как говорит Фрейд, человек, предрасположенный к истерии, с детства несет в себе «некоторую долю сексуального вытеснения». Сексуальное возбуждение, в самом широком смысле этого слова, не разряжается в сфере нормальной сексуальности, но вместо этого вытесняется и вызывает реактивацию первоначальной инфантильной сексуальной деятельности. Это выражается прежде всего в фантазиях, столь характерных для истериков. Фантазии развиваются в русле, уже проложенном особым видом инфантильной сексуальности. Фантазии истериков, как известно, безграничны; следовательно, для сохранения психического равновесия необходимы эквивалентные механизмы торможения или, как их называет Фрейд, сопротивления. Если фантазии имеют сексуальную природу, то соответствующими сопротивлениями будут стыд и отвращение. Поскольку эти аффективные состояния обычно связаны с физическими проявлениями, возникновение физических симптомов неизбежно.

[52] Полагаю, конкретный пример из моего собственного опыта проиллюстрирует смысл учения Фрейда лучше, нежели любые теоретические формулировки, которые в силу

сложности предмета могут показаться необычайно громоздкими.

[53] Речь идет об одной умной молодой женщине двадцати лет, страдавшей психотической истерией. Впервые симптомы проявились на четвертом году жизни. Пациентка сдерживала свой стул, пока боль не вынуждала ее к акту дефекации. Постепенно она начала прибегать к следующей вспомогательной процедуре: она садилась и, прижимая одну пятку к анусу, пыталась испражниться. Данная перверсивная деятельность сохранялась до седьмого года жизни. Фрейд называет эту инфантильную перверсию анальным эротизмом.

[54] На смену ей пришла мастурбация. Однажды, когда отец шлепнул ее по голым ягодицам, пациентка испытала явное сексуальное возбуждение. Позже она пришла в сексуальное возбуждение, увидев, как аналогичным образом наказывают ее младшего брата. Постепенно у нее выработалось подчеркнуто негативное отношение к отцу.

[55] Период полового созревания наступил в возрасте тринадцати лет. С тех пор ее фантазии приобрели исключительно перверсивный и навязчивый характер: пациентка не могла не думать о дефекации, когда ела сама или смотрела, как ест другой человек, особенно ее отец. Кроме того, всякий раз, когда она видела руки отца, она испытывала сексуальное возбуждение; по той же причине она не позволяла себе дотрагиваться до его правой руки. Со временем больная утратила всякую способность принимать пищу в присутствии других людей без постоянных приступов навязчивого смеха и возгласов отвращения: фантазии о дефекации в конце концов распространились на всех людей в ее окружении. Если ее поправляли или даже упрекали в чем-либо, пациентка показывала язык, судорожно смеялась, вскрикивала от отвращения или выражала ужас жестами: каждый раз она видела перед собой образ наказывающей руки отца и переживала сексуальное возбуждение, которое немедленно переходило в плохо скрываемую мастурбацию.

[56] В пятнадцать лет пациентка почувствовала нормальное желание завязать любовные отношения с другим человеком. Однако все попытки в этом направлении терпели неудачу:

болезненные фантазии неизменно вставали между ней и тем юношей, которого она больше всего хотела полюбить. В то же время из-за испытываемого ею отвращения любое проявление привязанности к отцу стало невозможным. Поскольку ее отец стал объектом переноса инфантильного либидо, сопротивление было направлено главным образом против него, но не против матери. Примерно в тот же период пациентка почувствовала симпатию к своему учителю, но это чувство быстро уступило место тому же всепоглощающему омерзению. У ребенка, столь сильно нуждающегося в любви и нежности, подобная эмоциональная изоляция не могла не повлечь за собой серьезные последствия.

[57] К восемнадцати годам состояние пациентки значительно ухудшилось. Приступы глубокой депрессии чередовались с приступами смеха, слез и криков. Она больше не могла смотреть людям в лицо, держала голову опущенной, а когда кто-нибудь дотрагивался до нее, с омерзением высовывала язык.

[58] Эта история демонстрирует суть взглядов Фрейда. Сначала мы находим фрагмент перверсивной инфантильной сексуальной деятельности — анальный эротизм, который на седьмом году жизни заменяется мастурбацией. В этот период телесное наказание, воздействуя на область ануса, вызывает сексуальное возбуждение. Здесь мы обнаруживаем детерминанты более позднего психосексуального развития. Половое созревание с его физическими и духовными потрясениями привело к заметному усилению активности фантазии. Последняя захватила сексуальную деятельность детства и модулировала ее в бесконечных вариациях. Извращенные фантазии такого рода определенно действовали подобно нравственным инородным телам, а потому должны были подавляться с помощью защитных механизмов, особенно стыда и отвращения. Это объясняет приступы отвращения, омерзения, восклицания ужаса, высовывание языка и т.д.

[59] В то время, когда начало пробуждаться обычное для пубертатного периода желание любви других людей, патологические симптомы усилились, ибо теперь фантазии были

направлены на тех самых людей, которые казались наиболее достойными любви. Это, естественно, привело к выраженному психическому конфликту, который объясняет дальнейшее ухудшение состояния. В итоге у пациентки развился истерический психоз.

[60] Теперь мы понимаем, почему Фрейд настаивает, что больные истерией с детства несут в себе «некоторую долю сексуального вытеснения». По конституционным причинам они, вероятно, оказываются готовы к сексуальным или квазисексуальным действиям раньше, чем другие люди. В силу их конституциональной эмотивности инфантильные впечатления проникают глубже, сохраняются дольше и позднее, в период полового созревания, оказывают организующее влияние на направление первых подлинно сексуальных фантазий. Опять же, в силу их конституциональной эмотивности все аффективные импульсы у истериков гораздо сильнее, чем у нормальных людей. Следовательно, чтобы противодействовать интенсивности анормальных фантазий, должны возникнуть столь же сильные чувства стыда и отвращения. При предъявлении реальных сексуальных требований, предполагающих перенос либидо на объект любви, на него переносятся все перверсивные фантазии. Отсюда — сопротивление объекту любви. Пациентка не могла беспрепятственно перенести свое либидо на него, и это спровоцировало эмоциональный конфликт. Ее либидо истощило себя в борьбе с защитными чувствами, которые становились все сильнее и впоследствии вызвали симптомы. Таким образом, Фрейд имеет полное право утверждать, что «симптомы являются сексуальным осуществлением больных».

[61] Подводя итоги, мы можем сформулировать нынешние взгляды Фрейда на истерию следующим образом:

а) Некоторые ранние сексуальные действия более или менее перверсивного характера развиваются на конституциональной основе.

б) Эти действия поначалу не приводят к реальным истерическим симптомам.

в) В период полового созревания (которое психологически наступает раньше, чем физическая зрелость) фантазии

приобретают направление, организованное инфантильной сексуальной активностью.

г) Фантазии, усиленные по конституциональным (аффективным) причинам, приводят к формированию комплексов идей, несовместимых с другими содержаниями сознания и потому вытесняемых, главным образом за счет стыда и отвращения.

д) Это вытеснение распространяется на перенос либидо на объект любви, тем самым провоцируя эмоциональный конфликт, который, в свою очередь, дает повод к развитию болезни.

е) Симптомы болезни обязаны своим происхождением борьбе либидо против вытеснения; следовательно, они представляют собой не что иное, как анормальную сексуальную деятельность.

[62] Насколько обоснованы взгляды Фрейда? На этот вопрос чрезвычайно трудно ответить. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что случаи, точно соответствующие схеме Фрейда, действительно существуют. Любой, кто изучал данную технику, это знает. Но никто не знает, применима ли схема Фрейда ко всем формам истерии (во всяком случае, истерия у детей и психотравмирующие неврозы образуют отдельную группу). Фрейд убежден, что его взгляды приложимы по меньшей мере к обычным случаям истерии, с которыми специалист по нервным болезням сталкивается постоянно; мой собственный опыт, хотя и значительно меньший, чем его, не позволяет опровергнуть это утверждение. В случаях истерии, которые анализировал я, симптомы были чрезвычайно разнообразны, но все они обнаруживали удивительное сходство в своей психологической структуре. При анализе внешняя форма не представляет особого интереса, ибо мы видим, как один и тот же комплекс может продуцировать весьма неожиданные и примечательные симптомы. По этой причине невозможно сказать, применима ли схема Фрейда только к определенным группам симптомов. В настоящее время мы можем лишь утверждать, что его выводы справедливы для бесконечно большого числа случаев истерии, которые до сих пор было невозможно распределить на клинические группы.

[63] Что же касается подробных результатов анализов, проведенных Фрейдом, то яростное противодействие, с которым они столкнулись, объясняется просто: практически никто не следил за развитием теории Фрейда с 1896 года. Если бы его метод анализа сновидений был проверен, а правила соблюдались неукоснительно, последние публикации, особенно «Фрагмент анализа истерии», не были бы столь трудны для понимания. Единственное, что смущает в этих отчетах, — это их откровенность. Публика не готова простить Фрейду его сексуальную символику. Впрочем, на мой взгляд, именно здесь понять его легче всего, ибо в этой области мифология, выражающая фантазийное мышление всех рас, уже подготовила почву самым поучительным образом. Достаточно упомянуть труды Штейнталя* 1860-х годов, которые доказывают существование широко распространенной сексуальной символики в мифологических записях и истории языка. Я также вспоминаю эротизм наших поэтов и их аллегорические или символические выражения. Всякий, кто даст себе труд изучить этот материал, не сможет отрицать необычайно значимые аналогии между фрейдистской символикой и символами поэтической фантазии у отдельных людей и целых народов. Посему фрейдистский символ и его интерпретация не есть нечто неслыханное; просто мы, психиатры, к этому не привыкли. Как бы то ни было, подобные трудности не должны удерживать нас от более детального исследования проблем, поднятых Фрейдом, ибо они имеют первостепенное значение как для психиатрии, так и для неврологии.

* Г е й м а н н Ш т е й н т а л ь (1823–1899) — немецкий филолог и философ. Ср.: «Символы трансформации».

III

Анализ сновидений

Написано на французском языке и опубликовано под названием «L'analyse des rêves» в ежегоднике Année psychologique XV (Париж, 1908), 160–167.

АНАЛИЗ СНОВИДЕНИЙ

[64] В 1900 году Зигмунд Фрейд опубликовал в Вене объемистый труд по анализу сновидений. Ниже изложены основные результаты его исследований.

[65] Сновидение не есть нагромождение случайных и бессмысленных ассоциаций, как это принято считать, и не есть следствие соматических ощущений во время сна, как полагают многие авторы. Сновидение — это автономный и содержательный продукт психической деятельности, поддающийся, как и все другие психические функции, систематическому анализу. Органические ощущения, испытываемые во время сна, не являются причиной сновидения; они играют второстепенную роль и лишь поставляют элементы (материал), с которыми работает психика. Согласно Фрейду, сновидению, подобно любому сложному психическому продукту, присущи свои мотивы, свои цепочки предшествующих ассоциаций; как и всякое обдуманное действие, сновидение есть результат логического процесса, соперничества между различными тенденциями и победы одной тенденции над другой. Сновидение несет определенный смысл, как и все остальное, что мы делаем.

[66] Можно возразить, что вся эмпирическая реальность противоречит этой теории, ибо в большинстве своем сновидения производят на нас впечатление бессвязности и хаотичности. Фрейд называет эту последовательность путаных образов *явным* или *манифестным содержанием* сновидения; это фасад, за которым он ищет то, что важно — а именно, скрытую мысль или *латентное содержание* сновидения. Может возникнуть вопрос, почему Фрейд считает, что сно-

видение само по себе является лишь фасадом или что оно действительно имеет некий смысл. Его предположение основано не на догме и не на априорной идее, но исключительно на эмпирических данных, согласно которым никакой психический (или физический) факт нельзя считать чистой случайностью. Следовательно, будучи всегда продуктом сложного сочетания явлений, он имеет под собой свою цепь причин; каждый существующий психический элемент есть результат предшествующих психических состояний и теоретически должен поддаваться анализу. Фрейд применяет к сновидению тот же принцип, который мы инстинктивно используем в изучении причин человеческих поступков.

[67] Фрейд задает себе простой вопрос: почему данный конкретный человек видит во сне именно эту конкретную вещь? На это у него должны быть особые причины, иначе закон причинности нарушится. Сновидения ребенка отличаются от сновидений взрослого так же, как сновидения образованного человека отличаются от сновидений неграмотного. В сновидении есть нечто индивидуальное: оно согласуется с психологической диспозицией субъекта. В чем же состоит эта психологическая диспозиция? Она сама является результатом нашего психического прошлого. Наше нынешнее психическое состояние зависит от нашей истории. В прошлом каждого человека содержатся элементы различной ценности, определяющие психическую «констелляцию». События, не пробуждающие сильных эмоций, практически не влияют на наши мысли или действия, тогда как события, вызывающие сильные эмоциональные реакции, имеют огромное значение для нашего последующего психологического развития. Воспоминания с выраженным чувственным тоном образуют комплексы ассоциаций, которые не только сохраняются в течение длительного времени, но обладают большой силой и тесно взаимосвязаны между собой. Предмет, к которому я отношусь без особого интереса, вызывает мало ассоциаций и вскоре исчезает с моего интеллектуального горизонта. Предмет, к которому я испытываю большой интерес, напротив, вызывает многочисленные ассоциации и надолго занимает мой разум. Каждая эмоция порождает более или менее обширный комплекс

ассоциаций, который я назвал «чувственно окрашенным комплексом идей». Изучая индивидуальную историю болезни, мы неизменно обнаруживаем, что этот комплекс оказывает сильнейшее «констеллирующее» воздействие. Отсюда следует, что в любом анализе мы столкнемся с ним с самого начала. Комплексы служат главными компонентами психологической диспозиции в каждой психической структуре. В сновидении, например, мы наблюдаем эмоциональные компоненты, ибо не вызывает сомнений, что все продукты психической деятельности зависят прежде всего от сильнейших «констеллирующих» влияний.

[68] Не нужно далеко ходить, чтобы найти комплекс, который заставляет Гретхен в «Фаусте» петь:

> Жил в Фуле король; до могилы
> Одной он был верен душой;
> Ему, умирая, вручила
> Любимая кубок златой*.

[69] Скрытая мысль — сомнение Гретхен в верности Фауста. Песню, бессознательно выбранную Гретхен, мы бы назвали *сновидческим материалом*, соответствующим тайной мысли. Можно применить этот пример к сновидению и предположить, что Гретхен увидела эту историю во сне[1]. В таком случае песня с ее трагической историей любви будет «манифестным» содержанием сновидения, его «фасадом». Любой, кто не знает о тайной печали Гретхен, никогда не догадается, почему ей приснился этот король. Но мы, зная о ее трагической любви к Фаусту, можем понять, почему сон использует именно эту песню: в ней повествуется о «редкой верности». Фауст неверен, однако Гретхен хочет, чтобы он был предан ей так же, как предан король. Ее сновиде-

---

* *Гете И. В.* Фауст. — *Здесь и далее перевод Н. Холодковского.*

[1] Можно возразить, что такое предположение непозволительно, ибо существует большая разница между песней и сновидением. Однако благодаря исследованиям Фрейда сегодня мы знаем, что все продукты сновидческого состояния имеют нечто общее. Во-первых, все они представляют собой вариации на тему комплексов, а во-вторых, служат им лишь своего рода символическим выражением. По этой причине я считаю такое предположение вполне допустимым.

ние — в реальности песня — в замаскированной форме выражает *страстное желание ее души*. Здесь мы касаемся подлинной природы чувственно окрашенного комплекса; это всегда вопрос *желания и сопротивления ему*. Наша жизнь проходит в борьбе за осуществление желаний: все наши действия проистекают из желания, чтобы что-то произошло или, наоборот, не произошло.

[70] Ради этого мы трудимся, ради этого мыслим. Если мы не можем осуществить желание наяву, мы реализуем его хотя бы в фантазии. Религиозные и философские системы всех народов во все времена — лучшее этому доказательство. Мысль о бессмертии, даже в философском обличье, есть не что иное, как желание, для которого философия лишь фасад, подобному тому как песня Гретхен — лишь внешняя форма, завеса, наброшенная на ее горе. *В сновидении ее желание предстает исполненным*. Фрейд утверждает, что *всякое сновидение представляет осуществление вытесненного желания*.

[71] Мы видим, что в сновидении Фауста заменяет король. Произошла трансформация. Фауст стал далеким древним правителем; личность Фауста, наделенная сильным чувственным тоном, подменяется нейтральной, легендарной фигурой. Король — это ассоциация по аналогии. Король — *символ* для Фауста, «любимая» — символ для Гретхен. Мы можем спросить, какова цель всего этого, почему эта мысль пришла Гретхен, так сказать, косвенно, во сне, почему она не могла осознать ее ясно, без двусмысленности, присущей всякому сновидению. На этот вопрос легко ответить: печаль Гретхен содержит мысль, на которой не любит останавливаться никто; это чересчур больно. Ее сомнения в верности Фауста вытесняются и подавляются. Они вновь появляются в форме меланхолической истории, которая, хоть и исполняет ее желание, не сопровождается приятными чувствами. Согласно Фрейду, желания, образующие сновидческую мысль, никогда не признаются открыто; это желания, которые вытесняются в силу их болезненного характера; именно потому, что они исключены из сознательного отражения в бодрствующем состоянии, они и всплывают, косвенно, во сне.

[72] Подобные рассуждения отнюдь не удивительны, если мы обратимся к житиям святых. Можно без труда установить природу чувств, вытесненных святой Екатериной Сиенской*, которые косвенно проявились в видении ее небесного брака, и понять, какие желания более или менее символически проявляются в видениях и искушениях святых. Как мы знаем, между сомнамбулическим сознанием истерика и нормальным сновидением так же мало отличий, как между интеллектуальной жизнью истериков и интеллектуальной жизнью здоровых людей.

[73] Естественно, если мы спросим кого-то, почему ему приснился такой-то сон, какие тайные мысли в нем выражены, он не сможет нам ответить. Он скажет, что слишком много съел вечером, что лежал на спине; что видел или слышал это накануне — короче говоря, все то, что можно прочитать в многочисленных научных книгах о сновидениях. Что же касается сновидческой мысли, то он ее не знает и не может знать, ибо, согласно Фрейду, эта мысль вытесняется, поскольку слишком неприятна. Таким образом, если некто уверяет нас, что никогда не замечал в своих снах ничего из того, о чем говорит Фрейд, мы с трудом сдерживаем улыбку; он пытался увидеть то, что невозможно увидеть непосредственно. Сновидение маскирует вытесненный комплекс, дабы воспрепятствовать его распознаванию. Превращая Фауста в фульского короля, Гретхен делает ситуацию безобидной. Фрейд называет механизм, не дающий вытесненной мысли проявить себя со всей возможной ясностью, *цензором*. Цензор есть не что иное, как то же самое сопротивление, которое в дневное время мешает нам проследить цепочку рассуждений до самого конца. Цензор не пропустит мысль, пока она не будет настолько замаскирована, что сновидец не сможет ее распознать. Если мы попытаемся указать сновидцу на мысль, скрытую за фасадом сновидения, это вызовет то же сопротивление, которое вызывает у него вытесненный комплекс.

---

* Итальянская монахиня Доминиканского ордена, прославилась аскетическим образом жизни и видениями, посещавшими ее с детского возраста. В частности, однажды ей привиделось, как Христос обменялся с нею обручальным кольцом, а их руки соединила Богоматерь.

[74] Теперь мы можем задать себе ряд важных вопросов. Прежде всего, что мы должны сделать, чтобы проникнуть за фасад (манифестное содержание) сновидения к реальной, тайной мысли, скрытой за ним?

[75] Вернемся к нашему примеру и предположим, что Гретхен — истеричная пациентка, которая обратилась ко мне по поводу одного неприятного сновидения. Более того, я предположу, что ничего о ней не знаю. В данном случае я не стал бы тратить время на прямые расспросы, ибо, как правило, мы не можем выявить подобные интимные переживания, не вызвав при этом сильнейшего сопротивления. Скорее, я бы попытался провести так называемый ассоциативный эксперимент*, который открыл бы мне все подробности ее любовной связи (ее тайную беременность и т.д.). Вывод будет сделать нетрудно, и я смогу без колебаний озвучить сновидческую мысль. Но можно действовать и более осмотрительно.

[76] Например, я бы спросил ее: кто не так верен, как фульский король, или кто должен хранить верность? Этот вопрос очень быстро прояснил бы ситуацию. В таких несложных случаях, как этот, толкование или анализ сновидения сводится к нескольким простым вопросам.

[77] Приведу реальный пример такого случая. Речь идет о человеке, о котором я ничего не знаю, кроме того, что он живет в колониях и в настоящее время находится в Европе в отпуске. Во время одной из наших бесед он рассказал сон, который произвел на него глубокое впечатление. Два года назад ему приснилось, *будто он находится в диком и пустынном месте и видит на скале человека, одетого во все черное. Этот человек закрывает лицо обеими руками и внезапно устремляется к краю пропасти. В этот момент появляется женщина, тоже одетая в черное, и пытается удержать его. Он бросается в пропасть, увлекая ее за собой*. На этом сновидец с криком проснулся.

[78] Вопрос «Кто этот человек, который поставил себя в столь опасное положение и обрек женщину на верную гибель?» глубоко тронул сновидца, поскольку этим человеком был

* [См.: Diagnostische Assoziationstudien., band 2.]

он сам. Два года назад он отправился в исследовательское путешествие в каменистый и пустынный край. Его экспедицию безжалостно преследовали дикие жители этой страны. По ночам они нападали на группу, в результате чего несколько человек погибли. Сновидец признался, что предпринял это чрезвычайно опасное путешествие, поскольку в то время *жизнь не имела для него никакой ценности*. Когда он согласился на эту авантюру, у него возникло ощущение, будто он *искушает судьбу*. В чем же была причина его отчаяния? В течение нескольких лет он жил один в стране с очень вредным климатом. Два с половиной года назад, находясь в отпуске в Европе, он познакомился с молодой женщиной. Они полюбили друг друга, и молодая женщина захотела выйти за него замуж. Однако сновидец знал, что вскоре ему придется вернуться в убийственный климат тропиков. У него не было ни малейшего желания брать с собой женщину, ибо тем самым он обрек бы ее на верную смерть. После продолжительной нравственной борьбы с самим собой наш сновидец впал в глубокое отчаяние и в конце концов разорвал помолвку. Именно в таком состоянии духа он и пустился в свое опасное путешествие. Анализ сновидения на этом не заканчивается, так как осуществление желания еще не очевидно. Однако поскольку я привожу это сновидение исключительно как иллюстрацию процесса выявления сущностного комплекса, продолжение анализа не представляет для нас интереса.

[79] В данном случае сновидец был откровенным и смелым человеком. Будь он менее прямодушен или испытывай хотя бы малейшее недоверие по отношению ко мне, комплекс не был бы признан. Некоторые пациенты спокойно заявили бы, что сон не имеет никакого смысла и что мой вопрос совершенно не относится к делу. В таких случаях сопротивление слишком велико, и комплекс не может быть перенесен непосредственно в обычное сознание. Как правило, сопротивление таково, что прямое исследование, особенно если его проводит неопытный аналитик, не дает результатов. Создав «психоаналитический метод», Фрейд снабдил нас ценным инструментом для разрешения и преодоления наиболее стойких сопротивлений.

[80] Метод заключается в следующем. Мы выбираем какую-нибудь особенно яркую часть сновидения, а затем спрашиваем сновидца об ассоциациях, которые с ним связаны. Сновидец должен откровенно озвучивать все, что приходит ему на ум относительно этого фрагмента сновидения, воздерживаясь, насколько это возможно, от всякой критики. Критика есть не что иное, как цензор в действии; это сопротивление комплексу, которое стремится подавить самое важное.

[81] По этой причине сновидец должен говорить абсолютно все, что приходит ему в голову, не обращая на это никакого внимания. Поначалу это трудно, особенно при интроспективном исследовании, когда внимание не может быть подавлено настолько, чтобы нейтрализовать тормозящее действие цензора. Самое сильное сопротивление человек испытывает именно по отношению к самому себе. Следующий случай демонстрирует ход анализа на фоне сильных сопротивлений.

[82] Один молодой человек, о чьей интимной жизни я ничего не знал, рассказал мне следующее сновидение: «*Я очутился в маленькой комнате, за одним столом с папой Пием X*, черты лица которого были гораздо красивее, чем на самом деле. Это меня удивило. Повернув голову, я увидел зал с роскошно накрытым столом и толпу дам в вечерних платьях. Внезапно мне захотелось помочиться, и я вышел. По возвращении я вновь ощутил малую нужду и был вынужден выйти вторично. Так повторилось несколько раз. Наконец я проснулся от позыва к мочеиспусканию*».

[83] Сновидец, очень умный и образованный человек, естественно, счел, что это сновидение было вызвано раздражением мочевого пузыря. Сны подобного рода обычно так и объясняют.

[84] Он решительно отверг идею о присутствии в этом сновидении каких-либо компонентов, имеющих большое индивидуальное значение. Поскольку фасад сна был не очень прозрачен, я не мог знать, что скрывалось за ним. В первую

* Святой католической церкви, папа в 1903–1914 гг., убежденный антимодернист, сторонник строгого консерватизма в литургии и мирской практике.

очередь я предположил у пациента сильное сопротивление: слишком уж энергично он пытался убедить меня в бессмысленности увиденного.

[85] Как следствие, я не осмелился задать нескромный вопрос: «Почему вы сравниваете себя с папой римским?» Я только спросил его, какие идеи у него ассоциируются с «папой». Анализ развивался следующим образом:

Папа римский. «Папа живет по-королевски...» (известная студенческая песенка.) Обратите внимание, что этому мужчине был тридцать один год, и он был неженат.

Место возле папы римского. «Точно так же я сидел рядом с одним шейхом, когда был в Аравии. Шейх — это что-то вроде папы римского».

[86] Папа дает обет безбрачия, мусульманин — многоженец. Идея, лежащая в основе этого сновидения, кажется ясной: «Я соблюдаю целибат, как папа римский, но я хотел бы иметь много жен, как мусульманин». Я умолчал об этих догадках.

Комната и зал с накрытым столом. «Это комнаты в доме моего кузена. Две недели назад он устраивал большой прием, и я был в числе приглашенных».

Дамы в вечерних платьях. «На этом ужине также присутствовали дамы, дочери моего кузена, девушки брачного возраста».

[87] На этом сновидец умолк: у него больше не было никаких ассоциаций. Данный феномен, известный как умственное торможение, всегда свидетельствует о том, что пациент наткнулся на ассоциацию, которая вызывает сильное сопротивление. Я спросил: «*И что эти девушки?*» «О, ничего, — ответил он. — Недавно одна из них была в Ф. и жила у нас. Когда ей пришло время уезжать, мы с сестрой проводили ее до вокзала».

[88] Я спросил: «*И что случилось потом*?» «О! — воскликнул он. — Я как раз думал (*эта мысль, очевидно, была вытеснена цензором*), что сказал сестре нечто смешное, но совершенно забыл, что именно».

[89] Несмотря на его искренние усилия, поначалу он никак не мог вспомнить, что это было. Здесь мы видим весьма распространенный пример забывчивости, вызванной тор-

можением. Наконец он вспомнил: «По дороге на станцию мы встретили мужчину, который поздоровался с нами и которого я, кажется, узнал. Позже я спросил сестру, не он ли интересуется... [дочерью кузена]?»

[90] (Теперь она помолвлена с этим человеком; кроме того, я должен добавить, что ее семья была весьма состоятельной; очевидно, сновидец также питал определенные надежды, но опоздал.)

Ужин в доме кузена. «Скоро состоится свадьба двух моих друзей».

Черты лица папы римского. «Нос был совершенно прямой и слегка заострен».

«*У кого такой нос*?» — спросил я. Сновидец рассмеялся. «У одной молодой женщины, на которую я имею виды».

«*Заметили ли вы еще что-либо примечательное в лице папы*?» — «Да, его рот. Это был очень красивый рот. [*Смех*.] У другой молодой женщины, которая меня привлекает, рот точно такой же».

[91] Этого материала достаточно, чтобы прояснить бóльшую часть сновидения. «Папа» — хороший пример того, что Фрейд назвал бы *конденсацией* (сгущением). Во-первых, он символизирует сновидца (безбрачную жизнь), а во-вторых, представляет собой трансформацию полигамного шейха. Это он сидит во время обеда рядом со сновидцем, точнее две дамы — две женщины, которые в настоящее время ему небезразличны.

[92] Но как этот материал связан с позывом к мочеиспусканию? Чтобы найти ответ на этот вопрос, я сформулировал ситуацию следующим образом:

«*Вы принимали участие в церемонии бракосочетания и в присутствии дамы почувствовали, что хотите помочиться*?» — «Да, однажды со мной такое случилось. Это было очень неприятно. Когда мне было лет одиннадцать, меня пригласили на свадьбу родственницы. В церкви я сидел рядом с девочкой моего возраста. Церемония продолжалась довольно долго, и мне захотелось помочиться. Я терпел, пока не стало слишком поздно. Я намочил брюки».

[93] Ассоциация брака с желанием помочиться восходит к этому событию. Я не буду продолжать анализ, иначе эта статья

получится слишком длинной. Сказанного достаточно, чтобы показать технику, процедуру анализа. Разумеется, дать здесь сколько-нибудь исчерпывающий обзор этих новых точек зрения невозможно. Психоаналитический метод проливает совершенно новый свет не только на сновидения, но и на подлинные истоки истерии и других важных психических болезней.

[94] Психоаналитическому методу, который в настоящее время используется повсеместно, посвящено существенное количество трудов на немецком языке. Я убежден, что изучение этого метода чрезвычайно важно не только для психиатров и неврологов, но и для психологов. В частности, я бы рекомендовал следующие труды:

Нормальная психология: Фрейд, «Толкование сновидений» и «Остроумие и его отношение к бессознательному».

Неврозы: Брейер и Фрейд, «Исследования истерии»; Фрейд, «Фрагмент анализа истерии».

Психозы: Юнг, «Психология раннего слабоумия».

Прекрасный обзор идей Фрейда содержат и труды Мэдера*, опубликованные в «Archives de psychologie».

* А. Мэдер — швейцарский психиатр и психоаналитик, был помощником Юнга, а ранее помогал «изобретателю» шизофрении Э. Блейлеру.

IV

Вклад в психологию слухов

Ein Beitrag zur Psychologie des Gerüchtes // Zentralblatt für Psychoanalyse I/3 (Висбаден, 1910/11), 81–90.

ВКЛАД В ПСИХОЛОГИЮ СЛУХОВ

[95] Около года тому назад руководство одной школы в городе *N*. попросило меня составить отчет о психическом состоянии тринадцатилетней ученицы Марии Х. Незадолго до этого Марию исключили из школы за распространение грязных сплетен о своем классном учителе. Наказание стало тяжелым ударом для ребенка и его родителей; в результате руководство школы согласилось принять девочку обратно под прикрытием медицинского заключения.

[96] Обстоятельства дела были таковы. Учитель узнал, что девочки рассказывают о нем двусмысленную сексуальную историю. Выяснилось, что однажды Мария рассказала трем подружкам сон примерно следующего содержания: *класс пошел купаться на озеро. Мне пришлось пойти с мальчиками, потому что в нашей раздевалке не осталось места. Потом мы долго плыли*. (Когда ее спросили: «Кто?», Мария ответила: «Лина, учитель и я».) *Подошел пароход. Учитель спросил нас: «Хотите поплыть на нем?» Мы приплыли в К. Там была свадьба*. («Чья?» — «Друга учителя».) *Нас тоже пригласили. Затем мы отправились в путешествие*. («Кто?» — «Я, Лина и учитель».) *Это было похоже на свадебное путешествие. Мы приехали в Андерматт, но гостиница оказалась переполненной, и нам пришлось провести ночь в амбаре. Там у женщины родился ребенок, и учитель стал его крестным отцом*.

[97] Этот сон рассказала мне сама девочка во время обследования. По настоянию учителя она также изложила его в письменном виде. В этой более ранней версии очевидный пробел после «Хотите поплыть на нем?» был заполнен словами: «Мы сели на пароход. Вскоре нам стало холодно.

Какой-то старик дал нам кофту, которую надел учитель». С другой стороны, пропущено упоминание о том, что в гостинице не было мест и детям пришлось ночевать в амбаре.

[98] Девочка рассказала свой сон не только трем подругам, но и матери. Версия, которую пересказала мне мать, лишь незначительно отличалась от приведенных выше. В своем расследовании, проведенном с величайшими опасениями, учитель, как и я, не обнаружил никакого другого, более опасного содержания. Таким образом, весьма вероятно, что первоначальная история не могла сильно отличаться от уже известных. (Упоминание о кофте кажется ранней интерполяцией, обеспечивающей логическую связь. Дети и учитель купались; на них были только купальные костюмы, но в них нельзя присутствовать на свадьбе.) Учитель сначала не поверил, что это просто сон, и считал, что девочка выдумала эту историю нарочно. Однако в конце концов он был вынужден признать, что невинный пересказ сновидения был очевидным фактом и что было бы неестественно полагать, будто ребенку хватит коварства делать сексуальные намеки в такой завуалированной форме. Какое-то время он колебался между мнением, что это хитрая выдумка, и мнением, что это сон, сам по себе безобидный, но истолкованный другими детьми в сексуальном смысле. Когда его негодование улеглось, он понял, что вина Марии не может быть так уж велика и что распространению слухов способствовали фантазии ее подруг. Затем он сделал нечто весьма похвальное: он собрал одноклассников Марии и заставил их записать все, что они слышали об этом сне.

[99] Прежде чем обратиться к этим описаниям, рассмотрим сновидение аналитически. Для начала мы должны согласиться с учителем, что это действительно был сон, а не вымысел — слишком уж много в нем было двусмысленностей. Сознательная выдумка стремится создать гладкие переходы; сновидение не принимает этого во внимание, но продолжается независимо от пропусков, которые, как мы видели, порождают интерполяции во время сознательной проработки. Эти пробелы имеют большое значение. Мы не находим ни упоминания о раздевании, ни подробного описания совместного пребывания в воде. Отсутствие одежды на паро-

ходе компенсируется вышеприведенной интерполяцией, но только для учителя; она показывает, что его нагота настоятельнее всего нуждается в прикрытии. Здесь нет подробного описания свадьбы, а переход от парохода к свадебному торжеству происходит резко. Причина ночевки в амбаре в Андерматте поначалу неочевидна. Параллель, однако, заключается в отсутствии места в раздевалке, из-за чего девочкам пришлось перейти в отделение для мальчиков; отсутствие места в гостинице опять-таки препятствует разделению полов. Картина амбара тоже неполная: рождение ребенка следует внезапно и вне всякой связи с предшествующими событиями. Учитель как крестный отец крайне неоднозначен. Роль Марии во всей этой истории второстепенна; она не более чем зритель.

[100] Все это похоже на подлинное сновидение, и те из моих читателей, которые достаточно знакомы со снами девочек этого возраста, безусловно, подтвердят это мнение. Толкование сновидения настолько просто, что мы можем спокойно предоставить его самим детям, чьи рассказы приведены ниже.

Свидетельства подруг Марии

[101] **1.** Марии приснилось, что они с Линой пошли купаться на озеро вместе с учителем. Когда они заплыли довольно далеко, Мария сказала, что не может плыть дальше, потому что у нее болит нога. Наш учитель сказал, что она может забраться мне на спину. Мария так и сделала, и они поплыли вместе. Через некоторое время подошел пароход, и они сели на него. Кажется, у нашего учителя была с собой веревка; он связал Марию и Лину и тащил по озеру за собой. Они доплыли до *Z.* и сошли на берег. Но теперь на них не было одежды. Учитель купил куртку, а Мария и Лина завернулись в длинную плотную вуаль. Все трое пошли по улице вдоль озера. В это время там праздновали свадьбу. Невеста была в голубом шелковом платье, но без вуали. Она спросила Марию и Лину, не согласятся ли они отдать свою вуаль ей. Мария и Лина отдали вуаль, а взамен получили

разрешение прийти на свадьбу. Они пошли в гостиницу «Солнце». Потом они отправились в свадебное путешествие в Андерматт; я не знаю, в какой гостинице они были: в Андерматте или в *Z*. Там их угостили кофе, картошкой, медом и маслом. Больше я ничего не скажу. Разве что в конце учитель стал крестным.

[102] *Комментарий:* Здесь отсутствует фрагмент о нехватке места в раздевалке; Мария сразу же идет купаться с учителем. Их совместному пребыванию в воде придается более личный оттенок посредством веревки, соединяющей учителя и двух девочек. Двусмысленность относительно «посадки»* в оригинальном варианте имеет здесь свои последствия, ибо часть о пароходе теперь занимает второе место, тогда как первое место отдано учителю, который сажает Марию себе на спину. (Восхитительная оговорка «она может забраться мне на спину» вместо «*ему* на спину» свидетельствует о внутреннем участии рассказчицы в этой сцене.) Это объясняет, почему пароход появляется так неожиданно: он нужен для того, чтобы придать двусмысленной «посадке» знакомый, безобидный оборот. Пассаж об отсутствии одежды, двусмысленность которого мы уже отмечали, вызывает у девочки особый интерес. Учитель покупает куртку, а девочки получают длинную густую вуаль, которую носят только на похоронах или на свадьбах. О том, что свадьба здесь понимается в более широком смысле, свидетельствует замечание, что у невесты не было вуали: та женщина невеста, у которой есть вуаль! Рассказчица, близкая подруга Марии, помогает сну продолжаться: обладание вуалью характеризует Марию и Лину как невест. Все оскорбительное или аморальное в этой ситуации нейтрализуется тем, что девочки снимают вуаль; рассказчица, таким образом, придает ситуации невинный оборот. Тот же механизм используется и при описании двусмысленной ситуации в Андерматте: там нет ничего, кроме приятных вещей, кофе, картофеля, меда и масла, возврата к инфантильному по

* Немецкий глагол *aufsitzen* означает «садиться» (на спину, лошадь, велосипед и пр.), однако в значении «садиться на корабль» практически не употребляется. — *Примеч. пер.*

хорошо известному образцу. Конец кажется весьма неожиданным: учитель становится крестным отцом.

[103] **2.** Марии снилось, что она купается вместе с Линой и учителем. Отплыв далеко от берега, Мария сказала учителю, что у нее болит нога. Учитель сказал, что она может плыть на его спине. Не знаю, действительно ли последняя фраза звучала именно так, но думаю, что да. Так как в это время по озеру плыл пароход, учитель сказал, чтобы она подплыла к пароходу и села на него. Я правда не помню, как она это рассказывала. Потом учитель или Мария — не знаю, кто именно — сказали, что они сойдут в *Z.* и побегут домой. Учитель подозвал двух мужчин, которые только что купались, и попросил переправить детей на берег. Лина села на спину одного из них, Мария — на спину другого, толстого, а учитель, держась за его ногу, поплыл следом. Оказавшись на берегу, они побежали домой. По дороге учитель встретил своего друга, у которого была свадьба. Мария сказала, что тогда было модно ходить пешком, а не ездить в экипаже. Потом невеста сказала, что они тоже могут прийти на торжество. Учитель сказал, что было бы неплохо, если бы девочки отдали невесте свою черную вуаль, которую они раздобыли по дороге, не знаю где. Девочки отдали вуаль, и невеста сказала, что они славные, добрые дети. Потом они пошли дальше и остановились в гостинице «Солнце». Там они что-то ели, не знаю что. Потом они отправились в свадебное путешествие в Андерматт. Они пошли в амбар и стали танцевать. Все мужчины скинули верхнюю одежду, кроме учителя. Невеста сказала, что он тоже должен. Учитель сначала отказывался, но потом все-таки согласился. В итоге он оказался... Учитель сказал, что ему холодно. Дальше рассказывать не могу, это неприлично. Вот и все, что я слышала о сне.

[104] *Комментарий:* Рассказчица обращает особое внимание на «посадку», но не уверена, относится ли она в оригинале к учителю или к пароходу. Эта неопределенность вполне компенсируется подробным рассказом о двух странных мужчинах, которые посадили девочек себе на спину. Для нее сидение на спине — слишком ценная мысль, чтобы от нее

отказываться, но ее смущает учитель как объект. Отсутствие одежды также вызывает сильный интерес. Свадебная вуаль теперь стала черной, как траурная (естественно, чтобы скрыть нечто неприличное). Здесь невинному обороту придается даже добродетельный акцент («славные, добрые»); аморальное желание незаметно превращается в добродетель, на которой делается особый акцент, а потому вызывает определенные подозрения. Рассказчица щедро заполняет пробелы в сцене с амбаром; мужчины снимают верхнюю одежду, учитель следует их примеру и, оказавшись голым, замерзает. После этого происходящее становится слишком «неприличным». Девочка правильно распознала параллели, которые мы предположили выше, обсуждая оригинальную историю, и добавила сцену раздевания, на самом деле относящуюся к купанию, сюда — в конце концов, должно же было как-то получиться, что девочки оказались наедине с голым учителем.

[105] **3.** Мария рассказала мне, что видела следующий сон: Однажды я пошла купаться, но в раздевалке не было места. Учитель отвел меня в свою кабинку. Я разделась и вошла в воду. Я плыла, пока не добралась до отмели. Там я встретила учителя. Он спросил, не хочу ли я переплыть озеро вместе с ним. Я согласилась, и Лина тоже. Мы поплыли и вскоре оказались на середине озера. Плыть дальше мне не хотелось. Что было потом, точно не помню. Вскоре показался пароход, и мы на него сели. Учитель сказал: «Мне холодно», и матрос дал нам старую рубаху. Каждый из нас оторвал по лоскуту. Я обвязала свой вокруг шеи. Затем мы сошли с парохода и поплыли в *К.* Мы с Линой не хотели плыть дальше, и двое толстяков посадили нас к себе на спины. В *К.* нам дали вуаль. Мы завернулись в нее и пошли по улице. Учитель встретил своего друга, который пригласил нас на свадьбу. В гостинице «Солнце» мы играли в разные игры и танцевали полонез. Я точно не помню. После этого мы отправились в свадебное путешествие в Андерматт. У учителя не было с собой денег, и он украл несколько каштанов. Учитель сказал нам: «Я так рад, что путешествую с двумя моими ученицами». Потом произошло кое-что неприличное, о чем я писать не буду. Вот и весь сон.

[106] *Комментарий:* Здесь совместное раздевание происходит в отдельной кабинке. Отсутствие одежды на корабле порождает новый вариант (старую рубаху разрывают на три части). Из-за своей неопределенности сидение на учителе не упоминается — девочки садятся на спины двух толстяков. Характеристика «толстый» подчеркивается и в этой и в предыдущей версии; видимо, учитель отличается полнотой. Замена типична: у каждой из девочек есть учитель. Дублирование или приумножение личностей выражает их значимость, то есть наделение либидо. То же самое верно и в отношении повторения действий[1]. Значение подобного приумножения особенно явственно проявляется в религии и мифологии. (Ср. Троицу и две мистические формулы исповеди: «Isis una quae es omnia», «Hermes omnia solus et ter unus»*.) В быту мы говорим: «Он ест, пьет или спит “за двоих”». Кроме того, приумножение личностей выражает аналогию или сравнение: *мой друг* имеет «ту же этиологическую ценность», что и *я* (Фрейд). При *dementia praecox* — или шизофрении, если использовать более широкий и удобный термин Блейлера — дублирование является прежде всего выражением инвестиции либидо: дублированию подвергается именно та личность, на которую пациент осуществляет перенос. («Существует два профессора Н.» — «И два доктора Юнга. Сегодня утром ко мне приходил человек, который тоже называл себя доктором Юнгом».) Очевидно, в соответствии с общей тенденцией шизофрении это расщепление представляет собой аналитическую депотенциацию с целью предотвращения слишком сильных впечатлений. Еще одно значение приумножения личностей, несколько иного рода, заключается в возвышении некоего атрибута до уровня живой фигуры. Простой пример — Дионис и его спутник Фалес, причем Фалес (фаллос) — олицетворение пениса Диониса. Так называемая дионисова свита (сатиры, титиры, силены, менады, мималлоны и т.д.) состоит из персонификаций атрибутов самого Диониса.

---

[1] Ср. удвоение атрибутов в моей работе «Психология Dementia Praecox».

* «Исида, одна оная есть сущность всего»; «Гермес, единый во всем и трижды единый» (*лат.*).

[107] Сцена в Андерматте изображается с большим остроумием, или, вернее, получает дальнейшее развитие. Фраза «Учитель украл несколько каштанов» означает, что он сделал нечто недозволенное. Под каштанами подразумеваются жареные каштаны, которые при высокой температуре трескаются и, как известно, символизируют женские половые органы. В этом контексте становится понятным замечание учителя, что он «так рад путешествовать с двумя своими ученицами», последовавшее непосредственно за кражей каштанов. Кража каштанов — это, конечно, личная интерполяция: ничего подобного не встречается ни в одном другом рассказе. Она показывает, насколько интенсивным было внутреннее участие одноклассниц в сновидении Марии, то есть оно имело для них «одинаковую этиологическую ценность».

[108] Это последний из рассказов подруг Марии. Вуаль и боль в ноге вполне могли быть упомянуты в первоначальном изложении. Другие интерполяции носят сугубо личный характер и основаны на внутреннем участии в смысле сновидения.

Свидетельства других детей

[109] **1.** Вся школа пошла купаться вместе с учителем. Марии не хватило места в раздевалке, и учитель сказал: «Можешь зайти в мою кабинку и раздеться вместе со мной». Должно быть, ей было очень неловко. Раздевшись, они вошли в воду. Учитель взял длинную веревку и обвязал ею Марию. Потом они оба уплыли далеко. Но Мария устала, и учитель взял ее к себе на спину. Потом Мария увидела Лину и крикнула: «Поплыли с нами». Втроем они поплыли дальше и увидели пароход. Учитель спросил: «Мы можем подняться на борт? Эти девочки устали». Пароход остановился, и они сели на него. Я не знаю точно, как они сошли на берег в *K*. Потом учитель где-то нашел старую ночную рубашку и надел ее. Вскоре он встретил друга, у которого была свадьба. Пригласили и их — учителя, Марию и Лину. Свадьбу праздновали в гостинице «Корона». Решили танцевать полонез. Учитель сказал, что не будет этого делать. Но другие

уговорили его. Он танцевал с Марией. Учитель сказал: «Я больше не вернусь домой к жене и детям. Я люблю тебя больше всех, Мария». Ей было очень приятно. После свадьбы было свадебное путешествие. Учителю, Марии и Лине тоже разрешили поехать. Они отправились в Милан. Потом они поехали в Андерматт, но там им было негде спать. Они пошли в амбар, где могли переночевать все вместе. Больше я не могу ничего рассказать, потому что это очень неприлично.

[110] *Комментарий:* Сцена раздевания перед купанием полностью развернута. Плавание претерпевает упрощение, подготовленное историей с веревкой: учитель привязывает Марию к себе, но Лина здесь не упоминается, она появляется только позже, когда Мария уже сидит на спине учителя. Одежда здесь — ночная рубашка. Свадебным торжествам дается прямое толкование: учитель больше не хочет возвращаться домой к жене и детям, он больше любит Марию. В амбаре находится место для всех, после чего события приобретают «очень неприличный» характер.

[111] **2.** Говорят, она пошла с классом купаться. Но так как раздевалка была переполнена, учитель позвал ее с собой. Потом мы вошли в воду, и Лина тоже. Тогда учитель взял веревку и связал нас вместе. Не знаю точно, как они развязались. Через какое-то время они очутились в *Z.* Говорят, там произошла сцена, о которой я лучше не буду рассказывать, потому что, если это правда, это слишком постыдно. Я не знаю точно, что случилось дальше, так как очень устала. Я слышала только, что Мария сказала, что теперь она всегда будет с учителем, и что он все время ее обнимал как свою лучшую ученицу. Если бы я знала, то рассказала бы и остальное, но моя сестра сказала только что-то о ребенке, который родился там, и что учитель стал его крестным.

[112] *Комментарий:* В этом рассказе непристойная сцена вставлена в эпизод со свадебным торжеством, где она так же уместна, как и в конце, ибо внимательный читатель уже давно заметил, что она могла бы произойти и в раздевалке на озере. На самом деле все произошло так, как это обычно бывает во сне: последняя мысль в длинном ряду сновидческих образов содержит именно то, что пытался отобразить

первый образ всей серии. Цензор отталкивает комплекс как можно дальше с помощью постоянно обновляющихся символических маскировок, замещений, купюр и т.д. В раздевалке ничего не происходит, в воде никто не плывет на спине учителя, на берег девочек переправляют другие мужчины, женится другая пара, другая женщина рожает ребенка в амбаре, а учитель только крестный. Однако все эти ситуации и образы отлично подходят для репрезентации желания совокупления. За всеми этими метаморфозами оно все же происходит, и его результатом становится рождение ребенка.

[113] **3.** Мария сказала: у учителя была свадьба с женой, а потом они пошли в «Корону» и танцевали. Мария говорила всякие другие дикие вещи, о которых я не должна ни говорить, ни писать: это слишком стыдно.

[114] *Комментарий:* Здесь тоже все чересчур неприлично, чтобы об этом можно было рассказать. Обратите внимание, что свадьба происходит с «женой».

[115] **4.** Учитель и Мария пошли купаться. Учитель спросил, не хочет ли она поплыть с ним, и Мария согласилась. Они поплыли и встретили Лину, и учитель позвал и ее. И они поплыли дальше. Потом я слышала, что она сказала, будто учитель сказал, что они с Линой были его любимыми ученицами. Еще она сказала, что учитель был в купальном костюме. Потом они пошли на свадьбу, и у невесты родился ребеночек.

[116] *Комментарий:* Сильно подчеркивается личное отношение к учителю («любимые ученицы»), а также неадекватная одежда («купальный костюм»).

[117] **5.** Мария и Лина пошли купаться вместе с учителем. Через некоторое время Мария сказала: «Я не могу плыть дальше, у меня болит нога». Учитель велел ей забраться ему на спину, и Мария так и сделала. Потом подошел маленький пароходик. Учитель сел на него. У учителя были две веревки, и он привязал детей к пароходу. Затем они все вместе отправились в *Z.* и сошли там на берег. Учитель купил себе ночную рубашку и надел ее, а дети завернулись в полотенце. У учителя была невеста, и они были в амбаре. Девочки тоже пошли в амбар и танцевали вместе с учителем и его

невестой. Об остальном я не должна писать, потому что это слишком мерзко.

[118] *Комментарий:* Здесь Мария садится учителю на спину. Учитель привязывает двух детей к пароходу веревками, из чего видно, как легко «пароход» заменяет «учителя». В качестве предмета одежды снова фигурирует ночная рубашка. Это свадьба самого учителя, а неприличное происходит после танцев.

[119] **6: Лина.** Учитель и все дети пошли купаться. Мария не смогла найти себе места и заплакала. Тогда учитель сказал, что она может зайти в его кабинку. «Кое-где я буду что-то пропускать, — сказала сестра, — потому что это долгая история». Но она сказала еще кое-что, о чем я должна рассказать. Когда они оказались в воде, учитель спросил Марию, не хочет ли она переплыть с ним озеро. Она ответила, что если я поплыву, она тоже поплывет. Мы проплыли примерно половину пути. Мария устала, и учитель тащил ее за собой на веревке. В *K.* они вышли на берег и направились в *Z.* Все это время учитель был в купальном костюме. Там мы встретили друга, у которого была свадьба. Этот друг пригласил и нас. После угощения было свадебное путешествие, и мы поехали в Милан. Однажды нам пришлось ночевать в амбаре, и там случилось нечто такое, о чем я не должна рассказывать. Учитель сказал, что мы его любимые ученицы, и поцеловал Марию.

[120] *Комментарий:* Замечание «Кое-где я буду что-то пропускать» заменяет сцену раздевания. Особое внимание уделено одежде учителя. Поездка в Милан — типичное свадебное путешествие. Эта версия также представляется независимой фантазией, обусловленной внутренним участием. Мария явно фигурирует здесь как любовница.

[121] **7.** Вся школа и учитель пошли купаться. Все дети вошли в раздевалку. И учитель тоже. Только Мария не смогла найти себе места, поэтому учитель сказал ей: «В моей кабинке есть место». Она пошла с ним. Потом учитель сказал: «Ложись мне на спину, я поплыву с тобой через озеро». Об остальном я писать не буду, потому что это так неприлично, что я и сказать не могу. За исключением неприличной части, которая за этим последовала, я больше ничего не знаю.

[122] *Комментарий:* По версии этой девочки, Мария должна была лечь на спину учителя уже в раздевалке. Вполне логично, что рассказчица ничего не знает об остальном сновидении, кроме «неприличной» части.

[123] **8.** Вся школа пошла купаться. Марии не хватило места в раздевалке, и учитель пригласил ее в свою кабинку. Учитель поплыл вместе с ней и прямо сказал ей, что любит ее или что-то в этом роде. Они приплыли в *Z*. Там у одного его друга была свадьба, и он их пригласил. Оба были в купальных костюмах. Учитель нашел старую ночную рубашку и надел ее поверх плавок. Он много целовал Марию и говорил, что больше не вернется домой к жене. Их обоих пригласили в свадебное путешествие. Ехали они через Андерматт. Там они не смогли найти места для ночлега и были вынуждены спать на сене. Еще там была какая-то женщина. Дальше идет самая неприятная часть. Нехорошо смеяться и шутить о таких серьезных вещах. У этой женщины родился малыш, но больше я ничего не скажу, потому что это слишком гадко.

[124] *Комментарий:* Рассказчица очень прямолинейна («Он прямо сказал ей, что любит ее», «Он много целовал ее» и т.д.). Ее очевидное возмущение глупой болтовней говорит нам о ее характере. В дальнейшем выяснилось, что эта девочка была единственной, кого мать просветила по сексуальным вопросам.

Заключение

[125] Что касается интерпретации сновидения, то мне нечего добавить; дети сделали все необходимое, практически ничего не оставив для психоаналитического толкования. *Сама молва проанализировала и истолковала сон*. Насколько мне известно, слухи в этом качестве пока не исследовали. Наш случай, безусловно, заставляет задуматься о психологии слухов с психоаналитических позиций. Излагая материал, я намеренно ограничился психоаналитической точкой зрения, хотя и не отрицаю, что мой материал открывает многочисленные исследовательские возможности для последователей Штерна, Клапареда и других.

[126] Приведенные выше свидетельства позволяют понять структуру слухов, но психоанализ не может удовлетвориться этим. Нам нужно знать об истоках и причинах этого феномена. Как мы видели, учитель был сильно взволнован этим слухом и озадачен его причиной и следствиями. Как может сон, который, как считается, заведомо безвреден и ничего не значит (учителей, как известно, тоже учат психологии), производить такие злонамеренные сплетни? Столкнувшись с этим вопросом, учитель, как мне кажется, инстинктивно нашел правильный ответ. Эффект сновидения можно объяснить только тем, что оно представляет собой «le vrai mot de la situation»*, то есть дает подходящее выражение тому, что уже витает в воздухе. Это искра, попавшая в пороховую бочку. Наш материал обеспечивает все необходимые доказательства данной точки зрения. На протяжении всего повествования я неоднократно обращал внимание на внутреннее участие одноклассниц Мари в ее сновидении, а также на моменты, вызвавшие у них особый интерес — некоторые даже добавляли свои собственные фантазии или грезы. Класс состоял из девочек в возрасте от двенадцати до тринадцати лет, которые, следовательно, находились в середине периода полового созревания. Сама сновидица была почти полностью развита сексуально и в этом отношении опережала остальных; она была лидером, который сообщил пароль от бессознательного и таким образом спровоцировал детонацию сексуальных комплексов, дремлющих в ее одноклассницах.

[127] Как нетрудно понять, все это очень огорчило учителя. Предположение, что таково и было тайное намерение девочек, подтверждается психоаналитической аксиомой о том, что о поступках следует судить скорее по их результатам, нежели по их сознательным мотивам[1]. Соответственно, мы могли бы предположить, что Мария доставляла особые беспокойства своему учителю. Поначалу этот учитель нравился ей больше всего. Однако за последние полгода ее характер изменился. Она стала рассеянной и невнимательной,

* Букв.: «точное слово для описания ситуации» (*фр.*).

[1] См. мою работу «О конфликтах детской души».

а после наступления темноты боялась выходить на улицу из-за «плохих мужчин». Несколько раз она говорила на сексуальные темы со своими подругами в довольно непристойной манере; ее мать с тревогой спрашивала меня, как объяснить дочери приближающуюся менструацию. Из-за своего поведения Мария утратила расположение учителя, о чем ясно свидетельствовали плохие отметки, которые она и некоторые ее подруги получили за несколько дней до возникновения слухов. Их разочарование было так велико, что девочки предались всевозможным мстительным фантазиям; например, они воображали, будто сталкивают учителя на рельсы, чтобы его переехал поезд. Особенно изощрялась в этих убийственных фантазиях Мария. В ночь, последовавшую за этой вспышкой гнева, когда прежняя любовь к учителю была окончательно забыта, эта подавленная часть ее самой проявилась во сне и исполнила желание сексуального союза с учителем — в качестве компенсации за обиду, под знаком которой прошел весь предыдущий день*. После пробуждения сновидение стало тонким орудием ненависти: мысли, содержавшиеся в нем, разделяли и подруги Марии, как это всегда бывает в подобных слухах. Месть, безусловно, удалась, но ответный удар, нанесенный самой Марии, был более жестоким. Таково правило, когда наши импульсы вытесняются в бессознательное. Марию исключили из школы, но благодаря моему заключению приняли обратно.

[128] Я сознаю, что этот краткий доклад несовершенен и неудовлетворителен с точки зрения точной науки. Имей мы первоначальный рассказ, мы могли бы наглядно продемонстрировать все то, что сейчас можем только предполагать. Таким образом, описанный случай просто ставит вопрос; возможно, более удачливым наблюдателям удастся собрать по-настоящему убедительные доказательства в этой области.

---

* Возможно, стоит упомянуть, что глагол *aufsitzen* в своем переносном значении означает «оказаться в дураках, попасться на удочку». — *Примеч. пер.*

V

О значении чисел в сновидениях

Ein Beitrag zur Kenntnis des Zahlentraumes // Zentralblatt für Psychoanalyse I/8 (Висбаден, 1910/11), 567–572.

О ЗНАЧЕНИИ ЧИСЕЛ В СНОВИДЕНИЯХ

[129] Символизм чисел, в значительной степени занимавший фантазию философов предшествующих веков, вновь привлек к себе внимание благодаря аналитическим исследованиям Фрейда и его школы. В материале сновидений о числах мы обнаруживаем не сознательные спекуляции о символических связях между числами, а скорее бессознательные корни числовой символики. Поскольку в этой области не появилось ничего принципиально нового со времен исследований Фрейда, Адлера и Штекеля*, нам остается довольствоваться подтверждением их наблюдений аналогичными примерами. В настоящее время я наблюдаю несколько случаев такого рода, о которых, возможно, стоит рассказать, ибо они представляют общий интерес.

[130] Первые три примера получены от мужчины средних лет, чей текущий конфликт был обусловлен внебрачной любовной связью. Вот фрагмент сновидения, из которого я взял символическое число: *...сновидец показывает кондуктору свой проездной билет. Кондуктор отказывается его принимать, поскольку на билете указано слишком большое число. Это число — 2477.*

[131] Анализ сновидения выявил весьма неджентльменский вопрос о том, насколько дорого обходится эта любовная связь. Поскольку меркантильные соображения были абсо-

---

* А. Адлер — австрийский психиатр, основоположник психотерапевтической системы индивидуальной психологии, противопоставлял «бессознательным влечениям» З. Фрейда представление о «жизненном стиле», то есть о социальном факторе в жизни каждого человека. В. Штекель — австрийский психиатр, один из первых психоаналитиков, автор работы о сновидениях, в которой пытался свести все содержание снов к набору фаллических символов.

лютно чужды великодушной натуре сновидца, можно предположить, что таким образом его бессознательное пыталось сопротивляться роману. Наиболее очевидная интерпретация состоит в том, что это число имеет финансовое значение и происхождение. Приблизительная сумма затрат на тот момент составляла порядка 2477 франков; более тщательные подсчеты дали 2387 франков — цифру, которую можно перевести в 2477 лишь с большой натяжкой. Тогда я применил метод свободных ассоциаций. Пациент вспомнил, что во сне число было разделено пополам: 24 77. Возможно, это был телефонный номер. Данная догадка не подтвердилась. Следующая ассоциация состояла в том, что это число представляет собой сумму других чисел. Ранее пациент говорил мне о том, что недавно отпраздновал 100-летний юбилей — его матери исполнилось шестьдесят пять, а ему — тридцать пять. (Они родились в один день.) Последующие ассоциации пациента были таковы:

Он родился	26.II [День и месяц. — *Ред.*]
Его любовница	28.VIII
Его жена	01.III
Его мать (отец давно умер)	26.II
Двое его детей	29.IV
	13.VII
Он родился	II.75 [Месяц и год. — *Ред.*]
Его любовница	VIII.85
Ему сейчас	36
Его любовнице	25

[132] Записав эту серию ассоциаций обычными цифрами, получаем следующую сумму:

26.II = 262
28.VIII = 288
01.III = 13
262
294
137
275
885
36
25
Всего = 2477

[133] Эта серия цифр, включающая всех членов семьи, дает таким образом число 2477. Его состав ведет к более глубинному слою смысла сновидения. Пациент был сильно привязан к своей семье, но, с другой стороны, очень любил свою любовницу. Это вызвало у него серьезный конфликт. Детали внешности «кондуктора» (опущенные здесь для краткости) указывали на аналитика, со стороны которого пациент одновременно боялся и жаждал строгого контроля, а также резкого осуждения своего зависимого состояния.

[134] Сон, который последовал вскоре после этого, вкратце состоял в следующем: *аналитик спросил пациента, что он делал, когда был со своей любовницей. Пациент ответил, что играл и всегда ставил на очень большое число: 152. Аналитик заметил: «Вас, к сожалению, обманывают»*.

[135] Анализ в очередной раз выявил вытесненную тенденцию подсчитывать затраты на любовную связь. Ежемесячные расходы составляли около 152 франков (фактически между 148 и 158). Замечание о том, что его обманывают, явно представляло собой отсылку к спору между ним и его любовницей. Женщина утверждала, что сновидец лишил ее девственности. Тем не менее наш пациент был совершенно уверен, что она не была девственницей уже в то время, когда он тщетно добивался ее расположения. Слово «число» (номер) привело к ассоциации «размер перчаток», «размер внутреннего диаметра». Из этого нетрудно сделать заключение, что при первом соитии он отметил необычную ширину влагалища вместо ожидаемого сопротивления девственной плевы. Это стало для него доказательством обмана. Бессознательное, естественно, использовало это открытие как наиболее эффективное средство сопротивления отношениям. Поначалу число 152 не поддавалось дальнейшему анализу. Однако позже оно привело к идее «номера дома», сопровождавшейся следующими ассоциациями: в начале их отношений дама жила в доме № 17 на улице X, затем переехала в дом № 129 на улице Y и, наконец, в дом № 48 на улице Z.

[136] Тут пациент понял, что он уже далеко ушел от числа 152, ибо общая сумма — 194. Затем ему пришло в голову, что дама покинула дом № 48 на улице Z по его настоянию, так

что общая сумма должна быть 194 – 48 = 146. Теперь она жила в доме № 6 на улице А, следовательно, 146 + 6 = 152.

[137] Позже в ходе анализа ему приснился следующий сон: *он получил счет от аналитика с требованием уплатить проценты в размере 1 франка с суммы 315 франков за задержку платежа с 3 по 29 сентября*.

[138] Этот упрек в подлости и скупости, брошенный аналитику, скрывал, как показал анализ, сильную бессознательную зависть. В жизни психоаналитика было несколько обстоятельств, которые могли вызвать зависть у пациента. Одно из них, в частности, произвело на него особое впечатление: недавно у аналитика случилось пополнение в семье. Плохие отношения между пациентом и его женой, к сожалению, не позволяли ожидать подобного. Посему у него было достаточно оснований для завистливых сравнений.

[139] Как и прежде, анализ начался с разбиения числа 315 на 3, 1 и 5. Пациент связал 3 с тем, что у аналитика было 3 ребенка, а недавно появился еще 1. У него самого было бы 5 детей, если бы все остались живы; сейчас же у него было 2 ребенка, ибо трое родились мертвыми. Но эти ассоциации отнюдь не исчерпывали всей числовой символики сновидения.

[140] Пациент отметил, что период с 3 по 29 сентября составляет 26 дней. Затем он сложил это число с остальными: 26 + 315 + 1 = 342, после чего проделал ту же операцию, что и с числом 315: разбил 342 на 3, 4 и 2. Если раньше выходило, что у аналитика было 3 ребенка плюс 1 новорожденный, а у пациента могло быть 5, то теперь смысл был таков: у аналитика было 3 ребенка, а теперь 4, а у пациента только 2. Он заметил, что второе число выглядит как корректировка «исполнения желания», представленного первым числом.

[141] Пациент, который пришел к этому объяснению сам, без моей помощи, заявил, что удовлетворен. Его аналитик, однако, не сомневался, что вышеприведенные откровения не исчерпывают всех возможных источников бессознательных продуктов. В связи с числом 5 пациент заметил, что из 3 мертворожденных детей один родился на 9-м, а два — на 7-м месяце беременности. Он также подчеркнул, что у его жены было 2 выкидыша: один на 5-й неделе и один на 7-й. Сложив эти цифры, получаем число 26:

1 ребенок	7 месяцев
1 ребенок	7 месяцев
1 ребенок	9 месяцев
2 выкидыша	
(5 + 7 недель)	3 месяца

[142] По всей вероятности, число 26 определялось количеством неудачных беременностей. В сновидении период в 26 дней появляется в связи с задержкой платежа, за которую с пациента взимается 1 франк. Из-за неудачных беременностей он действительно «отставал»: за время его знакомства с аналитиком, аналитик «опередил» его на одного ребенка. Посему 1 франк может означать 1 ребенка. Мы уже отмечали склонность пациента складывать вместе всех своих детей, включая умерших, дабы превзойти своего соперника. Мысль о том, что аналитик обогнал его на одного ребенка, могла сильно повлиять на определение числа 1. Посему мы последуем этой тенденции и продолжим игру с числами, добавив к 26 две успешные беременности по 9 месяцев каждая: 26 + 18 = 44.

[143] Разбив оба числа на составляющие, получаем 2 + 6 и 4 + 4 — две группы цифр, которые имеют только одну общую черту: в сумме они дают 8. Следует отметить, что эти цифры складываются из месяцев беременности жены пациента. Если мы сравним их с цифрами, указывающими на способность аналитика производить потомство, а именно 315 и 342, то увидим, что сложение составляющих их цифр дает 9. 9 – 8 = 1. Таким образом, мы снова приходим к разнице в единицу. Ранее пациент заметил, что 315 кажется ему осуществлением желания, а 342 — поправкой. Дав свободу фантазии, мы обнаруживаем следующее различие:

$$3 \times 1 \times 5 = 15$$
$$3 \times 4 \times 2 = 24$$
$$24 - 15 = 9$$

[144] И снова мы сталкиваемся со значимой цифрой 9, которая отлично вписывается в расчеты беременностей и родов.

[145] Трудно сказать, где начинается игра воображения, но это неизбежно, ибо бессознательный продукт есть порождение фантазии, того психического импульса, из которого возникает сама игра. Научному разуму противно предаваться такого рода шалостям, повсюду приводящим к бессмыслице.

Впрочем, мы никогда не должны забывать, что в течение тысячелетий человеческий разум забавлялся именно такого рода играми. Посему неудивительно, что эти тенденции из далекого прошлого обрели голос в сновидениях. Даже в бодрствующем состоянии пациент давал волю своим числовым фантазиям, как показывает сам факт празднования 100-летнего юбилея. Следовательно, их присутствие в его снах не подлежит сомнению. Для утверждения бессознательной детерминации не хватает доказательств; только сумма наших наблюдений может подтвердить точность индивидуальных открытий. Исследуя сферу свободной творческой фантазии, мы должны больше, чем где бы то ни было, полагаться на широкий эмпиризм; хотя он требует от нас особой скромности в отношении точности отдельных результатов, он никоим образом не обязывает нас обходить молчанием то, что произошло и наблюдалось, просто из страха быть обвиненными в ненаучности. Не следует вступать в переговоры с суеверными фобиями современного разума, ибо это один из факторов, в силу которых тайны бессознательного остаются скрыты.

[146] Особый интерес представляет отражение проблем пациента в бессознательном его жены. Ей приснилось — и это весь сон — *Лука 137**. Анализ этого числа повлек за собой следующие ассоциации: у аналитика появился еще 1 ребенок. У него было 3. Если бы все ее дети (считая выкидыши) были живы, у нее было бы 7. Сейчас у нее только 3 – 1 = 2. Но она хочет 1 + 3 + 7 = 11 (число-близнец, 1 и 1). Число 11 выражает желание родить близнецов: тогда у нее было бы столько же детей, сколько у аналитика. У ее матери однажды родились близнецы. Надежда родить ребенка от мужа была очень слабой, и это давно породило в бессознательном мысль о втором браке.

[147] Другие фантазии показывали ее в 44 года, когда она достигла климакса. Сейчас ей было 33 года, так что до 44 оставалось всего 11 лет. Это было значимое число, поскольку ее

* Отсылка к двум разделам Евангелия от Луки — о втором рассказывается ниже, а первое звучит так: «и сказал виноградарю: вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает?» (Лк. 13:7). Анализ этих фрагментов см. далее в тексте.

отец умер в 44 года. Таким образом, фантазия о 44-м годе жизни содержала в себе мысль о смерти отца. Акцент на смерти отца соответствовал вытесненной фантазии о смерти мужа, который был препятствием для второго брака.

[148] Материал «Лука 137» помогает разрешить конфликт. Сновидица — и это нужно подчеркнуть особо — была плохо знакома с Библией; последний раз она читала ее невероятно давно и была абсолютно нерелигиозна. Посему было бы совершенно безнадежно полагаться здесь на ассоциации. Ее незнание Библии было настолько велико, что она даже не знала, что «Лука 137» может относиться только к Евангелию от Луки. Когда она обратилась к Новому Завету, то открыла его на Деяниях апостолов. Учитывая, что Деяния 1 содержат только 26 строф, она взяла 7-ю строфу: «Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти». Если же мы обратимся к Евангелию от Луки 1:37, то найдем Благовещение Пресвятой Богородицы:

35. Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим.

36. Вот и Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц.

37. Ибо у Бога не останется бессильным никакое слово.

[149] Логическое продолжение анализа «Луки 137» требует от нас также обратиться к Евангелию от Луки 13:7. Там мы читаем:

6. и сказал сию притчу: некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу, и пришел искать плода на ней, и не нашел;

7. и сказал виноградарю: вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает?

[150] Смоковницу, с древних времен символизирующую мужские половые органы, необходимо срубить из-за ее бесплодности. Данный фрагмент полностью соответствует многочисленным садистским фантазиям сновидицы, связанным с отрезанием или откусыванием пениса. Аллюзия на бесплодный орган супруга очевидна. Сновидица отвернула свое либидо от мужа вследствие его полового бессилия в интим-

ных отношениях с ней[1]. Равно понятно и то, что она регрессировала к отцу («...которые Отец положил в Своей власти») и отождествила себя с матерью, у которой родились близнецы. Таким образом увеличив свой возраст, она ставит своего мужа в роль сына или мальчика того возраста, когда импотенция нормальна. Мы также можем понять ее желание избавиться от мужа, установленное ранее в ходе анализа. Если мы обратимся к Евангелию от Луки 7:13, то найдем лишь дальнейшее подтверждение сказанному:

12. Когда же Он приблизился к городским воротам, тут выносили умершего, единственного сына у матери, а она была вдова; и много народа шло с нею из города.

13. Увидев ее, Господь сжалился над нею и сказал ей: не плачь.

14. И, подойдя, прикоснулся к одру; несшие остановились, и Он сказал: юноша! тебе говорю, встань!

[151] В конкретной психологической ситуации сновидицы аллюзия на воскрешение мертвого приобретает особое значение как исцеление полового бессилия мужа. В этом случае проблема будет решена. Мне нет нужды указывать на многочисленные «исполненные» желания, содержащиеся в этом материале; читатель увидел их и сам.

[152] Поскольку сновидица совершенно не разбиралась в Библии, «Луку 137» следует рассматривать как проявление криптомнезии. И Флурноа[2], и я[3] уже обращали внимание на важные последствия этого явления. Насколько нам известно, ни о каком манипулировании материалом с целью ввести в заблуждение в данном случае не может быть и речи. Те, кто знаком с психоанализом, знают, что сама природа материала исключает любые подозрения на этот счет.

[153] Я сознаю, что изложенные выше наблюдения — капля в море неопределенности, но думаю, что было бы неправильно умалчивать о них: рано или поздно появятся более удачливые исследователи, которые смогут взглянуть на них под новым углом, недоступным нам ввиду нехватки знаний.

---

1 Главной проблемой мужа был ярко выраженный материнский комплекс.

2 *Des Indes à la planete Mars* (1900) и *Nouvelles Observations sur un cas de somnambulisme avec glossolalie* (1901).

3 См.: Zur Psychologie und Pathologie sogennanter occulter Phaenomene. [Ges Werke 1 (1966)].

VI

Мортон Принс. «Механизм и толкование сновидений»: критический обзор

Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen (Лейпциг), III (1911), 309–328. Статья Принса (1854–1929) была напечатана в Journal of Abnormal Psychology, V (Бостон, 1910), 139–195.

МОРТОН ПРИНС. «МЕХАНИЗМ И ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ»: КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

[154] Надеюсь, все коллеги и сотрудники, которые, следуя по стопам Фрейда, изучали проблему сновидений и смогли подтвердить основные принципы их толкования, простят меня, если я умолчу об их трудах и вместо них расскажу о другом исследовании, которое, хотя и дало меньше положительных результатов, тем не менее больше подходит для публичного обсуждения. Особенно следует отметить то обстоятельство, что Мортон Принс, благодаря своим предыдущим работам и глубокому проникновению в психопатологические проблемы, как никто другой способен вникнуть в психологию, заложенную Фрейдом. Не знаю, достаточно ли хорошо Мортон Принс владеет немецким языком, чтобы читать Фрейда в оригинале[1], хотя это почти обязательно для понимания его теорий. Впрочем, даже если бы ему пришлось полагаться исключительно на работы, написанные на английском языке, все необходимые сведения он мог бы почерпнуть из ясного изложения анализа сновидений, предложенного Эрнестом Джонсом в его «Теории сновидений Фрейда». Помимо этого, в распоряжении англоговорящего читателя имеется большое количество статей и докладов Брилла и Джонса, а в последнее время также Патнема[2], Мейера, Хоха, Скрипчера и других, которые проливают свет на

---

1 Не считаю, что мне нужно знакомиться с трудами конкретного автора, прежде чем вступать с ним в переписку.

2 Я также должен упомянуть, что Джеймс Дж. Патнем, профессор неврологии из Гарвардской медицинской школы, проверил и применил психоанализ в медицине. (См. Putnam, «Persönliche Erfahrungen mit Freuds psychoanalytischer Methode».)

разные аспекты психоанализа (или «глубинной психологии», как называет ее Блейлер). Наконец, сегодня на английском языке доступны не только лекции Фрейда и мои, которые мы читали в Университете Кларка*, но и несколько наших основополагающих работ, так что даже те, кто не знает немецкого языка, имеют достаточно возможностей ознакомиться с данным предметом.

[155] Мортон Принс приобрел необходимые познания в анализе не посредством личного общения, к суггестивному влиянию которого профессор Хох** питает почти суеверный страх, что весьма для нас лестно, но, по всей видимости, благодаря чтению. Как может быть известно немецкоговорящему читателю, Мортон Принс является автором ценного труда «Диссоциация личности», который занимает достойное место рядом с аналогичными исследованиями Бине, Жане и Флурнуа[1]. Принс также служит редактором журнала *Journal of Abnormal Psychology*, почти в каждом номере которого мы находим непредвзятые дискуссии по вопросам психоанализа.

[156] Из этого вступления читатель поймет, что я отнюдь не преувеличиваю, когда представляю Мортона Принса как беспристрастного исследователя, обладающего устоявшейся научной репутацией и неоспоримой компетентностью в оценке психопатологических проблем. В то время как Патнем занимается главным образом терапевтическим аспектом психоанализа и рассматривает его с восхитительной откровенностью, Мортон Принс интересуется особенно спорным предметом, а именно анализом сновидений. Именно здесь каждый последователь Фрейда теряет в гла-

---

* [Впервые лекции были опубликованы в переводе на английский язык в *American Journal of Psychology*, XXI (1910). Лекции Фрейда — см.: «Five Lectures on Psycho-Analysis», Standard Edn., XI.]

** Как известно, профессор Хох из Фрайбурга-им-Брайсгау описывал Фрейда и его школу как заразившихся эпидемическим безумием. Участники конгресса приняли этот диагноз без возражений и с аплодисментами.

[1] Особое сожаление вызывает тот факт, что интерес ученых мужей — или, если точнее, людей, которые считают себя таковыми, — слишком часто носит сугубо национальный характер и останавливается на границе. Для психоаналитиков было бы большим облегчением, если бы в Германии чаще читали Бине, Жане и Флурнуа.

зах немецких ученых свое почетное звание человека науки. Фундаментальный труд Фрейда — «Толкование сновидений» — был воспринят немецкими критиками с безответственным легкомыслием. Как обычно, они были щедры на бойкие фразы вроде «блестящая ошибка», «гениальная аберрация» и т.д. Тем не менее едва ли стоило ожидать, что кто-то из психологов, неврологов и психиатров действительно постарается вникнуть в этот вопрос и опробует свое остроумие на фрейдовской интерпретации сновидений[1]. Возможно, они не осмелились. Я почти уверен, что они не осмелились, ибо тема эта воистину трудная — не столько по интеллектуальным соображениям, сколько по причине личных, субъективных сопротивлений. Ибо именно здесь психоанализ требует жертвы, которой не требует от своих приверженцев ни одна другая наука: безжалостного самопознания. Необходимо снова и снова повторять, что *практическое и теоретическое понимание психоанализа есть функция аналитического самопознания*. Там, где самопознание терпит неудачу, психоанализ не работает. Это кажется парадоксом только до тех пор, пока мы думаем, будто знаем себя вдоль и поперек. Хотя кто так не думает? В звенящих тонах глубочайшей убежденности каждый уверяет нас, что знает себя «от и до». И все же это неправда; это детская иллюзия, необходимая для самоуважения. Не может быть никакого сомнения в том, что врач, прикрывающий недостаток своих знаний и способностей возросшей самоуверенностью, никогда не сможет анализировать, ибо в таком случае он будет вынужден признать истину о себе и станет невозможным в собственных глазах.

[157] Следовательно, тем более ценно, когда известный ученый, такой как Мортон Принс, смело берется за проблему и пытается решить ее по-своему. Мы готовы в любое время выслушать возражения, вытекающие из честных трудов такого рода. У нас нет ответа только для тех, кто боится настоя-

---

[1] Те, кто так поступил, открыто встали на сторону Фрейда. Иссерлин же, напротив, ограничился априорной критикой метода, не обладая никакими практическими познаниями по этому вопросу. Блейлер сделал все возможное, учитывая обстоятельства, чтобы дать ему надлежащий ответ («Die Psychoanalyse Freuds», 1910).

щей работы и довольствуется дешевыми академическими речами. Однако прежде чем перейти к возражениям Принса, необходимо сказать несколько слов об области его исследований и полученных им — с нашей точки зрения — положительных результатах. Принс проработал шесть сновидений пациентки, способной к разным состояниям сознания и обследованной в нескольких из них. В своей работе он использовал расспросы под гипнозом, а также «свободные ассоциации». Мы узнаем, что до этого момента он уже проанализировал несколько десятков сновидений[1]. На основании своего опыта Принс приходит к заключению, что метод свободных ассоциаций «позволяет нам путем сравнительного исследования многочисленных сновидений одного и того же человека изучить всю область бессознательного и обнаружить определенные устойчивые идеи, влияющие на всю его психическую жизнь»[2]. Таким образом, используя «безумный» психоаналитический метод, американский исследователь смог выявить в царстве бессознательного нечто, ощутимо влияющее на психическую жизнь. Для него «метод» — это все-таки метод, он убежден, что существует бессознательное и все остальное, не будучи при этом каким-либо образом загипнотизированным лично Фрейдом.

[158] Далее Принс пишет, что в качестве сновидческого материала мы должны рассматривать «определенные подсознательные идеи, о которых субъект не знает» (указ. соч., стр. 150). Тем самым он признает, что источники сновидений могут лежать в бессознательном. Следующий отрывок это подтверждает: «В ходе своих исследований Фрейд пришел к гениальному открытию, что сновидения не являются бессмысленными причудами, каковыми их полагали ранее, но при интерпретации с помощью психоаналитического метода могут обнаруживать логический и вразумительный смысл.

---

1 Дабы дать читателю некоторое представление о том опыте, которым обладает психоаналитик в анализе сновидений, скажу следующее: в среднем я анализирую восемь сновидений в день. Итого, получается около двух тысяч в год. Подобные цифры, вероятно, справедливы для большинства психоаналитиков. Сам Фрейд обладает огромным опытом анализа сновидений.

2 «The Mechanism and Interpretation of Dreams», с. 145.

Этот смысл, однако, обычно скрыт в символах, значение которых может быть установлено только путем тщательного изучения предшествующих ментальных переживаний сновидца. Такое исследование требует, как я уже указывал, воскрешения всех воспоминаний, относящихся к элементам сновидения. При этом мы неизбежно приходим к выводу, что даже самый фантастический сон может выражать — пусть и символически — некую разумную идею. Мои собственные наблюдения подтверждают наблюдения Фрейда в той мере, в какой они показывают, что в каждом сновидении присутствует некий разумный *мотив*. Следовательно, сновидение может быть истолковано как выражающее некую идею или идеи, которых сновидец придерживался ранее. По крайней мере, все сновидения, которые мне довелось подвергнуть анализу до сих пор, подтверждают эту гипотезу».

[159] Таким образом, Принс допускает, что сновидения имеют смысл, что смысл скрыт в символах и что для того, чтобы обнаружить смысл, нужны воспоминания. Все это согласуется с фрейдовской интерпретацией сновидений, причем в гораздо большей степени, чем это признавали предыдущие критики. На основании некоторых наблюдений Принс также приходит к пониманию истерических симптомов как «возможных символов скрытых процессов мышления». Несмотря на взгляды, изложенные в «Истерии» Бинсвангера, которые могли бы подготовить для этого почву, данный факт до сих пор ускользает от немецких психиатров.

[160] Как я уже говорил, я начал с положительных утверждений Принса. Переходим к отклонениям и возражениям (там же, стр. 151):

«Я не могу согласиться [с точкой зрения Фрейда], что всякое сновидение может быть истолковано как “воображаемое исполнение желания”. То, что некоторые сновидения могут быть признаны осуществлением желания, не вызывает сомнений, но что таковы все сновидения или большинство из них, я не смог подтвердить, даже подвергнув индивида самому исчерпывающему анализу. Напротив, я нахожу, что определенные сны представляют собой выражение неосуществления желания; в некоторых исполняется страх или тревога».

[161] В этом отрывке мы имеем все, что Принс не может принять. Следует добавить, что само желание часто кажется ему не «вытесненным» и не таким бессознательным или важным, как это предполагает Фрейд. Стало быть, Принс отвергает теорию Фрейда о том, что подлинным источником сновидения является осуществленное в нем вытесненное желание, ибо ничего подобного в своем материале он не видит. Что ж, по крайней мере, он пытался это увидеть и счел теорию достойной тщательной проверки, чего определенно нельзя сказать в отношении многих наших критиков. (Я-то думал, что эта процедура — неписаный закон академической порядочности.) К счастью, Принс предоставил нам материал, на основе которого он делал свои выводы. Таким образом, мы можем сопоставить наш опыт с его опытом и в то же время найти причины тех или иных расхождений. Он проявил большое мужество, раскрыв свои карты столь похвальным образом, ибо теперь у нас есть возможность открыто сравнить наши взгляды, что будет поучительно во всех отношениях.

[162] Чтобы понять, каким образом Принс сумел разглядеть только формальный, но не динамический элемент сновидений, необходимо рассмотреть его материал более подробно. Из различных указаний, содержащихся в этом материале, можно заключить, что сновидица была дамой позднего среднего возраста. У нее был взрослый сын, который где-то учился; что касается супружеской жизни, то, по всей видимости, она была несчастлива в браке или разведена (возможно, они с мужем жили порознь). В течение нескольких лет она страдала истерической диссоциацией личности и, как мы видим, питала регрессивные фантазии о двух более ранних любовных романах, на которые автор, очевидно из-за чопорности публики, вынужден только намекнуть. Ему удалось избавить пациентку от диссоциации на восемнадцать месяцев, но теперь, похоже, ее состояние снова ухудшилось: она оставалась крайне зависимой от психоаналитика, тогда как он находил это столь утомительным, что дважды порывался отправить ее к коллеге.

[163] Здесь мы имеем явный неаналитический и непризнанный перенос, который, как мы знаем, состоит в привязке эро-

тических фантазий пациента к аналитику. Шесть сновидений — иллюстративный фрагмент борьбы аналитика с переносом больной.

[164] *Сновидение 1:* С. [сновидческое эго пациентки] увидела старую женщину, очевидно *еврейку*. Она держала в руках *бутылку* и *стакан* и, казалось, пила *виски*; затем эта женщина превратилась в ее *мать*, которая держала бутылку и стакан и тоже пила виски; тут дверь открылась, и появился ее *отец*. На нем был *халат ее мужа*, а в руке он держал две *деревянные палки*. [Там же, стр. 147 и далее.]

[165] На основании обширного и совершенно убедительного материала[1] Принс обнаружил, что больная рассматривала искушение выпить, а также искушения «бедных людей» вообще, как нечто вполне понятное. Она сама иногда выпивала по вечерам немного виски, и ее мать тоже. Но в этом могло быть что-то неправильное. «Таким образом, сцена сновидения является символическим представлением и оправданием ее собственных убеждений и отвечает на сомнения и угрызения совести, которые терзают ее разум» (там же, стр. 154). Вторая часть сновидения, о палках, по мнению Принса, является своего рода осуществлением желания, однако он замечает, что это ничего нам не говорит, ибо накануне вечером пациентка заказывала дрова. Несмотря на затраченные усилия (восемь страниц печатного текста), сновидение не было проанализировано достаточно тщательно, так как два наиболее важных элемента — виски и палки — остаются без анализа. Если бы автор проследил за этими «искушениями», то вскоре обнаружил бы, что угрызения совести пациентки имеют гораздо более серьезную природу, нежели ложка виски и две вязанки дров. Почему отец, который входит, конденсируется с мужем? Как можно объяснить еврейку иначе, чем воспоминаниями о предыдущем дне? Почему эти две палки важны и почему их держит отец? И так далее. Сновидение не было проанализировано надлежащим образом. К несчастью, для психоаналитика его значение очевидно. Оно ясно говорит: «Если

---

[1] Для опытного аналитика сновидение само по себе настолько ясно, что может быть прочитано непосредственно.

бы я была бедной еврейкой, которую видела накануне, я бы не устояла перед искушением (как не устояли бы мать и отец — типичное инфантильное сравнение!), а потом в мою комнату вошел бы мужчина с дровами — естественно, чтобы согреть меня». Вкратце, таков смысл. Сновидение содержит все это, только автор остановился слишком рано. Надеюсь, он простит меня за то, что я нескромно распахнул тактично закрытую дверь и ясно показал, какого рода «невидимые» желания скрываются за общепринятой сдержанностью и медицинской слепотой в вопросах секса.

[166] *Сновидение 2*: Холм — она с трудом взбиралась на крутой холм; при этом у нее было четкое ощущение, что за ней следует кто-то или что-то. Она сказала: «*Я не должна показывать, что напугана, иначе эта штука схватит меня*». Поднявшись выше, она очутилась в месте, где было светлее, и увидела две тучи или *тени*, черную и красную. Она воскликнула: «Боже мой, это *А и Б*! Если мне не помогут, я пропала» (она имела в виду, что снова изменится — то есть снова впадет в состояние диссоциации.) Она начала звать: «Доктор Принс! Доктор Принс!» Вы засмеялись и сказали: «Вам придется самой бороться с этой проклятой штукой». На этом она проснулась, *парализованная* страхом. [Там же, стр. 156.]

[167] Поскольку сновидение очень простое, мы можем обойтись без дополнительного аналитического материала. Но Принс не видит в этом сне осуществления желания; напротив, он видит в нем «осуществление страха». Он совершает фундаментальную ошибку, снова смешивая явное, манифестное содержание с бессознательной мыслью сновидения. Справедливости ради следует отметить, что в данном случае повторение ошибки было тем более простительно, что решающая фраза («Вам придется самой бороться с этой проклятой штукой») действительно весьма неоднозначна и обманчива. Столь же двусмысленным является высказывание «Я не должна показывать, что напугана», которое, как сообщает Принс, относится к мысли о рецидиве болезни, поскольку пациентка *боялась* рецидива.

[168] Но что значит «напугана»? Мы знаем, что пациентке гораздо удобнее болеть, ибо у выздоровления есть один большой минус: потеря аналитика. Болезнь как бы резервирует

аналитика для ее нужд. Благодаря своей необычной болезни пациентка, очевидно, вызывала у аналитика большой интерес и беззастенчиво пользовалась его терпением. Ей, конечно, вовсе не хочется отказываться от этих стимулирующих отношений. По этой причине она боится выздоровления и втайне надеется, что с ней случится нечто странное и чудесное, что возродит любопытство аналитика. Естественно, она сделает все, лишь бы не признаваться, что у нее действительно есть такие желания. Но мы должны привыкнуть к мысли, что в психологии есть вещи, которые пациент одновременно знает и не знает. Часто можно показать, что вещи, которые кажутся совершенно бессознательными, в другой связи полностью осознаются и уже известны, хотя и не в их истинном значении. Таким образом, подлинное значение желания, которое пациентка не могла признать, не было непосредственно доступно ее сознанию. Поэтому мы называем это истинное значение неосознанным, или «вытесненным». В своей грубой форме — «Мне нужны симптомы, чтобы вновь пробудить интерес аналитика» — оно не может быть принято, ибо слишком болезненно; однако на заднем плане вполне могут быть различимы некоторые ассоциации и полузадушенные желания, например воспоминания о времени, когда анализ был так интересен, и т.д.

[169] Стало быть, фраза «Я не должна показывать, что напугана» на самом деле означает: «Я не должна показывать, что хочу рецидива; хорошее самочувствие — это слишком сложно». «Если мне не помогут, я пропала» означает: «Я надеюсь, что меня не вылечат слишком быстро». Наконец, приходит осуществление желания: «Вам придется самой бороться с этой проклятой штукой». Пациентка держится хорошо только из любви к аналитику. Если он бросит ее в беде, у нее произойдет рецидив, и это будет его вина. С другой стороны, если у нее случится рецидив, она вновь потребует его внимания, и в этом смысл всего маневра. Для сновидений абсолютно типично, что осуществление желания всегда обнаруживается там, где это кажется совершенно невозможным сознательному разуму. Боязнь рецидива — это символ, который нуждается в анализе, но автор забывает об этом: вместо того чтобы скептически исследовать его подлин-

ность, он принимает страх, как виски и палки, за чистую монету. Превосходный труд его коллеги Эрнеста Джонса «О ночных кошмарах»* мог бы дать ему некоторое представление об элементе желания в подобных страхах. Но, как я знаю из собственного опыта, новичку трудно удержать в сознании все психоаналитические правила.

[170] *Сновидение 3*: Она с трудом шла по каменистой тропе в духе Уоттса[1]. Камни ранили ее босые ноги. Она была плохо одета и замерзла. Потом она увидела вас и обратилась с мольбой о помощи, но вы ответили ей: «Я не могу помочь вам, вы должны помочь себе сами». Она сказала: «Я не могу, не могу». «Но вы должны. Посмотрим, смогу ли я вбить вам это в голову». С этими словами вы взяли камень и стали бить ее по голове, приговаривая: «Не нужно меня беспокоить, не нужно меня беспокоить». Каждый удар ложился тяжким грузом ей на сердце. Она проснулась, и я увидела, как вы стучите камнем; вы выглядели сердитым. [Там же, стр. 159.]

[171] Принс снова воспринимает сновидение буквально и видит в нем лишь «неисполнение желания». Следует еще раз подчеркнуть, что Фрейд прямо говорит: *истинные мысли сновидения не тождественны его манифестному содержанию*. Принс не обнаружил истинной мысли сновидения просто потому, что придерживался формулировки сна. Разумеется, всегда рискованно вмешиваться, не зная материала; можно совершить огромную ошибку. Впрочем, материала, выявленного автором, может оказаться вполне достаточно, чтобы приоткрыть завесу над скрытой мыслью этого сна. (Всякий опытный психоаналитик, естественно, уже давно догадался о смысле сновидения, ибо оно совершенно ясно.)

[172] Сновидение строится на следующих переживаниях. Накануне утром пациентка обратилась к автору с просьбой о медицинской помощи и получила по телефону ответ: «Сегодня я не могу приехать к вам. У меня расписан весь день до самого вечера. Я пришлю доктора У., вы не должны за-

---

* [Первое издание 1910.]

1 См. сновидение 5. — *Примеч. авт.* Уоттс — британский художник Дж. Ф. Уоттс, который прославился аллегорическими полотнами, где эмоции и желания изображались посредством универсального языка символов. К числу таких символов относится и тропа. — *Примеч. ред.*

висеть от меня» (там же, стр. 160). Это безошибочный намек на то, что время аналитика принадлежит и другим. Неутешительное прозрение! Пациентка заметила: «Я ничего не говорила об этом, но у меня выдалась нелегкая ночь». Таким образом, ей пришлось смириться с горькой правдой. Психоаналитик сделал нечто болезненное, что она понимала разумом — но не сердцем. Перед сном она подумала: «Я не должна беспокоить его; думаю, рано или поздно я вобью себе это в голову» (стр. 161). (Во сне это вбивается ей в голову в буквальном смысле.) «Если бы мое сердце не было подобно *камню*, я бы заплакала». (Ее били камнем.)

[173] Как и в предыдущем сновидении, утверждается, что аналитик больше не будет ей помогать; свое решение он вбивает ей в голову камнем, отчего на сердце у нее становится тяжело. Таким образом, в манифестном содержании сновидения ясно отражена ситуация, сложившаяся в тот вечер. В таких случаях мы стараемся найти новый элемент, добавленный к обстоятельствам предыдущего дня; в этот момент мы можем проникнуть в реальный смысл сновидения. Решение аналитика больше не лечить пациентку причиняет боль, но во сне ее лечат, хотя новым и весьма примечательным способом. Когда психоаналитик вбивает ей в голову, что устал от ее болтовни, он делает это так настойчиво, что психотерапия превращается в чрезвычайно интенсивную форму физического лечения или пытки. Это исполняет желание, которое слишком скандально, чтобы быть признанным при свете дня, хотя в его основе лежит очень естественная и простая мысль. Народному юмору и злым языкам, вскрывшим тайны исповедальни и смотровой, прекрасно о ней известно[1]. Мефистофель в своей знаменитой речи о медицине* тоже о ней догадался. Это одна из тех вечных мыслей, о которых никто не знает, но которые есть у всех.

---

[1] Анализ по слухам. См. выше работу «Вклад в психологию слухов».

* Особенно ж всегда умейте к дамам
Подделаться их вечный «ох» да «ах»
Во всех его бесчисленных тонах
Лечите все одним, все тем же самым;
Тут стоит такта чуточку иметь —
И, смотришь, все попались в вашу сеть.

Гете И. В. Фауст, ч. I

[174] Когда пациентка проснулась, то увидела, что аналитик все еще выполняет это движение: стучит* камнем. Назвать действие во второй раз — значит придать ему особое значение[1]. Как и в предыдущем сновидении, исполнение желания заключено в величайшем разочаровании.

[175] Некоторые, безусловно, возразят, что я, как это принято во фрейдистской школе, привношу в сновидение свои собственные извращенные фантазии. Возможно, мой уважаемый коллега, автор, будет возмущен тем, что я приписываю его пациентке такие нечистые мысли, или, по крайней мере, сочтет совершенно неоправданным делать столь далеко идущие выводы из имеющихся скудных намеков. Я сознаю, что мои выводы, рассматриваемые с точки зрения вчерашней науки, выглядят почти фривольными. Однако сотни параллельных наблюдений показали мне, что вышеприведенных данных вполне достаточно, чтобы оправдать мое заключение, причем с уверенностью, отвечающей самым строгим требованиям. Те, кто не имеет опыта психоанализа, не могут себе представить, насколько вероятно наличие эротического желания и насколько маловероятно его отсутствие. Последняя иллюзия, естественно, обусловлена, с одной стороны, нравственной сексуальной слепотой, а с другой — ошибочным воззрением, будто сознание и есть вся психика. Это, разумеется, не относится к нашему уважаемому автору. Посему я прошу читателя: никакого морального возмущения, только спокойная проверка. Вот из чего создается наука, а вовсе не из воплей негодования, насмешек, оскорблений и угроз. Истинный ученый не пользуется оружием, которое применяют против нас представители немецкой науки.

[176] На самом деле автору надлежало представить весь промежуточный материал, который позволил бы окончательно установить эротический смысл сновидения. Хотя он не сделал этого, все необходимое косвенно сказано в последующих сновидениях, так что вышеупомянутое заключение

---

* В оригинале использован глагол *zu stoßen* со значением «бить, ударять». — *Примеч. пер.*

[1] Ср.: «Вклад в психологию слухов», абз. 106.

отнюдь не стоит особняком, но, напротив, оказывается важным звеном в последовательной цепи.

[177] *Сновидение 4*: [Незадолго до последнего сна субъекту] приснилось, что она находится в большом *бальном зале*, где все было очень *красиво*. Неожиданно к ней подошел мужчина и спросил: «Кто вас сопровождает?» Она ответила: «Я *одна*». Тогда он сказал: «Вы не можете остаться здесь, нам не нужны *одинокие женщины*». В следующей сцене она была в *театре* и уже собиралась сесть, когда кто-то подошел к ней и сказал то же самое: «Вы не можете остаться здесь, нам не нужны *одинокие женщины*». Потом она побывала во множестве разных мест, но отовсюду ей приходилось уходить, потому что она была *одна*. Затем она оказалась на улице; в толпе она увидела своего мужа и бросилась к нему. Подойдя совсем близко, она увидела... [то, что мы можем истолковать как символическую репрезентацию счастья, сообщает Принс.] Потом ее охватили тошнота и головокружение, и она подумала, что там ей тоже нет места. [Там же, стр. 162.]

[178] Пробел в сновидении — похвальное проявление такта, которое, безусловно, понравится чопорному читателю, но это не наука. Наука не допускает подобных соображений приличия. В данном случае речь идет о том, верна ли оклеветанная теория сновидений Фрейда, а не о том, приятно ли звучат пересказы сновидений для незрелых ушей. Разве мыслимо, чтобы из соображений приличия гинеколог исключил изображение женских половых органов из учебника акушерства? На стр. 164 мы читаем: «Анализ этой сцены вскрыл бы слишком интимные подробности ее жизни, чтобы оправдать наше вторжение в нее». Неужели автор действительно полагает, что в этих обстоятельствах имеет какое-либо научное право говорить о психоаналитической теории сновидений, если из чувства такта утаивает важный материал? Делая сновидение своей пациентки достоянием гласности, он самым вопиющим образом нарушает конфиденциальность, ибо каждый аналитик сразу увидит его значение: то, что сновидица инстинктивно прячет глубже всего, громче всего кричит из бессознательного. Для того, кто умеет читать сновидческие символы, все предосторожности

напрасны — истина выплывет наружу. Посему мы просим автора: если он не хочет в следующий раз раздеть своего пациента догола, впредь выбирать случаи, о которых он может рассказать все.

[179] Несмотря на проявленный врачебный такт, этот сон, в котором Принс не видит осуществления желания, доступен пониманию. Конец сновидения выдает яростное сопротивление пациентки сексуальным отношениям с мужем. Все остальное — это осуществление желания: она становится «одинокой женщиной», которая в социальном плане несколько выходит за рамки нормы. Чувство одиночества («она чувствует, что больше не может быть одна, что ей нужна компания») вполне уместно разрешается этой двусмысленной ситуацией: есть «одинокие женщины», которые не так одиноки, как кажется, хотя, конечно, их не везде терпят. Это исполнение желания, естественно, встречает сильнейшее сопротивление, пока не выясняется, что, как говорит пословица, на безрыбье и рак рыба. Это в высшей степени верно и в отношении либидо. Это решение, столь неприемлемое для сознательного разума, кажется вполне приемлемым для бессознательного. Необходимо знать психологию невроза этого возраста; вообще, психоанализ требует, чтобы мы принимали людей такими, какие они есть на самом деле, а не такими, какими они хотят казаться. Поскольку подавляющее большинство людей хотят быть тем, кем они не являются, и потому отождествляют себя с сознательным или бессознательным идеалом, индивид с самого начала ослеплен массовым внушением, не говоря уже о том, что воображает себя вовсе не таким, какой он есть на самом деле. Этот принцип имеет одну особенность: он справедлив для всех, но только не для того, к кому применяется.

[180] Историческое и общее значение этого факта я изложил в одной из своих предыдущих работ*, так что обсуждать его здесь нет никакой необходимости. Замечу только, что для практики психоанализа необходимо подвергнуть свои этические концепции тотальному пересмотру. Это требование

* См.: «Символы трансформации».

объясняет, почему серьезно настроенному человеку психоанализ становится понятным лишь постепенно и с большим трудом. Чтобы понять смысл метода, требуются не только интеллектуальные, но в еще большей степени нравственные усилия, ибо под скромным названием «психоанализ» кроется не просто медицинский метод вроде вибромассажа или гипноза, а нечто гораздо более широкое.

[181] *Сновидение 5.* Ей снилось, будто она с трудом (как всегда во сне) шла по темной, мрачной, каменистой тропе. Неожиданно повсюду появились кошки. Она в ужасе развернулась, чтобы идти назад, но тут на ее пути возникло страшное существо, похожее на лесного человека. Его волосы свисали на лицо и шею; он был завернут в какую-то шкуру, а в руке держал дубину. Позади него стояли сотни таких же людей. Итак, впереди были кошки, а позади — дикари. Человек сказал ей, что она должна пройти через всех этих кошек и что если она издаст хоть один звук, они набросятся на нее и задушат. Если же она пройдет молча, то никогда больше не будет сожалеть о прошлом... [далее следуют упоминания некоторых конкретных вопросов, включавших две особые системы идей, известные как комплексы Z и Y, добавляет автор]. Она поняла, что должна выбрать между смертью и кошками, и выбрала кошек. Во сне ей, конечно же, приходилось наступать на кошек (субъект здесь дрожит и содрогается). Ужас от осознания того, что все они набросятся на нее, если она закричит, заставлял ее делать над собой такие усилия, что мышцы ее горла сократились («Они действительно сократились, я чувствовал их», — говорит Принс). Она бесшумно пробралась между кошками, а потом увидела свою мать. Она протянула к ней руки и хотела сказать: «О мама!» — но не могла говорить. Она проснулась в холодном поту, чувствуя тошноту, страх и усталость. Позже она попыталась заговорить, но могла только шептать. [Там же, стр. 164. В сноске сказано: «Она проснулась с полной афонией, которая сохранялась до тех пор, пока не была устранена соответствующим внушением».]

[182] Принс рассматривает этот сон отчасти как исполнение желания, потому что сновидица все-таки прошла между кошками. Но он думает: «Сновидение кажется преимуще-

ственно символической репрезентацией ее понятия о жизни вообще и о нравственных предписаниях, которые она старалась внушить себе и которым пыталась следовать, дабы обрести счастье» (там же, стр. 168).

[183] Это не является подлинным значением сновидения, как может видеть всякий, кто знает хоть что-нибудь о сновидениях. Сновидение вообще не проанализировано. Нам просто говорят, что пациентка страдает навязчивой боязнью кошек. Что это значит, не рассматривается, равно как и тот факт, что во сне она фактически *наступала* на кошек. Аналогичным образом мы не находим никакого анализа дикаря, одетого в шкуру, самой шкуры и дубинки. Эротические реминисценции Z и Y не описаны. Значение афонии не анализируется. Более или менее проанализирована только каменистая тропа в начале сновидения: она взята из картины Уоттса «Любовь и жизнь». Женская фигура (Жизнь) устало бредет по каменистой тропе, сопровождаемая фигурой Любви. Первоначальный образ в сновидении точно соответствует этой картине, «за минусом фигуры Любви», как замечает Принс. Вместо этого есть кошки. Это означает, что кошки символизируют любовь. Принс этого не увидел; если бы он читал соответствующую литературу, то обнаружил бы в одной из моих ранних публикаций подробный разбор проблемы кошачьей фобии[1]. На основании приведенного мной материала и вытекающих из него выводов он смог бы правильно истолковать данное сновидение и боязнь кошек.

[184] В остальном сновидение является типичным тревожным сновидением, которое, следовательно, *должно* рассматриваться с точки зрения сексуальной теории, если только Принс не сумеет доказать нам, что сексуальная теория тревоги неверна. Ввиду полного отсутствия какого-либо анализа я воздерживаюсь от дальнейшего обсуждения сновидения, смысл которого в действительности очевиден. Я бы только отметил, что пациентке удалось вызвать симптом (афонию), который привлек интерес аналитика, как она и предполагала. Разумеется, нельзя критиковать теорию

[1] [«Assoziation, Traum und Hysterisches Symptom».]

сновидений на основании анализов, которые в действительности не были проведены; это прерогатива наших немецких критиков.

[185] *Сновидение 6*: В последующие ночи данный сон повторялся дважды. Ей снилось, что она идет по той же каменистой, темной тропе, по которой ходит всегда, — тропе с картины Уоттса. Однако на этот раз рядом росли деревья (всегда есть деревья, или склон холма, или каньон). Был сильный *ветер*. Как обычно во сне, каждый шаг давался ей с большим трудом. Внезапно мимо нее пронеслась какая-то *фигура*. Закрывая глаза рукой, фигура сказала: «*Не смотри, а то ослепнешь*». Она стояла у входа в большую пещеру; внезапно в пещере *вспыхнул свет*, и там, внизу, на земле, лежали вы. Вы были *связаны по рукам и ногам* какими-то путами. Ваша одежда была рваной и грязной, а лицо — залито кровью. Очевидно, вы испытывали ужасные страдания. По вашему телу сновали сотни гномов, пигмеев или лилипутов, и они *мучили вас*. У одних были топорики, которые они вонзали вам в руки и ноги, у других — крошечные пилы. Сотни гномов тыкали в вас маленькие штуковины, похожие на благовонные палочки, но покороче, с раскаленными докрасна концами. Вы были похожи на Гулливера, по которому бегали лилипуты. Вы увидели С. и сказали: «О, миссис С., ради бога, вытащите меня из этой проклятой дыры». (Вы всегда сквернословите во снах С.). Она была в ужасе и сказала: «Да-да, доктор Принс, я иду», но *не могла пошевелиться*; а потом все это исчезло, все стало черным, как будто она *ослепла*. Вскоре свет вспыхнул снова и осветил пещеру, и она снова могла видеть. Так произошло три или четыре раза. Она все повторяла: «Я иду, я иду» — и *пыталась сделать шаг*. С этими словами она и проснулась. При пробуждении она *не могла пошевелиться и ничего не видела*. [Там же, стр. 170.]

[186] Автор не сообщает подробностей анализа этого сновидения, «дабы не утомлять читателя», и приводит только следующее резюме: «Сновидение представляется символическим отражением представлений субъекта о жизни (каменистая тропа), страха перед будущим, смотреть в которое, по ее словам, она страшилась годами; а также чувства, что

будущее “слепо” в том смысле, что она “ничего не видит впереди”. Особое место в сновидении занимает мысль, что пациентка будет подавлена, “потеряна”, “сметена”, если заглянет в это будущее. Следовательно, она *не должна смотреть*. И все же в жизни бывают моменты, когда она четко осознает свое будущее; например, во сне она все-таки смотрит в пещеру (будущее). При вспышке света приходит осознание — она видит своего сына (подвергшегося метаморфозе через замещение другим человеком), которого мучают и сковывают (связывают) нравственные “уколы” жизни. Затем следует символическое представление (паралич) ее полной “беспомощности”: она не в состоянии ни помочь ему (или другому человеку), ни изменить условия собственной жизни. Наконец, наступают предсказанные последствия этого осознания. Ее одолевает слепота, и в этой степени сон является осуществлением страха». [Там же, стр. 171.]

[187] В заключение автор пишет: «В этом сновидении, как и в других, мы не находим никаких «неприемлемых» и «вытесненных желаний», никакого «конфликта» с «подвергнувшимися цензуре мыслями», никакого «компромисса», никакого «сопротивления» и никакой «маскировки», призванных обмануть сновидицу, т.е. ни одного из тех элементов и процессов, которые Фрейд и его школа психологии полагают фундаментальными» (стр. 173).

[188] Из этого утверждения в первую очередь следует вычеркнуть слова «как и в других», ибо другие сновидения анализируются настолько неадекватно, что автор не имеет права выносить такое суждение на основании предшествующих «анализов». Обоснованием подобному выводу может послужить разве что последнее сновидение. Рассмотрим его более подробно.

[189] Мы не станем задерживаться на постоянно повторяющемся символе картины Уоттса, в которой фигура Любви отсутствует и в сновидении 5 заменена кошками. Здесь ее заменяет фигура, предупреждающая сновидицу, чтобы она не смотрела, иначе «ослепнет». Далее появляется еще один весьма примечательный образ: аналитик в порванной, грязной одежде. Его лицо окровавлено, а сам он связан по рукам

и ногам, напоминая Гулливера. Принс замечает, что в этой мучительной ситуации находится сын пациентки, но утаивает дальнейшие подробности. Откуда берутся путы, окровавленное лицо, разорванная одежда, что означает ситуация Гулливера — об этом мы ничего не знаем. Поскольку пациентка «не должна смотреть в будущее», пещера означает будущее, утверждает Принс. Но почему будущее символизируется пещерой? Автор молчит. Как получается, что сын замещается аналитиком? Принс упоминает о беспомощности пациентки по отношению к сыну и замечает, что она так же беспомощна по отношению к аналитику, ибо не знает, как выразить свою благодарность. Но это, если можно так выразиться, два совершенно разных вида беспомощности, которые отнюдь не объясняют конденсацию (сгущение) этих двух личностей. В данном случае отсутствует существенная и недвусмысленная *tertium comparationis**. Все подробности ситуации Гулливера, особенно раскаленные докрасна благовонные палочки, остаются без анализа. Кроме того, автор обходит молчанием и другой чрезвычайно важный факт, а именно адские пытки, которым подвергается сам аналитик.

[190] В сновидении 3 аналитик бьет пациентку камнем по голове. Судя по всему, здесь эта пытка получает дальнейшее развитие и перерастает в адскую фантазию мести. Без сомнения, она была придумана пациенткой и предназначалась для аналитика (а возможно, и для сына); вот что говорит сновидение. Этот факт требует тщательного анализа. Если сына действительно «мучают нравственные уколы жизни», то мы определенно желаем знать, почему во сне пациентка умножает эту пытку в сто раз, вводит сына (или аналитика) в ситуацию Гулливера, а затем помещает Гулливера в «проклятую дыру». Почему во сне аналитик обязательно сквернословит? Почему пациентка встает на место аналитика и говорит, что не может помочь, когда на самом деле все наоборот?

[191] Здесь путь ведет вниз, в ситуацию осуществления желаний. Но автор не пошел по этому пути; он либо не задал

---

* Третья часть сравнения (*лат.*), качество, которое объединяет два предмета или явления.

себе ни одного из этих вопросов, либо ответил на них слишком поверхностно. Стало быть, и этот анализ следует признать «неудовлетворительным»[1].

[192] Тем самым рушится последняя опора для критики теории сновидений. Критик должен проводить свои исследования так же тщательно, как основатель теории, и уметь объяснить, по крайней мере, основные моменты сновидения. Но в анализах автора, как мы видели, самые важные моменты отбрасываются в сторону. Психоанализ нельзя вытащить из шляпы, как кролика — сие подтвердит всякий, кто пытался это сделать; выражение *unumquemque movere lapidem** будет ближе к истине.

* * *

[193] Уже закончив работу над этим обзором, я наткнулся на критику, которую Эрнест Джонс[2] обрушил на статью Мортона Принса. Из ответа Принса мы узнаем, что он *не утверждает, что использовал психоаналитический метод*. В этом случае, как мне кажется, он вполне мог бы воздержаться от обсуждения открытий психоанализа. Его аналитические методы, как показывают вышеприведенные примеры, настолько лишены научной основательности, что выводы, к которым он приходит, не дают ни малейших оснований для сколько-нибудь серьезной критики фрейдовской теории сновидений. Остальные его замечания, включая признание, что он никогда не сможет разделить взгляды психоаналитической школы, отбивают у меня всякую охоту не только и далее пытаться растолковать ему проблемы психологии сновидений, но и обсуждать его ответ Джонсу. Я ограничусь лишь выражением искреннего сожаления по поводу того, что столь видный ученый опустился до отрицания научной подготовки и научного мышления своих оппонентов.

---

1 Сновидение представляет собой типичную фантазию о мести за отвергнутую любовь и содержит в сцене пытки (как и в сцене избиения) безграничную благодарность пациентки. Отсюда и таинственная сцена в пещере, которая настолько скандальна, что при виде ее она слепнет. Доказательство этому можно найти в деталях эпизода в пещере.

* Перевернуть каждый камень (*лат.*).

2 «Remarks on Dr. Morton Prince's article, "The Mechanism and Interpretation of Dreams"» (1910–1911).

VII

О критике психоанализа

Zur Kritik über Psychoanalyse // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen II (Вена / Лейпциг, 1910), 743–746.

О КРИТИКЕ ПСИХОАНАЛИЗА

[194] Психоаналитику хорошо известен тот факт, что понимание природы и рациональной основы психоанализа не требует особых интеллектуальных усилий и доступно даже малообразованному обывателю. То же самое справедливо и в отношении образованных людей, будь то ученые, предприниматели, журналисты, художники или учителя. Все они способны понять принципы психоанализа. Они также отлично понимают, почему психоанализ не может быть изложен столь же убедительно, как математическое утверждение. Всякий здравомыслящий человек знает, что психологическое доказательство неизбежно будет отличаться от физического и что каждая отрасль науки может предложить только те доказательства, которые соответствуют ее материалу. Было бы интересно узнать, эмпирических доказательств какого рода ждут наши критики, если не доказательств на основе эмпирических фактов. Существуют ли эти факты? Мы приводим наши наблюдения. Однако критики просто говорят: «Нет». Что же тогда мы можем предложить, если наши фактические наблюдения категорически отрицаются? При таких обстоятельствах разумно ожидать, что наши оппоненты изучат неврозы и психозы так же тщательно, как это сделали мы (совершенно независимо от метода психоанализа), и приведут факты принципиально иного рода относительно их психологической детерминации. Мы ждали этого более десяти лет. Мало того, судьба распорядилась так, что все исследователи в этой области, которые трудились независимо от первооткрывателя новой теории, но столь же увлеченно, пришли к тем же результатам, что и Фрейд; и что те, кто нашел время и силы приобрести не-

обходимые знания под руководством психоаналитика, поняли эти результаты.

[195] В целом мы должны ожидать самого яростного сопротивления со стороны медиков и психологов, главным образом из-за научных предрассудков, основанных на ином образе мышления, которого они упорно придерживаются. Наши критики, в отличие от предыдущих, существенно продвинулись вперед, коль скоро стараются быть более серьезными и более сдержанными в своих высказываниях. Однако все они совершают ошибку, критикуя психоаналитический метод так, как если бы он опирался на априорные принципы, тогда как в действительности он носит сугубо эмпирический характер и абсолютно лишен какой-либо окончательной теоретической основы. Насколько нам известно, это просто самый быстрый способ обнаружить факты, которые имеют значение для нашей психологии, но которые, как показывает история психоанализа, также могут быть обнаружены другими, более трудоемкими и сложными способами. Разумеется, мы были бы счастливы, если бы располагали аналитической техникой, которая вела бы к цели еще быстрее, чем нынешний метод. Однако, упрямо оспаривая наши открытия, критики едва ли помогут нам найти более подходящий прием — прием, который лучше бы отвечал предположениям современной психологии. До тех пор, пока вопрос о фактах не будет решен, всякую критику психоаналитического метода следует считать безосновательной, ибо о главных тайнах ассоциативного процесса наши оппоненты знают так же мало, как и мы. Каждому мыслящему человеку должно быть очевидно, что эмпирические факты — единственное, что имеет значение. Если критика ограничивается только методом, то в один прекрасный день она легко может прийти к отрицанию существования фактов на том лишь основании, что методу их обнаружения присущи определенные теоретические недостатки. Придерживаясь подобной точки зрения, мы возвращаемся во мрак Средневековья. В этом отношении наши критики совершают серьезную ошибку. Долг умных людей — указать на нее, ибо человеку свойственно ошибаться.

[196] Впрочем, иногда критика принимает формы, которые возбуждают живейший интерес психолога. В этом случае научные потуги критика самым удивительным образом оттесняются на задний план симптомами личного участия. Такие оппоненты вносят ценный вклад в познание скрытых личных тенденций, лежащих в основе так называемой научной критики. Мы не можем отказать себе в удовольствии сделать один такой *document humain** доступным широкой общественности.

* * *

Реферат Курта Менделя[1]
«Критический обзор фрейдистской точки зрения»

Настоящий рецензент, который прочел много работ Фрейда и его последователей и *сам испробовал психоанализ*[2], должен признать, что находит многие положения этой доктрины в высшей степени омерзительными, особенно последние дополнения, касающиеся анальной эротики и детской сексуальности. Ознакомившись с рецензируемой работой[3], он подошел к своему младшему сыну, мирно лежавшему в кроватке, и сказал следующее: «Бедный мальчик! Я думал, ты чист и невинен, но оказывается, что ты порочен и исполнен греха! С первого дня своего существования ты ведешь сексуальную жизнь (указ. соч., с. 184); ты эксгибиционист, фетишист, садист, мазохист, онанист — одним словом, ты полиморфно извращен (с. 185). Среди взрослых едва ли сыщется Дон Жуан, чьи эротические фантазии ни в чем бы не уступали продуктам твоего младенческого мозга (стр. 185). Да и как может быть иначе? Ты развращен от рождения. Твой отец пользуется репутацией необычайно аккуратного и бережливого человека, а фрейдисты говорят, что он упрям, ибо не желает полностью принять их учение. Необычайно аккуратный, бережливый и упрямый! Жертва анальной эротики, стало быть! (Ср.: Фрейд, “Charakter und Analerotik”, *Psych. — Neur. Wochenschr,* IX: 51.) Что же касается твоей мате-

---

* Человеческий документ (*фр.*).

1 *Neurologisches Centralblatt* (Лейпциг), XXIX/6 (Лейпциг, 1910).

2 Курсив мой.

3 *J. A. Haslebacher*, «Psychoneurosen und Psychoanalyse».

ри, то она тщательно убирает дом каждые четыре недели. “Уборка, и в особенности весенняя уборка, есть специфическая женская реакция на подавленную анальную эротику” (Sadger, “Analerotik und Analcharakter”, *Die Heilkunde*, 02/1910). Выходит, ты — анально-эротическая натура со стороны и отца, и матери! А совсем недавно, перед тем как лечь спать, ты не опорожнил кишечник, когда тебя сажали на горшок: ты получаешь особое удовольствие от акта дефекации и специально задерживаешь стул. Раньше в таких случаях твой отец просто говорил твоей матери: «У мальчика запор, дай ему таблетку!» Тьфу! Каким же бесстыдным извращенцем и растлителем я был! Ты больше не получишь от меня поцелуя на ночь, ибо такая ласка только возбудит твою сексуальность (стр. 191). И чтобы я больше не слышал из твоих уст вечерней молитвы: «Я мал, сердце мое чисто»[1]. Это ложь! Ты развращен и помешан на анальной эротике. Ты эксгибиционист, фетишист, садист, мазохист, онанист, полиморфный извращенец. Таков я, такова твоя мать, таков ты сам. О, несчастное дитя!»

Фрейдисты! Я неоднократно утверждал, что ваше учение позволило открыть много нового и ценного. Но, ради бога, оставьте свои безграничные преувеличения и абсурдные фантазии! Вместо каламбуров дайте нам доказательства! Вместо книг, которые читаются как комиксы, дайте нам серьезные труды! Докажите мне истинность вашего убогого и клеветнического утверждения (стр. 187): «Есть только одна форма любви, и это любовь эротическая!» Не топите наши самые священные чувства, нашу любовь и уважение к нашим родителям и нашу нежную любовь к детям в трясине ваших фантазий, прекратите приписывать нам и им грязные сексуальные мотивы! Вся ваша аргументация сводится к аксиоме: «Это сказал Фрейд, следовательно, так оно и есть». Я отвечу вам словами Гете — сына еще одной жертвы анальной эротики (Sadger, там же):

Кто философствует, тот выбрал путь плохой,
Как скот голодный, что в степи сухой
Кружит себе, злым духом обойденный,
А вкруг цветёт роскошный луг зелёный!*

---

[1] «Ich bin klein, mein Herz ist rein».

* *Гете И.* Фауст.

VIII

О психоанализе

Zur Psychoanalyse // Wissen und Leben (Цюрих; прежнее название Neue Schweizer Rundschau), V (1912), 711–714. Во вступительной редакционной заметке говорилось: «Серия статей, посвященных фрейдистским теориям и опубликованных в *Neuen Zürcher Zeitung*, свидетельствует о явном непонимании и предвзятом отношении к современной психологии со стороны широкой общественности. Поскольку все эти пылкие пререкания, по всей вероятности, не столько внесли ясность, сколько запутали читателя еще больше, мы попросили д-ра Карла Юнга сказать несколько заключительных слов, призванных снизить накал страстей».

О ПСИХОАНАЛИЗЕ

Кюснахт, 28 января 1912 г.

Уважаемый господин редактор!

[197] Благодарю за любезное предложение опубликовать на страницах вашей газеты эпилог к серии статей, недавно появившихся в «Нойе Цюрхер цайтунг». Такой эпилог мог быть написан исключительно в защиту либо научной истины, которую, как нам кажется, мы можем обнаружить в психоанализе и которая подверглась столь яростным нападкам, либо наших собственных научных качеств. Последнее выходит за рамки хорошего тона и недостойно того, кто посвятил себя служению науке. Что же касается первой цели, то она может быть осуществлена только в том случае, если дискуссия принимает объективную форму и если приводимые аргументы вытекают из тщательного анализа проблемы как с практической, так и теоретической точек зрения. В таком ключе я охотно поспорю с оппонентами, хотя предпочитаю делать это наедине; впрочем, я делал это и публично, в научном журнале*.

[198] Также я не стану отвечать на научную критику, суть которой сводится к следующему: «Метод морально опасен, следовательно, теория ошибочна», или: «Фактов, о которых говорят фрейдисты, в действительности не существует; они есть порождения больной фантазии этих так называемых исследователей, а значит метод, используемый для их выявления, логически ошибочен». Никто не может утверждать априори, что тех или иных фактов не существует. Это схоластический аргумент, и обсуждать его излишне.

---

* См. предыдущую статью.

[199] Мне противно вести пропаганду истины и защищать ее лозунгами. За исключением собраний Психоаналитического общества и Швейцарского психиатрического общества, я никогда не выступал с публичными лекциями, не будучи предварительно попрошен об этом; аналогичным образом, моя статья, опубликованная в ежегоднике «Рашерс ярбух»[1], написана исключительно по просьбе редактора Конрада Фальке. Я не навязываю себя публике. Посему я бы предпочел сейчас не выходить на арену, дабы от лица научной истины принять участие в варварской полемике. Предрассудки и почти безграничное непонимание, свойственные современному человеку, безусловно, могут препятствовать прогрессу и распространению научного знания в течение длительного времени. Вероятно, таково неизбежное следствие массовой психологии, которой мы вынуждены подчиняться. Если истина не говорит сама за себя, то это плохая истина, и лучше дать ей погибнуть. Если же это внутренняя необходимость, то она пробьется сама — без боевых кличей и воинственных маршей — в сердца всех здравомыслящих людей и таким образом станет неотъемлемым элементом нашей цивилизации.

[200] В сексуальных бестактностях, которые, к сожалению, неизбежно занимают существенное место во многих психоаналитических работах, повинен отнюдь не психоанализ. Наша в высшей степени требовательная и ответственная медицинская работа позволяет выявить эти неприятные — порой даже омерзительные — фантазии, однако самим своим существованием они обязаны, несомненно, лживости нашей сексуальной морали. Ни одному разумному человеку не нужно повторять, что психоаналитический метод воспитания состоит не только в психологических дискуссиях о сексе, но охватывает *все сферы жизни*. При этом наша цель, как я уже подчеркивал в ежегоднике «Рашерс ярбух», не в том, чтобы человек беспомощно отдался своим страстям, а в том, чтобы он обрел необходимый самоконтроль. Несмотря на все заверения в обратном с моей стороны и со стороны Фрейда, наши оппоненты хотят, чтобы мы поощ-

[1] [*Neue Bahnen der Psychologie* («Новые пути в психологии»).]

ряли «распущенность», и заявляют, что так оно и есть, независимо от того, что говорим мы сами. То же относится и к теории невроза — сексуальной теории, или теории либидо, как иногда ее называют. На протяжении многих лет в своих лекциях и в своих работах я неоднократно указывал, что понятие «либидо» следует понимать в очень общем смысле, скорее как инстинкт сохранения вида, и что на языке психоанализа оно определенно означает не «локализованное сексуальное возбуждение», но все стремления и желания, выходящие за рамки самосохранения, и что именно в этом смысле оно обычно и используется. Недавно я изложил свою позицию по этим общим вопросам в обширном труде*, однако наши оппоненты сочли, что наши взгляды так же «грубо сексуальны», как и их собственные. Любые попытки разъяснить нашу психологическую точку зрения оказываются безрезультатны, ибо наши противники всеми силами стремятся превратить эту теорию в невыразимую банальность. Я чувствую себя бессильным перед лицом столь непомерного требования. Могу лишь выразить свое искреннее огорчение по поводу того, что из-за вопиющего непонимания, путающего день с ночью, многие люди не могут воспользоваться удивительными открытиями психоанализа на благо собственного этического развития. Равным образом я сожалею и о том, что, бездумно игнорируя психоанализ, многие лишают себя возможности увидеть подлинную глубину и красоту человеческой души.

[201] Ни один здравомыслящий человек не станет обвинять научные исследования и их результаты в том, что некоторые неумелые и безответственные люди используют их в дурных целях. Какой разумный человек посмеет утверждать, что в ошибках и несовершенствах применения некоего метода, созданного на благо человечества, виноват сам метод? Что бы стало с хирургией, если бы во всех летальных исходах обвиняли ее саму? Скальпель действительно опасен, особенно в руках глупца. Никто не доверится неопытному хи-

---

* [Предположительно речь идет о работе «Метаморфозы и символы либидо», часть I которого была опубликована в *Jahrbuch* в 1911 г. Часть II, вторая глава которой посвящена понятию и генетической теории либидо, появилась в начале 1912 г.]

рургу и не станет просить цирюльника удалить аппендикс. То же самое справедливо и в отношении психоанализа. Нельзя отрицать, что существуют не только неквалифицированные психиатры, но и непрофессионалы, использующие психоанализ самым безответственным образом. Не вызывает сомнений и то, что сегодня, как, впрочем, и всегда, встречаются плохие врачи и бессовестные шарлатаны. Однако данное обстоятельство не дает нам права стричь всех под одну гребенку осуждения — всякую науку, всякий метод, всякого исследователя и всякого врача.

[202] Я искренне сожалею, что вынужден утомлять вас и читателей вашей газеты этими самоочевидными истинами, а потому спешу поставить точку. Вы должны простить меня, если моя манера изложения местами покажется вам чересчур эмоциональной; едва ли кому-нибудь по силам настолько возвыситься над общественным мнением, чтобы безболезненно реагировать на легкомысленное дискредитирование его скромных научных достижений.

С уважением и т.д., д-р Юнг

IX

Попытка изложения психоаналитической теории

[Первоначально написано на немецком языке под названием «Versuch einer Darstellung der psychoanalytischen Theorie» и переведено на английский язык для изложения в качестве серии лекций под общим названием «Theory of Psychoanalysis» на медицинском факультете Фордхемского университета (Нью-Йорк) в сентябре 1912 года. Немецкий текст был опубликован в ежегоднике *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen* (Вена и Лейпциг), V (1913) и в том же году издан в виде отдельной книги. Анализ ребенка, приведенный в последней главе, был представлен в виде доклада под названием «Über Psychoanalyse beim Kinde» на Первом международном педагогическом конгрессе в Брюсселе в августе 1911 года, а в 1912 году был напечатан в сборнике материалов Конгресса (Брюссель, 1912), II, 332–43.

Второе издание немецкого текста, без существенных изменений, увидело свет в 1955 году (Цюрих). Настоящий перевод сделан по этому изданию.]

ПОПЫТКА ИЗЛОЖЕНИЯ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Предисловие к первому изданию

В этих лекциях я попытался согласовать свой практический опыт в психоанализе с существующей теорией или, скорее, с подходами к такой теории. В сущности, это попытка изложить мое отношение к руководящим принципам, которые мой уважаемый учитель Зигмунд Фрейд выработал в течение нескольких десятилетий напряженного труда. Поскольку мое имя прочно ассоциируется с психоанализом и поскольку в течение некоторого времени я также был жертвой всеобщего осуждения этого направления в психологии, возможно, меня с удивлением спросят, как так получилось, что я только сейчас даю объяснение своей теоретической позиции. Когда около десяти лет назад я осознал, как далеко Фрейд вышел за пределы современных знаний о психопатологических явлениях, особенно психологии сложных психических процессов, я счел себя не в том положении, чтобы высказывать какую-либо конструктивную критику. Я не обладал мужеством тех ученых мужей, которые в силу своего невежества и некомпетентности полагают себя вправе выступать с «критическими» опровержениями. На мой взгляд, прежде чем осмелиться критиковать, необходимо несколько лет скромно поработать в соответствующей области. Преждевременная и поверхностная критика, безусловно, принесла свои плачевные плоды. И все же подавляющее большинство критиков, ослепленных негодованием и собственным невежеством, не попали в цель. Психоанализ продолжал беспрепятственно развиваться и не обращал внимания на ненаучную шумиху, поднявшуюся вокруг него. Как всем извест-

но, в последнее время это дерево сильно разрослось, причем не только в Европе, но и в Америке. Официальные критики добились не бóльших успехов, чем Проктофантасмист в «Фаусте», который жалуется в Вальпургиеву ночь:

> Вы здесь еще? Нет, вынести нет сил!
> Исчезните! Ведь я же разъяснил*.

Критики упустили из виду, что все сущее имеет обоснованное право на существование, и что это справедливо и в отношении психоанализа. Мы не повторим ошибки наших оппонентов и не станем ни игнорировать их существование, ни отрицать их право на существование. Однако это обязывает нас самих прибегнуть к справедливой критике, основанной на надлежащем знании фактов. Мне кажется, что психоанализ нуждается в такой оценке изнутри.

Было высказано ошибочное предположение, будто моя позиция свидетельствует о «расколе» в психоаналитическом движении. Подобные схизмы могут существовать только в вопросах веры. Психоанализ же интересует знание и его постоянно меняющиеся формулировки. В качестве руководящего принципа я принял прагматическое правило Уильяма Джеймса: «Из каждого слова вы должны извлечь его практическую наличную стоимость, должны заставить его работать в потоке вашего опыта. Оно рассматривается не столько как решение, сколько как программа для дальнейшей работы, в частности как указание на те методы, с помощью которых может быть изменена данная нам действительность. *Таким образом, теории представляют собой не ответы на загадки, — ответы, на которых мы можем успокоиться, — теории становятся орудиями*. Мы не успокаиваемся в сладкой бездеятельности на теориях, мы идем вперед и сверх того при случае изменяем с их помощью природу»**.

Точно так же моя критика проистекает не из академических рассуждений, а из опыта, который я приобрел за десять лет серьезной работы в этой области. Я сознаю, что мой собственный опыт никоим образом не может сравниться с совершенно

---

* *Гете И.* Фауст.

** Цитируется русский перевод работы У. Джеймса «Прагматизм», выполненный П. Юшкевичем.

исключительным опытом и проницательностью Фрейда, но тем не менее мне кажется, что некоторые из моих формулировок выражают наблюдаемые факты более удачно, нежели варианты, предложенные Фрейдом. Как бы то ни было, в своей преподавательской деятельности я обнаружил, что концепции, изложенные в этих лекциях, оказались весьма полезными в моих попытках дать ученикам более или менее адекватное представление о психоанализе. Я далек от того, чтобы рассматривать скромную и умеренную критику как «отпадение» или схизму; напротив, я надеюсь таким образом способствовать дальнейшему процветанию психоаналитического движения и открыть доступ к сокровищам психоаналитического знания всем тем, кто, в силу отсутствия практического опыта или определенных теоретических предубеждений, до сих пор не мог овладеть этим методом.

За возможность прочесть эти лекции я должен поблагодарить моего друга д-ра Смита Илая Джеллиффа из Нью-Йорка, который любезно пригласил меня принять участие в расширенном курсе Фордхемского университета в Нью-Йорке. Девять лекций были прочитаны в сентябре 1912 года. Я также не могу не выразить свою искреннюю благодарность д-ру Грегори из больницы Бельвью за его помощь в проведении клинических демонстраций.

Летом 1912 года, уже после завершения работы над этими лекциями, мне в руки попала книга Альфреда Адлера «Über den nervosen Character» («О нервическом характере»). Я признаю, что мы с ним пришли к схожим выводам по некоторым вопросам, однако здесь не место обсуждать это более подробно.

К. Г. Юнг

Цюрих, осень 1912 г.

Предисловие ко второму изданию

С момента появления первого издания в 1913 году прошло так много времени и произошло так много событий, что совершенно невозможно переработать такого рода книгу, порожденную давно минувшей эпохой и определенным этапом в развитии психоаналитического знания, дабы привести ее в соответ-

ствие с последними открытиями. Настоящий труд представляет собой веху на пути научных изысканий и таковым останется и впредь. Пусть он послужит напоминанием о постоянно меняющихся направлениях поиска на новой территории, границы которой даже сегодня нельзя обозначить с какой-либо определенностью, и тем самым внесет свой вклад в историю развивающейся науки. Посему я предоставляю этой книге снова поступить в печать в ее первоначальном виде и без существенных изменений.

К. Г. Юнг
Октябрь 1954 г.

1. Обзор первоначальных гипотез

Уважаемые дамы и господа!

[203] В настоящее время читать лекции по психоанализу — задача не из легких. Дело не в том, что вся эта область исследований поднимает — и в этом я абсолютно убежден — некоторые из самых сложных проблем, стоящих перед современной наукой. Даже если оставить этот факт в стороне, остаются другие серьезные трудности, значительно осложняющие изложение материала. Я не могу предложить устоявшуюся, четко сформулированную доктрину, разработанную как с практической, так и с теоретической стороны. К несчастью, психоанализ еще не достиг данной стадии развития, несмотря на все усилия, предпринятые в этом направлении. Также я не могу дать описание его формирования *ab ovo**: в вашей прогрессивной стране есть свои превосходные интерпретаторы и учителя, распространившие общие сведения о психоанализе среди научно мыслящей публики. Помимо этого, сам Фрейд, истинный первооткрыватель и основатель психоаналитического движения, не так давно читал лекции в США и лично изложил свои взгляды. Что касается меня, то я тоже уже имел честь выступать перед американской аудиторией с лекциями об экспериментальных основах теории комплексов и приме-

* От момента зарождения (*лат.*).

нении психоанализа в просветительских и воспитательных целях*.

[204] В подобных обстоятельствах неудивительно, что я боюсь повторить уже сказанное или опубликованное в научных журналах. Другая трудность, которую следует принять во внимание, состоит в том, что во многих кругах доминируют вопиющие заблуждения относительно природы психоанализа. Порой невозможно представить себе, в чем именно могут заключаться эти неверные представления. Но иногда они столь нелепы, что остается только изумляться, как человек с научным образованием мог прийти к выводам, столь далеким от реальности. Очевидно, не стоит приводить примеры этих курьезов. Лучше посвятить время и энергию обсуждению тех проблем психоанализа, которые по самой своей природе порождают непонимание.

[205] Хотя на это неоднократно указывали ранее, многие люди до сих пор не знают, что за прошедшие годы в теории психоанализа произошли значительные изменения. Те, например, кто читал только первый труд Брейера и Фрейда «Исследования истерии»**, по-прежнему убеждены, что, согласно психоанализу, истерия и неврозы вообще обязаны своим происхождением так называемым травмам раннего детства. Они продолжают бессмысленно нападать на эту теорию, не осознавая, что прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как от нее отказались и заменили другой. Данный сдвиг имеет такое большое значение для всего развития техники и теории психоанализа, что его следует рассмотреть более подробно. Дабы не утомлять вас случаями из практики, ныне общеизвестными, я ограничусь ссылками на клинический материал, приведенный в книге Брейера и Фрейда, которая, как я смею предположить, знакома вам в ее английском переводе. Вы, вероятно, читали про случай Брейера, на который Фрейд ссылался в своих лекциях в Университете Кларка***, и обнаружили, что истерический симптом возник не из какого-то неизвестного анатомического

---

* [Кларковские лекции. См. прим. к абз. 154.]

** [Впервые опубликовано в 1895 г.]

*** О психоанализе. Пять лекций.

источника, как предполагалось ранее, а из определенных психических переживаний эмоциональной природы, называемых травмами или психическими ранами. Сегодня каждый внимательный наблюдатель истерии, я уверен, может подтвердить на собственной практике, что болезнь в самом деле часто уходит своими корнями именно в эти болезненные и мучительные события. Эта истина была известна еще древним врачам.

[206] Однако, насколько я знаю, именно Шарко — вероятно, под влиянием теории Пейджа о «нервном шоке»*, — дал этому наблюдению теоретическое обоснование. Опыт работы с новой техникой гипноза подсказывал ему, что истерические симптомы могут быть вызваны и устранены с помощью внушения. Шарко полагал, что нечто подобное можно наблюдать и в участившихся приступах истерии, вызванной несчастными случаями. Травматический шок был в некотором смысле сравним с гипнозом, поскольку порожденная им эмоция вызывала преходящий паралич воли, во время которого травма могла закрепиться как самовнушение.

[207] Данная концепция заложила основы теории психогенеза. Дальнейшие этиологические исследования должны были прояснить, задействован ли тот же или подобный механизм в случаях истерии нетравматического происхождения. Этот пробел в знаниях удалось заполнить благодаря открытиям Брейера и Фрейда. Они показали, что даже в случаях обычной истерии, которые нельзя отнести к категории травматически обусловленных, можно обнаружить тот же травматический элемент и что он, по-видимому, имеет этиологическое значение. Таким образом, для Фрейда, как ученика Шарко, было вполне естественно видеть в этом наблюдении подтверждение взглядов своего учителя. Следовательно, теория, выработанная главным образом Фрейдом на основании собранных на тот момент данных, несла на себе отпечаток травматической этиологии. Посему ее вполне уместно было назвать теорией травмы.

---

* Вероятно, речь идет о Герберте У. Пейдже, британском психиатре, который опубликовал несколько трудов на эту тему; см. Библиографию.

[208] Новым в этой теории, помимо тщательности анализа истерических симптомов, предпринятого Фрейдом, явился отказ от концепции самовнушения, представлявшей собой динамический элемент первоначальной гипотезы, в пользу более детальной концепции психологических и психофизических эффектов, вызванных шоком. Шок или травма порождают возбуждение, от которого при нормальных условиях избавляются путем «абреакции». Однако при истерии от травмы освобождаются не полностью, что приводит к «задержке возбуждения» или «блокировке аффекта». Энергия возбуждения, всегда доступная *in potentia*,* преобразуется в физические симптомы посредством механизма конверсии. Согласно этой точке зрения, задача терапии состояла в том, чтобы разрядить накопленное возбуждение и тем самым высвободить вытесненные и конвертированные аффекты. По этой причине данный метод получил меткое название «очищающего», или «катартического»; его целью было вызвать «абреакцию» заблокированных аффектов. Таким образом, данная стадия анализа была весьма тесно связана с симптомами — их анализировали или отталкивались от них в начале анализа, что, безусловно, сильно отличалось от психоаналитической техники, используемой сегодня. Катартический метод и теория, на которой он основан, как вы знаете, были переняты другими, интересующимися психоанализом специалистами, а также получили положительные отзывы в учебниках.

[209] Хотя открытия Брейера и Фрейда, несомненно, верны по существу, что легко доказывает любой случай истерии, против теории травмы, тем не менее, можно выдвинуть несколько возражений. Метод Брейера—Фрейда с удивительной ясностью показывает ретроспективную связь между текущим симптомом и травматическим переживанием, а также психологические последствия, которые, по-видимому, неизбежно вытекают из первоначальной травматической ситуации. Однако *этиологическое* значение травмы вызывает определенные сомнения. Во-первых, гипотеза, согласно которой невроз со всеми его осложнениями может быть

* В потенции, потенциально (*лат.*).

связан с событиями в прошлом, то есть с неким фактором предрасположенности пациента, должна показаться спорной любому, кто сталкивался с истерией. В наши дни стало модным рассматривать все психические отклонения неэкзогенного происхождения как последствия наследственной дегенерации, а не как преимущественно обусловленные психологией пациента и условиями окружающей его среды. Тем не менее, эта крайняя точка зрения не согласуется с фактами. Возьмем этиологию туберкулеза. Несомненно, существуют случаи, когда зародыш болезни развивается с раннего детства в почве, предрасположенной к этому наследственностью, так что даже при самых благоприятных условиях больной не может избежать своей участи. Но бывают и случаи, когда нет ни дурной наследственности, ни предрасположенности, а смертельное заражение происходит все равно. То же в равной степени верно и в отношении неврозов: и здесь, и в общей патологии картина примерно одинаковая. Бескомпромиссная теория предрасположенности будет столь же ошибочной, как и бескомпромиссная теория среды.

[210] Хотя теория травмы придавала особое значение предрасположенности и даже настаивала на том, что некоторые прошлые травмы суть *conditio sine qua non** невроза, Фрейд, будучи блестящим эмпириком, обнаружил и описал в «Исследованиях» некоторые элементы, которые больше напоминают «теорию среды», нежели «теорию предрасположенности», хотя их подлинное теоретическое значение в то время было понято не до конца. Фрейд синтезировал эти наблюдения в понятии, которое позволяло выйти далеко за рамки теории травмы. Это понятие он назвал «вытеснением». Как вы знаете, под «вытеснением» мы понимаем механизм, посредством которого сознательное содержание переносится в сферу вне сознания. Мы называем эту сферу бессознательным и определяем его как психический элемент, который не осознается. Понятие вытеснения основано на многочисленных наблюдениях, свидетельствующих о том, что невротики, по всей видимости, обладают способностью за-

* Необходимое условие (*лат.*).

бывать значимые переживания или мысли настолько основательно, что кажется, будто они не существовали вовсе. Такие наблюдения весьма распространены и хорошо известны всякому, кто дает себе труд хоть сколько-нибудь глубоко проникнуть в психологию своих пациентов.

[211] Благодаря «Исследованиям» Брейера—Фрейда было установлено, что для возвращения в сознание давно забытых травматических переживаний необходимы особые процедуры. Мимоходом замечу, что данное обстоятельство примечательно само по себе: изначально мы не склонны полагать, будто такие важные вещи могут быть вообще забыты. По этой причине нам часто возражают, что воспоминания, восстановленные с помощью гипноза, просто «внушаются» и не имеют никакого отношения к реальности. Даже если бы это сомнение было оправданно, оно не дает никаких оснований отрицать вытеснение в принципе: известно много случаев, когда фактическое существование вытесненных воспоминаний нашло объективное подтверждение. Помимо многочисленных доказательств подобного рода, данный феномен можно продемонстрировать экспериментально, с помощью ассоциативного теста. Здесь мы обнаруживаем, что ассоциации, относящиеся к чувственно окрашенным комплексам, гораздо труднее запоминаются и очень часто забываются. Поскольку мои эксперименты никогда не проверялись, это открытие было отвергнуто вместе с остальными. Лишь недавно Вильгельм Петерс из школы Крепелина* смог подтвердить мои прежние наблюдения, доказав, что «болезненные переживания очень редко воспроизводятся правильно»**.

[212] Как видите, понятие вытеснения зиждется на прочной эмпирической основе. Но возникает вопрос: вытеснение есть результат сознательного решения индивида, или воспоминания исчезают пассивно, без соответствующего сознательного знания? В трудах Фрейда вы найдете убедительные доказательства сознательной тенденции вытеснять

---

* Ученик видного философа и психолога В. Вундта, Петерс работал под руководством Э. Крепелина (см. выше) и много занимался вопросами детской психологии и психологии развития.

** [«Gefühl und Erinnerung», с. 237.]

все болезненное. Каждому психоаналитику известны десятки случаев, когда в какой-то момент в прошлом больной решил, что больше не хочет думать о содержании, которое в дальнейшем было вытеснено. Один мой пациент многозначительно заметил: «Je l'ai mis de côté»*. С другой стороны, мы не должны забывать, что есть много случаев, когда невозможно показать даже малейший след «отбрасывания» или сознательного вытеснения; когда кажется, что процесс вытеснения больше сродни пассивному исчезновению или даже погружению впечатлений под поверхность под влиянием некой силы, действующей снизу. Пациенты первого типа производят впечатление умственно развитых людей, страдающих, по всей видимости, только особой трусостью по отношению к собственным чувствам. Среди вторых можно найти случаи, свидетельствующие о более серьезной задержке развития, ибо здесь процесс вытеснения сравним скорее с автоматическим механизмом. Данное различие может быть связано с рассмотренным выше вопросом об относительной важности предрасположенности и среды. В случаях первого типа многое зависит от влияния окружения и образования, тогда как во втором типе, очевидно, преобладает фактор предрасположенности. Совершенно ясно, с какими пациентами лечение будет более эффективным.

[213] Как я уже упоминал, понятие вытеснения содержит элемент, который по самой своей природе противоречит теории травмы. Так, в случае Люси Р., проанализированном Фрейдом**, мы видим, что этиологически значимый фактор следует искать не в травматических сценах, а в недостаточной готовности пациентки принять навязанные ей прозрения. В более поздней формулировке, приведенной в «Исследованиях неврозов», где, опираясь на свой опыт, Фрейд был вынужден признать источником невроза определенные травматические события в раннем детстве, мы ощущаем явное несоответствие между понятием вытеснения и понятием травмы. Понятие вытеснения содержит элементы этиологической теории среды, в то время как понятие травмы представляет собой теорию предрасположенности.

---

* «Я отложил это на потом» (*фр.*).

** [См. *Й. Брейер, З. Фрейд.* Исследования истерии.]

[214] Поначалу теория невроза развивалась всецело в русле концепции травмы. В своих более поздних исследованиях Фрейд пришел к выводу, что травматическим переживаниям более старшего возраста нельзя приписать никакой положительной значимости, ибо их последствия мыслимы только на основе специфической предрасположенности. Очевидно, именно здесь и нужно было искать разгадку. Исследуя истоки истерических симптомов, Фрейд обнаружил, что аналитическая работа ведет назад, в детство; причинно-следственная цепочка тянулась из настоящего в далекое прошлое, грозя затеряться в тумане раннего детства. Но именно в этот момент появлялись воспоминания о некоторых сексуальных сценах — активных или пассивных, — которые были недвусмысленно связаны с последующими событиями, ведущими к неврозу. О природе этих сцен вы можете узнать из работ Фрейда и многочисленных анализов, которые уже были опубликованы.

[215] На этой почве возникла теория сексуальной травмы в детском возрасте, которая столкнулась с ожесточенной критикой из-за теоретических возражений не против теории травмы в целом, а против элемента сексуальности в частности. Во-первых, сама мысль о том, что дети наделены сексуальностью и что сексуальные мысли могут играть определенную роль в их жизни, вызвала величайшее негодование. Во-вторых, гипотеза о сексуальном происхождении истерии представлялась крайне нежелательной: бесплодная позиция, согласно которой истерия либо является маточным рефлекторным неврозом, либо возникает из-за отсутствия сексуального удовлетворения, только-только была отброшена. Посему вполне естественно, что обоснованность наблюдений Фрейда подверглась резкой критике. Если бы его оппоненты ограничились этим вопросом и не пытались приукрасить свои возражения моральным негодованием, спокойная дискуссия была бы возможна. В Германии, например, этот метод нападения заведомо исключил всякое доверие к теории Фрейда. Идея детской сексуальности вызвала всеобщее сопротивление и самое высокомерное презрение. В действительности же вопрос был только один: верны ли наблюдения Фрейда или нет? Только он может иметь зна-

чение для истинно научного ума. Осмелюсь сказать, что эти наблюдения на первый взгляд могут показаться неправдоподобными, но считать их ложными априори недопустимо. Везде, где была проведена основательная и тщательная проверка, удалось подтвердить существование психологических связей, постулируемых Фрейдом, но не первоначальную гипотезу о реальных травматических эпизодах.

[216] Впоследствии сам Фрейд был вынужден отказаться от исходной формулировки своей сексуальной теории невроза. На основании дальнейших исследований он уже не мог придерживаться первоначальных взглядов на абсолютную реальность сексуальной травмы. Сцены явно сексуального характера, сексуальное насилие над детьми и преждевременная сексуальная активность в детстве позже были признаны в значительной степени нереальными. Возможно, некоторые из вас склонны разделять мнение критиков, что результаты аналитических исследований Фрейда были основаны на внушении. Такое предположение было бы не лишено оснований, будь эти выводы обнародованы каким-нибудь шарлатаном или другим неквалифицированным лицом. Однако всякий, кто внимательно читал работы Фрейда того периода и пытался вникнуть в психологию его пациентов так, как делал это он, понимает, как несправедливо было бы приписывать такому ученому, как Фрейд, грубые ошибки новичка. Подобные инсинуации только дискредитируют тех, от кого исходят. С тех пор пациентов обследовали в условиях, исключающих какое бы то ни было внушение, и все же психологические связи, описанные Фрейдом, были доказаны в принципе. Таким образом, мы вынуждены предположить, что многие травмы раннего детства по сути являются просто фантазиями, в то время как другие образуют объективную реальность.

[217] Это открытие опровергает этиологическое значение сексуальной травмы в детстве, поскольку теперь совершенно неважно, была травма в действительности или нет. Опыт подсказывает нам, что фантазии могут быть столь же травмирующими, как и реальные травмы. В противоположность этому каждый врач, лечащий истерию, может припомнить случаи, когда сильные травматические впечатления дей-

ствительно вызывали невроз. Это наблюдение находится лишь в кажущемся противоречии с уже обсуждавшейся нереальностью детской травмы. Мы прекрасно знаем, что есть много людей, которые пережили травму в детстве или во взрослой жизни, но не стали невротиками. Следовательно, травма, при прочих равных условиях, не имеет абсолютного этиологического значения и не обязательно оказывает какое-либо длительное воздействие. Чтобы это произошло, человек должен обладать вполне определенной внутренней предрасположенностью. Эту внутреннюю предрасположенность следует понимать не как смутную наследственную диспозицию, о которой мы знаем слишком мало, а как психологическое развитие, достигающее своего апогея и проявляющееся в травматический момент.

[218] Позвольте мне продемонстрировать природу травмы и психологическую подготовку к ней на конкретном примере. Мне вспоминается случай одной молодой женщины, у которой после сильного испуга развилась острая форма истерии*. Она была в гостях и около полуночи возвращалась домой в сопровождении нескольких своих знакомых. Неожиданно сзади появился экипаж. Лошади шли крупной рысью. Ее друзья отступили в сторону; она же, словно зачарованная, осталась на середине дороги и в ужасе бежала перед лошадьми. Кучер щелкал кнутом и выкрикивал ругательства, но все было напрасно: она пробежала всю улицу и выскочила на мост. Там силы оставили ее; чтобы не оказаться под копытами лошадей, она в отчаянии прыгнула бы в реку, не помешай ей добрые прохожие. Эта же самая дама оказалась в Санкт-Петербурге, в кровавый день 22 января [1905 г.], на той самой улице, которую солдаты «расчищали» залповым огнем. Вокруг нее падали убитые и раненые; она же, сохраняя удивительное спокойствие и здравомыслие, приметила ведущие во двор ворота и перебежала на другую улицу. Эти страшные мгновения не вызвали у нее никакой ажитации. После она чувствовала себя хорошо — пожалуй, даже лучше, чем обычно.

---

* Более подробно этот случай изложен в издании «Аналитическая психология», абз. 8 и далее, абз. 417 и далее.

[219] Отсутствие реакции на явный шок наблюдается часто. Отсюда неизбежно следует, что интенсивность травмы сама по себе имеет крайне малое патогенное значение; все зависит от конкретных обстоятельств. Здесь мы обнаруживаем возможный ключ к тайне «предрасположенности». Нам следует спросить себя: каковы особые обстоятельства в ситуации с экипажем? Пациентка испугалась, как только услышала цокот копыт; на мгновение ей показалось, что этот звук — предзнаменование страшной беды: ее гибели или чего-то не менее ужасного. В следующую секунду она уже не отдавала себе отчет, что делает.

[220] Настоящий шок, очевидно, исходил от лошадей. Предрасположенность пациентки к тому, чтобы столь необъяснимым образом отреагировать на столь незначительный инцидент, таким образом, могла состоять в том, что лошади имели для нее какое-то особое значение. Можно предположить, например, что однажды она пережила некий связанный с лошадьми опасный эпизод. Так и было. Однажды, когда ей было около семи лет, она ехала в карете со своим кучером; лошади испугались и понеслись к высокому и крутому берегу реки. Кучер спрыгнул на землю и кричал ей, чтобы она сделала то же самое, но она была так напугана, что никак не могла решиться. К счастью, в последний момент она все же спрыгнула, после чего лошади рухнули в пропасть вместе с каретой. То, что подобное событие оставит глубокое впечатление, едва ли нуждается в доказательствах. Однако это не объясняет, почему впоследствии абсолютно безобидный стимул вызвал столь нелепую реакцию. Пока нам известно лишь то, что возникший симптом уходит своими корнями в детство, однако его патологический аспект по-прежнему остается неясен.

[221] Данный анамнез, продолжение которого мы узнаем позже*, ясно показывает несоответствие между так называемой травмой и той ролью, которую играет фантазия. В этом случае фантазия должна преобладать в совершенно необычайной степени, дабы произвести столь сильный эффект по столь незначительному поводу. Поначалу можно привести в каче-

* [См. ниже, абз. 297 и далее, абз. 355 и далее.]

стве объяснения раннюю детскую травму. Впрочем, подобное объяснение не очень удачно, как мне кажется, ибо мы до сих пор не понимаем, почему последствия этой травмы оставались латентными так долго или почему проявились именно в этот конкретный момент. Пациентке наверняка не раз приходилось сторониться экипажа, мчащегося на полной скорости. Момент смертельной опасности, пережитый ею ранее в Петербурге, не оставил после себя ни малейшего следа невроза, несмотря на то что она была явно предрасположена к нему вследствие впечатляющего инцидента в детстве. Все, что связано с этим травматическим эпизодом, еще предстоит объяснить, ибо с точки зрения теории травмы мы по-прежнему блуждаем в потемках.

[222] Надеюсь, вы простите меня за то, что я с таким упорством возвращаюсь к вопросу о теории травмы. Я не считаю это излишним, ибо в наши дни многие люди — даже те, кто имеет непосредственное отношение к психоанализу, — по-прежнему цепляются за устаревшие воззрения. В результате у наших оппонентов, которые в большинстве своем никогда не читают наших работ или делают это весьма поверхностно, создается впечатление, будто психоанализ до сих пор вращается вокруг теории травмы.

[223] Возникает вопрос: что мы должны понимать под «предрасположенностью», в силу которой впечатление, само по себе незначительное, может произвести такое патологическое действие? Это вопрос фундаментальной важности, который, как мы увидим позже, играет важную роль во всей теории невроза. Мы должны понять, почему кажущиеся нерелевантными события прошлого имеют настолько большое значение, что могут столь демоническим и капризным образом влиять на наше поведение в реальной жизни.

[224] Ранняя школа психоанализа и ее позднейшие последователи делали все возможное, чтобы обнаружить в особом качестве этих первоначальных травматических переживаний причину их последующего воздействия. Фрейд пошел дальше всех: он первым увидел, что к травматическому событию примешивается некий сексуальный элемент, и что эта примесь, о которой пациент обычно не подозревает, и есть основной источник эффекта травмы. Бессознатель-

ность сексуальности в детстве, казалось, проливала значительный свет на проблему устойчивой констелляции, вызванной первоначальным травматическим опытом. Подлинное эмоциональное значение этого опыта остается скрытым от пациента, в результате чего эмоция, будучи не в состоянии достичь сознания, никогда не истощается, никогда не исчерпывается. Данный устойчивый организующий, собирательный эффект, вероятно, можно объяснить как своего рода *suggestion a échàance**, ибо оно тоже бессознательно и обнаруживает свое действие лишь в назначенное время.

[225] Едва ли есть необходимость в подробных примерах, свидетельствующих о том, что подлинный характер сексуальных действий в младенчестве не признается. Врачу хорошо известно, например, что открытая мастурбация вплоть до взрослой жизни не воспринимается как таковая, особенно женщинами. Из этого легко сделать вывод, что ребенок еще менее сознает характер тех или иных действий; следовательно, истинный смысл этих переживаний остается скрытым от сознания даже во взрослой жизни. В некоторых случаях сами переживания полностью забываются либо потому, что их сексуальное значение совершенно неизвестно пациенту, либо потому, что их сексуальный характер, будучи слишком болезненным, не признается — иными словами, вытесняется.

[226] Как уже было упомянуто выше, Фрейд рассматривал примесь сексуального элемента в травме как характерный сопутствующий фактор, имеющий патологический эффект. Данное наблюдение легло в основу теории инфантильной сексуальной травмы. Согласно этой гипотезе, патогенный опыт носит сексуальный характер.

[227] Новая теория столкнулась с яростным сопротивлением: общепринятое мнение гласило, что маленькие дети вообще не обладают сексуальностью, а значит, такая этиология немыслима в принципе. Модификация уже обсуждавшейся теории травмы, а именно что травма, как правило, никак не связана с реальной действительностью и по существу

---

* Букв.: «истекшее внушение» (*фр.*).

является плодом воображения, отнюдь не улучшила ситуацию. Напротив, она обязывала нас видеть в патогенном опыте положительную сексуальную манифестацию инфантильной фантазии. Это уже не какое-то случайное впечатление, навязанное извне, а явное проявление сексуальности, фактически исходящее от самих детей. Даже реальный травматический опыт определенно сексуального характера требует некоторого участия со стороны ребенка; было обнаружено, что зачастую он сам подготавливает для него почву. В подтверждение этого Абрахам* предоставил ценные и весьма интересные доказательства, которые в сочетании с другими наблюдениями подобного рода указывают на то, что даже в реальных травмах психологическая установка ребенка играет важную роль. Медицинская юриспруденция, совершенно независимо от психоанализа, может привести любопытные параллели в поддержку этого психоаналитического утверждения.

[228] Отныне главным источником невроза представлялись ранние манифестации сексуальных фантазий и их травматическое воздействие. Как следствие, детям пришлось приписать гораздо более развитую сексуальность, чем это признавалось ранее. Случаи преждевременной половой зрелости были описаны в литературе уже давно, например у двухлетней девочки, которая регулярно менструировала, или у мальчиков в возрасте от трех до пяти лет, имевших эрекцию и потому способных к совокуплению. Однако эти случаи были не более чем курьезами. Каково же было всеобщее изумление, когда Фрейд стал приписывать детям не только обычную сексуальность, но даже так называемую полиморфно-перверсивную сексуальность, причем на основе самых исчерпывающих исследований. Люди тут же сделали вывод, что все это было результатом внушения и, следовательно, представляло собой в высшей степени спорный искусственный продукт.

[229] В этих обстоятельствах «Три очерка по теории сексуальности» Фрейда вызвали не только противодействие, но

---

* Имеется в виду немецкий психоаналитик К. Абрахам, ученик З. Фрейда. См. русское издание работ ученого: *Абрахам К.* Характер и развитие. Ижевск, 2007.

и бурное негодование. Едва ли нужно упоминать, что возмущение не содействует научному прогрессу и что аргументы, основанные на чувстве праведного гнева, приличествуют моралисту — ибо таково его занятие, — но не ученому, который обязан руководствоваться истиной, а не моральными соображениями. Если все действительно так, как описывает Фрейд, то всякое негодование абсурдно; если нет, то негодование ничего не даст. Решить, что есть истина, можно лишь на основании тщательных наблюдений и исследований. Вследствие этого неуместного возмущения противники психоанализа, за немногими достойными исключениями, являют собой несколько комическую картину прискорбной отсталости. Хотя психоаналитическая школа, к сожалению, ничего не смогла почерпнуть из своей критики, ибо критики не утруждают себя изучением наших подлинных выводов, и не смогла получить никаких полезных подсказок, ибо психоаналитический метод исследования был и остается непонятым, тем не менее долг ее сторонников состоит в том, чтобы тщательно обсудить расхождения между существующими взглядами. Мы стремимся не к тому, чтобы выдвинуть парадоксальную теорию, противоречащую всем предыдущим теориям, а скорее к тому, чтобы ввести в науку определенную категорию новых наблюдений. Посему мы считаем своей прямой обязанностью сделать все возможное, дабы прийти к согласию. Разумеется, мы должны отказаться от попыток достичь взаимопонимания со всеми теми, кто слепо противостоит нам (это было бы пустой тратой сил), но мы надеемся заключить мир с людьми науки. Ниже я попытаюсь обрисовать дальнейшее концептуальное развитие психоанализа вплоть до того момента, когда была сформулирована *сексуальная теория невроза*.

2. Теория инфантильной сексуальности

[230] Как мы уже говорили в предыдущей лекции, открытие ранних сексуальных фантазий, казавшихся основным источником невроза, побудило Фрейда предположить существование богато развитой инфантильной сексуальности.

Как вы знаете, достоверность этого наблюдения была решительно оспорена; предполагалось, что грубая ошибка и фанатичное заблуждение заставили Фрейда и всю его школу, как в Европе, так и в Америке, видеть вещи, которых не существует. Посему принято считать, что мы охвачены некой интеллектуальной эпидемией. Должен признаться, что у меня нет никакой возможности защититься от такого рода «критики». Что касается остального, не могу не заметить, что наука не имеет права с самого начала утверждать, будто определенные факты не существуют. Самое большее, что можно сказать, — это то, что они представляются крайне маловероятными и нуждаются в подтверждении и более тщательном изучении. Таков наш ответ и на возражение, что из психоаналитического метода нельзя извлечь ничего сколько-нибудь достоверного, ибо сам метод абсурден. Никто не верил в телескоп Галилея, да и Колумб открыл Америку исключительно благодаря ошибочной гипотезе. Насколько мне известно, метод может быть несовершенен, но это не должно препятствовать его применению. В прошлом, например, хронологические и географические наблюдения проводились с использованием совершенно неподходящих для этого инструментов. Возражения против метода должны рассматриваться как увертки до тех пор, пока наши оппоненты не ознакомятся с фактами. Именно в этой плоскости следует решать возникающие вопросы — не путем словесных перепалок.

[231] Даже наши оппоненты называют истерию психогенной болезнью. Мы полагаем, что открыли ее психологические детерминанты, и без страха выносим результаты наших исследований на суд общественности. Любой, кто не согласен с нашими выводами, волен опубликовать свой собственный анализ клинического материала. Насколько я знаю, пока это не было сделано, по крайней мере в европейской литературе. При таких обстоятельствах критики не имеют права отрицать наши открытия априори. Наши оппоненты сталкиваются с такими же случаями истерии, как и мы, и они такого же психогенного происхождения, как и наши, а потому ничто не мешает им выявить психологические детерминанты. Метод тут ни при чем. Наши оппоненты доволь-

ствуются нападками и очернением наших исследований, но пока не придумали способ лучше.

[232] Многие из наших критиков более осторожны и справедливы; они признают, что мы сделали много ценных наблюдений и что психические связи, обнаруженные психоаналитическим методом, по всей вероятности, существуют. Тем не менее они продолжают утверждать, что наше представление о них в корне ошибочно. Согласно их точке зрения, предполагаемые сексуальные фантазии детей, которые интересуют нас здесь, следует трактовать не как реальные сексуальные функции, а как, очевидно, нечто совершенно иное, ибо специфический характер сексуальности приобретается только с наступлением половой зрелости.

[233] Это возражение, спокойный и рассудительный тон которого производит достойное впечатление, заслуживает самого серьезного отношения и дает каждому вдумчивому аналитику достаточно поводов для размышлений.

[234] Прежде всего, необходимо отметить, что главная трудность заключается в самом понятии сексуальности. Если мы понимаем сексуальность как полностью развитую функцию, то должны ограничить это явление периодом зрелости и не вправе говорить о детской сексуальности. Однако в этом случае мы сталкиваемся с гораздо более серьезной проблемой. Как же тогда назвать все те биологические явления, которые коррелируют с половой функцией в строгом смысле, например беременность, рождение, естественный отбор, защиту потомства и прочее? На мой взгляд, все это относится к понятию сексуальности, хотя один мой уважаемый коллега однажды сказал, что деторождение — это не сексуальный акт. Но если все это относится к понятию сексуальности, то в него должны входить и бесчисленные психологические явления, ибо мы знаем, что с этой сферой связано невероятное количество сугубо психологических функций. Достаточно только упомянуть о чрезвычайной важности фантазии в подготовке и оттачивании сексуальной функции. Таким образом, мы приходим к биологической концепции сексуальности, которая включает в себя наряду с физиологическими явлениями ряд психологических функций. Пользуясь старой, но удобной классификацией, мы могли бы

отождествить сексуальность с инстинктом сохранения вида, который в известном смысле можно противопоставить инстинкту самосохранения.

[235] Рассматривая сексуальность с этой точки зрения, мы уже не находим удивительным, что корни столь важного для природы инстинкта сохранения вида уходят гораздо глубже, чем это допускает узкое толкование сексуальности. Только более или менее взрослая кошка ловит мышей, но даже очень маленький котенок играет в их ловлю. Щенки предпринимают игривые попытки совокупления задолго до наступления половой зрелости. Мы вправе предположить, что человек не исключение из этого правила. Хотя мы и не обнаруживаем такое поведение у наших воспитанных детей, наблюдение за детьми в первобытных племенах доказывает, что они не выходят за рамки биологической нормы. В самом деле, гораздо более вероятно, что жизненно важный инстинкт сохранения вида начинает развиваться в раннем младенчестве, а не сваливается с небес в готовом виде в период полового созревания. Кроме того, органы размножения формируются задолго до того, как можно заметить первые признаки их будущей функции.

[236] По этой причине, когда психоаналитическая школа говорит о «сексуальности», под ней следует понимать в том числе и более широкое понятие сохранения вида. Недопустимо думать, будто мы имеем в виду только физические ощущения и функции, которые обычно подразумеваются под этим словом. Можно было бы сказать, что во избежание недоразумений лучше не называть подготовительные явления раннего детства «сексуальными». Впрочем, это требование едва ли можно считать оправданным, поскольку анатомическая номенклатура взята из полностью развитой системы, а давать специальные названия более или менее рудиментарным стадиям не принято.

[237] Хотя в сексуальной терминологии Фрейда как таковой нет никакого изъяна, ибо он дает всем стадиям сексуального развития общее название сексуальности, она тем не менее привела к определенным выводам, которые, на мой взгляд, несостоятельны. Если мы спросим себя, как далеко в детство уходят первые следы сексуальности, мы будем вынуждены

признать, что хотя сексуальность существует имплицитно *ab ovo*, проявляется она спустя долгое время после рождения. Фрейд склонен видеть своего рода половой акт даже в сосании материнской груди. Данная точка зрения подверглась резкой критике, однако она достаточно разумна, если мы вместе с Фрейдом предположим, что инстинкт сохранения вида, то есть сексуальность, существует как бы отдельно от инстинкта самосохранения, то есть питательной функции, и соответственно проходит собственный путь развития *ab ovo*. Но подобный образ мыслей представляется мне биологически неприемлемым. Невозможно разделить два способа манифестации или функционирования гипотетического инстинкта жизни и приписывать каждому из них особый путь формирования. Если судить по тому, что мы видим, то мы должны принять во внимание тот факт, что во всей органической природе жизнь долгое время состоит исключительно в функциях питания и роста. Мы можем наблюдать это у многих организмов, например у бабочек, которые на стадии гусеницы не имеют пола и только питаются и растут. У человека к этой жизненной стадии относятся внутриутробный период развития и период младенчества.

[238] *Поскольку это время характеризуется отсутствием какой-либо сексуальной функции,* говорить о проявленной сексуальности в младенчестве было бы терминологическим противоречием. Самое большее, мы можем спросить себя, есть ли среди жизненно важных функций инфантильного периода такие, которые не связаны с питанием и ростом, а потому могут быть названы сексуальными. Фрейд указывает на несомненное возбуждение и удовлетворение ребенка при сосании и сравнивает эти эмоциональные механизмы с механизмами полового акта. Это сравнение приводит его к выводу о том, что акту сосания присуще сексуальное качество. Такое предположение было бы оправдано лишь в том случае, если бы мы доказали, что напряжение физической потребности и его разрядка через удовлетворение есть сексуальный процесс. Однако тот факт, что сосание обладает этим эмоциональным механизмом, доказывает как раз обратное. Следовательно, мы можем утверждать

только то, что данный эмоциональный механизм обнаруживается как в питательной функции, так и в сексуальной. Если Фрейд выводит сексуальное качество акта сосания из аналогии с эмоциональным механизмом, то биологический опыт вполне оправдывает терминологию, характеризующую сексуальный акт как функцию питания. И то и другое выходит за всякие рамки. Совершенно очевидно, что акт сосания не может считаться сексуальным.

[239] Мы знаем, однако, целый ряд других функций младенческой стадии, которые, по всей видимости, не имеют ничего общего с функцией питания: например, сосание пальца и его многочисленные варианты. Относятся ли эти функции к сексуальной сфере? Они не служат питанию, но доставляют удовольствие. В этом не может быть сомнений; другой вопрос, следует ли удовольствие, получаемое от сосания, называть по аналогии сексуальным удовольствием. С равным успехом его можно было бы назвать пищевым. Это последнее определение тем более уместно, что форма удовольствия и место, где оно достигается, целиком принадлежат сфере питания. Рука, которая используется для сосания, подготавливается таким образом к самостоятельному акту кормления в будущем. В этом случае, разумеется, никто не станет утверждать, что первые проявления человеческой жизни носят сексуальный характер.

[240] И все же формула, к которой мы только что пришли, а именно что удовольствие от сосания пальца не служит никакой питательной цели, заставляет нас усомниться, принадлежит ли оно всецело к сфере питания. Мы замечаем, что так называемые вредные привычки ребенка, формирующиеся по мере его взросления, тесно связаны с ранним инфантильным сосанием, например привычка засовывать палец в рот, грызть ногти, ковырять в носу, ушах и т.д. Мы видим также, как легко эти привычки впоследствии переходят в мастурбацию. Вывод о том, что инфантильные привычки представляют собой первые стадии мастурбации или подобной деятельности, а потому имеют ярко выраженный сексуальный характер, нельзя отрицать: он абсолютно логичен и обоснован. Я наблюдал много случаев, когда между этими детскими привычками и мастурбацией существовала

несомненная корреляция; мастурбация в позднем детстве, до наступления половой зрелости, есть не что иное, как продолжение инфантильных вредных привычек. С этой точки зрения совершенно естественно предполагать, что и другие инфантильные привычки носят сексуальный характер, ибо все они суть акты получения удовольствия от собственного тела.

[241] Отсюда всего лишь шаг до отнесения акта сосания к категории сексуальных действий. Фрейд, как вы знаете, сделал этот шаг. Я решительно не согласен с ним, ибо здесь мы сталкиваемся с противоречием, которое трудно разрешить. Это было бы довольно легко, если бы мы могли предположить сосуществование двух отдельных инстинктов. Тогда сосание груди было бы нутритивным актом и в то же время половым актом, своего рода сочетанием двух инстинктов. Такова, по-видимому, концепция Фрейда. Очевидное сосуществование двух инстинктов, точнее их манифестация в виде голода и сексуального влечения, обнаруживается в жизни взрослых людей. Однако на инфантильной стадии мы находим *только* функцию питания, с которой связано всякое удовольствие и удовлетворение. Ее сексуальный характер может быть доказан лишь *petitio principii*,* ибо, как показывают наблюдения, первым источником удовольствия является акт сосания, а не сексуальная функция. *Получение удовольствия отнюдь не тождественно сексуальности*. Мы заблуждаемся, если думаем, будто у младенца эти два инстинкта существуют бок о бок, ибо в таком случае мы проецируем в психику ребенка наблюдение из психологии взрослых. Сосуществование или раздельное проявление обоих инстинктов *не* обнаруживается у младенца, поскольку одна из инстинктивных систем совсем не развита или находится в зачаточном состоянии. Приняв точку зрения, согласно которой стремление к удовольствию сексуально по самой своей природе, мы вынуждены постулировать, как это ни парадоксально, что голод — сексуальное стремление, поскольку ищет удовольствие через удовлетворение. Но если

* Предвосхищением основания (*лат.*); имеется в виду распространенная логическая ошибка, когда в качестве аргументов используются недоказанные, как правило, произвольно взятые положения.

мы сами жонглируем понятиями таким образом, то наши оппоненты имеют полное право трактовать сексуальность сквозь призму голода. Подобного рода однобокость возникает снова и снова в истории науки. Я говорю это не в упрек: напротив, мы должны быть рады, что есть люди, которым хватает смелости быть несдержанными и однобокими. Именно им мы обязаны своими открытиями. Прискорбно то, что каждый страстно отстаивает свою однобокость. Научные теории — это просто предположения о том, как можно рассматривать те или иные явления.

[242] Сосуществование двух инстинктивных систем — это гипотеза, которая, безусловно, облегчила бы дело, но, к сожалению, принять ее невозможно, ибо она противоречит наблюдаемым фактам и ведет к несостоятельным выводам.

[243] Прежде чем я попытаюсь разрешить это противоречие, я должен сказать еще кое-что о сексуальной теории Фрейда и о тех изменениях, которые она претерпела. Как я уже объяснял выше, открытие сексуальной фантазийной активности в детстве, оказывающей, по всей видимости, травматическое действие, привело к предположению, что ребенок должен обладать, вопреки всем прежним взглядам, почти полностью развитой сексуальностью и даже полиморфно-перверсивной сексуальностью. Его сексуальность не сосредоточена на генитальной функции и не направлена на противоположный пол, но занята собственным телом; следовательно, она аутоэротична. Если сексуальный интерес направлен вовне на другого человека, то для ребенка не имеет большого значения, какого пола этот человек. Посему ребенок легко может быть «гомосексуальным». Вместо несуществующей, локализованной сексуальной функции существует ряд так называемых вредных привычек, которые с этой точки зрения представляются перверсивными, ибо имеют близкие аналогии с последующими отклонениями (извращениями).

[244] В результате сексуальность, обычно рассматриваемая как нечто цельное, была разложена на множество отдельных влечений; поскольку по умолчанию предполагалось, что сексуальность берет свое начало в гениталиях, Фрейд при-

шел к концепции «эрогенных зон», под которыми подразумевал рот, кожу, анус и т.д.

[245] Термин «эрогенная зона» напоминает нам о «спазмогенной зоне». Во всяком случае, основная идея та же: подобно тому, как спазмогенная зона является местом возникновения спазма, эрогенная зона является местом, откуда исходит прилив сексуальности. Если взять за основу модель гениталий как анатомического источника сексуальности, эрогенные зоны следует рассматривать как множество половых органов, из которых проистекает сексуальность. Это состояние и есть полиморфно-перверсивная сексуальность детей. Термин «перверсивный» оправдан близкой аналогией с более поздними отклонениями, которые представляют собой, так сказать, просто новое издание некоторых «извращенных» интересов раннего детства. Они часто связаны с той или иной эрогенной зоной и вызывают те сексуальные аномалии, которые так характерны для детей.

[246] С этой точки зрения более поздняя, нормальная «мономорфная» сексуальность состоит из нескольких компонентов. Сначала она распадается на гомо- и гетеросексуальную составляющие, далее идет аутоэротическая составляющая, затем различные эрогенные зоны. Данную концепцию можно сравнить с состоянием физики до Роберта Майера, когда ученые выделяли только отдельные области явлений, каждой из которых приписывались элементарные качества. Закон сохранения энергии внес порядок в отношения сил друг к другу, одновременно упразднив представление об этих силах как носящих абсолютный, элементарный характер и сделав их проявлениями одной и той же энергии. То же самое должно произойти и с расщеплением сексуальности на полиморфно-перверсивную сексуальность детства.

[247] Опыт заставляет нас постулировать постоянный взаимообмен отдельными компонентами. Со временем было признано, что перверсии, например, существуют за счет нормальной сексуальности и что преобладание одной формы сексуальности всегда происходит в ущерб ее другой форме. Приведу пример. У одного молодого человека гомосексуальная фаза длилась несколько лет, в течение которых он

совершенно не интересовался девушками. Ближе к двадцати годам это ненормальное состояние постепенно начало уступать место типичным эротическим интересам. Юноша стал обращать внимание на женщин и вскоре преодолел последние следы гомосексуальности. Через несколько лет, после целой серии удачных романов, он захотел жениться. Но тут его постигло жестокое разочарование: обожаемая им девушка бросила его. После этого он не только отказался от всякой мысли о браке, но и начал питать неприязнь ко всем женщинам. Однажды он заметил, что гомосексуальность вернулась: юноши снова стали оказывать на него раздражающее действие.

[248] Рассматривая сексуальность как состоящую из фиксированного гомосексуального и фиксированного гетеросексуального компонентов, мы никогда не сможем объяснить этот случай, ибо предположение о фиксированных составляющих заведомо исключает любую трансформацию. Чтобы отдать ему должное, необходимо допустить большую мобильность сексуальных компонентов, вплоть до того, что один компонент почти полностью исчезает, в то время как другой выходит на передний план. Предположим, что весь процесс сводится к простому изменению положения — действующая гомосексуальная составляющая полностью погружается в бессознательное, оставляя поле сознания гетеросексуальному компоненту. В таком случае современное научное знание привело бы нас к выводу, что из бессознательной сферы должны проистекать эквивалентные влияния. Эти влияния следовало бы рассматривать как сопротивление активности гетеросексуальной составляющей, то есть как сопротивление по отношению к женщинам. Однако в нашем случае доказательства этому отсутствуют. Хотя слабые следы таких влияний существовали, их интенсивность была столь низкой, что они не шли ни в какое сравнение с прежней активностью гомосексуального компонента.

[249] Согласно существующей теории остается непонятным*, как гомосексуальный компонент, считающийся столь

* В англоязычном собрании сочинений Юнга абз. 249 с согласия автора был пронумерован как абз. 275, а абз. 276 и 277 были опущены.

прочно зафиксированным, может исчезнуть, не оставив после себя никаких активных следов. Более того, неясно, как вообще происходят эти трансформации. В крайнем случае можно вообразить развитие как включающее гомосексуальную стадию в пубертатный период с целью заложить основу для более поздней нормальной гетеросексуальности в фиксированной, определенной форме. Но как же тогда объяснить, что продукт постепенного развития, по всем признакам тесно связанный с органическими процессами созревания, внезапно отвергается, дабы освободилось место для более ранней стадии? Или, если два активных компонента постулируются как сосуществующие бок о бок, почему один из них активен, а другой — нет? Можно возразить, что гомосексуальная составляющая у мужчин действительно чаще всего проявляется в особой раздражительности, особой чувствительности по отношению к другим мужчинам. По моему опыту, очевидной причиной такого характерного поведения, примеров которому так много в современном обществе, является нарушение отношений с женщинами, особая форма зависимости от них. Это составляет «плюс», который уравновешивается «минусом» в гомосексуальных отношениях.[1]

[250] Посему необходимо было срочно найти адекватное объяснение такой смене декораций. Для этого нам нужна динамическая гипотеза, ибо сексуальные преобразования можно рассматривать только как динамические или энергические процессы. Без изменения динамических отношений я не могу представить, как функция может исчезнуть подобным образом. Теория Фрейда учла эту потребность. Его концепция компонентов, отдельных способов функционирования начала ослабевать, сначала больше на практике, чем в теории, и в конце концов была заменена концепцией энергии, обозначенной термином *либидо*.

---

[1] Естественно, это не настоящая причина. Истинная причина — инфантильное состояние характера мужчины.

3. Понятие либидо

[251] Фрейд вводит понятие либидо в «Трех очерках по теории сексуальности». Он пишет: «Факт половой потребности у человека и животного выражают в биологии тем, что у них предполагается “половое влечение”. При этом допускают аналогию с влечением к принятию пищи, голодом. Соответствующего слову “голод” обозначения не имеется в народном языке; наука пользуется словом “либидо”».

[252] В определении Фрейда термин *либидо* означает исключительно сексуальную потребность; следовательно, все, что Фрейд подразумевает под либидо, следует понимать как сексуальную потребность или сексуальное влечение. В медицине термин *либидо*, безусловно, применяется для обозначения сексуального влечения, в особенности сексуального вожделения. Однако классическое употребление этого слова, встречающееся у Цицерона, Саллюстия и других, не было столь ограниченным; там оно используется в более общем смысле страстного желания[1]. Я упоминаю об этом обстоятельстве сейчас, поскольку в дальнейшем термин *либидо* будет играть важную роль в нашей аргументации. Важно понимать, что в действительности это понятие имеет гораздо более широкий спектр значений, нежели в медицине.

[253] Понятие либидо, сексуальное значение которого во фрейдистском смысле мы постараемся сохранить как можно дольше, представляет собой тот динамический фактор, который позволяет объяснить смену психологических декораций. Это понятие значительно облегчает формулировку рассматриваемых явлений. Вместо непостижимой замены гомосексуального компонента на гетеросексуальный, мы можем сказать, что либидо было постепенно выведено из гомосексуальной сферы и перешло в той же самой мере к сфере гетеросексуальной. При этом гомосексуальная составляющая почти полностью исчезает. Она остается лишь пустой возможностью, которая сама по себе ничего не значит. Неспециалист совершенно справедливо отрицает само

[1] Подробнее см. мое определение либидо в «Символах трансформации», абз. 185.

ее существование, точно так же как он бы отрицал, скажем, обвинения в убийстве. Кроме того, понятие либидо помогает объяснить взаимосвязь между различными способами сексуального функционирования. В то же время оно позволяет отбросить первоначальную идею о множественности сексуальных компонентов, которая уж слишком напоминает старое философское представление о психических способностях. Их место занимает либидо, способное к самым разнообразным приложениям. Более ранние «компоненты» репрезентируют лишь возможные способы действия. Понятие либидо заменяет разделенную сексуальность, расщепленную на множество корней, динамическим единством, без которого эти некогда значимые компоненты остаются не чем иным, как потенциальными возможностями. Данное концептуальное нововведение имеет важнейшее значение; в психологии оно представляет собой тот же шаг вперед, что и понятие энергии в физике. Как теория сохранения энергии лишила различные силы их элементарного характера и сделала их проявлениями единой энергии, так и теория либидо лишает сексуальные компоненты их элементарного значения как психических «способностей» и придает им сугубо феноменологическую ценность.

[254] Этот взгляд гораздо лучше отражает реальность, чем теория компонентов. С помощью теории либидо мы легко можем объяснить случай молодого человека, о котором говорилось выше. Разочарование, которое он испытал в связи с неудавшейся женитьбой, отклонило его либидо от гетеросексуального способа приложения, в результате чего оно снова приняло гомосексуальную форму и таким образом пробудило прежнюю гомосексуальность. Здесь аналогия с законом сохранения энергии особенно близка. Как известно, если в одном месте энергия убыла, мы должны спросить себя, в каком месте она прибыла. Применив этот принцип к психологии человеческого поведения, мы сделаем самые удивительные открытия. Мы увидим, что наиболее гетерогенные фазы психологического развития индивида связаны друг с другом энергетически. Каждый раз, когда мы сталкиваемся с некой «навязчивой идеей», или нездоровым убеждением, или какой-то крайней установкой, мы

знаем, что здесь слишком много либидо, и что излишек, стало быть, взят в другом месте, где, следовательно, либидо стало слишком мало. В этом смысле психоанализ — это метод, который помогает нам обнаружить те места или функции, где либидо слишком мало, и восстановить баланс. Таким образом, симптомы невроза следует рассматривать как преувеличенные функции, перегруженные либидо[1]. Энергия, используемая для этой цели, была взята откуда-то еще, а потому задача психоаналитика — найти место, откуда она была изъята или куда никогда не поступала.

[255] В случае тех синдромов, которые характеризуются главным образом недостатком либидо, например апатических состояний, вопрос следует сформулировать наоборот. Здесь мы должны спросить себя, куда делось либидо? Пациент производит впечатление, что у него нет либидо, и многие врачи верят ему на слово. Такие врачи мыслят примитивно, как дикари, которые, увидев солнечное затмение, полагают, будто солнце проглотило некое чудовище. Но оно только скрыто. То же самое происходит и с этими пациентами. Либидо есть, но оно не видно и не доступно самому больному. На поверхности мы имеем дело с недостатком либидо. Цель психоанализа состоит в том, чтобы найти то скрытое место, где обитает либидо и куда сам пациент не может добраться. Скрытое место — это «бессознательное», которое мы также можем назвать «несознательным», не придавая ему, разумеется, никакого мистического значения.

[256] Психоанализ подсказывает нам, что существуют несознательные психологические системы, которые, по аналогии с сознательными фантазиями, могут быть описаны как бессознательные фантазии. В состоянии невротической апатии эти бессознательные фантазии выступают объектами либидо. Когда мы говорим о бессознательных фантазиях, мы выражаемся фигурально. Этим мы хотим сказать лишь то, что принимаем в качестве необходимого постулата концепцию внесознательных психических структур. Опыт учит нас, можно сказать, ежедневно, что существуют несознательные психические процессы, которые ощутимо влияют на эко-

[1] С аналогичной точкой зрения мы встречаемся у Жане.

номию либидо. Те известные каждому психиатру случаи, когда сложная система бреда вспыхивает сравнительно внезапно, доказывают, что почва для них уже была подготовлена в бессознательном: едва ли можно полагать, будто такие вещи возникают так же неожиданно, как проникают в сознание.

[257] Я позволил себе сделать это отступление относительно бессознательного, чтобы указать, что в отношении изменяющейся локализации либидозных инвестиций мы должны считаться не только с сознанием, но и с другим фактором, бессознательным, в котором иногда исчезает либидо. Теперь мы можем вернуться к обсуждению последствий, вытекающих из принятия теории либидо.

[258] Фрейд учил нас, и мы видим это в повседневной практике психоанализа, что в раннем детстве вместо более поздней нормальной сексуальности наблюдаются зачатки некоторых тенденций, которые в старшем возрасте называются «перверсиями». Мы были вынуждены признать правомерность применения к этим тенденциям сексуальной терминологии. Благодаря понятию либидо мы видим, что у взрослых те элементарные компоненты, которые казались источником нормальной сексуальности, теряют свое значение и сводятся к простым потенциальным возможностям. Их действующим принципом, их жизненной силой, так сказать, является либидо. Без либидо эти компоненты практически ничего не значат. Фрейд, как мы убедились, придает либидо бесспорно сексуальную коннотацию, что-то вроде «сексуальной потребности». Обычно считается, что либидо в этом смысле возникает только в период полового созревания. Как же тогда объяснить тот факт, что дети обладают полиморфно-перверсивной сексуальностью и что либидо активирует даже не одну, а несколько перверсий? Если либидо, в понимании Фрейда, возникает только с наступлением половой зрелости, то его нельзя считать ответственным за более ранние инфантильные перверсии — если только мы не рассматриваем их как «психические способности» в соответствии с теорией компонентов. В таком случае, даже если оставить в стороне безнадежную теоретическую путаницу, к которой бы это привело, мы бы со-

грешили против методологической аксиомы, которая гласит: «Не следует множить объяснительные принципы без необходимости».

[259] Следовательно, у нас нет другого выхода, кроме как предположить, что до и после наступления половой зрелости либидо одно и то же. Это значит, что инфантильные перверсии возникают точно так же, как и перверсии взрослых. Подобное утверждение противоречит здравому смыслу, поскольку очевидно, что сексуальные потребности детей не могут быть такими же, как у сексуально зрелых людей. Мы могли бы, однако, пойти на компромисс в этом вопросе и сказать вместе с Фрейдом, что хотя либидо до и после наступления половой зрелости одно и то же, оно отличается по своей интенсивности. Вместо интенсивной сексуальной потребности после наступления половой зрелости, в детстве имеется лишь слабая сексуальная потребность, которая постепенно затухает, пока, примерно на первом году жизни, не превращается в едва заметный след. С биологической точки зрения мы могли бы с этим согласиться. Но в таком случае мы также должны признать, что все, что входит в сферу более широкого понятия сексуальности, обсуждавшегося в предыдущей лекции, уже присутствует в миниатюре, включая все эмоциональные манифестации психосексуальности, такие как потребность в привязанности, ревность и многие другие аффективные явления, и отнюдь не в последнюю очередь неврозы детства. Разумеется, эти аффективные явления у детей вовсе не производят впечатления представленных «в миниатюре»; напротив, они могут соперничать по интенсивности с таковыми у взрослых. Как показывает опыт, извращенные манифестации сексуальности в детском возрасте часто бывают более явными и даже, по-видимому, более развитыми. У взрослого, демонстрирующего подобное состояние богато развитой перверсии, мы вправе ожидать полного исчезновения нормальной сексуальности и многих других важных форм биологической адаптации, как это обычно бывает у детей. Взрослый справедливо считается извращенным, когда его либидо не используется для нормальных функций; то же самое можно с полным основанием сказать о ребенке: он полиморфно-

извращен, ибо он вовсе не знает нормальной сексуальной функции.

[260] Эти соображения наводят на мысль, что, возможно, количество либидо всегда одинаково и что при наступлении половой зрелости не происходит никакого значительного его увеличения. Эта несколько дерзкая гипотеза опирается, что очевидно, на закон сохранения энергии, согласно которому количество энергии всегда остается постоянным. Можно предположить, что пик зрелости достигается только тогда, когда инфантильные, вспомогательные приложения либидо постепенно разряжаются в единый оформившийся канал сексуальности и затухают в нем. На данный момент мы должны ограничиться этими предположениями и обратить внимание на еще один важный момент, касающийся природы детского либидо.

[261] Многие из наших критиков не признают, что детское либидо просто менее интенсивно, но по существу имеет ту же природу, что и либидо взрослых. В отличие от взрослых, либидозные импульсы у детей не связаны с генитальной функцией или связаны с ней только в исключительных случаях, что приводит к различиям, важность которых не следует недооценивать. Полагаю, это замечание вполне оправданно. В самом деле, между незрелыми и полностью развитыми функциями существует значительная разница, как между игрой и серьезным делом или между стрельбой холостыми и боевыми патронами. Это позволяет придать инфантильному либидо тот бесспорно безобидный характер, которого требует здравый смысл. Но нельзя отрицать и того, что стрельба холостыми — это все-таки стрельба. Мы должны привыкнуть к мысли, что сексуальность существует уже в раннем детстве, еще до наступления половой зрелости, и что у нас нет никаких оснований не считать проявления этой незрелой сексуальности сексуальными.

[262] Сказанное выше, естественно, не лишает убедительности возражения, которое, признавая существование инфантильной сексуальности в описанной нами форме, тем не менее, оспаривает право Фрейда называть «сексуальными» такие ранние инфантильные явления, как сосание. Мы уже обсуждали причины, побудившие Фрейда к подобному расшире-

нию сексуальной терминологии. Мы упомянули также, что сам акт сосания можно толковать в том же ключе, что и питательную функцию, и что с биологической точки зрения этот вывод более обоснован, нежели взгляд Фрейда. Можно было бы возразить, что эти и подобные им применения оральной зоны вновь проявляются в более поздней жизни в несомненно сексуальном обличье. В сущности, это означает лишь то, что определенные виды деятельности позже могут использоваться в сексуальных целях, но ничего не говорит нам об их первоначальном сексуальном характере. Посему я должен признать, что не нахожу никаких оснований рассматривать виды деятельности, приносящие удовольствие в инфантильный период, сквозь призму сексуальности, скорее наоборот. Что касается сексуальности, то, насколько я способен судить об этих трудных вопросах, мне представляется необходимым разделить человеческую жизнь на три фазы.

[263] Первая фаза охватывает первые годы жизни; я называю этот период *дополовой* стадией*. Она соответствует гусеничной стадии бабочек и характеризуется почти исключительно функциями питания и роста.

[264] Вторая фаза охватывает поздние годы детства вплоть до наступления половой зрелости и может быть названа *препубертатной*. В этот период происходит зарождение сексуальности.

[265] Третья фаза — это взрослый возраст; он начинается с наступления половой зрелости и может быть назван периодом *зрелости*.

[266] От вас едва ли ускользнет, что наибольшая трудность заключается в том, чтобы установить границы дополовой стадии. Я готов признаться в большой своей неуверенности в отношении этой проблемы. Когда я оглядываюсь на свой собственный психоаналитический опыт с детьми — к сожалению, пока еще недостаточно обширный — и в то же время вспоминаю наблюдения Фрейда, мне представляется, что границы этой фазы лежат между третьим и пятым годами. Разумеется, они подвержены индивидуальным вариа-

* Ср.: «Символы трансформации», абз. 206.

циям. Этот возраст критичен во многих отношениях. Ребенок уже перерос беспомощность младенца и достаточно развил ряд важных психологических функций. Отныне глубокую тьму ранней инфантильной амнезии, или прерывистости сознания, начинает освещать спорадическая непрерывность памяти. Складывается впечатление, что на этой стадии совершается важный шаг к эмансипации и центрированию новой личности. Насколько нам известно, к этому же периоду относятся первые признаки интересов и действий, которые справедливо можно назвать сексуальными. Впрочем, эти начальные проявления все еще обладают инфантильными характеристиками безобидности и наивности.

[267] Полагаю, я достаточно подробно объяснил, почему сексуальная терминология не может быть применена к дополовой стадии. На основании сделанных нами выводов мы можем теперь обратиться к другим вопросам. Как вы помните, мы оставили проблему снижения либидо в детстве, ибо на тот момент не смогли прийти к какому-либо ясному заключению. Сейчас мы вернемся к этому вопросу и посмотрим, вписывается ли энергетическая концепция в наши нынешние формулировки.

[268] Как мы видели, различие между инфантильной и зрелой сексуальностью объясняется, согласно Фрейду, ее низкой интенсивностью в детстве. С другой стороны, мы только что привели причины, по которым нам кажется сомнительным, что жизненные процессы у детей, за исключением сексуальности, протекают с меньшей интенсивностью, чем таковые у взрослых. Мы могли бы сказать, что в детстве все аффективные явления и нервные симптомы, если таковые имеются, столь же интенсивны, что и в зрелом возрасте. Однако с энергетической точки зрения все они суть манифестации либидо. Таким образом, маловероятно, что разница между зрелой и незрелой сексуальностью заключается именно в интенсивности либидо. Скорее она обусловлена изменением в локализации либидо (если такое выражение допустимо). В противоположность своему медицинскому определению, либидо ребенка гораздо больше занято вспомогательными функциями психической и физической природы, нежели локальными сексуальными

функциями. В связи с этим возникает соблазн изъять слово «sexualis» из термина «либидо» и вычеркнуть сексуальное определение либидо, данное Фрейдом в его «Трех очерках по теории сексуальности». Необходимость этого особенно очевидна, если мы спросим себя, обусловлены ли печали и радости, которые столь интенсивно переживает ребенок в первые годы жизни, то есть на *дополовой стадии*, исключительно его сексуальным либидо.

[269] Фрейд высказался в пользу этого предположения. Думаю, нет нужды повторять здесь причины, побудившие меня постулировать дополовую стадию. Стадия гусеницы обладает алиментарным либидо, но не сексуальным либидо; мы должны сформулировать это так, если хотим сохранить энергетический взгляд, который предполагает теория либидо. Полагаю, нам не остается ничего другого, как отказаться от сексуального определения либидо, иначе мы потеряем самое ценное, а именно возможность рассматривать его с энергетической точки зрения. В психоаналитической школе уже давно назрела необходимость дать понятию либидо больше свободного пространства и вывести его из узких рамок сексуального определения. Ее представители неустанно подчеркивали, что сексуальность следует понимать не буквально, а в более широком смысле; однако *как* именно, оставалось неясным, а потому не могло удовлетворить серьезных критиков.

[270] Едва ли я заблуждаюсь, когда вижу истинную ценность понятия либидо не в его сексуальном определении, а в его энергетическом понимании, благодаря которому мы получили в свое распоряжение чрезвычайно ценный эвристический принцип. Мы также обязаны энергетическому взгляду динамическими образами и корреляциями, которые в хаосе психического мира представляют для нас безграничную ценность. Со стороны фрейдистов было бы неправильно не прислушаться к тем критикам, которые обвиняют нашу теорию либидо в мистицизме и непостижимости. Мы обманывали себя, когда полагали, будто можем сделать *libido sexualis* носителем энергетической концепции психической жизни. Многие представители школы Фрейда по-прежнему думают, будто обладают вполне определенной и, так сказать,

конкретной концепцией либидо; они не знают, что это понятие выходит далеко за пределы любого сексуального определения. Как следствие, критики имеют полное право упрекнуть теорию либидо в том, что она стремится объяснить вещи, которые, по сути, не относятся к ее сфере. В результате создается впечатление, что мы в самом деле оперируем некой мистической сущностью.

[271] В своей книге «Метаморфозы и символы либидо»* я попытался представить доказательства этих трансгрессий и в то же время обосновать необходимость новой концепции либидо, учитывающей только энергетический взгляд. Сам Фрейд был вынужден признать узость своей первоначальной концепции либидо, когда попытался применить энергетическую точку зрения к знаменитому случаю *dementia praecox*[1] — так называемому случаю Шребера**. Этот случай связан, помимо прочего, с известной проблемой в психологии *dementia praecox* — утратой способности адаптироваться к реальности, своеобразным феноменом, состоящим в особой тенденции больного создавать свой собственный внутренний фантазийный мир.

[272] Один из аспектов этого феномена — отсутствие эмоционального раппорта — вам прекрасно знаком, ибо он представляет собой ярко выраженное нарушение функции реальности. Проведя большую психоаналитическую работу с такими пациентами, мы установили: недостаток адаптации к реальности компенсируется прогрессирующим продуцированием фантазий, вплоть до того, что мир грез становится для пациента более реальным, чем внешняя действительность. Шребер нашел восхитительное образное описание данного явления в своей бредовой идее о «конце света»,

---

* Позднее переработана и опубликована как «Символы трансформации».

1 Позднее вместо этого термина стали говорить о шизофрении.

** [«Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides)».] — *Примеч. ред. оригинального издания*. Речь идет о немецком судье Д. Шребере, страдавшем параноидной шизофренией. Рус. пер. указанной работы: *Фрейд З.* Психоаналитические заметки об одном случае паранойи (dementia paranoides), описанном в автобиографии // Собрание сочинений: в 26 т. Том 3. СПб.: Изд-во ВЕУ психоанализа, 2006. С. 71–146. — *Примеч. ред.*

очень точно изображающее утрату реальности. Динамическое объяснение просто: мы говорим, что либидо все больше и больше оттесняется из внешнего мира во внутренний мир фантазии, и там создает, в качестве замены утраченного мира, так называемый эквивалент реальности. Этот суррогат строится, так сказать, по кирпичикам; особенно интересно наблюдать, из какого психологического материала создается внутренний мир.

[273] Такой взгляд на смещение либидо основан на повседневном употреблении этого термина, зачастую не включающем его первоначальную, сугубо сексуальную коннотацию. В реальной практике мы говорим просто о *либидо*, которое понимается в исключительно невинном смысле. Клапаред однажды заметил, что с равным успехом можно было употребить слово «интерес». Привычное употребление этого термина совершенно естественно и спонтанно подверглось определенным трансформациям, позволяющим объяснить конец света Шребера просто как отведение либидо. По этому случаю Фрейд вспомнил свое первоначальное сексуальное определение либидо и попытался смириться с изменением значения, которое незаметно произошло за это время. В своей статье о Шребере он спрашивает себя, *совпадает ли то, что психоаналитическая школа называет либидо и понимает как «интерес, вытекающий из эротических источников», с интересом вообще*. Как мы видим, формулируя проблему таким образом, Фрейд задает вопрос, на который Клапаред уже ответил на практике.

[274] Фрейд, таким образом, спрашивает, является ли утрата реальности при шизофрении, на которую я обратил внимание в своем труде «Психология *dementia praecox*», всецело следствием отведения эротического интереса или же распространяется на объективный интерес вообще. Едва ли можно предположить, что нормальная «fonction du réel»* (Жане) поддерживается исключительно эротическим интересом. Дело в том, что во многих случаях реальность исчезает полностью, так что у пациента нельзя обнаружить и следа психологической адаптации. (В таких состояниях реальность

* Функция реальности (*фр.*).

заменяется сложными содержаниями.) Следовательно, мы вынуждены признать, что утрачен не только эротический интерес, но и всякий интерес вообще, а вместе с ним и всякое приспособление к действительности.

[275] В своей работе «Психология *dementia praecox*» я пытался обойти эту трудность, используя выражение «психическая энергия», ибо не мог построить теорию *dementia praecox* на теории смещения либидо, определяемого сексуально. Мой опыт — в то время главным образом психиатрический — не позволял мне понять эту последнюю теорию; лишь позднее я пришел к осознанию ее частичной правильности в отношении неврозов благодаря обширной практике в области истерии и невроза навязчивых состояний. Анормальные смещения либидо, определенно сексуального, действительно играют большую роль в этих болезнях. Характерные вытеснения сексуального либидо при неврозах весьма распространены, однако утраты реальности, столь типичной для *dementia praecox*, не происходит. При *dementia praecox* утрата функции реальности настолько велика, что не может не повлечь за собой утрату других инстинктивных сил, сексуальный характер которых отрицается, ибо никто, вероятно, не осмелится утверждать, будто реальность есть функция секса. Более того, будь оно так, отведение эротического интереса при неврозах неизбежно повлекло бы за собой утрату реальности, сравнимую с той, которая имеет место при *dementia praecox*. Но, как я уже говорил, ничего подобного мы не наблюдаем.

[276] Еще один важный момент, который следует принять во внимание — и на который Фрейд также указал в своей работе, посвященной случаю Шребера, — состоит в следующем: интроверсия сексуального либидо ведет к инвестированию эго, что, вероятно, может произвести эффект утраты реальности. В самом деле, весьма заманчиво объяснять психологию такой утраты подобным образом. Однако внимательно изучив различные следствия отведения и интроверсии сексуального либидо, мы приходим к выводу, что, хотя оно и может продуцировать психологию аскетического затворника, оно никак не может вызвать *dementia praecox*. Все усилия анахорета направлены на то, чтобы истребить любые

следы сексуального интереса, чего нельзя утверждать о пациентах с *dementia praecox*[1].

[277] Эти факты лишили меня возможности применить фрейдовскую теорию либидо к *dementia praecox*. Я также придерживаюсь мнения, что очерк Абрахама на эту тему[2] теоретически несостоятелен, если подходить к вопросу с точки зрения концепции либидо, предложенной Фрейдом. Убежденность Абрахама в том, что параноидальная система, или шизофреническая симптоматология, порождается отведением сексуального либидо от внешнего мира, едва ли оправданна, учитывая наши современные познания в данной области. Как ясно показал Фрейд, простая интроверсия или регрессия либидо неизменно приводит к неврозу, а не к *dementia praecox*. Мне представляется невозможным применить теорию либидо к *dementia praecox*, ибо эта болезнь характеризуется утратой реальности, которая не может быть объяснена исключительно утратой эротического интереса.

[278] Сдержанная позиция, которую я занял по отношению к вездесущности сексуальности в моем предисловии к «Психологии *dementia praecox*», несмотря на признание психологических механизмов, указанных Фрейдом, была продиктована тогдашним положением теории либидо. Его сексуальное определение не позволяло мне объяснить функциональные нарушения, затрагивающие неопределенную сферу голода так же, как и сферу секса, исключительно в свете теории сексуального либидо. Теория либидо, предложенная Фрейдом, долгое время казалась мне неприменимой к *dementia praecox*. Со временем в своей аналитической работе я начал замечать, что в моих представлениях о либидо произошли некоторые изменения. Описательное определение, изложен-

---

1 Можно возразить, что *dementia praecox* характеризуется не только интроверсией сексуального либидо, но и регрессией к инфантильному уровню, и что это и составляет разницу между анахоретом и шизофреником. Это, конечно, правильно, но необходимо еще доказать, что при *dementia praecox* регрессии подвергается исключительно эротический интерес. Мне представляется, что доказать это весьма трудно, ибо в таком случае эротический интерес следует понимать как «Эрос» древних философов. Едва ли это так. Мне известны случаи *dementia praecox*, где исчезает всякое стремление к самосохранению, но не живой эротический интерес.

2 «Die psychosexuellen Differenzen der Hysterie und der Dementia praecox».

ное в «Трех очерках» Фрейда, постепенно было вытеснено генетическим определением либидо, которое позволило мне заменить выражение «психическая энергия» термином «либидо». Я сказал себе: если функция реальности в наши дни состоит лишь в очень малой степени из сексуального либидо и в гораздо большей степени из других инстинктивных сил, то необходимо установить, не имеет ли она с филогенетической точки зрения главным образом сексуальное происхождение. На этот вопрос невозможно ответить прямо, но мы можем подойти к нему окольным путем.

[279] Даже беглый взгляд на историю эволюции подсказывает нам, что многочисленные сложные функции, сексуальный характер которых сегодня уверенно отрицается, первоначально были не чем иным, как ответвлениями репродуктивного инстинкта. Как известно, на определенной ступени животной пирамиды произошло важное изменение в принципах размножения: огромное количество гамет, необходимое для случайного оплодотворения, стало постепенно уменьшаться в пользу гарантированного оплодотворения и эффективной защиты потомства. Сниженное производство яйцеклеток и сперматозоидов позволило высвободить значительную энергию, отныне доступную для преобразования в механизмы привлечения партнера, защиты потомства и т.д. Таким образом, мы находим у животных первые проявления художественного импульса, но подчиненные репродуктивному инстинкту и ограниченные периодом размножения. Первоначальный сексуальный характер этих биологических явлений постепенно исчезает по мере их органической фиксации и достижения функциональной независимости. Хотя не может быть никаких сомнений в том, что музыка изначально принадлежала к репродуктивной сфере, было бы неоправданным и фантастическим обобщением относить ее к той же категории, что и секс. Такая терминология была бы равносильна включению Кельнского собора в учебник минералогии на том основании, что он построен в основном из камня.

[280] До сих пор мы говорили о либидо как об инстинкте размножения или сохранения вида и придерживались взгляда, который противопоставляет либидо голоду точно так же,

как инстинкт сохранения вида противопоставляется инстинкту самосохранения. В природе, конечно, такого искусственного различия не существует. Здесь мы видим только непрерывное влечение к существованию, волю к жизни, которая стремится обеспечить сохранение всего вида через сохранение отдельной особи. До сих пор наше понимание либидо совпадало с понятием воли Шопенгауэра, ибо движение, воспринимаемое извне, постижимо только как манифестация внутренней воли или желания. Как только мы приходим к смелому предположению, что либидо, первоначально служившее для производства яйцеклеток и сперматозоидов, теперь организовалось в функцию, например, строительства гнезд и уже не может использоваться никак иначе, мы вынуждены включить в это понятие всякое стремление и всякое желание, включая голод. В данном случае у нас нет никаких оснований проводить принципиальное различие между желанием строить гнездо и желанием есть.

[281] Полагаю, вы уже догадались, куда ведут нас подобные рассуждения. Мы пытаемся применять энергетическую точку зрения последовательно, ставя энергетический способ действия на место сугубо формального функционирования. Подобно тому, как акцент древних наук на взаимодействиях в природе вытеснил закон сохранения энергии, так и здесь, в области психологии, мы стремимся заменить взаимодействие скоординированных психических способностей энергией, мыслимой гомогенной. Таким образом, мы принимаем во внимание обоснованную критику, упрекающую психоаналитическую школу в том, что она оперирует мистическим понятием либидо.

[282] По этой причине я должен развеять иллюзию, будто вся психоаналитическая школа имеет ясное и конкретное представление о либидо. Я утверждаю, что понятие либидо, которым мы оперируем, не только лишено всякой конкретики, но есть *X*, чистая гипотеза, модель; оно так же конкретно непостигаемо, как непостигаема энергия, известная миру физики. Только таким образом мы можем избежать нарушения надлежащих границ, которые мы преступаем снова и снова, когда пытаемся свести скоординированные силы одну к другой. (Мы никогда не сможем объяснить

механику твердых тел или электромагнитных явлений сквозь призму теории света, ибо механика и электромагнетизм — это не свет. Более того, строго говоря, не физические силы переходят одна в другую, а энергия меняет свою внешнюю форму. Силы — это феноменальные проявления; в основе их отношений друг с другом лежит гипотетическая идея энергии, которая, разумеется, всецело психологична и не имеет ничего общего с так называемой объективной реальностью.) В теории либидо мы стремимся к тому же концептуальному достижению, к которому пришла физика. Мы хотим придать понятию либидо подобающее ему значение, сугубо энергетическое, что позволит нам рассматривать жизненный процесс сквозь призму энергии и заменить старую идею взаимного действия отношениями абсолютной эквивалентности. Нас не смутят упреки в витализме. Мы так же далеки от веры в специфическую жизненную силу, как и от любых других метафизических воззрений. Либидо — это просто название для энергии, которая проявляется в жизненном процессе и субъективно воспринимается как конация* и желание. Такая точка зрения едва ли требует защиты. Благодаря ей мы приобщаемся к мощному потоку идей, который стремится постичь мир явлений энергетически. Достаточно сказать, что все, что мы воспринимаем, можно понять только как действие сил.

[283] В многообразии природных явлений мы видим желание — либидо — в самых разнообразных формах. В раннем детстве оно проявляется всецело в форме питательного инстинкта, который обеспечивает рост тела. По мере развития организма для либидо последовательно открываются новые сферы применения. Определяющей и чрезвычайно важной сферой его приложения является сексуальность, которая с самого начала представляется тесно связанной с функцией питания (стоит только вспомнить о влиянии питания на размножение у низших животных и растений). В сфере сексуальности либидо приобретает форму, огромное значение которой вообще дает нам право употреблять двусмысленный термин «либидо». Здесь либидо выступает сна-

* Умственный процесс волеизъявления.

чала в своем недифференцированном первичном качестве, подобно энергии роста, вызывающей деление клеток, почкование и так далее у отдельных особей.

[284] Из этого первичного, сексуального либидо, производящего из одного маленького организма миллионы яйцеклеток и сперматозоидов, развились, благодаря сильному ограничению фертильности, ответвления, функция которых поддерживается специфически дифференцированным либидо. Дифференцированное либидо «десексуализируется» и лишается своей первоначальной функции производства яйцеклеток и спермы, восстановить которую нет никакой возможности. Таким образом, весь процесс развития состоит в постепенном перенаправлении первичного либидо, которое не производило ничего, кроме гамет, на вторичные функции привлечения партнера и защиты потомства. Это предполагает совершенно иное и гораздо более сложное отношение к действительности, подлинную функцию реальности, неразрывно связанную с потребностями репродукции. Иными словами, измененный способ размножения приносит с собой, в качестве коррелята, повышенную адаптацию к реальности. Последнее, разумеется, не означает, что функция реальности обязана своим существованием исключительно дифференциации в процессе репродукции. Я полностью осознаю бесконечно большую роль, которую играет питательная функция.

[285] Таким образом, мы получаем некоторое представление о факторах, изначально обусловливающих функцию реальности. Было бы фундаментальной ошибкой утверждать, что ее движущая сила носит сексуальный характер. Первоначально она *была* в значительной степени сексуальной, но даже тогда не исключительно таковой.

[286] Процесс поглощения первичного либидо вторичными функциями, вероятно, всегда происходил в форме «либидозных притоков», то есть сексуальность отклонялась от своей первоначальной цели и частично использовалась для механизмов привлечения партнера и защиты потомства. Чем выше вы поднимаетесь по филогенетической лестнице, тем большую значимость приобретают эти функции. Подобный перенос сексуального либидо из сексуальной сфе-

ры на вспомогательные функции происходит до сих пор. (Мальтузианство, например, представляет собой искусственное продолжение естественной тенденции.) Там, где данный процесс протекает без ущерба для адаптации индивида, мы говорим о «сублимации»; если же попытка оказывается неудачной — о «вытеснении».

[287] Описательная точка зрения, принятая в психоанализе, рассматривает множественность инстинктов, в том числе и половой инстинкт, как частные явления; кроме того, она признает некоторые притоки либидо к несексуальным инстинктам.

[288] Иначе обстоит дело с генетической точки зрения. Она рассматривает множественность влечений как возникающих из относительного единства, либидо; порции либидо непрерывно отщепляются от репродуктивной функции, присоединяются в качестве либидозных притоков к вновь образованным функциям и, наконец, сливаются с ними.

[289] С этой точки зрения мы можем с полным правом утверждать, что шизофреник изымает свое либидо из внешнего мира и вследствие этого страдает утратой реальности, компенсируемой повышенной активностью фантазии.

[290] Попытаемся теперь вписать это новое понятие либидо в теорию детской сексуальности, которая так важна для понимания невроза. У младенцев либидо как жизненная энергия сначала проявляется в области функции питания: в акте сосания пища принимается внутрь при помощи ритмического движения и со всеми признаками удовлетворения. С ростом индивида и развитием его органов либидо пролагает себе путь к новой деятельности. Первичная модель ритмического движения, порождающая чувство удовольствия и удовлетворения, теперь переносится в область других функций. Конечной целью, безусловно, является сексуальность. Значительная доля «алиментарного либидо» должна преобразоваться в «сексуальное либидо». Данная трансформация происходит не внезапно в период полового созревания, но постепенно, в течение всего детства. Либидо в состоянии лишь с большим трудом и крайне медленно освободиться от модальности питательной функции с тем, чтобы влиться в функцию сексуальную.

[291] В этой переходной стадии, насколько я могу судить, следует различать две отдельные фазы: фазу сосания и фазу смещенной ритмической деятельности. Сосание по самой своей природе относится к сфере питательной функции, но перерастает ее; выйдя за рамки функции питания, оно становится ритмической деятельностью, направленной на получение удовольствия и удовлетворения, не связанных с приемом пищи. С этого момента в качестве вспомогательного органа начинает выступать рука. Особенно ярко это проявляется в фазе смещенной ритмической активности, которая затем покидает оральную зону и переходит в другие области. Как правило, первыми объектами либидозного интереса становятся другие отверстия тела, позже — кожа или ее особые участки. Соответствующие движения, принимая форму растирания, тыканья, щипания и т.д., следуют определенному ритму и служат для получения удовольствия. Задержавшись некоторое время на этих промежуточных станциях, либидо продолжает свой путь, пока не достигнет сексуальной зоны, где может дать повод для первых попыток мастурбации. В ходе своих миграций либидо переносит элементы питательной фазы в новое поле для деятельности, что легко объясняет многочисленные тесные связи между питательной и сексуальной функциями. Миграция либидо происходит на дополовой стадии: в этот период либидо постепенно отказывается от характера питательного инстинкта и принимает характер полового инстинкта[1]. Стало быть, на стадии питания еще нельзя говорить об истинном сексуальном либидо.

[292] Как следствие, мы обязаны иначе квалифицировать так называемую полиморфно-перверсивную сексуальность раннего детства. Полиморфизм либидозных влечений в этот период можно объяснить постепенной миграцией либидо, шаг за шагом, из сферы питательной функции в сферу сексуальной. Таким образом, термин «перверсивный», на который столь яростно нападают наши критики, можно отбросить, ибо он производит ложное впечатление.

---

[1] Пусть читатель правильно поймет мой образный способ выражения. Я говорю, конечно, о либидо не как об энергии, которая постепенно высвобождается из функции питания, а как о функции, связанной с медленными метаморфозами органического роста.

[293] Когда химическое вещество распадается на составляющие его элементы, эти элементы — в данных обстоятельствах — являются продуктами распада. Однако нельзя описывать все элементы вообще как продукты распада. Перверсии — это продукты нарушения развитой сексуальности. Они отнюдь не начальная стадия сексуальности, хотя существует несомненное сходство между начальной стадией и продуктом распада. По мере развития сексуальности ее инфантильные стадии, которые следует рассматривать уже не как «перверсивные», а как рудиментарные и временные, разрешаются в нормальную сексуальность. Чем легче либидо отклоняется от своих временных приложений, тем быстрее и полнее происходит формирование нормальной сексуальности. Сущность нормальной сексуальности состоит в том, что все те ранние инфантильные тенденции, которые еще не являются сексуальными, должны быть отброшены. Если это не удается, сексуальность становится перверсивной (извращенной). Здесь определение «перверсивный» вполне уместно. Таким образом, основным обусловливающим фактором перверсии является инфантильное, недостаточно развитое состояние сексуальности. Выражение «полиморфно-перверсивное» было заимствовано из психологии невроза и спроецировано обратно в психологию ребенка, где оно, конечно, совершенно неуместно.

4. Невроз и этиологические факторы в детстве

[294] Теперь, когда мы выяснили, что следует понимать под инфантильной сексуальностью, мы можем продолжить обсуждение теории невроза, которое мы начали в первой лекции и затем на время оставили. Мы проследили теорию невроза вплоть до утверждения Фрейда, что предрасположенность, придающая травматическим переживаниям патогенный аспект, носит сексуальный характер. Наши предыдущие рассуждения подсказывают нам, как трактовать эту сексуальную предрасположенность: это задержка, остановка процесса высвобождения либидо от деятельности на

досексуальной стадии. Подобное нарушение следует рассматривать прежде всего как временную фиксацию: либидо слишком долго задерживается на промежуточных станциях в процессе своей миграции от питательной функции к сексуальной. Это порождает состояние дисгармонии, поскольку предварительная и, так сказать, устаревшая деятельность все еще сохраняется в тот период, когда от нее следовало бы отказаться. Данная формула может быть применена ко всем инфантильным чертам, которые так распространены у невротиков, что ни один внимательный наблюдатель не может их не заметить. При *dementia praecox* инфантилизм настолько бросается в глаза, что даже дал характерное название одному конкретному синдрому — гебефрении (буквально: «подростковый ум»).

[295] Проблема, однако, не исчерпывается задержкой либидо на предварительных стадиях. Пока либидо застаивается, время не стоит на месте, и развитие индивида продолжается быстрыми темпами. Физическое созревание усиливает несоответствие между устойчивой инфантильной активностью и требованиями более поздних лет с их изменившимися условиями жизни. Таким образом, закладывается фундамент для диссоциации личности, а следовательно, и для конфликта, который и составляет подлинную основу невроза. Чем больше либидо вовлечено в отсталую деятельность, тем более интенсивным будет конфликт. Наиболее подходящие условия для проявления этого конфликта — травматический или патогенный опыт.

[296] Как показал Фрейд в своих ранних работах, легко представить себе невроз, возникающий таким образом. Данная концепция вполне согласовывалась со взглядами Жане, который приписывал невроз некоему дефекту. С этой точки зрения невроз можно рассматривать как продукт задержки аффективного развития. Предполагаю, что эта концепция должна показаться самоочевидной любому, кто склонен выводить неврозы более или менее непосредственно из наследственного изъяна или врожденной дегенерации. К сожалению, реальное положение дел гораздо сложнее. Чтобы дать вам некоторое представление об этих осложняющих обстоятельствах, приведу самый обычный пример истерии,

который показывает, насколько они характерны и насколько чрезвычайно важны теоретически.

[297] Вы, вероятно, помните случай с молодой истеричкой, о которой я упоминал ранее. Как ни странно, женщина не отреагировала на ситуацию, которая должна была произвести на нее глубокое впечатление, и все же проявила неожиданную и патологически бурную реакцию на совершенно обычное событие. Мы воспользовались этим случаем, чтобы выразить наше сомнение относительно этиологического значения травмы и более тщательно исследовать так называемую предрасположенность. Результаты этого исследования привели нас к заключению, изложенному выше: не исключено, что возникновение невроза связано с задержкой аффективного развития.

[298] Вы спросите, в чем состояла задержка эмоционального развития пациентки. Больная жила в мире фантазий, который нельзя охарактеризовать иначе, как инфантильный. Подробно описывать эти фантазии мне нет необходимости: будучи неврологами или психиатрами, вы, несомненно, ежедневно выслушиваете детские предрассудки, иллюзии и эмоциональные требования невротиков. Нежелание смотреть в лицо суровой действительности — отличительная черта таких фантазий; в них есть какая-то несерьезность, игривость. Иногда они маскируют реальные трудности, иногда делают из мухи слона — все ради того, чтобы невротик мог уклониться от требований реальной жизни. Мы немедленно распознаем в них свойственные ребенку несдержанность по отношению к действительности, шаткость суждений, нелюбовь к неприятным обязанностям. На такой инфантильной почве всевозможные фантазии и иллюзии, выдающие желаемое за действительное, могут пышно разрастись; именно здесь и кроется главная опасность. Посредством этих фантазий человек может легко соскользнуть в нереальное и совершенно неадаптивное отношение к миру, которое рано или поздно должно привести к катастрофе.

[299] Если мы проследим фантазийную жизнь пациентки до раннего детства, то обнаружим много эпизодов, которые вполне могли бы послужить свежей пищей для той или иной фантазийной вариации. Впрочем, тщетно было бы искать

в них так называемые травматические элементы, из которых могло бы возникнуть нечто патологическое, например анормальная деятельность фантазии. В ее памяти сохранилось много «травматических» сцен, но они не относились к периоду раннего детства; те же немногие события раннего детства, которые она запомнила, не были травматическими и, скорее всего, не оказали никакого влияния на ее фантазии. Самые ранние фантазии состояли из смутных и полузабытых впечатлений, оставленных родителями. Вокруг отца группировались всевозможные странные чувства — от страха, ужаса, антипатии и отвращения до любви и экстаза. Этот случай, стало быть, похож на многие другие случаи истерии, в которых нельзя обнаружить ни малейшего признака травматической этиологии; вместо этого они коренятся в своеобразной ранней активности фантазии, которая сохраняет свой инфантильный характер.

[300] Вы возразите, что в данном случае именно эпизод с испугавшимися лошадьми представлял собой травму и послужил моделью для ночного инцидента восемнадцать лет спустя, когда пациентка бежала перед экипажем и хотела броситься в реку по примеру лошадей, упавших в овраг. С этого момента она также страдала от истерических сумеречных состояний. Но, как я пытался показать вам в своей предыдущей лекции, мы не находим никаких признаков подобной этиологической связи в развитии ее фантазийной системы. Складывается впечатление, что смертельная опасность, которой она подверглась в случае с испугавшимися лошадьми, прошла без последствий. В течение всех лет, последовавших за этим, мы не обнаруживаем и следа этого страха. Как будто этого происшествия никогда и не было. В скобках замечу, что, возможно, его действительно никогда не было. Вполне возможно, что весь инцидент — чистый вымысел, ибо здесь я могу полагаться только на слова пациентки[1].

[301] Внезапно, через восемнадцать лет, этот опыт становится значимым, воспроизводится и разыгрывается во всех деталях. Старая теория гласит: заблокированный ранее аффект

[1] Вероятно, следует отметить, что некоторые люди до сих пор уверены, что пациент может обмануть психолога. Это совершенно невозможно, ибо ложь есть фантазия, а фантазия — наша работа.

внезапно вырвался на поверхность. Это предположение крайне маловероятно, особенно если принять во внимание, что история о лошадях может быть и неправдой. Как бы то ни было, немыслимо, чтобы аффект оставался погребенным в течение многих лет, а затем нашел выход при каком-нибудь в высшей степени неподходящем случае.

[302] Как известно, пациенты часто объясняют свои страдания давними переживаниями, ловко отвлекая внимание аналитика от настоящего и направляя его на ложный след в прошлом. По этому ошибочному пути и двигалась первая психоаналитическая теория. С другой стороны, именно этой ложной гипотезе мы обязаны пониманием детерминации невротических симптомов, которого никогда бы не достигли, если бы в своих изысканиях исследователи не руководствовались склонностью больного к обману. Полагаю, только те, кто рассматривает происходящее как цепь ошибок и случайностей и потому верит в направляющую руку рационалиста, могут счесть, что этот путь был ложным путем, от которого нас следовало всячески предостеречь. Помимо более глубокого проникновения в психологическую детерминацию, эта «ошибка» дала невероятно важный метод исследования. Мы должны быть благодарными, что Фрейду хватило мужества пойти по этому пути. Прогрессу науки препятствуют не заблуждения, а скорее слепая приверженность однажды обретенным прозрениям, типичный консерватизм авторитета, детское тщеславие ученого и его боязнь ошибиться. Подобная трусость гораздо более вредна для науки, чем честная неправота. Когда же прекратятся эти бесконечные споры о том, кто прав? Достаточно взглянуть на историю науки: как много *было* правых и как мало *осталось* правыми!

[303] Но вернемся к нашему случаю. Возникает следующий вопрос: если старая травма не имеет этиологического значения, то причину очевидного невроза, очевидно, следует искать в задержке аффективного развития. Посему мы должны считать неправдоподобным утверждение пациентки о том, что ее сумеречные состояния спровоцированы испугом, вызванным лошадьми, хотя этот страх стал отправной точкой ее манифестной болезни. Данный опыт просто

кажется важным, не будучи таковым в действительности. Подобная формулировка верна для большинства других травм: те или иные переживания только *кажутся* значимыми, ибо дают повод для манифестации анормального состояния, в скрытом виде существовавшего уже давно. Анормальное состояние, как мы уже объяснили, состоит в анахронической персистенции инфантильной стадии в развитии либидо. Пациенты продолжают цепляться за формы применения либидо, от которых им давно следовало отказаться. Эти формы невозможно перечислить, ибо они необычайно разнообразны. Самая распространенная и присутствующая почти всегда, — это чрезмерная активность фантазии, характеризующаяся бездумным завышением ценности субъективных желаний. Чрезмерная активность фантазии всегда является признаком неправильного приложения либидо к реальности. Вместо того чтобы служить цели адаптации к реальным обстоятельствам, либидо застревает в фантазиях. Состояние, когда либидо используется для поддержания фантазий и иллюзий вместо приспособления к реальным условиям жизни, мы называем частичной интроверсией.

[304] Регулярным спутником этой задержки аффективного развития является *родительский комплекс*. Когда либидо не используется в целях адаптации к реальности, оно всегда более или менее интровертировано[1]. Материальное содержание психического мира состоит из воспоминаний, то есть из материала индивидуального прошлого (помимо фактических ощущений). Если либидо частично или полностью интровертировано, оно инвестируется в области памяти, в результате чего эти воспоминания приобретают жизненную силу, которая им уже не принадлежит. Такие пациенты в большей или меньшей степени живут в мире прошлого. Они борются с трудностями, когда-то игравшими определенную роль в их жизни. Они беспокоятся о вещах, которые давно должны были утратить свою актуальность. Они забавляются или мучают себя фантазиями, которые в детстве

[1] Интроверсия не означает, что либидо аккумулируется пассивно. Однако если интроверсия влечет за собой регрессию к инфантильному способу адаптации, оно используется для продуцирования фантазий и иллюзий. Впрочем, интроверсия может привести и к рациональным действиям.

могли быть важными, но для взрослого не имеют никакого значения.

[305] Среди вещей, имеющих первостепенное значение в инфантильный период, наиболее влиятельную роль играют личности родителей. Даже если родители давно умерли и потеряли (или должны были потерять) всякое значение, ибо положение пациента с тех пор изменилось, они все еще присутствуют в его памяти и так же важны, как живые. Любовь, восхищение, сопротивление, ненависть и бунтарство пациента по-прежнему сопряжены с их образами, искаженными привязанностью или завистью и часто имеющими мало сходства с прежней реальностью. Именно этот факт побудил меня говорить не об «отце» и «матери», а использовать вместо них термин «имаго»: эти фантазии касаются уже не реальных отца и матери, а субъективных и часто очень искаженных их образов, которые ведут смутное, но тем не менее активное существование в разуме больного.

[306] Комплекс родительских имаго, то есть вся ткань представлений, относящихся к родителям, представляет собой важное поле для деятельности интровертного либидо. Мимоходом упомяну, что комплекс сам по себе ведет лишь призрачное существование, если он не наделен либидо. В соответствии с более ранним употреблением, выработанным мной в «Исследованиях словесных ассоциаций», слово «комплекс» обозначало систему идей, уже наделенных либидо и активированных им. Но эта система также существует *in potentia*, в любой момент готовая к действию, даже если временно или постоянно не наделена либидо.

[307] В то время, когда психоаналитическая теория еще опиралась на концепцию травмы и, в соответствии с этой точкой зрения, искала *causa efficiens** невроза в прошлом, мы видели в родительском комплексе, как называл его Фрейд, «ядерный комплекс». Роль родителей представлялась настолько мощным фактором, что мы были склонны винить их во всех последующих осложнениях в жизни пациента. Несколько лет назад я затронул данный вопрос в своей статье «Значение отца в судьбе индивида»**. Здесь мы снова

---

* Действенную причину (*лат.*).

** См. ниже, абз. 693 и далее.

позволили себе руководствоваться тенденцией пациента возвращаться к прошлому, следуя направлению интровертированного либидо. На этот раз, разумеется, уже не внешний, случайный опыт или событие производили патогенное действие; скорее это был психологический эффект, очевидно, возникающий из трудностей адаптации индивида к условиям семейной среды. Дисгармония между родителями, с одной стороны, и между родителями и ребенком — с другой, по всей видимости, особенно часто порождала в ребенке психические токи, несовместимые с его индивидуальным образом жизни.

[308] В вышеупомянутой статье я привел несколько примеров, почерпнутых из обширного материала, собранного мной по этой теме. Эффект явно родительского влияния не ограничивается бесконечными обвинениями со стороны их невротических отпрысков, которые возлагают вину за свою болезнь на семейные обстоятельства или плохое воспитание, но распространяется на фактические события в жизни пациентов, где такого определяющего воздействия нельзя ожидать. Живое подражание, которое мы находим как у первобытных людей, так и у детей, может вызвать у особенно чувствительного ребенка своеобразное внутреннее отождествление с родителями, психическую установку, настолько сходную с их, что его реальная жизнь даже в малейших подробностях будет напоминать личный опыт родителей[1].

[309] Что касается эмпирического материала, то я вынужден сослаться на соответствующую литературу. Тем не менее я бы хотел напомнить вам, что одна из моих учениц, доктор Эмма Фюрст, получила ценные экспериментальные доказательства по этому вопросу. Я уже упоминал о ее исследованиях в своих лекциях в Университете Кларка*. Применяя

---

[1] Я не имею в виду наследственное органическое сходство, которое ответственно за многое, но отнюдь не за все.

* [Fürst, Statistische Untersuchungen über Wortassoziationen und über familiäre übereinstimmung im Reaktionstypus bei Ungebildeten (ориг. 1905). Обсуждение ее исследований приводится во второй «кларковской» лекции под названием «Familienaufstellungen» («Семейные констелляции»); см.: Gesammelte werke, band *2*.] — *Примеч. ред. оригинального издания*. Э. Фюрст — швейцарская исследовательница психологии, ученица К.Г. Юнга. — *Примеч. ред.*

ассоциативный тест, д-р Фюрст установила выраженное сходство в реакциях между всеми членами одной семьи. Проведенные ею эксперименты свидетельствуют о бессознательной согласованности ассоциаций между родителями и детьми, которую нельзя объяснить иначе, как интенсивным подражанием или идентификацией. Результаты исследований указывают на параллелизм биологических тенденций, который объясняет поразительное сходство в судьбах некоторых родителей и детей. Наши судьбы, как правило, определяются нашими психологическими тенденциями.

[310] В свете вышеизложенного нетрудно понять, почему не только пациенты, но и теории, построенные на этих исследованиях, склонны усматривать причину невроза в характерологическом влиянии родителей на детей. Кроме того, это предположение находит подтверждение в феномене, лежащем в основе всякого обучения, — а именно, в пластичности детского разума, который обыкновенно сравнивают с мягким воском, впитывающим и сохраняющим любые отпечатки. Мы знаем, что первые впечатления детства сопровождают нас на протяжении всей жизни и что некоторые педагогические влияния способны всю жизнь удерживать людей в соответствующих пределах. В этих обстоятельствах неудивительно, что между личностью, сформированной педагогическими и другими влияниями инфантильной среды, и собственным индивидуальным стилем жизни нередко возникают определенные конфликты. С такими конфликтами сталкивается всякий, кто стремится вести независимую и творческую жизнь.

[311] Ввиду важнейшей роли, которую детство играет в последующем развитии характера, невроз часто приписывают непосредственно воздействию инфантильной среды. Должен признаться, что мне известны случаи, когда любое другое объяснение казалось менее правдоподобным. Действительно, встречаются родители, которые в силу собственной противоречивой природы обращаются со своими детьми так неразумно, что их заболевание представляется неизбежным. По этой причине среди специалистов по нервным болезням принято по возможности удалять невротичных детей из опасной семейной атмосферы и помещать их в более здо-

ровую среду, где они чувствуют себя лучше без всякого медицинского вмешательства. Многие пациенты страдают явным неврозом с детства. В таких случаях изложенная выше точка зрения представляется в целом обоснованной.

[312] Эту точку зрения, которая в то время казалась нам исчерпывающей, значительно углубили исследования Фрейда и психоаналитической школы. Детско-родительские отношения изучались во всех подробностях, поскольку именно эти отношения считались этиологически важными. Вскоре было замечено, что такие больные действительно частично или полностью жили в своем детском мире, хотя сами совершенно этого не осознавали. Напротив, трудная задача психоанализа как раз и состояла в том, чтобы исследовать психологический способ адаптации настолько тщательно, чтобы можно было указать пальцем на ложные инфантильные представления. Как вы знаете, поразительное количество невротиков в детстве баловали сверх всякой меры. Такие случаи представляют собой наилучшие и наиболее убедительные примеры инфантилизма их психологического способа адаптации. Они вступают в жизнь, ожидая того же дружеского приема, нежности и легкого успеха, к которому их приучили родители. Даже очень умные пациенты не способны понять, что с самого начала обязаны осложнениями своей жизни, а также своим неврозом приверженности инфантильной эмоциональной установке. Маленький мир ребенка, семейная среда есть модель большого мира. Чем сильнее отпечаток, наложенный на ребенка его семьей, тем больше он будет эмоционально склонен, будучи взрослым, видеть в большом мире свой прежний маленький мирок. Разумеется, это не следует трактовать как сознательный интеллектуальный процесс. Напротив, больной чувствует и видит разницу между настоящим и будущим и старается адаптироваться как можно лучше. Возможно, он даже будет считать себя вполне приспособленным, если может постичь ситуацию интеллектуально, однако это отнюдь не мешает его эмоциям сильно отставать от интеллектуального понимания.

[313] Едва ли стоит приводить примеры этого феномена. В своей повседневной жизни мы постоянно наблюдаем разрыв

между эмоциями и критическими представлениями о себе и мире. Точно так же обстоит дело и при неврозе, только в гораздо большей степени. Невротик может искренне верить, что, за исключением невроза, он — нормальный человек, оптимально приспособленный к условиям реальной жизни. Ему и в голову не приходит, что он все еще не отказался от некоторых инфантильных требований и в глубине души до сих пор питает ожидания и иллюзии, которые никогда толком не осознавал. Он предается всевозможным излюбленным фантазиям, которые редко, если вообще когда-либо, осознает настолько, что знает об их наличии. Очень часто они существуют только как эмоциональные ожидания, надежды, предубеждения и т. д. В этом случае мы называем их бессознательными фантазиями. Иногда они возникают на периферии сознания в виде мимолетных мыслей, но в следующий момент снова исчезают, так что больной не может сказать наверняка, были у него такие фантазии или нет. Только во время психоаналитического лечения большинство пациентов учатся удерживать и наблюдать эти ускользающие мысли. Хотя большинство фантазий когда-то были сознательными, пусть даже всего одно мгновение, их нельзя назвать *сознательными*, ибо бóльшую часть времени они *не осознаются*. Посему мы имеем полное право называть их бессознательными. Разумеется, существуют и вполне сознательные инфантильные фантазии, которые могут быть воспроизведены в любое время.

5. Фантазии бессознательного

[314] Сфера бессознательных инфантильных фантазий стала подлинным объектом психоаналитических исследований, ибо, по всей видимости, таит в себе ключ к этиологии невроза. По всем вышеупомянутым причинам и в противоположность теории травмы мы вынуждены предположить, что фундамент психологического настоящего следует искать в семейной истории пациента.

[315] Фантазийные системы, которые пациенты обнаруживают при расспросах, в основном имеют составную природу и раз-

рабатываются, как роман или драма. Несмотря на это, они представляют относительно небольшую ценность для исследования бессознательного. Будучи сознательными, они подчиняются требованиям этикета и социальной морали. Они очищены от всех болезненных личных подробностей и всех уродливых деталей. Благодаря этому они социально приемлемы, но вместе с тем абсолютно непоказательны. Более ценные и, очевидно, более значимые фантазии не осознаются в смысле, определенном ранее, и могут быть выявлены только с помощью психоаналитической техники.

[316] Не желая углубляться в вопросы техники, я, тем не менее, должен ответить на одно распространенное возражение, согласно которому так называемые бессознательные фантазии просто внушаются пациенту и существуют только в уме аналитика. Это возражение принадлежит к той же категории, что и упреки в грубых ошибках новичков. Такие обвинения способны выдвигать лишь люди, не имеющие психологического опыта и не знающие истории психологии. Ни один человек, имеющий хоть малейшее представление о мифологии, не может не увидеть параллелей между бессознательными фантазиями, выявленными психоаналитической школой, и мифологическими идеями. Утверждение, будто мы внушаем пациенту наши мифологические знания, совершенно необоснованно, ибо психоаналитическая школа сначала открыла фантазии и лишь затем ознакомилась с их мифологией. Как известно, мифология не относится к компетенции медика.

[317] Поскольку эти фантазии бессознательны, пациент, естественно, не подозревает об их существовании, и напрямую расспрашивать его о них было бы совершенно бессмысленно. Тем не менее не только пациенты, но и так называемые нормальные люди повторяют снова и снова: «Но если бы у меня были такие фантазии, я бы обязательно об этом знал!» В действительности бессознательное — это то, чего мы не знаем. Наши оппоненты твердо убеждены в том, что ничего подобного не существует. Это априорное суждение носит сугубо схоластический характер и не имеет под собой никаких оснований. Мы не можем опираться на догму о том, что психика ограничена сознанием, ибо мы ежедневно убеж-

даемся в том, что наше сознание является лишь частью психической функции. Содержания сознания уже отличаются невероятной сложностью; процесс констелляции наших мыслей из материала, содержащегося в памяти, преимущественно протекает бессознательно. Посему мы вынуждены предполагать, нравится нам это или нет, существование несознательной психической сферы, даже если только в качестве «отрицательного пограничного понятия», подобно кантовской *Ding an sich**. Поскольку мы воспринимаем воздействия, источники которых не могут быть обнаружены в сознании, нам приходится вкладывать гипотетические содержания в сферу неосознанного. Последнее означает, что источник этих воздействий кроется в бессознательном именно потому, что он не осознается. Данную концепцию бессознательного едва ли можно упрекнуть в «мистицизме». Мы не претендуем на то, чтобы знать или утверждать что-либо определенное о состоянии психических элементов в бессознательном. Вместо этого мы сформулировали символические понятия по аналогии с нашей формулировкой сознательных понятий, и эта терминология доказала свою ценность на практике.

[318] Такой способ мышления представляется единственно возможным, если мы придерживаемся аксиомы, которая гласит: «Не следует множить принципы без необходимости». Таким образом, мы говорим о влияниях бессознательного так же, как о феноменах сознания. Позиция Фрейда, согласно которой «бессознательное может только желать», вызвала яростные возражения. Данное утверждение было расценено как неслыханный метафизический постулат, что-то вроде положения из «Философии бессознательного» фон Гартмана**. Очевидно, возмущение было вызвано тем, что наши критики, сами того не подозревая, исходили из метафизической концепции бессознательного *ens per se**** и наивно проецировали на нас свои эпистемологически неочищенные идеи. Для нас бессознательное — простой

---

* Вещи в себе (*нем.*); это одно из ключевых понятий философии И. Канта.

** Э. фон Гартман — немецкий философ, один из основоположников представления о важности бессознательного в человеческой жизни.

*** В чистом виде, как такового (*лат.*).

термин, о метафизической сущности которого мы не позволяем себе составить никаких представлений. В этом мы отличаемся от тех кабинетных психологов, которые не только прекрасно осведомлены о локализации психики в головном мозге и физиологических коррелятах психических процессов, но и могут решительно утверждать, что за пределами сознания нет ничего, кроме «физиологических процессов в коре больших полушарий».

[319] Не следует приписывать нам такую наивность. Когда Фрейд говорит, что бессознательное может только желать, он тем самым пытается дать символическое описание влиянию, источник которого не осознается, но который с точки зрения сознательного мышления можно рассматривать только как аналог желаний. Более того, психоаналитическая школа в любой момент готова возобновить дискуссию о корректности аналогии с «желанием». Мы приветствуем всех, кто может предложить нечто лучшее. Вместо этого наши оппоненты довольствуются отрицанием самого существования этих явлений; если же они все-таки признают определенные феномены, то воздерживаются от любых теоретических формулировок. Последнее вполне понятно, ибо не каждый способен мыслить теоретически.

[320] Как только некто освобождается от догмы идентичности психики и сознания, допуская, таким образом, возможность существования внесознательных психических процессов, он уже не может априори ни утверждать, ни отрицать что-либо о потенциальных возможностях бессознательного. Психоаналитическую школу обвиняют в необоснованных утверждениях. Нам кажется, что изложенный в литературе обильный — даже слишком обильный — клинический материал обеспечивает достаточно — более чем достаточно — оснований, однако нашим оппонентам его мало. Очевидно, мы по-разному понимаем слово «достаточный» в этом контексте. Возникает вопрос: почему психоаналитическая школа требует гораздо менее убедительных доказательств своих формулировок, нежели ее противники?

[321] Причина проста. Инженеру, который построил мост и рассчитал предполагаемую нагрузку, не требуется дополнительных доказательств его несущей способности. Но скеп-

тически настроенный обыватель, понятия не имеющий о том, как строится мост, или какова прочность используемого материала, потребует совсем других доказательств его прочности. Очевидно, столь высокие требования со стороны наших оппонентов преимущественно обусловлены их абсолютным незнанием того, что мы делаем. Кроме того, немалую роль играет бесчисленное множество ложных теоретических представлений: устранить их все заведомо невозможно. Как наши пациенты обнаруживают новые и все более странные заблуждения о путях и целях психоанализа, так и наши критики проявляют неиссякаемую изобретательность в формировании ошибочных представлений. Из нашего обсуждения понятия бессознательного видно, какие ложные философские предположения могут исказить понимание нашей терминологии. Очевидно, что человеку, который думает о бессознательном как об абсолютной сущности, неизбежно потребуются доказательства совершенно иного рода, которые мы не в силах представить. Именно так и поступают наши оппоненты. Если бы мы постулировали бессмертие, нам пришлось бы представить горы самых весомых доказательств. Ничего подобного не требуется для констатации, скажем, существования плазмодий у больного малярией. Метафизические ожидания все еще слишком сильны в научном мышлении, а потому мешают рассматривать проблемы психоанализа в их собственной системе координат.

[322] Впрочем, справедливости ради я должен признать, что психоаналитическая школа сама дала повод для множества ошибочных выводов, хотя и ненамеренно. Один из главных источников — неразбериха, царящая в теоретической сфере. Как это ни прискорбно, у нас нет единой теории. Вы бы сами в этом убедились, если бы на конкретных примерах видели те огромные трудности, с которыми нам приходится сталкиваться. Вопреки мнению почти всех критиков, Фрейд может быть кем угодно, но только не теоретиком. Он эмпирик, и это должен признать всякий, кто стремится хоть сколько-нибудь глубоко проникнуть в его работы и попытаться увидеть его пациентов так, как видит их он. К сожалению, наши критики к этому не стремятся. Как нам

неоднократно говорили, «противно и отвратительно» смотреть на больных так, как смотрит Фрейд. Но как можно понять метод Фрейда, если идти на поводу у своего отвращения? Не приложив ни малейших усилий, чтобы встать на место Фрейда и подстроиться под его взгляды, принятые, возможно, в качестве необходимой рабочей гипотезы, наши оппоненты приходят к абсурдному выводу, что он теоретик. Они охотно заключают, что «Три очерка по теории сексуальности» — это всего-навсего теория, изобретенная спекулятивным мозгом, и что все это просто внушается пациенту. Хотя подобная трактовка не соответствует истине, она значительно упрощает работу критиков. Они не обращают никакого внимания на «несколько клинических случаев», которыми психоаналитик добросовестно подтверждает свои теоретические выкладки; их интересует только теория и формулировка техники. Слабые места психоанализа заключаются не в этом — психоанализ, по сути, эмпиричен, — хотя здесь, несомненно, обнаруживается обширная и недостаточно культивированная область, в которой критики могут резвиться в свое удовольствие. В сфере теории много неопределенностей и немало противоречий. Мы осознавали это задолго до того, как наши ученые оппоненты почтили нас своим вниманием.

[323] После этого отступления вернемся к вопросу о бессознательных фантазиях, которые занимали нас раньше. Никто, как мы видели, не вправе постулировать их существование или определять их качества, если только не наблюдает продукты бессознательного происхождения, которые могут быть описаны сквозь призму сознательного символизма. Вопрос в том, действительно ли можно найти продукты, отвечающие этому требованию. Психоаналитическая школа полагает, что обнаружила их. В первую очередь это, конечно, сновидения.

[324] О сновидении можно сказать, что оно проникает в сознание как сложная структура, составленная из элементов, связь которых друг с другом не *осознается*. Только позже, путем добавления серии ассоциаций к отдельным образам, увиденным во сне, мы можем показать, что эти образы возникли из определенных воспоминаний недавнего прошлого.

Мы спрашиваем себя: где я это видел или слышал? Благодаря ассоциациям возникает воспоминание о том, что определенные фрагменты сновидения были сознательно пережиты — некоторые накануне, некоторые раньше. Пожалуй, с этим согласится всякий, ибо все это известно уже давно. Таким образом, сновидение представляется нам как более или менее непонятное нагромождение элементов, которые сначала не осознаются, а затем распознаются через их ассоциации[1]. Следует добавить, что не все фрагменты сновидения обладают узнаваемым качеством, благодаря которому можно вывести их сознательный характер; напротив, часто — даже в большинстве случаев — они поначалу неузнаваемы. Только позже мы вспоминаем, что сознательно пережили ту или иную часть сна. Уже с одной этой точки зрения мы можем рассматривать сновидение как продукт бессознательного происхождения.

[325] Техникой исследования бессознательных источников, которую я описал выше, пользовались все исследователи сновидений задолго до Фрейда. Мы просто пытаемся вспомнить, откуда произошли отдельные части сновидения. Именно на этом простом принципе и основана психоаналитическая техника разгадки сновидений. Установлено, что определенные элементы сновидения берут свое начало в бодрствующей жизни, в событиях, которые в силу своей очевидной незначительности были обречены на забвение и уже находились на пути к бессознательному. Эти фрагменты и есть следствие так называемых «бессознательных идей». Данная формулировка вызвала известные возражения. Разумеется, мы не понимаем вещи так конкретно, если не сказать тяжеловесно, как наши критики. Это выражение есть не что иное, как сознательный символизм — мы никогда не сомневались в этом. Однако оно весьма информативно и отлично подходит для обозначения неизвестного психического факта. Как я уже говорил, у нас нет другой

[1] Данное утверждение можно оспорить на основании его априорного характера. Однако я должен заметить, что такое воззрение согласуется с единственной общепринятой рабочей гипотезой относительно происхождения сновидений: их возникновению из переживаний и мыслей недавнего прошлого.

возможности сформировать концепцию бессознательного, кроме как по аналогии с сознанием. Мы не воображаем, будто вещь станет более понятной от того, что мы придумаем для нее звучное и невразумительное название.

[326] Принцип психоаналитического объяснения, таким образом, чрезвычайно прост и известен уже давно. Дальнейшая процедура следует в том же направлении. Если мы погрузимся в сновидение — что, естественно, никогда не происходит вне анализа, — нам удастся обнаружить еще больше воспоминаний об отдельных частях сновидения, хотя и не всех — такие приходится на время оставить в стороне. Когда я говорю «воспоминания», я имею в виду не только воспоминания о реальных переживаниях; я также имею в виду воспроизведение значимых ассоциаций и связей. Собранные реминисценции называются «сновидческим материалом» и анализируются в соответствии с общепринятым научным методом. Если вам предстоит обработать какой-либо массив экспериментальных данных, вы сравниваете его отдельные части и классифицируете их на основе сходства. Точно так же вы поступаете и со сновидческим материалом; вы ищете общие черты как в форме, так и в содержании.

[327] При этом необходимо по возможности избавиться от некоторых предрассудков. Я заметил, что начинающие всегда ищут какую-то особенность, а затем пытаются скорректировать свой материал с тем, чтобы он соответствовал их ожиданиям. Особенно часто я наблюдаю это у коллег, которые в силу известных предубеждений и непонимания когда-то были страстными противниками психоанализа. Если мне было суждено анализировать их и им наконец удавалось вникнуть в суть метода, то первая ошибка, которую они обычно совершали в своей психоаналитической практике, заключалась в искусственной подгонке материала под свое собственное предвзятое мнение. Другими словами, они вымещали на материале свое прежнее отношение к психоанализу и, будучи неспособными к объективной оценке, рассматривали его исключительно сквозь призму собственных субъективных фантазий.

[328] Приступив к изучению сновидческого материала, вы не должны уклоняться ни от каких сравнений. Как правило, материал состоит из весьма разрозненных образов, что существенно затрудняет извлечение *tertium comparationis**. Я должен воздержаться от подробных примеров: изложить их в одной лекции не представляется возможным. Однако я хотел бы обратить ваше внимание на статью Ранка о «сне, который истолковывает себя сам». В ней вы увидите, насколько обширен материал, который должен быть принят во внимание.

[329] Итак, исследуя бессознательное, мы действуем обычным путем — то есть делаем выводы на основе сравнительного анализа. Мне часто возражали: почему сновидение вообще должно иметь бессознательное содержание? Это возражение, на мой взгляд, настолько ненаучно, насколько это вообще возможно. Всякий психологический элемент имеет свою особую историю. Каждая фраза, которую я произношу, имеет, помимо сознательно заданного мною смысла, некое историческое значение, которое может в корне отличаться от ее сознательного значения. Я намеренно выражаюсь несколько парадоксально: я не имею в виду, что я мог бы объяснить исторический смысл каждого отдельного предложения. Это легче сделать в случае более крупных и сложных структур. Всем известно, что, помимо явного содержания стихотворения, само стихотворение особенно характерно для поэта с точки зрения его формы, содержания и способа происхождения. В то время как поэт просто выразил в своем стихотворении мимолетное настроение, историк литературы увидит в нем такие вещи, о которых сам поэт даже не подозревает. Анализ, которому историк литературы подвергает материал поэта, вполне сопоставим с методом психоанализа, не исключая и ошибок, которые могут в него вкрасться.

[330] Психоаналитический метод можно сравнить с историческим анализом и синтезом в целом. Предположим, например, что мы не понимаем значения обряда крещения, совершаемого сегодня в наших церквях. Священник говорит

---

* Третьего для сравнения (*лат.*).

нам: крещение означает принятие ребенка в христианскую общину. Но это нас не удовлетворяет. Почему ребенка окропляют водой? Чтобы понять эту церемонию, мы должны собрать сравнительный материал из всей истории ритуала, то есть из воспоминаний человечества о соответствующих традициях.

1. Крещение, несомненно, представляет собой обряд посвящения, инициации. Следовательно, мы должны собрать все воспоминания о каких-либо обрядах посвящения.
2. Акт крещения совершается посредством воды. Эта особенность требует другого ряда реминисценций, а именно об обрядах, в которых используется вода.
3. Крещаемый окропляется водой. Если так, мы должны учесть все обряды, в которых неофит окропляется, погружается в воду и т.д.
4. Необходимо отыскать все реминисценции из мифологии, фольклора, а также суеверия и т.д., в каком-либо отношении схожие с символикой акта крещения.

[331] Таким образом мы проводим сравнительное исследование акта крещения. Мы обнаруживаем элементы, из которых формируется акт крещения; мы устанавливаем, далее, его первоначальный смысл и в то же время знакомимся с богатым миром мифов, которые заложили основу религий и помогают нам понять многообразные и глубокие значения крещения. Точно так же аналитик поступает и со сновидением. Он собирает исторические параллели для каждого фрагмента, даже самые отдаленные, после чего пытается реконструировать психологическую историю сновидения и его скрытый смысл. Подобная монографическая обработка, равно как и упомянутый выше анализ обряда крещения, позволяет проникнуть в глубины удивительно тонкой и многозначительной сети бессознательных детерминант. Данный процесс по праву можно сравнить с историческим пониманием акта, который мы до сих пор рассматривали весьма поверхностно и однобоко.

[332] Этот экскурс в область психоаналитического метода казался мне необходимым. Ввиду многочисленных ошибочных представлений всех тех, кто постоянно стремится дискредитировать психоанализ, я счел своим долгом дать общее

описание этого метода и его положения в методологии науки. Я не сомневаюсь, что порой он применяется поверхностно и неправильно. Но вдумчивый критик не станет винить в этом сам метод, так же как один плохой хирург не может дискредитировать всю хирургию в целом. Я также не сомневаюсь, что многие труды, посвященные психологии сновидений, полны неточностей и искажений. Во многом это связано с тем, что медику, именно в силу его естественнонаучной подготовки, трудно интеллектуально постичь тонкий психологический метод, даже если инстинктивно он применяет его правильно.

[333] Метод, который я описал выше, я применяю сам и несу за него научную ответственность. Давать советы по поводу сновидений, а также предпринимать прямые попытки их толкования, на мой взгляд, неправильно и научно недопустимо. Это уже не прием, а совершенно произвольная процедура, обреченная на безрезультатность, как и всякий ложный метод.

[334] Если я попытался проиллюстрировать принципы психоаналитического метода на примере анализа сновидений, то только потому, что сновидение является одним из наиболее ярких образцов психических содержаний, состав которых ускользает от непосредственного понимания. Предположим, некто вбивает в стену гвоздь с целью что-то на него повесить. В данном случае нам понятны все элементы этого действия; они непосредственно очевидны. Иначе обстоит дело с актом крещения, где каждая фаза проблематична. Мы называем действия, смысл и цель которых поначалу не ясны, символическими действиями или символами. На этом основании мы называем сновидение символическим, ибо это психологический продукт, происхождение, смысл и цель которого неясны, вследствие чего его можно считать одним из чистейших продуктов бессознательной констелляции. Как метко заметил Фрейд, сновидение — это *via regia** к бессознательному.

[335] Помимо сновидений, существует множество других продуктов бессознательной констелляции. В ассоциативном

* Царская дорога (*лат.*), главный путь.

эксперименте мы имеем возможность точно определить влияние бессознательного. Мы видим эти влияния в возмущениях, которые я назвал «индикаторами комплекса». Задача, которую ассоциативный тест ставит перед субъектом, настолько проста, что с ней легко справляются даже дети. Тем более удивительно, что во время опыта отмечается множество нарушений намеченного действия. Единственные причины возмущений, которые обычно удается проследить, — частично сознательные, частично бессознательные констелляции, вызванные комплексами. В большинстве случаев нетрудно продемонстрировать связь этих возмущений с чувственно окрашенными комплексами. Тем не менее нам часто приходится прибегать к психоаналитическому методу, чтобы объяснить эту связь; то есть мы должны спросить пациента, какие ассоциации вызывают у него нарушенные реакции.

[336] Таким образом мы получаем исторический материал, служащий основой для дальнейших суждений. Многие возражают, что в таком случае пациент волен говорить все, что ему заблагорассудится, — другими словами, любую чепуху. Подозреваю, что данное возражение основано на бессознательном предположении, что историк, собирающий материал для своей монографии, идиот, неспособный отличить истинные параллели от мнимых и оригиналы от явных фальсификаций. Профессионал имеет в своем распоряжении средства, позволяющие ему с уверенностью избегать вопиющих ошибок и с некоторой долей вероятности — менее грубых просчетов. Всем, кто знаком с психоаналитической работой, хорошо известно, что не так уж трудно увидеть, где есть согласованность, а где ее нет. Кроме того, ложные заявления, во-первых, весьма показательны с точки зрения состояния анализанда, а во-вторых, легко распознаются как таковые.

[337] Однако есть еще одно возражение, которое заслуживает упоминания. Можно спросить себя: действительно ли эти реминисценции составляют основу сновидения? Если вечером я читаю интересное описание некоего сражения, ночью вижу во сне Балканскую войну, а затем во время анализа вспоминаю по ассоциации некоторые детали про-

читанного, то даже самый строгий критик справедливо предположит, что моя ретроспективная ассоциация верна и истинна. Как я уже упоминал ранее, это одна из наиболее прочно укоренившихся гипотез относительно происхождения сновидений. Все, что мы сделали, — это последовательно применили рабочую гипотезу ко всем остальным ассоциациям, относящимся ко всем другим частям сновидения. В конечном счете мы говорим лишь о том, что этот элемент сновидения связан с этой ассоциацией, что он, следовательно, имеет к ней некое отношение, что существует связь между двумя этими вещами. Однажды один выдающийся критик заметил, что с помощью психоаналитических интерпретаций можно связать даже огурец со слоном. Поставив в один ряд «огурец» и «слона», этот достойный человек показал нам, что они ассоциативно связаны в его сознании. Нужно обладать большим хладнокровием и самомнением, чтобы утверждать, будто человеческий разум порождает совершенно бессмысленные ассоциации. В нашем примере для понимания ассоциации не требуется долгих размышлений.

[338] В рамках ассоциативного эксперимента мы можем установить необычайно интенсивные влияния, исходящие из бессознательного, именно благодаря интерференции комплексов. Оговорки и оплошности в эксперименте есть не что иное, как прототипы ошибок, которые мы совершаем в повседневной жизни. Большинство из них следует рассматривать как результат интерференции комплексов. Фрейд обобщил этот материал в своей книге «Психопатология обыденной жизни». В ней описаны так называемые симптоматические действия, которые с равным успехом можно было бы назвать «символическими», и реальные промахи, такие как провалы памяти, оговорки и пр. Все эти феномены являются следствиями бессознательных констелляций, а значит, представляют собой врата в царство бессознательного. Когда они накапливаются, мы называем их неврозом. С этой точки зрения невроз есть дисфункция; соответственно, мы должны трактовать его как результат бессознательной констелляции.

[339] Таким образом, ассоциативный эксперимент позволяет непосредственно вскрыть бессознательное, хотя в большин-

стве случаев это просто способ получения широкого спектра ошибочных реакций, которые затем могут быть использованы для психоаналитического исследования бессознательного. По крайней мере, такова самая надежная форма его применения в настоящее время. Хотя не исключено, что данная техника может выявить и другие ценные факты, которые дадут нам возможность заглянуть в бессознательное, я считаю, что обсуждать этот вопрос пока преждевременно.

6. Эдипов комплекс

[340] После того, что я рассказал о нашем методе, вы, возможно, обретете бóльшую уверенность в его научности и скорее согласитесь с тем, что фантазии, выявленные в рамках психоаналитического исследования, не являются просто произвольными предположениями и иллюзиями психоаналитика. Возможно, вы даже терпеливо выслушаете то, что могут поведать нам эти продукты бессознательной фантазии.

[341] Сознательные фантазии взрослых отличаются чрезвычайным разнообразием и носят в высшей степени индивидуальный характер. Посему дать их общее описание невозможно. Но совсем другое дело, когда посредством анализа мы проникаем в мир бессознательных фантазий. Хотя многообразие фантазийного материала и здесь крайне велико, мы не находим столько индивидуальных особенностей, как в сознательной области. Здесь мы сталкиваемся с более типичным материалом, который нередко повторяется в схожей форме у разных индивидов. В бессознательных фантазиях постоянно возникают те или иные вариации идей, встречающихся в религии и мифологии. На основании данного факта мы можем утверждать, что эти фантазии суть предшественники религиозных и мифологических представлений.

[342] Дабы не углубляться в подробности, я вынужден сослаться на свою книгу «Символы трансформации». Здесь упомяну лишь о том, что центральный символ христианства — жертва — играет важную роль в фантазиях бессознательного.

Венская школа знает это явление под двусмысленным названием «комплекс кастрации». Столь парадоксальное употребление термина вытекает из особого отношения венской школы к вопросу сексуальности, о котором я говорил ранее. В вышеупомянутой книге я уделил пристальное внимание проблеме жертвы. Я должен ограничиться этим мимолетным упоминанием и теперь перехожу к происхождению бессознательных фантазий.

[343] В бессознательном ребенка фантазии значительно проще; в большинстве случаев можно сказать, что они соразмерны масштабам детской среды. Благодаря усилиям психоаналитической школы мы обнаружили, что наиболее частой фантазией детства является так называемый эдипов комплекс. И этот термин представляется самым неподходящим из всех возможных. Как известно, трагизм судьбы Эдипа состоял в том, что он женился на собственной матери и убил своего отца. Поскольку этот трагический конфликт взрослой жизни кажется весьма далеким от детской психики, для неспециалиста совершенно немыслимо, чтобы от этого конфликта страдал ребенок. Но если немного поразмыслить, становится очевидно, что *tertium comparationis* заключается именно в *ограничении судьбы Эдипа двумя его родителями*. Данное ограничение характерно только для ребенка, ибо судьба взрослого не сводится к отношениям с родителями. В этой степени Эдип является выразителем инфантильного конфликта, увеличенного до взрослых пропорций. Термин «эдипов комплекс», естественно, не означает, что этот конфликт мыслится в форме, присущей зрелому возрасту; скорее он предстает в уменьшенном масштабе, более свойственном периоду детства. В сущности, название всего-навсего говорит нам о том, что детские требования любви направлены к матери и отцу; только в том случае, если эти требования достигают определенной степени интенсивности, в результате чего выбранный объект ревниво оберегается, мы можем говорить об «эдиповом комплексе».

[344] Подобное ослабление и уменьшение масштаба эдипова комплекса следует понимать не как уменьшение общей суммы аффектов, а как указание на меньшую долю сексуального аффекта, характерного для ребенка. В качестве ком-

пенсации другим детским аффектам присуща та особая интенсивность, которая свойственна сексуальному аффекту у взрослых. Маленький мальчик хотел бы, чтобы его мать принадлежала только ему, а отца не существовало. Как известно, маленькие дети иногда могут становиться между родителями самым ревнивым образом. В бессознательном эти желания и намерения принимают более конкретную и радикальную форму. Дети — маленькие примитивные существа, а потому весьма легко относятся к убийству. В бессознательном мысль об убийстве возникает тем более охотно, что бессознательное имеет обыкновение выражать себя в высшей степени драматично. Но так как ребенок, в общем-то, безвреден, то и это, казалось бы, опасное желание, как правило, тоже безвредно. Я говорю «как правило», ибо мы знаем, что иногда дети поддаются своим убийственным порывам не только косвенно, но и весьма непосредственным образом. Впрочем, поскольку ребенок не способен к систематическому планированию, то и его намерение убить не так уж опасно. То же можно сказать и об эдиповом намерении по отношению к матери. Слабые намеки на эту фантазию легко не заметить; посему все родители убеждены, что у их детей нет эдипова комплекса. Родители, как и влюбленные, в большинстве своем слепы. Если я скажу, что эдипов комплекс — это прежде всего формула детских желаний по отношению к родителям и конфликта, который эти желания вызывают, то ситуация может показаться более приемлемой.

[345] История эдиповой фантазии представляет особый интерес, ибо многое говорит нам о развитии бессознательных фантазий вообще. Некоторые люди, естественно, полагают, что проблема Эдипа — это проблема сына. Как ни странно, это иллюзия. При определенных условиях сексуальное либидо достигает окончательной дифференциации, соответствующей полу индивида, относительно поздно, ближе к концу пубертатного периода. До этого времени ему присущ сексуально недифференцированный характер, который также можно назвать бисексуальным. По этой причине неудивительно, что маленькие девочки тоже страдают эдиповым комплексом. Насколько нам известно, первая любовь ре-

бенка, независимо от пола, принадлежит матери. Если на этой стадии любовь к матери сильна, отец воспринимается как соперник и ревниво отстраняется. Конечно, в этот период мать не имеет для ребенка никакого сексуального значения, достойного упоминания, и в этом смысле термин «эдипов комплекс» не совсем подходит. На данной стадии мать сохраняет значение защищающего, оберегающего, питающего существа, которое по этой причине является источником удовольствия.

[346] Характерно также, что в немецком языке слово «mamma» обозначает не только мать, но и материнскую грудь. Как сообщила мне доктор Беатрис Хинкль, опрос маленьких детей показал, что они определяют «мать» как человека, который дает пищу, шоколад и т.д. Едва ли можно утверждать, что для детей этого возраста пища является исключительно символом секса, хотя в отношении некоторых взрослых это справедливо. Беглый взгляд на историю цивилизации показывает, каким мощным источником удовольствия является питание. Колоссальные пиры Рима в эпоху его упадка служили выражением чего угодно, только не вытесненной сексуальности, ибо это последнее, в чем можно было обвинить римлян в те времена. Несомненно, эти излишества были своего рода суррогатом, но не сексуальности, а забытых нравственных функций, в которых многие склонны видеть законы, навязанные человеку извне. В действительности же все законы люди создают для себя сами.

[347] Как я уже объяснял выше, я не отождествляю чувство удовольствия *eo ipso** с сексуальностью. Чем дальше мы уходим в детство, тем меньше доля сексуальности в ощущениях удовольствия. С другой стороны, ревность может играть большую роль, ибо и она не относится исключительно к сексуальной сфере; в частности, с первыми проявлениями ревности может быть связано желание пищи — взять хотя бы животных! Конечно, ревность подкрепляется зарождающимся эротизмом относительно рано. С годами этот элемент набирает силу, вследствие чего эдипов комплекс быстро

* Здесь: само по себе (*лат.*).

обретает свою классическую форму. Конфликт принимает более маскулинную и потому более типичную форму у сына, тогда как у дочери развивается специфическая симпатия к отцу и соответственно ревнивая установка по отношению к матери. Данный комплекс можно было бы назвать комплексом Электры. Как известно, Электра отомстила своей матери Клитемнестре за то, что та убила своего мужа Агамемнона и тем самым лишила ее — Электру — любимого отца.

[348] Оба фантазийных комплекса постепенно становятся более выраженными и достигают новой стадии только в постпубертатный период, когда возникает проблема отделения от родителей. Эта стадия характеризуется символом, о котором мы уже упоминали: символом жертвы. Развивающаяся сексуальность отдаляет индивида от семьи и заставляет добиваться независимости. Поскольку ребенок тесно связан с семьей — особенно с родителями — всей своей предшествующей историей, внутренне освободиться от инфантильной среды зачастую удается лишь с большим трудом. Если этого не происходит, эдипов комплекс (или комплекс Электры) провоцирует конфликт. В таких случаях вероятно возникновение невротических расстройств. Либидо, уже развитое сексуально, вливается в эдипову «форму» и порождает чувства и фантазии, доказывающие действенность комплекса, который прежде был бессознательным и более или менее неактивным.

[349] Первое следствие — интенсивные сопротивления против «аморальных» импульсов, вытекающих из активированного комплекса. Что касается сознательного поведения, то последствия бывают двух типов. Они могут быть либо прямыми — в этом случае сын проявляет сильное сопротивление отцу и особенно нежное и зависимое отношение к матери; либо косвенными, то есть компенсированными: вместо сопротивления отцу наблюдается выраженная покорность в сочетании с раздраженным, антагонистическим отношением к матери. Прямые и компенсированные последствия могут чередоваться. То же относится и к комплексу Электры. Если бы сексуальное либидо застревало в этой форме,

конфликт Эдипа и Электры приводил бы к убийству и инцесту. Этого, разумеется, не происходит ни у нормальных людей, ни в так называемых аморальных первобытных сообществах, иначе человечество давно бы вымерло. Напротив, знакомые объекты естественным образом теряют свою непреодолимую притягательность и заставляют либидо искать новые объекты. Это обстоятельство действует как важный регулирующий фактор, предотвращающий отцеубийство и кровосмешение. Постепенное развитие либидо к внесемейным объектам совершенно нормально и естественно, тогда как его фиксация на родителях — явление ненормальное и патологическое. Впрочем, иногда его можно наблюдать у нормальных людей.

[350] Бессознательная фантазия о жертве, возникающая через некоторое время после полового созревания, является прямым следствием инфантильных комплексов. Данный вопрос я подробно рассмотрел в своем труде «Символы трансформации». Фантазия о жертве означает отказ от инфантильных желаний. Я продемонстрировал это в своей книге и в то же время указал на параллели в истории религии. Неудивительно, что проблема жертвы играет важную роль в религии, ибо религия — один из величайших помощников в психологическом процессе адаптации. Главным препятствием для новых способов психологической адаптации является консервативное следование прежней установке. Но человек не может так легко отказаться от своей прежней личности и прежних объектов интереса, иначе его либидо останется привязанным к прошлому, что привело бы к обеднению его внутреннего мира. Здесь религия является большим подспорьем: она перенаправляет либидо от инфантильных объектов (родителей) к символическим представителям прошлого, то есть богам, тем самым облегчая переход из инфантильного мира в мир взрослых. В результате либидо освобождается для социальных целей.

[351] Фрейд предложил особую концепцию комплекса инцеста, которая вызвала ожесточенные споры. Он исходит из того, что эдипов комплекс обычно бессознателен, и считает это следствием морального вытеснения. Возможно, я выражаюсь не совсем точно, но, по его мнению, эдипов комплекс

оказывается вытесненным, то есть смещенным в бессознательное за счет реактивного воздействия сознательных тенденций. Складывается впечатление, будто бы эдипов комплекс мог проникнуть в сознание, если бы только развитие ребенка протекало беспрепятственно и не подвергалось никаким культурным влияниям[1].

[352] Фрейд называет барьер, препятствующий реализации эдипова комплекса, «ограничением инцеста». Насколько можно понять из его трудов, он полагает, что ограничение инцеста формируется за счет отголосков опыта, что это своего рода поправка со стороны реальности, ибо бессознательное стремится к безграничному и немедленному удовлетворению без оглядки на других. В этом он единодушен с Шопенгауэром, который говорит об эгоизме слепой мировой воли, столь сильном, что человек способен убить своего брата только ради того, чтобы его жиром смазать свои сапоги. Фрейд убежден, что психологическое ограничение инцеста сравнимо с запретами на кровосмешение, встречающимися даже у примитивных народов. Он утверждает, что эти запреты — наглядное доказательство стремления к инцесту, присущего всем людям, и что по этой самой причине против него были приняты соответствующие законы даже на примитивном уровне. Таким образом, Фрейд рассматривает склонность к инцесту как абсолютно конкретное сексуальное желание; он называет этот комплекс корневым комплексом, или ядром, неврозов и сводит к нему как к первоисточнику практически всю психологию неврозов, а также многие другие явления в сфере разума.

7. Этиология невроза

[353] Эта новая концепция Фрейда возвращает нас к вопросу об этиологии невроза. Мы говорили, что поначалу психоаналитическая теория видела корень невроза в травматическом опыте в детстве, который впоследствии был признан частично или полностью нереальным. В дальнейшем теория

[1] Данную точку зрения, прежде всего, отстаивает Штекель.

сменила направление и отныне искала этиологически значимый фактор в развитии анормальных фантазий. Исследования бессознательного, продолжавшиеся в течение десяти лет, дали массу эмпирического материала, который показал, что инцестуальный комплекс является чрезвычайно важным и неизменным элементом патологической фантазии. Однако этот комплекс присущ не только невротикам; он оказался компонентом нормальной инфантильной психики. Таким образом, само его существование ничего не говорит нам о вероятности развития невроза. Чтобы стать патогенным, комплекс должен спровоцировать конфликт. Разумеется, это возможно только в том случае, если активность комплекса будет достаточно высока.

[354] Это подводит нас к новому и важному вопросу. Если инфантильный «ядерный комплекс» всего лишь общая форма, не патогенная сама по себе, но требующая особой активации, то вся этиологическая проблема видоизменяется. В этом случае мы напрасно копались бы в реминисценциях раннего детства, ибо они дают нам только общие формы более поздних конфликтов, но не сам текущий конфликт. Не имеет значения, что в детстве уже существовали те или иные конфликты, ибо конфликты детства отличаются от конфликтов зрелого возраста. Те, кто с детства страдал хроническим неврозом, теперь страдают не от того конфликта, от которого страдали тогда. Возможно, невроз развился, когда они впервые пошли в школу. Тогда это был конфликт между потаканием своим желаниям и долгом, между любовью к родителям и необходимостью учиться. Теперь это конфликт между, скажем, радостями комфортного буржуазного существования и строгими требованиями профессиональной жизни. Нам лишь кажется, что конфликт тот же самый. Это все равно, что для «Teutschen»* Наполеоновских войн сравнивать себя с германцами, восставшими против римского ига.

[355] Думаю, лучше всего описать дальнейшее развитие теории на примере молодой женщины, историю которой вы слышали на предыдущих лекциях. Как вы, вероятно, помните,

---

* Тевтонцев (*нем.*).

испуг, вызванный лошадьми, напомнил ей об аналогичном инциденте в детстве, в связи с которым мы обсуждали теорию травмы. Мы обнаружили, что реальный патологический элемент следует искать в преувеличенных фантазиях, проистекающих из некоторой задержки психосексуального развития. Применив нашу новую теорию к генезису этой конкретной болезни, мы сможем понять, почему это детское переживание было констеллировано столь эффективно.

[356] Самый простой способ найти объяснение ночному происшествию — тщательно изучить текущие жизненные обстоятельства. Поэтому первым делом я расспросил пациентку об обществе, которое ее окружало в то время. Я узнал, что у нее был знакомый молодой человек, с которым она собиралась обручиться; она любила его и надеялась быть с ним счастливой. Поначалу больше ничего обнаружить не удалось. Однако отрицательные результаты предварительных расспросов не должны помешать нам продолжить исследование. Когда прямой путь не позволяет достичь цели, всегда найдутся окольные пути. Посему мы снова возвращаемся к тому моменту, когда женщина бежала перед лошадьми. Мы интересуемся ее спутниками и праздником, в котором она приняла участие. Это был прощальный ужин в честь ее лучшей подруги, которая, дабы поправить нервы, на долгое время уезжала на заграничный курорт. Эта подруга замужем и притом, как мы узнаем, счастлива; кроме того, у нее есть ребенок. Мы вправе усомниться в том, что подруга счастлива; будь оно действительно так, у нее, вероятно, не было бы причин «нервничать» и ехать на лечение.

[357] Зайдя с другой стороны, я выяснил, что друзья, догнав нашу пациентку, отвели ее обратно — в дом мужа ее лучшей подруги, ибо в столь поздний час это было ближайшим местом, где она могла получить надлежащий уход. Там ее приняли весьма радушно. Здесь пациентка прервала свой рассказ, смутилась и, заерзав на своем месте, попыталась сменить тему. Очевидно, в ее памяти всплыло некое неприятное воспоминание. После того как в высшей степени упорное сопротивление больной удалось преодолеть, оказалось, что той же ночью произошло еще одно весьма

примечательное событие. Гостеприимный хозяин страстно признался ей в любви, из-за чего возникла ситуация, которую, ввиду отсутствия дома хозяйки, можно было счесть неловкой и тягостной. Пациентка утверждала, что это признание в любви было для нее как гром среди ясного неба, однако подобные вещи обычно имеют долгую историю. Посему задача следующих нескольких недель состояла в том, чтобы шаг за шагом выяснить все подробности этой любовной истории. В итоге я получил полную картину, которую попытаюсь вкратце изложить следующим образом.

[358] В детстве пациентка была настоящим сорванцом в юбке, любила только бурные мальчишеские игры, презирала свой собственный пол и не проявляла интереса к каким бы то ни было женским увлечениям и занятиям. С наступлением половой зрелости и приближением эротического конфликта она стала сторониться общества, ненавидела и презирала все, что хотя бы отдаленно напоминало ей о биологическом предназначении женщины, и жила в мире фантазий, не имевшем ничего общего с суровой реальностью. Так, примерно до 24 лет ей удавалось избегать всех тех милых авантюр, надежд и ожиданий, которые обычно волнуют девичье сердце в этом возрасте. Но затем она познакомилась с двумя молодыми людьми, которым было суждено прорваться сквозь окружавшую ее колючую изгородь. А. был мужем ее лучшей подруги; Б. был его холостым приятелем. Ей нравились оба. Тем не менее вскоре она пришла к выводу, что Б. ей нравится больше. Между ней и Б. быстро установились близкие отношения; вскоре друзья и близкие стали поговаривать о возможной помолвке. Благодаря тесному общению с Б. и подругой она часто контактировала и с А., чье присутствие заставляло ее волноваться и нервничать самым необъяснимым образом.

[359] Примерно в то же время пациентка оказалась на большом званом вечере. Присутствовали там и ее друзья. Она задумалась и играла своим кольцом, когда оно вдруг соскочило с ее пальца и укатилось под стол. Оба молодых человека бросились его искать. Найти кольцо посчастливилось Б. Он с лукавой улыбкой надел кольцо ей на палец и сказал: «Вы знаете, что это означает!» Ее охватило странное, непреодо-

лимое чувство; она сорвала кольцо с пальца и выбросила в открытое окно. Последовал неловкий момент. Некоторое время спустя пациентка покинула праздник в глубоком унынии.

[360] Вскоре после этого так называемая судьба распорядилась так, что она приехала на тот же курорт, где отдыхали А. и его жена. Жена А. много нервничала и из-за плохого настроения часто оставалась дома. Пациентка гуляла вдвоем с А. Однажды они решили покататься в лодке. Пациентка так веселилась, что внезапно упала за борт. Плавать она не умела, и А. стоило больших трудов втащить ее, в полуобморочном состоянии, обратно в лодку. А затем он ее поцеловал. После этого романтического эпизода связь между ними стала только крепче. Дабы хоть как-то оправдать себя в собственных глазах, пациентка с еще большим рвением стала стремиться к помолвке с Б. и каждый день твердила себе, что в действительности любит только его. Естественно, это не могло ускользнуть от проницательных глаз ревнивой женщины. Жена А. догадалась о тайном увлечении своего мужа, в результате чего ее состояние заметно ухудшилось. В конце концов возникла необходимость поездки за границу на лечение*.

[361] Во время прощального ужина появилась опасная возможность. Пациентка знала, что ее подруга и соперница уезжает в тот же вечер и что А. будет дома один. Конечно, она не думала об этом логически: некоторые женщины обладают замечательной способностью мыслить исключительно своими чувствами, а не своим интеллектом, так что им кажется, что они никогда и не помышляли о некоторых вещах. Во всяком случае, весь вечер ее не покидало очень странное чувство. Она сильно нервничала и, проводив жену А. до вокзала, на обратном пути впала в истерическое сумеречное состояние. Я спросил ее, о чем она думала или что чувствовала в тот момент, когда услышала топот копыт. Пациентка ответила, что ее охватила паника, чувство, что приближается что-то ужасное, от чего она уже не сможет убежать.

---

* Ср.: «Аналитическая психология», абз. 11 и 420. Другие упоминания об этой истории см. выше, абз. 218 и далее; 297 и далее.

После этого, как вы знаете, ее, совершенно изможденную, доставили обратно в дом А.

[362] Для незатейливого ума подобное *dénouement** кажется совершенно очевидным. Обыватель скажет: «Ну, тут все ясно: так или иначе она намеревалась вернуться в дом А.». На это психолог мог бы возразить, что такая формулировка некорректна: пациентка не сознавала мотивов своего поведения, а значит, мы не вправе говорить о ее *намерении* вернуться в дом А. Найдутся, конечно, ученые психологи, которые рискнут отрицать целенаправленность ее действий и приведут сколько угодно теоретических соображений в поддержку своей позиции — соображений, основанных на догме тождества сознания и психики. Но психология, заложенная Фрейдом, давно уже признала, что о целевом значении психологических актов следует судить не по сознательным мотивам, а только по объективному критерию их психологического результата. Сегодня едва ли можно оспаривать существование бессознательных тенденций, оказывающих огромное влияние на реакции человека и его воздействие на других.

[363] То, что произошло в доме А., подтверждает это наблюдение. Наша пациентка устроила сентиментальную сцену, и А. счел своим долгом ответить на нее признанием в любви. В свете последних событий вся предыдущая история представляется направленной именно к этой цели, хотя сознательно пациентка всячески ей противилась.

[364] Теоретическая ценность этой истории состоит в следующем: на основании имеющегося материала мы вынуждены признать, что бессознательное «намерение» или тенденция подстроили испуг в ситуации с экипажем, по всей вероятности использовав для этой цели инфантильное воспоминание о лошадях, несущихся навстречу гибели. Таким образом, ночной инцидент с лошадьми — отправная точка болезни — представляется лишь краеугольным камнем задуманного здания. Испуг и травматический эффект детского переживания просто инсценированы, но инсценированы особым образом, характерным для истерии, вследствие че-

* Завершение (*фр.*).

го *mise en scène* выглядит абсолютно реально. Как подсказывают нам сотни наблюдений, истерические боли инсценируются с целью извлечь определенные выгоды из окружающей среды. Тем не менее эти боли вполне реальны. Пациенты не просто думают, что страдают; с психологической точки зрения их страдания так же реальны, как и вызванные органическими причинами, и все же они подстроены.

[365] Использование реминисценций для инсценировки болезни или мнимой этиологии называется *регрессией либидо*. Либидо возвращается к определенным воспоминаниям и активирует их, в результате чего возникает иллюзия мнимой этиологии. В нашем примере может показаться, что испуг, вызванный лошадьми, проистекает из старой травмы, как это постулирует старая теория. Сходство между двумя этими инцидентами несомненное, и в обоих случаях испуг пациентки был вполне реальным. Во всяком случае, у нас нет оснований сомневаться в ее утверждениях на этот счет, ибо они полностью согласуются с нашим опытом с другими пациентами. Нервная астма, истерические приступы тревоги, психогенные депрессии и экзальтации, боли, судороги и т.д. — все это вполне подлинно. Любой врач, который сам страдал от психогенных симптомов, знает, насколько реальны эти ощущения. Регрессивно реактивированные реминисценции, какими бы фантастическими они ни были, столь же реальны, как и воспоминания о событиях, которые произошли на самом деле.

[366] Как свидетельствует сам термин «регрессия либидо», под этим ретроградным способом применения мы понимаем возврат к более ранним стадиям. Наш пример ясно показывает, каким образом протекает процесс регрессии. Во время прощального ужина пациентке представилась возможность остаться наедине с хозяином дома. Она отказалась от мысли использовать ее в своих интересах, но позволила себе поддаться желаниям, которые до сих пор не признавала. Либидо не применялось сознательно для этой цели, да и сама цель никогда не была осознана. Вследствие этого либидо пришлось реализовать ее с помощью бессознатель-

ного, под прикрытием паники, вызванной непреодолимой опасностью. Внутреннее состояние пациентки при приближении лошадей подтверждает нашу гипотезу: она чувствовала, что сейчас произойдет нечто неизбежное.

[367] Процесс регрессии прекрасно иллюстрирует образ, который использует Фрейд. Либидо можно сравнить с рекой, которая, натолкнувшись на некое препятствие, запруживается и вызывает наводнение. Если эта река ранее, в своих верховьях, проложила другие каналы, то эти каналы будут снова заполнены из-за запруды внизу. Как и прежде, они могут казаться настоящими руслами, но вместе с тем существуют лишь временно. Река возвращается в прежние русла не навсегда, но только до тех пор, пока в главном течении сохраняется препятствие. Вспомогательные притоки несут воду не потому, что были независимы с самого начала, а потому, что когда-то являлись этапами в развитии основного русла, проходными возможностями, следы которых до сих пор существуют и потому могут быть использованы снова во время разлива.

[368] Данный образ может быть применен непосредственно к развитию применений либидо. В период инфантильного развития сексуальности конечное направление, главное русло реки, еще не найдено. Вместо этого либидо разветвляется на всевозможные притоки и только постепенно обретает окончательную форму. Но как только река прокладывает основное русло, все притоки высыхают и теряют свое значение, сохраняя лишь следы своей прежней активности. Точно так же значение детских предварительных упражнений в сексуальности, как правило, почти полностью исчезает, за исключением нескольких следов. Если позднее возникает некое препятствие, запруженное либидо вновь активирует старые каналы. Это состояние, собственно говоря, является новым и в то же время анормальным. Прежнее, инфантильное состояние представляет собой нормальное приложение либидо, тогда как возврат либидо к инфантильным путям анормально. Посему я придерживаюсь мнения, что Фрейд не вправе называть инфантильные сексуальные манифестации «перверсивными», ибо нормальные проявления не следует обозначать термином, означающим

нечто патологическое. Подобная терминологическая путаница вызвала замешательство среди научной общественности: фактически, она предполагала перенос выводов невротической психологии на здоровых людей на том основании, что анормальный окольный путь, выбираемый либидо невротика, по сути представляет собой то же явление, которое мы наблюдаем у детей.

[369] Другой пример «ретроградного» применения терминов, заимствованных из патологии, — так называемая детская амнезия, о которой я упомяну только мимоходом. Амнезия — это патологическое состояние, заключающееся в вытеснении определенных сознательных содержаний. Следовательно, она никак не может быть тождественна антероградной амнезии, характеризующейся неспособностью к интенциональному воспроизведению воспоминаний, которая встречается и в первобытных племенах. Неспособность к воспроизведению воспоминаний возникает с самого рождения и объясняется вполне очевидными биологическими причинами. С нашей стороны было бы странно полагать, будто это совершенно иное качество инфантильного сознания может быть сведено к сексуальным вытеснениям по аналогии с неврозом. Невротическая амнезия представляет собой выпадение некоторых воспоминаний из непрерывной цепи памяти, тогда как память в раннем детстве состоит из отдельных островков воспоминаний в континууме беспамятства. Это состояние во всех отношениях противоположно состоянию при неврозе, так что термин «амнезия» здесь совершенно неуместен. «Детская амнезия» — точно такой же вывод из психологии невроза, как и «полиморфно-перверсивная» диспозиция ребенка.

[370] Ошибка в теоретической формулировке обнаруживается в своеобразном учении о так называемом периоде сексуальной латентности в детстве. Фрейд заметил, что инфантильные сексуальные манифестации, которые я называю феноменами дополовой стадии, через некоторое время исчезают, но впоследствии появляются вновь. То, что Фрейд называет «инфантильной мастурбацией» — то есть все те квазисексуальные действия, о которых мы говорили раньше, — якобы возникает позже в виде настоящей мастурбации.

С биологической точки зрения такой процесс развития был бы воистину уникальным. В частности, эта теория вынуждает нас допустить, что у растений нераспустившийся цветок вновь скрывается в почке с тем, чтобы позже появиться в аналогичной форме. Это абсурдное предположение вытекает из утверждения, что инфантильные действия на дополовой стадии суть сексуальные феномены, а квазимастурбационные акты — подлинные акты мастурбации. Таково неизбежное следствие неверной терминологии и безграничного расширения понятия сексуальности. Как следствие, Фрейд был вынужден допустить временное исчезновение сексуальности — другими словами, период латентности. То, что он называет исчезновением, есть не что иное, как *подлинное начало сексуальности*, все же предшествующее ему есть лишь предварительная стадия, которой нельзя приписать никакого сексуального характера. Как мы видим, невозможный феномен сексуальной латентности объясняется просто.

[371] Теория латентного периода — наглядный пример ошибочности концепции инфантильной сексуальности. Проблема была не в наблюдениях. Напротив, гипотеза латентного периода доказывает, как внимательно Фрейд наблюдал за кажущимся возрождением сексуальности. Ошибка кроется в самой концепции, в устаревшем представлении о множественности инстинктов. Допустив сосуществование двух или более инстинктов, мы неизбежно должны заключить, что если один инстинкт еще не проявился, то он все равно присутствует *in nuce**, в соответствии со старой теорией вложения (инкапсуляции)**. В физике мы бы сказали, что свет, который испускает железо при переходе из нагретого состояния в раскаленное, уже присутствовал *in nuce* (латентно) в теплоте. Подобные допущения представляют собой произвольные проекции человеческих идей в трансцендентальные области, что противоречит требованиям теории познания. Посему мы не имеем права говорить о су-

* В зачаточном состоянии (*лат.*).

** Имеется в виду теория, согласно которой в яйце первого представителя того или иного вида содержатся зародыши всех других особей этого вида.

ществовании полового инстинкта *in nuce*, ибо в этом случае мы бы произвольно интерпретировали явления, которые можно объяснить иначе, гораздо более подходящим образом. Мы можем говорить лишь о манифестации функции питания, сексуальной функции и т.д., и то только тогда, когда эта функция проявляется с безошибочной ясностью. Мы говорим о свете только в том случае, если железо действительно светится, но не тогда, когда оно просто нагрето.

[372] Фрейд, как наблюдатель, ясно видит, что сексуальность невротиков нельзя сравнивать с инфантильной сексуальностью, так же как, например, нельзя сравнивать нечистоплотность двухлетнего ребенка и нечистоплотность сорокалетнего кататоника. Одно нормально, другое в высшей степени патологично. В своих «Трех очерках»* Фрейд утверждает, что инфантильная форма невротической сексуальности полностью или, по крайней мере, частично обусловлена регрессией. То есть даже в тех случаях, когда мы можем сказать, что это тот же старый инфантильный побочный путь, функция этого побочного пути усилена регрессией. Таким образом, Фрейд признает, что инфантильная сексуальность невротиков есть по большей части явление регрессивное. Об этом свидетельствуют исследования последних лет, согласно которым наблюдения, касающиеся детской психологии невротиков, в равной степени применимы и к нормальным людям. Во всяком случае, можно сказать, что отличия между развитием инфантильной сексуальности у невротиков и у нормальных людей настолько незначительны, что не поддаются научной оценке. Выраженные различия встречаются крайне редко.

[373] Чем глубже мы проникаем в сущность инфантильного развития, тем больше у нас складывается впечатление, что искать в нем этиологическое значение столь же напрасно, как и в инфантильной травме. Даже при самом тщательном изучении соответствующей истории мы никогда не узнаем, почему у народа, жившего на германской земле, одна судьба, а у галлов — другая. Чем сильнее мы отдаляемся в своих аналитических исследованиях от периода очевидного нев-

* «Три очерка по теории сексуальности», абз. 30.

роза, тем слабее надежда обнаружить подлинную *causa efficiens**, ибо чем дальше мы уходим в прошлое, тем бледнее становится динамика дезадаптации. При построении теории, выводящей невроз из причин далекого прошлого, мы прежде всего следуем тенденции наших пациентов уводить нас как можно дальше от критического настоящего. *Ибо причина патогенного конфликта кроется главным образом в настоящем.* Это все равно, как если бы нация искала причины своего бедственного политического положения в прошлом; как если бы Германия девятнадцатого века приписывала свою политическую дезинтеграцию и несостоятельность римскому игу, вместо того чтобы искать их источники в настоящем. Истинные причины заложены главным образом в настоящем, и только в настоящем есть возможность их устранить.

[374] Большая часть психоаналитической школы все еще находится во власти концепции, согласно которой инфантильная сексуальность есть *sine qua non* невроза. Не только теоретик, исследующий детство ради научного интереса, но и практикующий аналитик полагает, что должен вывернуть историю младенчества наизнанку, дабы найти фантазии, обусловливающие невроз. Бесплодное предприятие! Между тем самый важный фактор ускользает от него, а именно конфликт и его требования в настоящем. В описанном нами случае мы не поймем ни один из факторов, вызывавших истерические припадки, если будем искать их в раннем детстве. Эти реминисценции определяют только форму, но динамический элемент проистекает из настоящего, и лишь анализ значения текущего момента ведет к истинному пониманию.

[375] Возможно, не лишним будет заметить, что мне никогда не приходило в голову обвинять лично Фрейда в бесчисленных ложных представлениях о сути психоанализа. Я прекрасно знаю, что Фрейд, будучи эмпириком, всегда публикует только предварительные формулировки, которым он, конечно, не приписывает никакой незыблемой ценности. Но столь же несомненно и то, что научная общественность

---

* Действенную причину (*лат.*).

склонна делать из них символ веры, систему, которая, с одной стороны, утверждается так же слепо, как с другой — оспаривается. Я могу лишь сказать, что из всей совокупности трудов Фрейда со временем выкристаллизовались некоторые общие концепции, которые обе стороны трактуют слишком догматично. Эти взгляды привели к ряду неверных технических аксиом, существование которых не может быть прослежено с какой-либо определенностью в работах самого Фрейда. Мы знаем, что в разуме творца новые идеи гораздо более пластичны и гибки, чем в разуме его последователей. Они не обладают его творческой силой и восполняют этот недостаток догматической преданностью, равно как и их противники, которые, подобно им, цепляются за мертвую букву, ибо не могут уловить ее живого содержания. Таким образом, мои слова адресованы не столько Фрейду, который, как мне известно, в какой-то мере признает целевую направленность невроза, сколько публике, продолжающей спорить о его взглядах.

[376] Из сказанного выше очевидно, что мы можем проникнуть в историю невроза только в том случае, если признаем, что каждый отдельный элемент в нем служит некой цели. Это позволит нам понять, почему данный конкретный момент в истории нашей пациентки стал патогенным и почему именно он был выбран в качестве символа. Через понятие регрессии теория освобождается из узких рамок детских переживаний, и текущий конфликт приобретает значение, которое эмпирически ему принадлежит. Как я уже говорил, Фрейд сам ввел понятие регрессии в своих «Трех очерках», справедливо полагая, что опыт не позволяет нам искать причину невроза исключительно в прошлом. Если верно, что реминисценции вновь обретают силу главным образом благодаря регрессивной активации, то возникает вопрос, могут ли на первый взгляд определяющие влияния этих реминисценций иметь своим источником исключительно регрессию либидо.

[377] Как вы уже слышали, сам Фрейд в своих «Трех очерках» дает нам понять, что инфантилизм невротической сексуальности по большей части обусловлен регрессией. Это

утверждение заслуживает гораздо большего внимания, чем то, которое ему было уделено в вышеупомянутой работе. (Впрочем, в своих более поздних трудах Фрейд придает ему должный акцент.) Дело в том, что *регрессия либидо практически исключает этиологическое значение детских переживаний*. Нам и прежде казалось странным, что эдипов комплекс и комплекс Электры должны оказывать решающее влияние на формирование невроза, если эти комплексы присутствуют у всех, даже у людей, которые никогда не знали своих отца и матери и воспитывались приемными родителями. Я анализировал несколько случаев такого рода и обнаружил, что инцестуальный комплекс был развит у них так же, как и у других пациентов. На мой взгляд, это убедительное доказательство того, что инцестуальный комплекс не столько реальность, сколько чисто регрессивное фантазийное образование, и что конфликты, вытекающие из него, скорее сводятся к анахронистической приверженности инфантильной установке, нежели к реальным инцестуальным желаниям, которые есть не что иное, как прикрытие для регрессивных фантазий. С этой точки зрения детские переживания влияют на развитие невроза только тогда, когда становятся значимыми благодаря регрессии либидо. В поддержку данной гипотезы свидетельствует тот факт, что ни инфантильная сексуальная травма, ни инцестуальный комплекс, присутствующие в каждом из нас, не вызывают истерии. Невроз возникает только тогда, когда инцестуальный комплекс активируется регрессией.

[378] Это подводит нас к вопросу о причинах регрессии либидо. Чтобы ответить на него, мы должны внимательно изучить условия, при которых возникает регрессия. Обсуждая эту проблему со своими пациентами, я обычно привожу следующий пример: скалолаз, пытающийся достигнуть некой вершины, встречает на своем пути непреодолимое препятствие, например отвесную скалу, взобраться на которую совершенно невозможно. После тщетных поисков другого пути он поворачивает назад и с сожалением отказывается от идеи восхождения. Он говорит себе: «Я не в силах преодолеть это препятствие, поэтому я поднимусь на другую, более доступную гору».

[379] Здесь мы видим нормальное использование либидо: наш скалолаз поворачивает назад, когда сталкивается с непреодолимой трудностью, и использует свое либидо, которое не смогло достичь первоначальной цели, для восхождения на другую гору.

[380] Теперь представим, что скала в действительности не была такой уж неприступной с точки зрения физических способностей человека, но что он отступил из чистого страха. В этом случае существуют две возможности:

1. Человек, рассердившись на свою же трусость, в другой раз постарается побороть робость или скажет себе, что таким боязливым вообще следует отказаться от столь дерзких восхождений. Во всяком случае, он признает, что его моральных сил недостаточно для преодоления трудностей. Таким образом, он применяет либидо, которое не достигло первоначальной цели, к полезной самокритике и составлению плана, как осуществить желаемое восхождение с учетом его нравственных возможностей.
2. Человек не признает своей трусости и категорически утверждает, что скала неприступна. Хотя он видит, что известная доля мужества позволила бы преодолеть препятствие, он предпочитает обманывать себя. В результате складывается психологическая ситуация, имеющая важное значение для нашей проблемы.

[381] В сущности, человек осознает, что физически преодолеть эту трудность возможно; он просто морально на это не способен. Разумеется, он отбрасывает эту мысль, ибо она ему неприятна. Он столь высокого о себе мнения, что не может признать своей трусости. Он кичится своей храбростью и предпочитает утверждать, что восхождение невозможно, тогда как в действительности ему просто не хватает смелости. Таким образом, он вступает в противоречие с самим собой: с одной стороны, он правильно оценивает ситуацию, с другой — прячет это знание за иллюзией храбрости. Он вытесняет правильное понимание и пытается навязать реальности свои субъективные иллюзорные суждения. В результате этого противоречия либидо расщепляется, и две его половины вступают в борьбу друг с другом. Желание

взобраться на гору противопоставляется подкрепленному надуманными аргументами убеждению, что на гору взобраться нельзя. Он отступает не из-за какой-то реальной проблемы, а из-за искусственного барьера, созданного им самим. Он находится в разладе с самим собой и страдает от внутреннего конфликта. То берет верх осознание собственной трусости, то упрямство и гордость. В обоих случаях либидо вовлечено в бесполезную внутреннюю войну, в силу которой человек становится неспособным к любым новым предприятиям. Он никогда не осуществит своего желания взобраться на гору, ибо глубоко заблуждается в оценке своих нравственных качеств. Его эффективность и приспособленность снижены; одним словом, он становится невротиком. Либидо, отступившее перед трудностями, не привело ни к честной самокритике, ни к отчаянной попытке преодолеть препятствие любой ценой; оно использовалось только для того, чтобы поддержать дешевое притворство: мол, восхождение вообще невозможно и никакие героические усилия тут не помогут.

[382] Такая реакция называется *инфантильной*. Для детей и наивных умов вообще характерно искать ошибку не в себе, а вовне, и насильственно навязывать внешним объектам свое собственное субъективное суждение.

[383] Таким образом, этот человек решает проблему инфантильным способом; он заменяет адаптивную установку первого скалолаза приспособлением, характерным для детского разума. Вот что мы подразумеваем под регрессией. Его либидо отступает перед препятствием, которое не может преодолеть, и подменяет реальное действие детской иллюзией.

[384] Такие случаи — повседневное явление в практике лечения неврозов. Достаточно вспомнить обо всех тех девушках, заболевающих истерией как раз в тот момент, когда встает вопрос о помолвке. В качестве примера приведу случай двух сестер, родившихся с разницей всего в один год. По своим способностям и по характеру они были очень похожи. Они получили одинаковое воспитание, росли в одинаковых условиях и испытывали на себе одинаковое родительское влияние. Обе были на вид здоровы, ни у одной не было никаких

явных нервных симптомов. Внимательный наблюдатель мог бы заметить, что старшую дочь родители любили чуть больше, чем младшую. Предпочтение родителей объяснялось особой чувствительностью, свойственной этой дочери. Она требовала больше нежности, чем младшая, была более развита и общительна. Кроме того, ей были присущи некоторые детские черты, которые в силу своего противоречивого и слегка неуравновешенного свойства делают человека особенно обаятельным. Неудивительно, что отец и мать испытывали к старшей дочери особенно теплые чувства.

[385] Когда сестры достигли брачного возраста, они познакомились с двумя молодыми людьми. Вскоре встал вопрос о свадьбе. Как это обычно бывает, возникли определенные затруднения. Обе девушки были довольно юны и неопытны. Мужчины тоже были сравнительно молоды; поскольку они только начинали свою карьеру, их материальное положение оставляло желать лучшего. Общественное положение девушек давало им право на известные ожидания. В такой ситуации сомнения относительно целесообразности обоих браков были вполне допустимы. Кроме того, обе девушки были недостаточно знакомы со своими женихами и не были уверены в их любви. Как следствие, было много колебаний и сомнений. При этом выяснилось, что старшая сестра с бóльшим трудом принимала важные решения, чем младшая. Из-за своей нерешительности девушки пережили несколько болезненных моментов, ибо молодые люди, естественно, требовали четкого ответа. В такие минуты старшая сестра всегда казалась более взволнованной, чем младшая. Несколько раз она в слезах прибегала к матери, жалуясь на собственную неуверенность. Младшая сестра оказалась более решительной и положила конец неопределенности, приняв предложение своего поклонника. Таким образом, она преодолела свое затруднение, и после этого все пошло гладко.

[386] Как только поклонник старшей сестры узнал, что младшая дала согласие, он бросился к своей возлюбленной и потребовал, чтобы она приняла его предложение. Его напористость и страсть раздражали и даже пугали ее, хотя в глубине души она была склонна последовать примеру сестры.

Она ответила высокомерно и довольно бесцеремонно. Мужчина опустился до упреков, отчего она стала отвечать еще резче. В заключение девушка расплакалась, и жених в гневе ушел. Дома он рассказал эту историю своей матери, которая заявила, что эта девушка явно ему не подходит и что ему лучше выбрать другую. Ссора заставила девушку усомниться в своей любви. Ей вдруг показалось невозможным оставить своих любимых родителей и последовать за этим человеком навстречу неизвестной судьбе. В конце концов отношения были разорваны окончательно. С тех пор девушка впала в уныние и меланхолию; она выказывала несомненные признаки величайшей ревности к своей сестре, но не хотела ни видеть, ни признавать, что ревнует. Счастливые отношения с родителями тоже расстроились. Прежняя детская привязанность сменилась угрюмостью и чрезвычайной раздражительностью. В дальнейшем развилась депрессия, сохранявшаяся в течение нескольких недель. Пока младшая сестра праздновала свадьбу, старшая лечилась на далеком курорте от нервного катара кишечника. Далее разбирать историю ее болезни нет смысла; она переросла в обыкновенную истерию.

[387] При анализе этого случая было обнаружено сильное сопротивление по отношению к сексуальной проблеме. Сопротивление было вызвано многочисленными извращенными фантазиями, существование которых пациентка не желала признавать. На вопрос о том, откуда могли взяться эти извращенные фантазии, столь неожиданные для молодой женщины, она ответила, что однажды, в возрасте восьми лет, столкнулась на улице с эксгибиционистом. От страха девочка остолбенела; отвратительная картина еще долго преследовала ее в сновидениях. Младшая сестра тоже при этом присутствовала. На следующую ночь после того, как пациентка рассказала об этом происшествии, ей приснился мужчина в сером костюме, который начал проделывать перед ней то же самое, что и эксгибиционист. С криком ужаса она проснулась.

[388] Первой ее ассоциацией на серый костюм был костюм ее отца, в котором он однажды ходил с ней на экскурсию (в то время пациентке было лет шесть). Стало быть, этот сон, вне

всякого сомнения, связывает отца с эксгибиционистом. Но для этого должна быть какая-то причина. Не случилось ли с отцом чего-нибудь такого, что могло бы вызвать подобную ассоциацию? Этот вопрос встретил яростное сопротивление со стороны больной. Тем не менее в следующей беседе она воспроизвела некоторые очень ранние воспоминания: например, однажды она видела, как ее отец раздевается. В другой раз она пришла на сеанс ужасно смущенная и потрясенная и рассказала, что у нее было отвратительное видение. Ночью, лежа в постели, она вдруг снова почувствовала себя ребенком двух-трех лет и увидела отца, стоящего у ее кровати в непристойной позе. Она рассказывала все это с трудом, по частям; очевидно, в ней происходила сильнейшая внутренняя борьба. Затем последовали страстные причитания о том, как ужасно, что отец способен на такие возмутительные поступки по отношению к собственному ребенку.

[389] Едва ли отец действительно совершил нечто подобное; это в высшей степени маловероятно. Это всего лишь фантазия, предположительно возникшая в ходе анализа из-за той же самой потребности в каузальности, которая однажды привела аналитиков к мысли, что в корне истерии лежат такого рода впечатления.

[390] Этот случай, как мне кажется, наглядно демонстрирует важность теории регрессии и вместе с тем обнаруживает источники предыдущих теоретических заблуждений. Мы видели, что поначалу сестры сравнительно мало отличались одна от другой, однако с момента появления женихов их пути разошлись. Оказалось, что они обладали совершенно разными характерами. Одна, крепкая здоровьем, жизнерадостная и смелая, охотно подчинилась естественным требованиям женственности; другая — мрачная, раздражительная, полная горечи и злобы — не желала прилагать никаких усилий, чтобы вести разумную жизнь. Она была эгоистична, сварлива и досаждала всем вокруг. Эти поразительные различия проявились только тогда, когда одна из сестер успешно преодолела трудности периода помолвки, в то время как другой это не удалось. Для обеих девушек все висело, так сказать, на волоске. Младшая оказалась более спокойной,

решительной, а потому сумела найти нужное слово в нужный момент. Старшая была более избалованной и более чувствительной, а значит, более подверженной влиянию эмоций. В итоге она не сумела подобрать правильного слова и в дальнейшем не нашла в себе сил исправить ошибку. Условия, в которых жили сестры, первоначально были совершенно одинаковыми. Все дело было в большей чувствительности старшей.

[391] Возникает вопрос: откуда взялась эта чувствительность, которая привела к таким печальным последствиям? Анализ выявил необычайно развитую сексуальность, которая носила инфантильный, фантазийный характер, а также инцестуальные фантазии об отце. Если предположить, что эти фантазии существовали давно, проблема чувствительности разрешается быстро и легко. В таком случае мы можем понять, почему наша пациентка была такой чувствительной: она жила в замкнутом мире своих фантазий и испытывала тайную привязанность к отцу. При таких обстоятельствах желание связать свою жизнь с другим мужчиной было бы настоящим чудом.

[392] Чем глубже мы погружаемся в фантазии, надеясь обнаружить их источник и тем самым удовлетворить нашу потребность в каузальном объяснении, тем труднее становится анализ, то есть тем сильнее становятся так называемые сопротивления. Наконец мы подходим к непристойному поведению отца, неправдоподобность которого мы уже установили. Эта сцена явно представляет собой более позднюю фантазийную конструкцию. Поэтому, по крайней мере на данной стадии анализа, мы должны воспринимать эти трудности, эти «сопротивления» не как защиту от осознания болезненного воспоминания, а как борьбу против конструирования таких фантазий.

[393] Вы спросите: но что же заставляет пациента изобретать подобные фантазии? Возможно, некоторые из вас даже полагают, будто психоаналитик намеренно подталкивает к ним больного; в противном случае столь абсурдная идея никогда бы не пришла ему в голову. Я не сомневаюсь, что были случаи, когда потребность аналитика найти причину, особенно под влиянием теории травмы, действительно толкала

пациента к фантазиям такого рода. Но аналитик, в свою очередь, никогда не пришел бы к этой теории, если бы не следовал за ходом мыслей пациента, участвуя таким образом в том ретроградном движении либидо, которое мы называем регрессией. Он просто доводит до логического завершения то, что боится осуществить пациент, то есть регрессию, отступление либидо со всеми вытекающими отсюда последствиями.

[394] Посему, прослеживая регрессию либидо, анализ не всегда придерживается пути, намеченного историей развития, но часто следует за фантазией, сформированной позднее и основанной на реальных событиях лишь отчасти. То же самое мы наблюдаем и в нашем случае: события, которые были реальны лишь отчасти, приобрели свое огромное значение только впоследствии, когда либидо регрессировало. Всякий раз, когда либидо овладевает каким-либо воспоминанием, можно ожидать, что оно будет обработано и преобразовано, ибо все, чего касается либидо, оживает, драматизируется и систематизируется. Таким образом, мы вынуждены признать, что бóльшая часть материала стала значимой лишь позднее, когда регрессирующее либидо, хватаясь за все подходящее, что попадалось ему на пути, породило соответствующую фантазию. Затем эта фантазия, следуя за регрессивным движением либидо, вернулась наконец к отцу и возложила на него все инфантильные сексуальные желания.

[395] Поскольку мы знаем, что фантазийный материал, выявленный в ходе анализа, стал значимым только впоследствии, мы не можем использовать его для объяснения невроза; в таком случае мы бы двигались по кругу. Отправной точкой для невроза стал момент, когда девушка и ее жених были готовы примириться, но упустили эту возможность вследствие особой чувствительности пациентки, а может быть, и ее партнера.

[396] Можно предположить — и психоаналитическая школа склоняется к этой точке зрения, — что критическая чувствительность возникла из особой психологической истории, которая предопределила этот исход. Мы знаем, что при психогенных неврозах чувствительность всегда является симптомом разлада, разобщенности с самим собой, сим-

птомом борьбы между двумя расходящимися тенденциями. Каждая из этих тенденций имеет свою психологическую предысторию, и в нашем случае можно ясно показать, что специфическое сопротивление, лежащее в основе критической чувствительности пациентки, на самом деле было исторически связано с определенными инфантильными сексуальными действиями, а также с так называемым травматическим опытом, причем и то и другое вполне могло бросить тень на сексуальность. Это было бы вполне правдоподобно, если бы сестра пациентки, которая пережила почти то же самое, включая эксгибициониста, тоже стала невротичной.

[397] Поскольку этого не произошло, мы должны предположить, что пациентка переживала эти моменты особым образом, более интенсивно и в течение более длительного времени, чем ее сестра, и что в долгосрочной перспективе события раннего детства оказались для нее более значимыми. Будь это так, какой-то эффект, несомненно, был бы заметен уже тогда. Между тем в пору юности в сознании пациентки, как и в сознании ее сестры, с событиями раннего детства было покончено. Следовательно, в отношении этой критической чувствительности можно выдвинуть еще одну гипотезу, а именно, что она возникла не из специфической предыстории, а существовала с самого начала. Внимательный наблюдатель обычно может обнаружить атипичную чувствительность даже у младенца. Однажды я анализировал истеричную пациентку, которая показала мне письмо, написанное ее матерью, когда больной было два года. Мать писала о ней и ее сестре: она — пациентка — всегда была дружелюбным и предприимчивым ребенком, тогда как ее сестра с трудом приспосабливалась к людям и вещам. У первой впоследствии развилась истерия, у второй — кататония. Столь выраженные различия, уходящие корнями в раннее детство, не могут быть вызваны случайными событиями, но должны рассматриваться как врожденные. С этой точки зрения мы не можем утверждать, что в нашем случае причиной чувствительности в критический момент была особая предыстория; правильнее было бы сказать, что эта чувствительность была врожденной и, ко-

нечно, проявлялась наиболее сильно в любой необычной ситуации.

[398] Подобная чрезмерная чувствительность очень часто приносит с собой обогащение личности и скорее придает ей особое очарование, нежели портит характер. Только в трудных и необычных ситуациях это преимущество превращается в недостаток, ибо спокойная рассудительность тогда нарушается несвоевременными аффектами. Однако нет ничего более ошибочного, чем рассматривать эту чрезмерную чувствительность *eo ipso* как патологическую составляющую характера. Будь это так, нам пришлось бы считать больным четверть всего человечества. Но если эта чувствительность имеет столь разрушительные последствия, то ее, конечно, никак нельзя считать нормальной.

[399] Мы приходим к этому противоречию, когда противопоставляем два взгляда на значение психологической предыстории так, как мы сделали это здесь. На самом деле, речь не идет ни о том ни о другом. Определенная врожденная чувствительность порождает особую предысторию, особый способ переживания инфантильных событий, которые, в свою очередь, влияют на развитие детского мировоззрения. События, производящие сильные впечатления, никогда не проходят бесследно для чувствительных людей. Некоторые из них остаются действенными на протяжении всей жизни и могут оказать определяющее влияние на все психическое развитие человека. Грязные и разочаровывающие переживания в сексуальной области способны на долгие годы отпугнуть чувствительного человека, так что одна только мысль о сексе уже вызывает в нем сильнейшее сопротивление.

[400] Как показывает теория травмы, люди, знающие о таких случаях, часто склонны приписывать эмоциональное развитие человека целиком или, по крайней мере, в значительной степени случайности. Прежняя теория травмы зашла в этом отношении слишком далеко. Никогда не следует забывать, что мир — это прежде всего субъективный феномен. *Впечатления, которые мы получаем от этих случайных событий, зависят от нас самих.* Неверно, что впечатления навязываются безусловно извне; впечатление обусловлива-

ет наша собственная предрасположенность. У человека, чье либидо заблокировано, впечатления будут, как правило, совсем другие и гораздо более яркие, чем у того, чье либидо организовано в различные виды деятельности. Одно и то же событие произведет на чувствительного человека глубокое впечатление, тогда как менее чувствительного оставит равнодушным.

[401] Посему, помимо случайного впечатления, мы должны обратить пристальное внимание на субъективные условия. Наши предыдущие рассуждения и, в частности, рассмотренный нами реальный случай свидетельствуют о том, что наиболее важным субъективным условием является регрессия. Эффект регрессии, как показывает практический опыт, настолько выражен и значителен, что возникает соблазн приписать эффект случайных событий исключительно механизму регрессии. Вне всякого сомнения, есть много случаев, когда все драматизируется, когда даже травматические переживания суть чистые плоды воображения, а реальные события впоследствии полностью искажаются фантазийной проработкой. Мы можем с уверенностью сказать, что нет ни одного случая невроза, в котором эмоциональная ценность предшествующего опыта не усиливалась бы регрессией либидо. Даже когда обширные области инфантильного развития кажутся чрезвычайно значимыми (как, например, отношения с родителями), эту ценность им почти всегда придает именно регрессия.

[402] Истина, как всегда, лежит посередине. Прошлое, безусловно, имеет определяющее значение, и это значение усиливается регрессией. Иногда на первый план выходит травматическое значение предшествующей истории, иногда — только ее регрессивное значение. Эти соображения, естественно, применимы и к инфантильным сексуальным переживаниям. Очевидно, бывают случаи, когда грубые сексуальные переживания бросают тень на сексуальность и делают последующее сопротивление сексу вполне понятным. (Попутно замечу, что пугающие впечатления, не только сексуальные, но и другие, могут оставить после себя устойчивое чувство незащищенности, которое может заставить человека принять нерешительную установку по

отношению к реальности.) Там, где реальные события несомненно травматического характера отсутствуют — как в большинстве случаев невроза, — преобладает механизм регрессии.

[403] Можно возразить, что у нас нет критерия, по которому можно было бы судить о потенциальном воздействии травмы, ибо травма — чрезвычайно относительное понятие. Это не совсем верно; такой критерий у нас есть, а именно — понятие среднестатистического нормального человека. То, что может произвести сильное и длительное впечатление на нормального человека, должно рассматриваться как оказывающее определяющее влияние и на невротика. Но и при неврозе мы не можем приписать решающее значение впечатлениям, которые обычно исчезают и забываются. В большинстве случаев, когда какое-либо событие произвело неожиданный травматический эффект, мы, по всей вероятности, обнаружим регрессию, то есть вторичную фантазийную драматизацию. *Чем раньше, по словам пациента, возникло впечатление, тем сомнительнее его реальность.* У первобытных людей и животных нет ничего похожего на эту способность оживлять воспоминания об уникальных впечатлениях, которую мы находим у цивилизованных людей. Очень маленькие дети далеко не так впечатлительны, как дети постарше. Более высокий уровень умственных способностей — непременное условие впечатлительности. Посему мы можем с уверенностью предположить, что чем дальше в детство пациент относит какое-то впечатляющее переживание, тем выше вероятность, что оно будет содержать выраженный фантазийный и регрессивный элемент. Более глубоких впечатлений можно ожидать только от переживаний позднего детства. Как бы то ни было, событиям раннего детства, то есть раньше пятого года, мы должны приписывать только регрессивное значение. В более поздние годы регрессия также может играть первостепенную роль, но даже в этом случае не следует умалять значения случайных событий. В более позднем течении невроза случайные события и регрессия вместе образуют порочный круг: отступление от жизни ведет к регрессии, а регрессия усиливает сопротивление жизни.

[404] Прежде чем продолжить наши рассуждения, обратимся к вопросу о том, какое телеологическое значение следует придавать регрессивным фантазиям. Мы могли бы удовлетвориться гипотезой, что эти фантазии являются просто суррогатом реального действия, а потому не имеют никакого дальнейшего значения. Едва ли это так. Психоаналитическая теория склонна видеть причину невроза в фантазиях (иллюзиях, предрассудках и т.д.), ибо их характер выдает тенденцию, часто прямо противоположную разумным поступкам. Иногда кажется, что пациент на самом деле использует свою предыдущую историю только для того, чтобы доказать, что не может действовать разумно, вследствие чего у аналитика, который, как и все остальные, склонен сочувствовать больному (то есть бессознательно отождествлять себя с ним), складывается впечатление, будто аргументы пациента составляют подлинную этиологию. В других случаях фантазии носят скорее характер прекрасных идеалов, замещающих суровую действительность красивыми и воздушными фантазиями. Здесь всегда присутствует более или менее очевидная мания величия, компенсирующая леность и намеренную некомпетентность больного. Что же касается решительно сексуальных фантазий, то они часто обнаруживают свою цель более или менее явно; последняя состоит в том, чтобы приучить пациента к мысли о его сексуальной судьбе и таким образом помочь ему преодолеть свое сопротивление.

[405] Согласившись с Фрейдом, что невроз — это неудачная попытка самоисцеления, мы должны признать двойственный характер и за фантазиями: с одной стороны, патологическую тенденцию к сопротивлению, с другой — тенденцию полезную и подготовительную. У нормального человека либидо, натолкнувшись на препятствие, вызывает состояние интроверсии и побуждает к размышлениям. То же самое происходит и с невротиком: при блокировании либидо возникает интроверсия с повышенной фантазийной активностью. Однако невротик застревает в этом состоянии, ибо предпочитает инфантильный способ адаптации как более легкий. Он не осознает, что, выбирая сиюминутную выгоду, тем самым оказывает себе медвежью услугу. Аналогичным

образом, гражданским властям гораздо легче и удобнее пренебрегать всеми этими хлопотными санитарными мерами, но стоит разразиться эпидемии, как за этот грех бездействия придется дорого заплатить. Следовательно, если невротик требует всевозможных инфантильных льгот, он должен также принять и последствия. Если же он не хочет этого делать, то последствия не заставят себя долго ждать.

[406] В целом было бы большой ошибкой отрицать какую-либо телеологическую ценность явно патологических фантазий невротика. По сути, они представляют собой начатки одухотворения, первые робкие попытки найти новые способы адаптации. Отступление на инфантильный уровень означает не только регрессию и застой, но и возможность выработать новый жизненный план. Регрессия, таким образом, есть основное условие для творческого, созидательного акта. Тут я снова позволю себе сослаться на мой часто цитируемый труд «Символы трансформации».

8. Терапевтические принципы психоанализа

[407] Понятие регрессии, по всей вероятности, следует считать самым важным открытием психоанализа в этой области. Не только более ранние формулировки генезиса невроза были опровергнуты или, по меньшей мере, значительно изменены, но и *сам актуальный конфликт* впервые получил надлежащую оценку.

[408] Как показывает вышеописанный случай с женщиной и лошадьми, симптоматическая драматизация становится понятной лишь тогда, когда она рассматривается как выражение актуального конфликта. Здесь психоаналитическая теория в полной мере согласуется с результатами ассоциативных экспериментов, о которых я рассказывал на своих лекциях в Университете Кларка. В работе с невротиком ассоциативный эксперимент дает целый ряд указаний на четкие конфликты в реальной жизни, которые мы называем комплексами. Эти комплексы содержат те самые проблемы и трудности, которые и привели пациента к дисгармонии

с собой. Как правило, мы находим совершенно явный любовный конфликт. С точки зрения ассоциативного эксперимента невроз предстает как нечто совершенно иное, нежели с точки зрения более ранней психоаналитической теории. Если раньше невроз рассматривали как образование, уходящее своими корнями в младенчество и перерастающее нормальную психическую структуру, то с позиций ассоциативного эксперимента невроз есть реакция на актуальный конфликт. Последний часто встречается и у нормальных людей, однако разрешается ими без особых затруднений. Невротик же остается в тисках конфликта; это застревание и приводит к неврозу. Посему мы можем утверждать, что результаты ассоциативного эксперимента убедительно свидетельствуют в пользу теории регрессии.

[409] С помощью более ранней, «исторической» концепции невроза мы надеялись понять, почему невротику с выраженным родительским комплексом так трудно приспособиться к жизни. Однако теперь, когда установлено, что нормальным людям свойственны точно такие же комплексы и в принципе то же психологическое развитие, что и невротикам, мы уже не можем объяснять невроз формированием определенных фантазийных систем. Подлинно объяснительный подход носит сугубо проспективный характер. Мы больше не спрашиваем, есть ли у больного отцовский (материнский) комплекс или бессознательные инцестуальные фантазии, привязывающие его к родителям, ибо мы знаем, что они имеются у всех. Было ошибкой полагать, будто подобными вещами страдают исключительно невротики. Сегодня мы спрашиваем: какую задачу пациент не желает выполнять? каких трудностей пытается избежать?

[410] Если бы человек всегда старался приспособиться к условиям жизни, его либидо использовалось бы правильно и адекватно. Когда этого не происходит, оно блокируется и вызывает симптомы регрессии. Невыполнение требований адаптации, или уклонение невротика от трудностей, представляет собой, в сущности, колебания, которые испытывает всякий живой организм перед очередной попыткой приспособления. Поучительные примеры в этом отношении дает дрессировка животных, и во многих случаях такого

объяснения вполне достаточно. С этой точки зрения прежнее объяснение, согласно которому сопротивление невротика обусловлено его зависимостью от фантазий, представляется ошибочным. Впрочем, с нашей стороны было бы неверно становиться на принципиальную позицию, отметая все остальные; подобные суждения в высшей степени однобоки. Привязка к фантазиям *тоже* существует, хотя фантазии, как правило, вторичны. Зависимость невротика от фантазий (иллюзий, предрассудков и т.д.) развивается постепенно, подобно привычке, из бесчисленных отступлений перед препятствиями с самого раннего детства. Со временем эта склонность перерастает в постоянную привычку, знакомую каждому исследователю неврозов; все мы сталкивались с пациентами, которые используют свой невроз как предлог избежать трудностей и уклониться от выполнения обязанностей. Привычное уклонение порождает особый склад ума: больные считают само собой разумеющимся жить фантазиями, а не выполнять неприятные обязательства. В силу подобной привязки к фантазиям реальный мир представляется невротику менее реальным, менее ценным и менее интересным, нежели нормальному человеку. Как я уже объяснял выше, иногда фантазийные предрассудки и сопротивления могут возникать из абсолютно непреднамеренных переживаний; иными словами, переживаний, не представляющих собой сознательно искомого разочарования и тому подобного.

[411] Основным и глубочайшим корнем невроза является, по всей видимости, врожденная чувствительность[1]. Последняя проявляется даже у грудного младенца, вызывая у него ненужное возбуждение и сопротивление при кормлении. Во многих случаях предполагаемая этиология невроза, выявленная психоанализом, фактически представляет собой лишь опись тщательно отобранных фантазий, реминисценций и т.д., стремящихся в определенном направлении и созданных пациентом из либидо, не использованным для биологической адаптации. Эти якобы этиологические фан-

[1] Разумеется, термин «чувствительность» лишь один из нескольких возможных. Например, мы могли бы сказать «реактивность» или «лабильность». Употребляются и другие термины.

тазии, таким образом, оказываются не чем иным, как суррогатными образованиями, масками, искусственными объяснениями неспособности адаптироваться к действительности. Вышеупомянутый замкнутый круг бегства от реальности и регрессии в фантазию, разумеется, вполне может породить иллюзию якобы решающих причинно-следственных связей, в которые верит как аналитик, так и пациент. Случайные события вклиниваются в этот механизм только в качестве «смягчающих обстоятельств». Тем не менее необходимо признать, что они существуют и могут оказывать определенное влияние.

[412] Отчасти я вынужден согласиться с теми критиками, которые, читая психоаналитические истории болезни, не могут отделаться от впечатления, что все это фантастично и искусственно. Их единственная ошибка состоит в том, что они приписывают фантастические артефакты и зловещую, надуманную символику внушению и плодовитому воображению аналитика, а не несравненно более плодовитой фантазии самих больных. В фантазийном материале психоаналитической истории болезни действительно много искусственного. Но самое поразительное — это активная изобретательность пациента. Критики не так уж неправы, когда говорят, что у невротиков, которых им приходилось наблюдать, таких фантазий не было. Я не сомневаюсь, что большинство их пациентов совершенно не осознают, что у них вообще есть какие-либо фантазии. Находясь в бессознательном, фантазия «реальна» только в той мере, в какой она оказывает очевидное воздействие на сознание, например в форме сновидения. В противном случае мы можем с чистой совестью сказать, что она нереальна. Разумеется, всякий, кто не обращает внимания на почти неуловимое влияние бессознательных фантазий на сознание или обходится без тщательного и технически безупречного анализа сновидений, может вообще не заметить фантазий своих больных. Как следствие, подобные возражения зачастую вызывают у нас лишь снисходительную улыбку.

[413] Тем не менее мы должны признать, что во всем этом есть и доля истины. Регрессивная тенденция пациента, подкрепленная вниманием психоаналитика в его исследовании бес-

сознательной фантазийной активности, продолжает изобретать и творить даже во время анализа. Более того, в аналитической ситуации эта активность значительно возрастает: пациент чувствует интерес со стороны аналитика и продуцирует еще больше фантазий, чем прежде. По этой причине наши критики часто замечали, что добросовестная терапия невроза должна двигаться в противоположном направлении, чем психоанализ; другими словами, основная задача терапии состоит в том, чтобы освободить пациента от его нездоровых фантазий и вернуть его к реальной жизни.

[414] Психоаналитик, безусловно, это осознает, но он также знает и то, насколько далеко можно зайти в подобном освобождении от фантазий. Разумеется, нам, медикам, никогда и в голову не придет предпочесть трудный и сложный метод, критикуемый всеми авторитетами, простому, ясному и легкому способу, если только на это нет веской причины. Я прекрасно знаком с гипнотическим внушением и методом убеждений Дюбуа, но не применяю их, поскольку они сравнительно неэффективны. По той же причине я не использую напрямую и «rééducation de la volonté»*, ибо психоанализ дает лучшие результаты.

[415] Если же мы все-таки выбрали психоанализ, то должны следовать регрессивным фантазиям больного. Психоанализ предполагает более широкий подход к оценке симптомов, нежели традиционные психотерапевтические процедуры. Все они исходят из предположения, что невроз есть всецело патологическое образование. Ни один невролог до сих пор не рассматривал невроз как попытку исцеления и, следовательно, не признавал за невротическими образованиями совершенно особое телеологическое значение. Однако, как и всякая болезнь, невроз — это лишь компромисс между патогенными причинами и нормальной функцией. Современная медицина видит в лихорадке не столько болезнь как таковую, сколько целенаправленную реакцию организма. Точно так же психоанализ рассматривает невроз не как нечто противоестественное и само по себе патологическое, но как нечто имеющее смысл и цель.

---

* Перевоспитание воли (*фр.*).

[416] Отсюда проистекает испытующая и выжидательная установка психоанализа по отношению к неврозу. Во всех случаях он воздерживается от оценки ценности симптома и вместо этого стремится понять, какие тенденции лежат в его основе. Если бы мы могли уничтожить невроз так же, как, например, рак, мы в то же время уничтожили бы большое количество полезной энергии. Мы сохраняем эту энергию, то есть заставляем ее служить цели выздоровления; для этого мы изучаем смысл симптомов и следуем за регрессией пациента. Тем, кто не знаком с основами психоанализа, бывает трудно понять, каким образом проникновение во «вредные» фантазии пациентов способствует достижению терапевтического эффекта. Не только противники психоанализа, но и пациенты сомневаются в терапевтической ценности метода, акцентирующего те самые вещи, которые сам больной считает бесполезными и предосудительными, а именно свои фантазии. Пациенты часто говорят, что их прежние врачи запрещали им предаваться фантазиям, объясняя это тем, что они могут считать себя здоровыми только тогда, когда освободятся, хотя бы временно, от этого ужасного бедствия. Естественно, у них возникает вопрос, какая польза от лечения, если оно ведет их обратно в то самое место, из которого они так долго пытались вырваться.

[417] На это возражение можно ответить так: все зависит от установки пациента по отношению к своим фантазиям. До сих пор фантазирование больного представляло собой совершенно пассивную и непроизвольную деятельность. Как говорится, он жил в мире грез. Даже его так называемые раздумья были не более чем непроизвольной фантазией. Может показаться, что психоанализ ждет от пациента того же самого, но только человек с очень поверхностным знанием психоанализа может спутать эти пассивные грезы с необходимой ныне установкой. То, что психоанализ требует от пациента, прямо противоположно тому, что он делал всегда. Больной подобен человеку, который, нечаянно упав в воду, погружается на глубину, тогда как психоанализ хочет, чтобы он нырнул сознательно. Больной не случайно упал именно в этом месте. Там лежит клад, но только ныряльщик может достать его со дна.

[418] С рациональной точки зрения фантазии представляются бесполезными и бессмысленными. Однако в действительности они имеют большое значение и потому оказывают огромное влияние. Это затонувшие сокровища, которые может добыть только ныряльщик; другими словами, пациент, вопреки своему обыкновению, должен намеренно обратить внимание на свою внутреннюю жизнь. Если раньше он только грезил, то теперь должен думать, сознательно и интенционально. Этот новый способ мышления о себе столь же мало похож на его прежнее состояние, как ныряльщик — на утопающего. Его прежняя одержимость обрела смысл и цель, она стала сознательным трудом. С помощью психоаналитика пациент погружается в свои фантазии, но не для того, чтобы раствориться в них, а для того, чтобы найти их и по частям поднять на поверхность. Тем самым он занимает объективную позицию по отношению к своей внутренней жизни и может проработать все то, чего раньше боялся. В этом и заключается главный принцип всего психоаналитического лечения.

[419] Из-за своей болезни пациент находился частично или полностью вне жизни. Вследствие этого он пренебрегал многими своими обязанностями либо в отношении социальных достижений, либо в отношении сугубо человеческих задач. Если он хочет выздороветь, он должен вернуться к выполнению этих обязанностей. Из осторожности замечу, что «обязанности» здесь следует понимать не как общие этические постулаты, а как обязанности по отношению к самому себе, под которыми я опять-таки не имею в виду эгоцентрические интересы: человек есть также социальное существо, о чем слишком часто забывают индивидуалисты. Нормальный человек чувствует себя гораздо комфортнее, когда разделяет общую добродетель, нежели когда обладает индивидуальным пороком, каким бы соблазнительным он ни был. Он, должно быть, невротик или вообще необычный человек, если позволяет особым интересам такого рода ввести себя в заблуждение.

[420] Поскольку невротик уклоняется от своих обязанностей, его либидо отворачивается, по крайней мере частично, от задач, навязываемых реальностью. Это влечет за собой ин-

троверсию либидо, то есть его обращение на внутреннюю жизнь. В отсутствие попыток преодолеть какие-либо реальные трудности, либидо следует по пути регрессии, в результате чего фантазия в значительной степени занимает место реальности. Бессознательно — и очень часто сознательно — невротик предпочитает жить в своих грезах и фантазиях. Чтобы вернуть его к действительности и к исполнению необходимых задач, психоанализ следует по тому же «ложному» пути регрессии, который выбрало либидо больного, так что в начале может показаться, будто анализ всячески поддерживает болезненные наклонности пациента. Но психоанализ следует за фантазиями лишь с тем, чтобы восстановить в сознании либидо, ценную часть фантазий, и применить его к обязанностям настоящего. Единственный способ это сделать — поднять на поверхность бессознательные фантазии вместе с привязанным к ним либидо. Не будь они наделены либидо, мы могли бы спокойно предоставить этим бессознательным фантазиям и дальше вести свое призрачное существование. В условиях возрастающего сопротивления пациент, поощренный в своей регрессивной тенденции уже самим фактом начала анализа, неизбежно увлекает аналитика вниз, в глубины своего бессознательного теневого мира.

[421] Разумеется, всякий аналитик, как любой нормальный человек, ощущает величайшее сопротивление регрессивной тенденции пациента, ибо он убежден, что эта тенденция патологична. Как врач, он считает, что поступает совершенно правильно, отказываясь проникать в фантазии больного. Эта тенденция отталкивает его, ибо отвратительно видеть, как человек полностью отдается таким фантазиям, считая важным только себя и непрестанно собой восхищаясь. Более того, для эстетического чувства нормального человека поток невротических фантазий обычно чрезвычайно неприятен, если не прямо омерзителен. Психоаналитик, конечно, должен отбросить все эстетические ценностные суждения, как и любой другой врач, который действительно стремится помочь больному. Он не должен бояться грязной работы. Разумеется, есть множество пациентов, которые больны физически и выздоравливают благодаря применению обыч-

ных физических методов, диетических или суггестивных, без более тщательного исследования. В тяжелых случаях может помочь только терапия, основанная на доскональном изучении и глубоком знании болезни. Наши прежние психотерапевтические методы и были общими мерами такого рода; в легких случаях они не только не вредят, но и, напротив, часто приносят ощутимую пользу. Однако многие пациенты оказываются невосприимчивыми к таким методам. Если что-то и может им помочь, так это психоанализ. Это вовсе не означает, что психоанализ есть панацея от всех болезней. Подобное утверждение имеет своим источником лишь недоброжелательную критику. Мы прекрасно знаем, что в некоторых случаях психоанализ бессилен. Как известно, никакой метод не может вылечить все болезни.

[422] Погружаясь в глубины психики, аналитик извлекает из лежащего на дне ила, фрагмент за фрагментом, грязный материал. Чтобы распознать ценность этого материала, его сперва необходимо очистить. Грязные фантазии не имеют ценности и отбрасываются; ценностью обладает исключительно связанное с ними либидо. После очистки оно вновь становится пригодным для использования. Профессиональному психоаналитику, как и всякому специалисту, иногда кажется, что значимы и сами фантазии, а не только сопряженное с ними либидо. Однако их ценность не заботит пациента. Для аналитика эти фантазии имеют только научную ценность; так хирургу интересно знать, содержит ли гной стафилококки или стрептококки. Пациенту это совершенно безразлично. Аналитику лучше скрывать свой научный интерес, дабы пациент не получал чрезмерного удовольствия от своих фантазий. Этиологическое значение, которое — на мой взгляд — ошибочно приписывают фантазиям, объясняет, почему в психоаналитической литературе так много внимания уделяется пространным обсуждениям всех форм фантазии. Убедившись, что в этой области нет ровным счетом ничего невозможного, мы перестаем искать в них этиологический элемент. Даже самое подробное обсуждение историй болезни никогда не сможет осушить этот океан. Теоретически фантазии в каждом случае неисчерпаемы.

[423] В большинстве случаев, однако, продуцирование фантазий через некоторое время прекращается, из чего, конечно, не следует, что возможности фантазии исчерпаны; это означает, что либидо больше не регрессирует. Регрессивное движение останавливается тогда, когда либидо овладевает подлинными обстоятельствами жизни и используется для решения необходимых задач. Встречаются случаи, и их немало, когда пациент продолжает генерировать бесконечные фантазии, то ли для собственного удовольствия, то ли из-за ошибочных ожиданий аналитика. Такую ошибку особенно часто допускают начинающие. Ослепленные психоаналитическими историями болезни, они сосредоточивают внимание на мнимом этиологическом значении фантазий и пытаются выудить их из инфантильного прошлого в тщетной надежде найти там решение невротических затруднений. Они не видят, что решение кроется в действии, в выполнении определенных жизненных обязательств. Нам возразят, что невроз всецело обусловлен неспособностью пациента исполнить жизненные требования и что, благодаря анализу бессознательного, он должен обрести способность или, по крайней мере, средства это сделать.

[424] В такой формулировке это возражение совершенно оправданно, однако необходимо добавить, что оно справедливо только тогда, когда пациент действительно осознает стоящую перед ним задачу — осознает не только академически, в общих теоретических чертах, но и в деталях. Для невротиков характерно отсутствие такого знания, хотя благодаря своему интеллекту они отлично понимают общие требования жизни и, возможно, даже слишком усердно стремятся к исполнению предписаний современной морали. Но именно по этой причине они практически ничего не знают о несравненно более важных обязанностях по отношению к самому себе. Посему недостаточно слепо следовать за пациентом по пути регрессии и толкать его назад, в инфантильные фантазии неуместным этиологическим интересом. Я часто слышу, как пациенты, безнадежно застрявшие в психоаналитическом лечении, говорят: «Мой аналитик думает, что у меня где-то есть инфантильная травма или фантазия, которую я все еще вытесняю». В одних случаях

это предположение оказывается верным; в других остановка вызвана тем обстоятельством, что либидо, поднятое анализом на поверхность, вновь погружается в бездну из-за отсутствия применения. Это происходит потому, что аналитик сосредоточивает все свое внимание на инфантильных фантазиях и не видит, какую задачу адаптации должен выполнить пациент.

[425] Многие пациенты совершенно самостоятельно обнаруживают свои жизненные задачи и довольно скоро отказываются от регрессивных фантазий, ибо предпочитают жить в реальности, а не в фантазиях. Жаль, что этого нельзя сказать обо всех больных. Многие откладывают исполнение своих жизненных задач на неопределенный срок, возможно навсегда, и делают выбор в пользу праздных невротических грез. Я должен еще раз подчеркнуть, что под «грезами» мы не подразумеваем сознательный феномен.

[426] Благодаря этим наблюдениям характер психоанализа с течением времени изменился. Если на начальном этапе психоанализ представлял собой своего рода хирургическое вмешательство, позволяющее удалить из психики инородное тело, заблокированный аффект, то в своей более поздней форме он приобрел исторический аспект и стремится исследовать генезис невроза во всех его деталях вплоть до первоисточника.

[427] Не вызывает сомнений, что этот метод обязан своим существованием не только сильному научному интересу, но и личной «эмпатии» аналитика, следы которой отчетливо проявляются в психоаналитическом материале. Благодаря этому личному чувству Фрейд смог открыть, в чем кроется терапевтический эффект психоанализа. Если раньше его искали в разрядке травматического аффекта, то теперь оказалось, что все фантазии, выявленные анализом, ассоциируются с личностью аналитика. Фрейд назвал этот процесс *переносом*, ибо пациент переносит на аналитика фантазии, которые ранее были связаны с образами родителей. Перенос не ограничивается сугубо интеллектуальной сферой; скорее, фантазии, вместе с инвестированным в них либидо, осаждаются на личность аналитика. Все те сексуальные фантазии, которые группируются вокруг имаго родителей, теперь груп-

пируются вокруг него, и чем меньше пациент это осознает, тем сильнее его бессознательная связь с аналитиком.

[428] Это открытие имеет во многих отношениях фундаментальное значение. Прежде всего, перенос обладает большой биологической ценностью для пациента. Чем меньше либидо он отдает реальности, тем более преувеличенными будут его фантазии и тем больше он будет отрезан от внешнего мира. Для невротиков типично нарушение отношения к реальности, то есть снижение способности к адаптации. Перенос на аналитика образует мост, по которому пациент может уйти от своей семьи в реальность. Теперь он может вырваться из инфантильной среды в мир взрослых, ибо аналитик представляет для него часть мира вне семьи.

[429] С другой стороны, перенос оборачивается огромным препятствием для успешного лечения, ибо пациент ассимилирует аналитика, который должен быть частью внесемейного мира, со своими отцом и матерью, так что все плюсы этого явления оказываются под угрозой. Чем объективнее больной будет относиться к аналитику, то есть смотреть на него, как на любого другого человека, тем больше пользы принесет перенос. И наоборот, чем больше пациент ассимилирует аналитика с отцовским имаго, тем менее продуктивным будет перенос и тем больший вред он причинит. В таком случае пациент просто расширяет сферу своей семьи, добавляя к ней квазиродительскую личность. Сам он, как и прежде, остается в инфантильной среде и, следовательно, сохраняет свою инфантильную констелляцию. Таким образом могут быть утрачены все потенциальные преимущества переноса.

[430] Некоторые пациенты следят за анализом с величайшим интересом, но в их состоянии не наблюдается никаких улучшений; они продолжают активно продуцировать фантазии, хотя вся предыдущая история невроза, даже самые темные его уголки, казалось бы, изучены самым доскональным образом. Аналитик, придерживающийся исторического взгляда, может легко прийти в замешательство и спросить себя: что же тут еще анализировать? Это как раз те случаи, которые я имел в виду раньше, когда говорил, что речь идет уже не об анализе исторического материала, а о действии, о пре-

одолении инфантильной установки. Исторический анализ снова и снова показывает, что пациенту присуща инфантильная установка по отношению к аналитику, но ничего не говорит нам о том, как ее изменить. До определенного момента этот серьезный недостаток переноса проявляется во всех случаях. Постепенно выяснилось даже, что та часть психоанализа, которую мы обсуждали до сих пор, чрезвычайно интересна и ценна с научной точки зрения, но на практике гораздо менее важна, чем, собственно, анализ самого переноса, о котором пойдет речь ниже.

[431] Прежде чем подробно остановиться на этой особенно важной части анализа, я бы хотел обратить внимание на параллель между первой стадией психоанализа и неким культурным институтом. Разумеется, я говорю о религиозном институте исповеди.

[432] Ничто не делает людей более одинокими и более отрезанными от общения с другими, нежели обладание тщательно скрываемой и ревниво охраняемой личной тайной. Очень часто именно «греховные» мысли и поступки разобщают людей и отдаляют их друг от друга. В таких случаях исповедь часто оказывается подлинным спасением. Огромное чувство облегчения, которое обычно следует за исповедью, можно приписать возвращению заблудшей овцы в человеческое общество. Мучительные чувства нравственного одиночества и обособленности исчезают. В этом и заключается главная психологическая ценность исповеди.

[433] Кроме того, благодаря переносу тайны и всех бессознательных фантазий, лежащих в ее основе, между пациентом и отцом-исповедником возникает нравственная связь. Мы называем ее «трансферентным отношением». Любой человек, имеющий психоаналитический опыт, знает, насколько возрастает личная значимость аналитика, когда пациент может доверить ему свои секреты. Изменения, которые это вызывает в поведении пациента, часто поразительны. Весьма вероятно, что Церковь намеренно стремилась к такому эффекту. Тот факт, что бóльшая часть человечества не только нуждается в руководстве, но и страстно желает быть руководимой и опекаемой, в некотором смысле оправдывает нравственную ценность, которую Церковь придает испове-

ди. Священник, наделенный всеми атрибутами отеческой власти, становится ответственным руководителем и пастырем своей паствы. Он — отец-исповедник, а члены прихода — его кающиеся дети.

[434] Таким образом, священник и Церковь заменяют собой родителей и, следовательно, освобождают индивида из семейных уз. Поскольку священник — нравственно возвышенная личность, обладающая природным благородством души и соответствующей духовной культурой, институт исповеди можно считать блестящим средством социального руководства и воспитания. Фактически он успешно выполнял свою воспитательную функцию в течение более полутора тысяч лет. Пока средневековая Церковь, благодаря терпимости к мирским интересам, выступала хранительницей искусства и науки, исповедь оставалась замечательным инструментом воспитания. Однако она лишилась своей воспитательной ценности, по крайней мере для более развитых людей, как только Церковь утратила свое лидерство в интеллектуальной сфере как неизбежное следствие духовной косности. Более образованные люди нашего времени не желают руководствоваться вероучением или догмой; они жаждут понимать. Посему неудивительно, что они отказываются от всего непонятного и необъяснимого. При этом религиозные символы, будучи наименее понятными из всех, обычно выбрасываются за борт первыми. Интеллектуальная жертва, которой требует безусловная вера, есть насилие, против которого восстает совесть любого умственно развитого человека.

[435] Что касается анализа, то, возможно, в большинстве случаев переноса на аналитика и зависимости от него достаточно для достижения явного терапевтического эффекта. Разумеется, это справедливо при условии, что аналитик является доминирующей личностью и во всех отношениях способен ответственно руководить своими пациентами и быть «отцом своему народу». Однако современный, умственно развитый человек стремится, сознательно или бессознательно, к самоуправлению и самостоятельному решению нравственных вопросов. Он жаждет взять штурвал в свои руки; слишком уж долго его корабль вели другие. Он

хочет понимать; другими словами, он хочет быть взрослым. Быть руководимым гораздо легче, но сегодня это уже не прельщает образованных людей, ибо они чувствуют, что дух времени требует от них моральной автономии. Психоанализ должен считаться с этим требованием и, следовательно, пресекать всякое стремление пациента к постоянному руководству и наставлению. Аналитик прекрасно осведомлен о своих недостатках, а потому едва ли годится на роль отца и наставника. Его высшая цель должна состоять в том, чтобы сделать своих пациентов независимыми личностями и освободить их от бессознательной привязки к инфантильным ограничениям. Посему перед аналитиком, в отличие от священника, стоит задача проанализировать перенос. Благодаря анализу бессознательная — а иногда и сознательная — связь с аналитиком прерывается, и пациент обретает самостоятельность. Такова, по крайней мере, цель лечения[1].

[436] Перенос вносит всевозможные трудности в отношения между аналитиком и пациентом, ибо, как мы видели, аналитик всегда в той или иной степени ассимилируется с семьей. Первая часть анализа, обнаружение комплексов, протекает достаточно легко: каждый рад освободиться от бремени своих мучительных тайн. Кроме того, больной испытывает особое удовлетворение от того, что наконец-то нашелся человек, готовый внимательно выслушать все то, чему до сих пор никто не придавал значения. Для пациента необычайно приятно чувствовать, что его понимают, что врач полон решимости любой ценой разобраться в проблеме. Есть пациенты, у которых для этого имеется даже специальный «тест», особый вопрос, в который должен вникнуть аналитик; если он не может или не хочет этого делать, значит, он никуда не годится. Быть понятым — особенно сладостное чувство для всех тех одиноких душ, которые ненасытны в своих требованиях «понимания».

[437] Для таких покладистых пациентов начало анализа, как правило, не представляет трудностей. Поскольку на этом

---

[1] Более подробно см.: «Психология переноса». — *Примеч. авт.* См.: Gesammelte werke, band 17. — *Примеч. ред. оригинального издания.*

этапе добиться терапевтических эффектов сравнительно легко, они могут внушить новичку ложный оптимизм и аналитическую поверхностность, совершенно несоразмерные серьезности и специфической сложности стоящей перед ним задачи. Ни один врач, который трубит о терапевтических успехах, не заслуживает большего презрения, чем психоаналитик, ибо кому как не ему знать, что в конечном счете эффект терапии главным образом зависит от сотрудничества со стороны природы и самого пациента. Психоаналитик может по праву гордиться своим возросшим пониманием сущности и структуры невроза — пониманием, которое значительно превосходит все предыдущие познания в этой области. Однако существующую на сегодняшний день психоаналитическую литературу нельзя не упрекнуть в том, что иногда она выставляет психоанализ в ложном свете. Некоторые публикации создают у непосвященного читателя впечатление, будто психоанализ — это более или менее ловкий прием, дающий ошеломляющие результаты.

[438] За эти терапевтические иллюзии ответственна первая стадия анализа, в ходе которой мы пытаемся понять и таким образом часто облегчаем чувства пациента. Улучшения, которые могут наступить в это время, разумеется, не являются результатами лечения; как правило, это лишь временное облегчение, которое содействует процессу переноса. После того как первоначальное сопротивление переносу преодолено, невротик оказывается в идеальной для себя ситуации. Ему самому не нужно прилагать никаких усилий, и все же некто торопится ему навстречу — некто, кто проявляет непривычное и своеобразное желание понять, внимательно слушает, не выказывая скуки, не позволяет себе идти на поводу у эмоций, хотя больной порой делает все возможное, чтобы рассердить его своим своенравием и детским упрямством. Этого терпения достаточно, чтобы растопить сильнейшие сопротивления, так что пациент без колебаний ставит аналитика в один ряд с семейными богами, то есть ассимилирует его в инфантильную среду.

[439] В то же время пациент удовлетворяет другую свою потребность: он достигает отношений вне семьи и тем самым исполняет биологическое требование. Таким образом, боль-

ной получает двоякую пользу от переноса: он находит личность, которая, с одной стороны, оказывает ему заботливое внимание во всех его заботах и в этой степени приравнивается к отцу и матери, а с другой стороны, находится вне семьи и тем самым помогает ему выполнять жизненно важный и трудный долг без малейшей опасности для себя. Когда, кроме того, это сопровождается заметным терапевтическим эффектом, а это случается нередко, пациент укрепляется в своей вере в то, что его новообретенное положение превосходно. Само собой разумеется, что он ни в малейшей степени не склонен отказываться от всех этих преимуществ. Будь его воля, он бы предпочел навсегда остаться с аналитиком единым целым. Как следствие, он начинает продуцировать многочисленные фантазии о том, как достичь этой цели. Большую роль здесь играет эротизм, который эксплуатируется и преувеличивается с тем, чтобы продемонстрировать невозможность разделения. Вполне понятно, что пациент оказывает самое упорное сопротивление, когда аналитик пытается разорвать трансферентные отношения.

[440] Однако мы не должны забывать, что для невротика внесемейные отношения являются одной из жизненных обязанностей, как и для каждого человека, и долгом, который он до сих пор либо не исполнял вовсе, либо исполнял в ограниченной мере. Здесь я должен энергично возразить против распространенного мнения, будто внесемейные отношения всегда означают отношения сексуальные. Во многих случаях это не так. Излюбленное невротическое заблуждение состоит в том, что правильная установка по отношению к миру достигается через потворство сексуальным желаниям. Литература по психоанализу также дает повод к неверным толкованиям; из некоторых публикаций нельзя сделать никаких иных выводов. Эти ошибочные представления, впрочем, гораздо старше психоанализа и потому не могут вменяться ему в вину. Опытному врачу хорошо известен этот совет; мне самому не раз приходилось лечить больных, действовавших в соответствии с ним. Но когда это рекомендует психоаналитик, он совершает ту же ошибку, что и его пациент, который убежден: его сексуальные фантазии происходят от сдерживаемой («вытесненной») сексуальности.

Будь это так, данный рецепт, естественно, был бы спасением. Но дело вовсе не в сексуальности, а в регрессивном либидо, которое преувеличивает фантазии, ибо уклоняется от реальной задачи и стремится вернуться на инфантильный уровень. Поддерживая эту регрессивную тенденцию, мы подкрепляем инфантильную установку невротика. Вместо этого он должен научиться высшему приспособлению, которого требует жизнь от зрелых и цивилизованных людей. Те, кто имеет явную склонность опускаться ниже, сделают это и сами; для этого психоанализ не нужен.

[441] В то же время не следует впадать в противоположную крайность и думать, будто психоанализ создает совершенно исключительные личности. Психоанализ стоит вне традиционной морали; в настоящее время он не должен придерживаться никаких общих нравственных стандартов. Он есть и должен оставаться только средством развить индивидуальные тенденции и привести их в гармонию с остальной личностью. Психоанализ должен быть биологическим методом, стремящимся сочетать наивысшее субъективное благополучие с исполнением наиболее важных биологических задач. Поскольку человек есть не только индивид, но и член общества, эти две тенденции, присущие человеческой природе, никогда не могут быть ни разъединены, ни подчинены одна другой без серьезного ущерба для него самого.

[442] В идеале человек, который подвергся анализу, должен обрести гармонию с собой, вернуться в свое естественное состояние: то есть стать ни хорошим, ни плохим, но таким, какой он есть на самом деле. Психоанализ нельзя считать методом воспитания, если под воспитанием понимать садоводческое искусство придания дереву красивой искусственной формы. Те, кто придерживается более возвышенных взглядов на воспитание и образование, предпочтет метод, позволяющий дереву наиболее полно осуществить то, что заложено в нем природой. Во многих из нас до сих пор силен нелепый страх, будто человек, в сущности, совершенно невозможное существо и что, если каждый будет самим собой, произойдет социальная катастрофа. Многие понимают под выражением «самим собой» только вечно недовольный, анархический, хищнический элемент, совершен-

но забывая о том, что те же самые люди создали формы цивилизации, обладающие большей силой и устойчивостью, нежели все анархические подводные течения. Укрепление социальной личности является одним из неотъемлемых условий существования человека. Будь это иначе, человечество давно бы перестало существовать. Эгоизм и бунтарство, которые мы встречаем в психологии невротика, — это не «человек, какой он есть на самом деле», а инфантильное искажение. В действительности у нормального человека развито чувство «гражданского долга и нравственности»; он создал свои законы и соблюдает их не потому, что они навязаны ему извне — это наивное заблуждение, — а потому, что он любит закон и порядок больше, чем хаос и беззаконие.

[443] Чтобы разрешить перенос, нам приходится бороться с силами, которые не просто невротичны, но имеют важное значение для нормальных людей. Пытаясь заставить пациента разорвать отношения переноса, мы требуем от него того, что редко или никогда не требуют от обычного человека, а именно, чтобы он преодолел себя. Только некоторые религии требовали этого от индивида, и именно это делает вторую стадию анализа столь трудной.

[444] Как известно, дети склонны думать, будто любовь дает им право предъявлять определенные требования. Инфантильная концепция любви — это получение подарков от других. В соответствии с этим определением пациенты предъявляют требования аналитику и, таким образом, ведут себя не иначе, чем большинство нормальных людей, чья инфантильная алчность не выходит за рамки допустимого только благодаря выполнению жизненных обязательств и удовлетворению, которое это приносит либидо, а также потому, что некоторое отсутствие темперамента не предрасполагает их с самого начала к страстному поведению. Основная проблема невротика состоит в том, что вместо того, чтобы приспособиться к жизни своим собственным особым способом, требующим высокой степени самодисциплины, он предъявляет инфантильные требования, а затем начинает торговаться. Аналитик едва ли будет расположен подчиняться требованиям, которые пациент предъявляет к нему лично, но могут возникнуть обстоятельства, при

которых он попытается купить свободу компромиссами. Например, он мог бы намекнуть на моральные свободы, которые, будучи превращены в максиму, привели бы к общему снижению культурного уровня. Но таким образом пациент просто опускается на более низкий уровень и становится неполноценным. В конечном счете речь идет вовсе не о культуре; аналитик просто пытается выйти из ситуации переноса, предлагая другие, мнимые преимущества. Это идет вразрез с реальными интересами пациента; таким образом он никогда не освободится от своей детской алчности и лени.

> Освободится от тенет, в которых всяк из нас страдает,
> Кто свои страсти и пороки обуздает*.

[445] Невротик должен доказать, что он, как и всякий нормальный человек, может жить разумно. Он должен сделать даже больше, чем нормальный человек: он должен отказаться от львиной доли своего инфантилизма, чего от нормального человека никто не требует.

[446] Пациенты часто пытаются убедить себя — посредством разного рода авантюр, — что можно продолжать жить инфантильно. Было бы большой ошибкой со стороны аналитика пытаться их удержать. Есть опыт, через который человек обязан пройти и которому нет замены. Такие переживания часто имеют неоценимое значение для больного.

[447] На этой стадии анализа все зависит от того, насколько глубоко аналитик проанализирован сам. Аналитик, который сам питает неосознанные инфантильные желания, никогда не сможет предостеречь от этой опасности пациента. Ни для кого не секрет, что на протяжении всего анализа умные пациенты заглядывают в душу аналитика в надежде найти там подтверждение целительной формулы — или ее опровержение. Совершенно невозможно, даже с помощью самого искусного анализа, помешать больному инстинктивно перенять то, как аналитик подходит к решению жизненных проблем, ибо личность учит нас большему, чем любые книги. Все попытки скрыть свою личность ничего не дают;

---

* *Гете И.* Тайны (фрагмент).

рано или поздно аналитик встретит пациента, который раскроет его блеф. Аналитик, который с самого начала серьезно относится к своей профессии, сталкивается с неумолимой необходимостью проверить принципы психоанализа и на себе самом. Он будет поражен, как много технических трудностей можно избежать таким образом. Заметьте, я говорю не о начальной стадии анализа, которую можно было бы назвать стадией выявления комплексов, а об этой последней, чрезвычайно сложной стадии, связанной с разрешением переноса.

[448] Многие начинающие смотрят на перенос как на совершенно ненормальное явление, с которым нужно «бороться». Такое воззрение как нельзя более ошибочно. Для начала мы должны рассматривать перенос только как фальсификацию, сексуализированную карикатуру на социальные узы, которые объединяют человеческое общество и создают тесные связи между людьми одинакового склада ума. Эта связь представляется одним из самых ценных социальных факторов, какие только можно себе вообразить, а потому было бы жестокой ошибкой полностью отвергать эти социальные авансы со стороны пациента. Нужно только очистить их от регрессивных компонентов, от инфантильного сексуализма. Когда это удается, перенос становится наилучшим орудием адаптации.

[449] Единственная опасность — и она велика — заключается в том, что непризнанные инфантильные требования аналитика могут отождествляться с параллельными требованиями пациента. Аналитик может избежать этого только в том случае, если подвергнется тщательному анализу у другого аналитика. Так он сможет понять, что значит анализ на самом деле и каково это — испытывать его на своей собственной психике. Любой вдумчивый аналитик сразу увидит, какую большую пользу это может принести и его пациентам. Некоторые аналитики полагают, что вполне могут обойтись самоанализом. Это психология Мюнхгаузена, которая неминуемо ведет в тупик. Они забывают, что одним из важнейших терапевтически эффективных факторов является подчинение себя объективному суждению другого. Что касается нас самих, то мы остаемся слепы, несмотря ни на что

и ни на кого. Аналитик, как никто другой, должен отказаться от всякой изоляционистской тактики и аутоэротической мистификации, если, конечно, он искренне хочет помочь своим больным стать социально зрелыми и независимыми личностями.

[450] Кроме того, как и Фрейд, я требую, чтобы психоаналитик сам выполнял свои жизненные обязательства надлежащим образом. Если он этого не делает, ничто не сможет удержать его неиспользованное либидо от автоматического осаждения на пациентов и в конечном итоге фальсификации всего анализа. Незрелые и некомпетентные люди, которые сами невротичны и стоят лишь одной ногой в реальности, обычно не извлекают из анализа ничего, кроме бессмыслицы. *Exempla sunt odiosa*!* Лекарство в руке глупца — это всегда яд и смерть. Как мы требуем от хирурга, помимо специальных знаний, ловкости, мужества, присутствия духа и решимости, так от аналитика мы вправе ожидать серьезной и тщательной психоаналитической подготовки его собственной личности, ибо лишь при таких условиях ему можно доверить больных. Я бы даже сказал, что овладение психоаналитической техникой и ее практика предполагают не только определенный психологический дар, но прежде всего серьезные усилия, направленные на развитие собственного характера.

[451] Техника разрешения переноса та же, что и описанная ранее. Особое место, разумеется, занимает вопрос, что делать с либидо, отведенным от личности аналитика. Здесь тоже велика опасность для новичка, ибо он будет склонен подсказывать или давать советы. Для пациента усилия аналитика в этом отношении чрезвычайно удобны, а потому фатальны. В этот важный момент, как и везде в психоанализе, мы должны предоставить пациенту и его импульсам свободу, даже если выбранный путь кажется ложным. Заблуждение — такое же важное условие жизненного прогресса, как и истина.

[452] На этой второй стадии анализа, с ее скрытыми рифами и отмелями, мы многим обязаны интерпретации сновиде-

---

* Примеры (образцы) одиозны! (*лат.*)

ний. В начале анализа сновидения главным образом помогали нам обнаружить фантазии; здесь они часто служат чрезвычайно ценным руководством для применения либидо. Основополагающие труды Фрейда сильно расширили наши знания относительно детерминации очевидного содержания сновидения историческим материалом и желаниями. Он показал, каким образом сны дают доступ к субликсимальному материалу, в основном воспоминаниям, опустившимся ниже порога сознания. В соответствии со склонностью Фрейда к историческому методу, предложенная им процедура носит преимущественно аналитический характер. Несмотря на то что этот метод, бесспорно, имеет большую ценность, мы не должны придерживаться исключительно этой точки зрения, ибо односторонний исторический взгляд не позволяет в должной мере учесть телеологическое значение сновидений (которое подчеркивал, в частности, Медер*). Бессознательное мышление было бы совершенно неадекватно охарактеризовано, если бы мы рассматривали его только с позиций исторических детерминант. Дабы получить полную картину, мы, несомненно, должны рассмотреть также его телеологическое или проспективное значение. Если мы проследим историю английского парламента до его первоисточников, мы, несомненно, поймем, как он развивался и почему принял свою нынешнюю форму. Но это ничего не говорит нам о его проспективной функции, то есть о задачах, которые он решает сейчас и должен решать в будущем.

[453] То же самое справедливо и в отношении сновидений, проспективная функция которых ценилась во все времена и всеми народами. Вполне возможно, что в этом мнении есть большая доля истины. Не беря на себя смелость утверждать, что сновидения содержат элемент пророческого предвидения, мы все же можем обнаружить в этом субликсимальном материале комбинации будущих событий. Последние остаются субликсимальными только потому, что еще не достигли той степени ясности, которая позволила бы им

* [«Die Symbolik in den Legenden, Märchen, Gebräuchen und Träumen» (1908).]

стать сознательными. Здесь я имею в виду те смутные предчувствия относительно будущего, которые являются не чем иным, как очень слабыми, сублиминальными комбинациями событий, объективную ценность которых мы еще не в состоянии постичь.

[454] С помощью этих телеологических компонентов сновидения мы разрабатываем будущие тенденции пациента. Если это удается, пациент выходит из полуинфантильных трансферентных отношений и вступает в жизнь, которая была тщательно подготовлена внутри него, которую он сам избрал и которой, после зрелого размышления, он может себя посвятить.

[455] Совершенно очевидно, что психоанализ никогда не сможет использоваться в поликлинической работе. Он должен оставаться в руках тех немногих, кто в силу собственных врожденных просветительских и психологических способностей питает особую склонность и особую любовь к этой профессии. Точно так же, как не каждый врач может стать хорошим хирургом, не каждый способен стать психоаналитиком. Преимущественно психологический характер психоаналитической работы затрудняет монополизацию ее медицинской профессией. Рано или поздно другие отрасли науки овладеют этим методом либо из практических соображений, либо из теоретического интереса. Пока ортодоксальная наука считает психоанализ чистой бессмыслицей, не следует удивляться, если другие дисциплины воспользуются этим материалом раньше представителей медицинской профессии. Это тем более вероятно, ибо психоанализ есть общий метод психологического исследования и эвристический принцип первого ранга в области гуманитарных наук.

[456] Именно цюрихская школа продемонстрировала применимость психоанализа как метода исследования психических расстройств. Психоаналитическое исследование *dementia praecox*, например, дало возможность проникнуть в психологическую структуру этого примечательного заболевания. Боюсь, я бы слишком уклонился от темы, если бы позволил себе углубиться в результаты этих изысканий. Теория психологических детерминант этой болезни сама по себе достаточно широка; пожелай я обсудить символические

проблемы *dementia praecox*, мне пришлось бы изложить столь обширный материал, что его было бы совершенно невозможно уместить в рамках лекций, цель которых — дать общий обзор.

[457] Вопрос о *dementia praecox* чрезвычайно осложнился именно потому, что недавнее вторжение психоанализа в область мифологии и сравнительного религиоведения позволило нам глубже проникнуть в этнологический символизм. Те, кто знаком с символикой сновидений и *dementia praecox*, были поражены параллелизмом между символами, обнаруженными у современных людей, и символами, встречающимися в истории человечества. Наиболее удивителен параллелизм между этническими и шизофреническими символами. Сложные отношения между психологией и мифологией не позволяют мне подробно изложить мои взгляды на *dementia praecox*. По той же причине я должен воздержаться и от обсуждения результатов психоаналитического исследования мифологии и сравнительного религиоведения. Главным открытием, сделанным в рамках этих исследований в настоящее время, является обнаружение далеко идущих параллелей между этнической и индивидуальной символикой. Мы еще не в силах понять, какие возможности открывает перед нами эта этнопсихология. Тем не менее текущие знания подсказывают нам, что изучение мифологии может чрезвычайно обогатить и углубить психоаналитическое исследование природы сублиминальных процессов.

9. Случай невроза у ребенка

[458] В этих лекциях мне пришлось ограничиться общим описанием природы психоанализа. Подробный обзор метода и теории потребовал бы обширного клинического материала, изложение которого нанесло бы ущерб более глобальному видению. Однако чтобы дать вам некоторое представление о фактическом процессе психоаналитического лечения, я решил представить довольно краткий анализ одиннадцатилетней девочки. Анализ этот провела моя ассистентка, Мари Мольцер. Предваряю нижеследующие замечания тем,

что этот случай ни по длительности, ни по своему развитию не может служить образцом психоаналитического процесса так же, как один человек не может служить образцом всех остальных. Нигде абстракция общезначимых правил не дается с таким трудом, как в психоанализе, а потому лучше воздержаться от общих формулировок. Мы не должны забывать, что, несмотря на огромное единообразие конфликтов и комплексов, каждый случай уникален, как уникален каждый индивид. Каждый случай требует индивидуального интереса аналитика, и в каждом случае ход анализа различен.

[459] Посему, представляя этот случай, я предлагаю вам заглянуть лишь в небольшой фрагмент бесконечно разнообразного мира психики, выказывающего все те кажущиеся причудливыми и произвольными особенности, которыми каприз так называемой случайности наделяет человеческую жизнь. В мои намерения не входит утаивать какие-либо интересные психоаналитические детали, ибо я не хочу произвести впечатление, будто психоанализ является строго формалистическим методом. Научные потребности исследователя побуждают его всегда искать правила и категории, в которых может быть схвачена сама жизнь. Аналитик и наблюдатель, напротив, должны избегать любых формул и оставаться открытыми воздействию живой действительности во всем ее беззаконном изобилии. По этой причине я попытаюсь изложить этот случай со всей присущей ему естественностью. Надеюсь, мне удастся показать вам, что анализ подчас развивается совершенно иначе, чем можно было бы ожидать на основании одних только теоретических предположений.

[460] Пациентка — одиннадцатилетняя смышленая девочка из хорошей семьи.

[461] История болезни такова. Девочке неоднократно приходилось уходить с уроков из-за внезапной тошноты и головной боли. Придя домой, она ложилась в постель, а по утрам иногда отказывалась вставать и идти в школу. Ей снились дурные сны; она была угрюмой и часто капризничала. Я предупредил ее мать, которая обратилась ко мне за консультацией, что это могут быть признаки невроза и что за ними может скрываться некое особое обстоятельство, о ко-

тором необходимо расспросить ребенка. Это предположение не было произвольным: каждый внимательный наблюдатель знает, что если дети так беспокойны и раздражительны, значит, их что-то тревожит.

[462] Девочка рассказала матери следующую историю. У нее был любимый учитель, в которого она была тайно влюблена. За последний семестр она сильно отстала в учебе и думала, что утратила его расположение. Через некоторое время на его уроках девочке впервые сделалось дурно. Помимо приступов тошноты, она чувствовала отчуждение и даже некоторую враждебность по отношению к нему. В результате все свои дружеские чувства девочка направила на бедного мальчика, с которым обычно делила хлеб, который приносила в школу. Вскоре она стала давать ему и деньги, чтобы он мог сам купить себе еды. Однажды в разговоре с этим мальчиком она высмеяла своего учителя и назвала его козлом. Мальчик привязался к нашей пациентке и считал себя вправе время от времени взимать с нее дань в виде мелких денежных подарков. Испугавшись, как бы мальчик не рассказал учителю, что она назвала его козлом, девочка пообещала ему два франка, если он поклянется никогда об этом не говорить. С этого момента мальчик начал шантажировать ее; он с угрозами требовал денег и преследовал ее по дороге в школу. Девочка была в отчаянии. Приступы тошноты были тесно связаны с этой историей. Хотя после откровенного разговора с матерью ее душевное спокойствие должно было восстановиться, этого не произошло.

[463] Как я уже упоминал в предыдущей лекции, рассказ о болезненном эпизоде нередко оказывает терапевтический эффект. Как правило, последний длится не очень долго, хотя иногда может сохраняться в течение длительного времени. Подобное признание, естественно, далеко не анализ, хотя в настоящее время многие специалисты по нервным болезням убеждены, что анализ — это лишь более подробный анамнез или исповедь.

[464] Вскоре после этого у девочки случился сильный приступ кашля, и она пропустила один учебный день. На второй день она пошла в школу и чувствовала себя прекрасно. На третий день кашель возобновился. На этот раз он сопровож-

дался болями в левом боку, высокой температурой (39,4°) и рвотой. Доктор опасался воспаления легких. Но на следующий день все симптомы снова исчезли. Девочка чувствовала себя хорошо; от лихорадки и тошноты не осталось и следа.

[465] Тем не менее наша маленькая пациентка все время плакала и не хотела вставать. Я заподозрил серьезный невроз и посоветовал аналитическое лечение.

[466] На сеансе девочка казалась нервной и скованной. Время от времени она неприятно и принужденно смеялась. Прежде всего ее спросили, каково это — лежать в постели весь день. Она сказала, что это здóрово: все приходили ее проведать, а главное — мама читала ей книжку, в которой рассказывалось о *принце, который заболел и выздоровел только тогда, когда исполнилось его желание, а именно: чтобы его маленькому другу, бедному мальчику, позволили остаться с ним*.

[467] Ей указали на очевидную связь между сказкой, ее собственной любовной историей и ее болезнью. Девочка заплакала и сказала, что лучше пойдет играть с другими детьми, иначе они убегут. Получив разрешение, она убежала, но вскоре вернулась, несколько удрученная. Ей объяснили, что она убежала не потому, что боялась, что убегут ее товарищи, а потому, что сама хотела убежать из-за сопротивления.

[468] Во время второго сеанса пациентка была не такой взволнованной и подавленной. Разговор зашел об учителе, но она стеснялась говорить о нем. Наконец девочка со стыдом призналась, что он ей очень нравится. Ей объяснили, что она не должна этого стыдиться; напротив, ее любовь — гарантия того, что на его уроках она будет особенно стараться. «Значит, мне можно его любить?» — спросила девочка, сияя от счастья.

[469] Это объяснение оправдывало ребенка в выборе объекта любви. По всей вероятности, она боялась признаться в своих чувствах даже самой себе. По какой именно причине девочка стеснялась своей симпатии, сложно сказать. Ранее считалось, что либидо весьма неохотно обращается на человека вне семьи, ибо все еще находится в плену инцестуальной связи — весьма правдоподобная точка зрения, от которой трудно отказаться. С другой стороны, бедный маль-

чик тоже не принадлежал к членам семьи. Следовательно, трудность заключалась не в переносе либидо на внесемейный объект, а в каких-то других обстоятельствах. Очевидно, любовь к учителю представлялась ей более трудной задачей и требовала гораздо больших моральных усилий, нежели любовь к мальчику. Намек аналитика, что любовь должна побудить ее к особому прилежанию, вернул девочку к реальной задаче, состоявшей в приспособлении к учителю.

[470] Но если либидо отступает от насущной задачи, то это происходит по причине той самой общечеловеческой лености, которая особенно выражена у дикарей и животных. Примитивная инертность и лень — первое препятствие на пути к адаптации. Либидо, которое не используется для этой цели, застаивается и неизбежно регрессирует к прежним объектам или способам приспособления. В результате происходит активация инцестуального комплекса. Либидо отклоняется от труднодостижимого объекта и обращается к более легкому — к инфантильным фантазиям, которые затем развиваются в подлинные фантазии об инцесте. Всякий раз, когда происходит нарушение психологической адаптации, мы обнаруживаем чрезмерное развитие этих фантазий. Данный факт, как я указывал ранее, следует понимать как регрессивный феномен. Иными словами, фантазия об инцесте имеет второстепенное, а не каузальное значение, в то время как первопричиной является сопротивление человеческой природы любому виду напряжения. Соответственно, отступление от определенных задач нельзя объяснить тем, что человек сознательно предпочитает кровосмесительные отношения; скорее он возвращается к ним с тем, чтобы избежать напряжения. В противном случае нам пришлось бы постулировать, что сопротивление сознательному усилию тождественно предпочтению инцестуальных отношений. Это было бы очевидной бессмыслицей, ибо не только первобытный человек, но и животные питают выраженную неприязнь ко всем намеренным усилиям и склонны к абсолютной лени, пока обстоятельства не подтолкнут их к действию. Ни у первобытных людей, ни у животных нельзя утверждать, что предпочтение инцестуальных отношений является причиной их отвращения к по-

пыткам приспособления, ибо, особенно у животных, ни о каком инцесте не может быть и речи.

[471] Характерно, что девочку больше всего обрадовала не перспектива делать все возможное на уроках учителя, а сам факт допустимости ее симпатии. Именно это она услышала первым, как самое для нее желанное. В частности, облегчение проистекало из новообретенной уверенности, что она имеет полное право любить учителя, даже если не будет прикладывать особые усилия.

[472] Затем разговор перешел на историю о вымогательстве, которую наша пациентка снова пересказала во всех подробностях. Мы дополнительно узнаем, что она пыталась силой открыть свою копилку, а когда это не удалось, попыталась выкрасть ключ у своей матери. Она также откровенно призналась, что высмеивала учителя, потому что он был гораздо добрее к другим девочкам, чем к ней. Правда, она стала хуже учиться, особенно по арифметике. Однажды она что-то не поняла, но спросить у учителя не решилась из страха потерять его уважение. Как следствие, она стала допускать ошибки, отстала и действительно утратила его расположение. Это, разумеется, вызвало в ней чувство разочарования по отношению к учителю.

[473] Примерно в это же время случилось так, что одной девочке из ее класса сделалось на уроке дурно, и ее отправили домой. Вскоре то же самое произошло и с ней. Таким образом она пыталась избежать школы, которая ей больше не нравилась. Потеря уважения к учителю привела, с одной стороны, к оскорбительным заявлениям в его адрес, а с другой — к дружбе с маленьким мальчиком, очевидно, в качестве компенсации за утраченные отношения с учителем. Объяснение, данное ей по этому вопросу, ограничилось простым советом: она окажет своему учителю услугу, если постарается хорошо заниматься на его уроках и будет вовремя задавать вопросы. Я могу добавить, что эта подсказка дала хорошие результаты; с этого момента девочка стала первой ученицей в классе и больше не пропускала уроков арифметики.

[474] Что касается истории о вымогательстве, следует подчеркнуть ее компульсивный характер и отсутствие свободы, ко-

торую она обнаруживает в девочке. Это вполне закономерно. Как только человек позволяет своему либидо отступить от необходимой задачи, оно приобретает автономность и, невзирая на протесты субъекта, выбирает собственные цели, которые преследует с большим упорством. Посему для человека, ведущего ленивую и бездеятельную жизнь, весьма характерна особая склонность к компульсии либидо, то есть ко всякого рода страхам и непроизвольным ограничениям. Лучшим доказательством этого служат страхи и суеверия первобытных народов, хотя история нашей собственной цивилизации, особенно периода античности, подтверждает то же самое. Неиспользование либидо делает его неуправляемым. Однако мы не должны полагать, будто можем перманентно избавиться от компульсии либидо с помощью напряженных усилий. Только в очень ограниченной степени мы можем сознательно ставить задачи для либидо; другие естественные задачи оно выбирает само, ибо таково его предназначение. Если эти задачи избегаются, то даже самая деятельная жизнь ничего не даст, ибо мы должны учитывать все требования человеческой природы. К этой причине могут быть причислены бессчетные случаи неврастении от переутомления, ибо работа, выполняемая в условиях внутренних конфликтов, вызывает нервное истощение.

[475] Девочка рассказала сон, который приснился ей в пять лет и произвел на нее неизгладимое впечатление. «Я никогда в жизни не забуду этот сон», — сказала она. Здесь я хотел бы добавить, что такие сновидения представляют особый интерес. Чем дольше сновидение самопроизвольно остается в памяти, тем большее значение ему следует придавать. Сон был следующего содержания: «*Я была в лесу с моим маленьким братом, собирала землянику. Потом появился волк и бросился на меня. Я побежала вверх по лестнице, волк за мной. Я упала, и волк укусил меня за ногу. Я в ужасе проснулась*».

[476] Прежде чем мы приступим к обсуждению ассоциаций маленькой девочки, я попытаюсь составить произвольное мнение о возможном содержании сновидения, а затем сопоставлю эти результаты с ассоциациями, озвученными ребенком. Начало сновидения напоминает нам хорошо из-

вестную сказку о Красной Шапочке, которая, конечно же, известна каждому ребенку. Волк съел бабушку, принял ее облик, а потом съел и внучку. Но охотник убил волка, вспорол ему брюхо, и Красная Шапочка выскочила оттуда целой и невредимой.

[477] Этот мотив встречается в бесчисленных мифах по всему миру, в том числе и в библейской истории об Ионе. Значение, непосредственно лежащее в его основе, носит астромифологический характер: солнце проглатывается морским чудовищем, а утром рождается вновь. Разумеется, вся астромифология есть не что иное, как спроецированная на небеса психология. Эта психология бессознательная, ибо мифы никогда не создавались и не создаются сознательно; они возникают из бессознательного. В этом причина невероятного сходства или тождества некоторых мифологических форм у народов, пространственно разделенных с глубокой древности. Тем же самым объясняется, например, независимое от христианства распространение символа креста, особенно замечательные примеры которого мы находим в Америке. Невозможно предполагать, что мифы были созданы только для того, чтобы объяснить метеорологические или астрономические процессы; они являются в первую очередь проявлениями бессознательных импульсов, сравнимых со сновидениями и приведенных в действие регрессивным либидо. Материал, который обнаруживается таким образом, есть, безусловно, материал инфантильный — фантазии, связанные с комплексом инцеста. Во всех этих так называемых солнечных мифах можно без труда распознать инфантильные теории о прокреации, рождении и кровосмесительных отношениях. В сказке о Красной Шапочке это фантазия о том, что мать должна съесть что-то похожее на ребенка и что ребенок рождается из живота. Данная фантазия является одной из самых распространенных и обнаруживается повсеместно.

[478] На основании этих общих психологических соображений мы можем заключить, что в сновидении девочка разрабатывает проблему прокреации и рождения. Что касается волка, то мы, вероятно, должны поставить его на место отца, так как ребенок бессознательно приписывает отцу любой

акт насилия по отношению к матери. Этот мотив также основан на бесчисленных мифах. Что касается мифологических параллелей, я хотел бы обратить ваше внимание на работу Боаса*, которая содержит великолепное собрание сказаний американских индейцев; затем на книгу Фробениуса «Эпоха солнечного бога» и, наконец, труды Абрахама, Ранка, Риклина, Джонса, Фрейда, Мэдера, Зильберера и Шпильрейн**, а также на мои собственные исследования, изложенные в работе «Символы трансформации».

[479] После этих общих размышлений, которые я привожу здесь по теоретическим соображениям, но которые, естественно, не были частью лечения, вернемся к анализу и посмотрим, что может рассказать нам о своем сновидении сам ребенок. Излишне говорить, что девочке было позволено говорить о своем сне так, как она хотела, без всякого влияния со стороны аналитика. Прежде всего она ухватилась за тему укуса и объяснила, что *однажды женщина, у которой родился ребенок, сказала ей, что может показать место, куда ее клюнул аист*. Этот образ является в Швейцарии вариантом широко распространенной символики совокупления и рождения. Здесь мы имеем совершенный параллелизм между нашей интерпретацией и ассоциациями девочки: первая ассоциация, которую она привела в отсутствие всякого влияния со стороны, восходит к проблеме, которую мы предположили выше на теоретических основаниях. Я знаю, что бесчисленные случаи, опубликованные в психоаналитической литературе и определенно не навязанные извне, не смогли убедить наших критиков в том, что мы вовсе не внушаем пациентам свои интерпретации. Этот случай тоже не убедит никого из тех, кто твердо намерен

---

* [Антрополог Франц Боас (1858–1942); см. его: «Indianische Sagen» (1895).]

** См.: Библиографию. Л. Фробениус — немецкий археолог и этнограф-африканист, основоположник теории морфологии культуры; согласно Фробениусу, культура есть социальный организм с «мистическим началом», или «воспитанием», и люди — продукты культуры. Г. Зильберер — австрийский психоаналитик, автор ряда исследований по взаимосвязи современной психологии, христианской мистики, эзотерической и алхимической традиций. С. Шпильрейн — психоаналитик, ученица К. Г. Юнга.

приписывать нам грубые ошибки новичков — или, что еще хуже, обвинять в фальсификации.

[480] После этой первой ассоциации пациентку спросили, какие мысли у нее вызывает образ волка. Она ответила: «Я думаю о своем отце, когда он сердится». Это также полностью совпадает с нашими теоретическими рассуждениями. Можно возразить, что мы привели эти аргументы специально для этой цели, а потому они не имеют общей силы. Полагаю, это возражение отпадает само собой, если человек обладает необходимыми психоаналитическими и мифологическими познаниями. Судить об истинности гипотезы можно только на основании соответствующих знаний, и никак иначе.

[481] Первая ассоциация поставила на место волка аиста; теперь ассоциация к волку приводит нас к отцу. В народном представлении аист символизирует отца, потому что он приносит детей. Очевидное противоречие между сказкой, где волк — это мать, и сном, где волк — это отец, не имеет никакого значения ни для сновидения, ни для сновидицы. Посему мы можем обойтись без подробных объяснений. Я изложил эту проблему бисексуальных символов в своей книге. Как вы знаете, в легенде о Ромуле и Реме оба представителя животного мира, дятел и волчица, вскормившие близнецов, возведены в ранг родителей.

[482] Посему страх перед волком в сновидении — это страх перед отцом. Сновидица объяснила, что она боялась своего отца, потому что он был с ней очень строг. Кроме того, однажды он сказал ей, что плохие сны снятся только тогда, когда мы делаем что-то не так. Девочка спросила отца: «Но что мама делает не так? Ей всегда снятся плохие сны».

[483] В другой раз отец ударил ее, потому что она сосала палец. Она продолжала это делать, несмотря на его запрет. Может быть, это и есть тот грех, который она совершила? Едва ли: сосание пальца было просто анахроничной инфантильной привычкой, малоинтересной в ее возрасте и служащей скорее для того, чтобы рассердить отца. Вынуждая его на применение силы, она облегчала свою совесть от тайного и гораздо более тяжкого «греха»: *выяснилось, что она соблазнила нескольких своих сверстниц к взаимной мастурбации*.

[484] Именно из-за этих сексуальных интересов девочка и боялась своего отца. Но мы не должны забывать, что сон про волка приснился ей на пятом году жизни. В то время эти половые акты еще не были совершены. Следовательно, мы должны рассматривать историю с другими девочками в лучшем случае как причину ее теперешнего страха, которая, однако, не объясняет боязни отца в прошлом. Тем не менее можно ожидать, что и в прошлом имело место нечто подобное, какое-то бессознательное сексуальное желание, психологически соответствующее только что упомянутому запрещенному акту. Характер и моральная оценка этого поступка, естественно, осознаются ребенком гораздо меньше, чем взрослым. Чтобы понять, что могло произвести на девочку столь сильное впечатление, мы должны спросить, что произошло на пятом году жизни. *В том году родился ее младший брат*. Стало быть, она уже тогда боялась своего отца. Рассмотренные выше ассоциации показывают нам безошибочную связь между ее сексуальными интересами и страхом.

[485] Проблема секса, которую природа связывает с позитивным чувством удовольствия, предстает в сновидении о волке в виде страха, очевидно, из-за сурового отца, отстаивающего нравственное воспитание. Таким образом, сновидение стало первой впечатляющей манифестацией сексуальной проблемы, вызванной недавним рождением младшего брата; по опыту мы знаем, что при таких обстоятельствах у детей обычно и возникают все эти вопросы. Но поскольку сексуальная проблема всегда связана с историей некоторых приятных физических ощущений, которые воспитание обесценивает как «дурные привычки», она, по всей вероятности, могла проявиться только под личиной моральной вины и страха.

[486] Это объяснение, каким бы правдоподобным оно ни было, кажется мне поверхностным и неадекватным. В этом случае мы списываем все затруднения на моральное воспитание, исходя из недоказанного предположения о том, что воспитание может вызывать невроз. При этом мы игнорируем тот факт, что люди, вовсе не получившие никакого морального воспитания, тоже становятся невротиками и страдают бо-

лезненными страхами. Более того, моральный закон — это не просто зло, которому нужно противостоять, но необходимость, порожденная внутренними потребностями человека. Моральный закон есть не что иное, как внешнее проявление врожденного стремления человека к господству и контролю над собой. Влечение к доместикации и цивилизации теряется в туманных, непостижимых глубинах эволюционной истории человека и не может быть следствием законов, навязанных извне. Человек сам, повинуясь своим инстинктам, создал свои законы. Мы никогда не поймем причин страха и подавления сексуальной проблемы в ребенке, если будем принимать во внимание только моральную сторону воспитания. Истинные причины лежат гораздо глубже, в самой человеческой природе — в трагическом конфликте между природой и культурой или между индивидуальным сознанием и коллективным чувством.

[487] Естественно, было бы бессмысленно давать ребенку представление о философских аспектах проблемы; это, конечно, не возымело бы ни малейшего эффекта. Для ребенка совершенно достаточно, если мы убедим его, что в интересе к продолжению рода нет ничего предосудительного. Девочке объяснили, как много удовольствия и любопытства в ней вызывает проблема рождения и что ее беспочвенный страх есть не что иное, как то же удовольствие, но превращенное в свою противоположность. К истории мастурбации аналитик отнесся с терпимостью и пониманием, и дискуссия на эту тему ограничилась привлечением внимания девочки к бесцельности ее действий. В то же время ей объяснили, что сексуальные акты главным образом служили выходом для любопытства, которое она могла удовлетворить другим, более подходящим способом. Ее сильный страх перед отцом выражал не менее сильную экспектацию, которая из-за рождения младшего брата была тесно связана с проблемой репродукции. Эти объяснения оправдывали интерес девочки. На этом бóльшая часть морального конфликта была исчерпана.

[488] Во время четвертой беседы девочка была мила и доверчива. Прежняя сдержанность и натянутость исчезли без следа. Она пересказала сновидение, которое приснилось ей

после последнего сеанса: «*Я выше церковного шпиля и могу заглянуть в каждый дом. У моих ног совсем маленькие дети, крошечные, как цветочки. Подходит полицейский. Я говорю ему: "Если ты посмеешь сделать хоть одно замечание, я возьму твою саблю и отрублю тебе голову"*».

[489] В ходе анализа сновидения девочка заметила: «Если бы я была выше папы, он бы меня слушался». Она сразу связала полицейского с отцом, который был военным и у которого, конечно, была сабля. Сон явно представляет собой осуществление желания. Во сне девочка намного больше своего отца, и если он осмелится сделать ей замечание, то будет обезглавлен. Кроме того, сновидение исполняет естественное желание ребенка быть «большим», то есть взрослым, и иметь детей, которые играли бы у его ног. В этом сне девочка преодолевает свой страх перед отцом; на основании этого мы можем ожидать значительного увеличения личной свободы и чувства безопасности.

[490] С теоретической точки зрения мы можем рассматривать этот сон как яркий пример компенсаторного значения и телеологической функции сновидений. Такой сон должен оставить после себя повышенное чувство значимости собственной личности, очень важного для личного благополучия. Не имеет значения, что символика не была понятна сознанию ребенка, ибо эмоциональное воздействие символов не зависит от сознательного восприятия. Скорее, это вопрос интуитивного знания, источника, из которого все религиозные символы черпают свою действенность. Здесь не требуется никакого сознательного понимания; они воздействуют на психику верующего через интуицию.

[491] Девочка рассказала следующий сон, который приснился ей в промежутке между сеансами: «*Я стояла со всей семьей на крыше. Окна домов на другой стороне долины горели, как огонь. В них отражалось восходящее солнце. Вдруг я увидела, что дом на углу нашей улицы действительно горит. Пламя подбиралось все ближе и ближе и охватило наш дом. Я выбежала на улицу, а мама бросала мне всякие вещи. Я подставила фартук, и среди прочих предметов она бросила мне куклу. Я видела, что камни нашего дома горели, но дерево оставалось нетронутым*».

[492] Анализ этого сновидения представлял особые трудности и занял два сеанса. Я зашел бы слишком далеко, если бы стал описывать весь материал, который выявил этот сон; я ограничусь наиболее существенным. Значимые ассоциации начались со своеобразного образа горящих камней, но не дерева. Иногда следует, особенно при более длительных снах, выделить наиболее яркие образы и в первую очередь проанализировать их. Это не общее правило, однако в данном случае оно вполне оправдано в силу практической необходимости сократить изложение.

[493] «Это странно, как в сказке», — сказала пациентка об этом образе. Ей показали на примерах, что сказки всегда имеют смысл. «Но не все сказки, — возразила она. — Например, сказка о Спящей красавице. Какой в ней смысл?» Ей объяснили, что Спящей красавице пришлось проспать сто лет, прежде чем ее расколдовали. Спасти ее мог лишь тот, кто преодолел все трудности и смело прорвался сквозь колючую изгородь. Иными словами, человеку часто приходится долго ждать, прежде чем его заветное желание исполнится.

[494] Это объяснение отвечало уровню понимания ребенка, а с другой стороны, вполне соответствовало истории этого сказочного мотива. Сказка о Спящей красавице имеет очевидные связи с древним мифом о весне и плодородии и в то же время содержит проблему, которая удивительно близка психологической ситуации одиннадцатилетней девочки, несколько опережавшей в своем развитии. Данный мотив принадлежит целому циклу легенд, в которых герой спасает деву, охраняемую драконом. Не желая вдаваться в толкование этого мифа, я тем не менее хотел бы подчеркнуть его астрономические или метеорологические составляющие, ясно изложенные в «Эдде». Земля в образе девы находится в плену у зимы и покрыта льдом и снегом. Юное весеннее солнце, огненный герой, растапливает снег и лед и освобождает ее из морозной темницы, где она долго томилась в ожидании своего избавителя.

[495] Эта ассоциация была выбрана маленькой девочкой просто как пример сказки без смысла, а не как прямая ассоциация со сновидческим образом горящего дома. По этому

поводу она только заметила: «Странно, как в сказке», — имея в виду невозможное, ибо чтобы камни горели, совершенно невероятно, бессмысленно и похоже на сказку. Ей объяснили, что «невозможно» и «похоже на сказку» лишь отчасти тождественны, поскольку в сказках действительно заключен глубокий смысл. Хотя данная конкретная сказка, судя по тому, как она была упомянута, на первый взгляд не имеет никакого отношения к сновидению, она заслуживает особого внимания, ибо появилась во время анализа сновидения. Бессознательное подсказало именно этот пример; очевидно, он не случаен, но каким-то образом характерен для текущей ситуации. Анализируя сновидения, мы должны обращать пристальное внимание на эти кажущиеся случайности, ибо в психологии не бывает слепых случайностей, хотя мы и склонны считать их таковыми. Вы можете часто услышать это возражение от наших критиков, но для истинно научного ума существуют только причинно-следственные связи и никаких случайностей. Если девочка выбрала в качестве примера «Спящую красавицу», мы должны заключить, что для этого была какая-то фундаментальная причина в психологии ребенка. В нашем случае причиной было сравнение или частичное отождествление себя со Спящей красавицей; иными словами, в психике девочки существовал комплекс, который нашел выражение в мотиве «Спящей красавицы». Объяснение, данное ребенку, учитывало этот вывод.

[496] Тем не менее наша пациентка продолжала сомневаться в том, что сказки имеют смысл. В качестве другого примера непонятной сказки она привела Белоснежку, спавшую мертвым сном в стеклянном гробу. Нетрудно заметить, что «Белоснежка» принадлежит к тому же циклу мифов, что и «Спящая красавица», а также содержит более явные указания на миф о временах года. Выбранный ребенком мифологический материал указывает на интуитивное сравнение с землей, скованной зимней стужей и томящейся в ожидании спасительного весеннего солнца.

[497] Второй пример подтверждает первый. Едва ли можно утверждать, что второй пример, подчеркивающий значение первого, внушен его объяснением, предложенным анали-

тиком. Тот факт, что девочка привела «Белоснежку» в качестве другой бессмысленной сказки, свидетельствует о том, что она не осознавала тождества «Белоснежки» и «Спящей красавицы». Стало быть, мы можем предположить, что «Белоснежка» возникла из того же бессознательного источника, что и «Спящая красавица», а именно из комплекса, связанного с ожиданием грядущих событий. Эти события можно сравнить с освобождением земли из зимнего плена и оплодотворением ее лучами весеннего солнца. Как известно, с древнейших времен оплодотворяющее весеннее солнце ассоциировалось с символом быка, животного, олицетворяющего могущественную детородную силу. Хотя мы еще не видим связи между этими выводами и сновидением, мы запомним их и продолжим анализ.

[498] В следующем сновидческом образе девочка ловит куклу в передник. Первая ассоциация говорит нам, что ее отношение и вся ситуация напомнили ей *знакомую картину: над деревней летит аист; внизу стоят маленькие девочки, которые подставляют свои передники и кричат аисту, чтобы он принес им ребенка*. Пациентка добавила, что сама давно мечтала о маленьком братике или сестренке. Этот материал явно связан с уже рассмотренными мифологическими мотивами. Очевидно, что сновидение действительно касалось проблемы пробуждения репродуктивного инстинкта. Разумеется, об этих связях ребенку не сказали.

[499] Затем, после паузы, пришла следующая ассоциация: «Однажды, когда мне было пять лет, я легла на дорогу, и по моему животу проехал велосипед». Эта в высшей степени невероятная история оказалась, как и следовало ожидать, фантазией, превратившейся в парамнезию. Ничего подобного никогда не было, но, с другой стороны, мы узнаем, что *в школе девочки часто ложились поперек друг друга и топтали друг друга ногами*.

[500] Всякий, кто читал анализы детей, опубликованные Фрейдом и мною*, узнает в этой детской игре тот же базовый мотив топтания, который, как мы полагаем, должен иметь сексуальную подоплеку. Эту точку зрения, продемонстри-

* [См.: «О конфликтах детской души».]

рованную в наших предыдущих трудах, подтверждала следующая ассоциация: «Мне бы хотелось настоящего ребеночка, а не куклу».

[501] Весь этот в высшей степени примечательный материал, выявленный фантазией об аисте, указывает на типичные начала детской сексуальной теории и в то же время показывает нам точку, вокруг которой вращались фантазии маленькой девочки.

[502] Возможно, вам будет интересно узнать, что мотив топтания можно найти в мифологии. Доказательства этому я привел в книге о либидо. Использование инфантильных фантазий в сновидении, парамнезия о велосипедисте и напряженное ожидание, выраженное в мотиве «Спящей красавицы», — все это свидетельствует о том, что внутренний интерес ребенка сосредоточен на определенных проблемах, требующих решения. Вероятно, тот факт, что проблема деторождения привлекла либидо, и был причиной снижения интереса к учебе, вследствие чего девочка начала отставать. Насколько сильно эта тема привлекает девочек двенадцати и тринадцати лет, я показал в своей статье «Вклад в психологию слухов». Данная проблема является причиной пошлых разговоров среди детей и взаимных попыток просвещения, которые, естественно, оказываются весьма гадливыми и пагубно сказываются на воображении ребенка. Даже самая тщательная защита не может помешать ему в один прекрасный день открыть великую тайну, и, вероятно, самым грязным способом. Для детей было бы гораздо лучше узнавать о фактах жизни своевременно, от близких взрослых, а не от товарищей по играм.

[503] Эти и другие признаки указывали на то, что пришло время для определенного сексуального просвещения. Девочка внимательно слушала, а потом серьезно спросила: «Значит, я действительно не могу иметь ребенка?» После этого вопроса ей объяснили понятие половой зрелости.

[504] Девочка заметила, что прекрасно понимает, почему у нее еще не может быть ребенка, а потому отказывается от всякой мысли о нем. Но на этот раз она произвела нехорошее впечатление. Оказалось, что она солгала своему учителю.

Она опоздала в школу и сказала, что утром куда-то ходила с отцом. В действительности же она просто не пожелала встать вовремя. Она солгала, потому что боялась потерять расположение учителя, если скажет правду. Это внезапное нравственное поражение требует объяснения. Согласно принципам психоанализа, внезапная и выраженная слабость может возникнуть только тогда, когда анализанд не делает из анализа необходимых в данный момент выводов, но по-прежнему допускает другие возможности. В нашем случае это означает, что, хотя анализ, по-видимому, вывел либидо на поверхность, в результате чего появилась возможность личностного роста, приспособления по той или иной причине не произошло, и либидо соскользнуло на старый регрессивный путь.

[505] Во время восьмой беседы оказалось, что это действительно так. Наша пациентка утаила важную подробность относительно своих представлений о сексе, которая противоречила объяснению половой зрелости, предложенному аналитиком. *Она не упомянула о распространенном в школе слухе, что девочка одиннадцати лет родила ребенка от мальчика того же возраста*. Этот слух оказался беспочвенным; это была фантазия, исполнение тайных желаний девочек этого возраста. Слухи часто зарождаются именно таким образом, как я показал в своей статье о психологии слухов. Они транслируют бессознательные фантазии и в этой своей функции соответствуют сновидениям и мифам. Упомянутый слух открывал еще одну возможность: ей не нужно было ждать, она могла родить ребенка уже в одиннадцать лет. Противоречие между слухом и объяснением аналитика вызвало сопротивление последнему, в результате чего оно немедленно подверглось обесцениванию. Вместе с ним утратила значение и вся остальная информация, временно породив сомнения и неуверенность. Затем либидо вернулось на прежний путь и стало регрессивным. Произошел рецидив.

[506] Девятый сеанс внес некоторые важные дополнения в историю сексуальной проблемы. Сначала девочка пересказала знаменательный фрагмент одного сновидения: «*Я была с другими детьми на поляне в лесу. Вокруг росли красивые,*

пушистые елки. Пошел дождь, загремел гром, и стало совсем темно. И вдруг я увидела в небе аиста».

[507] Прежде чем приступить к анализу этого сновидения, я должен упомянуть о параллелях с некоторыми мифологическими представлениями. Для любого, кто знаком с работами Адальберта Куна и Штейнталя, на которые недавно обратил внимание Абрахам, любопытное сочетание грозы и аиста отнюдь не удивительно. С древности гроза олицетворяла акт оплодотворения земли; сожительство Отца-Неба и Матери-Земли, где молния берет на себя роль крылатого фаллоса. Аист в полете — это то же самое, крылатый фаллос, и его психосексуальное значение известно каждому ребенку. Однако психосексуальное значение грозы известно не всем, и уж точно оно не было известно нашей маленькой пациентке. В свете всей психологической констелляции, описанной выше, аисту, несомненно, должна быть дана психосексуальная интерпретация. Тот факт, что гроза связана с аистом и, как и он, имеет психосексуальное значение, поначалу трудно принять. Но если мы вспомним, что психоаналитическое исследование уже обнаружило огромное количество сугубо мифологических связей в бессознательных психических продуктах, мы можем заключить, что психосексуальная связь между двумя этими образами присутствует и в этом случае. Из опыта мы знаем, что те бессознательные слои, которые когда-то породили мифологические образования, все еще активны у современного человека и неизменно продуктивны. Только продуктивность их ограничена сновидениями и симптоматологией неврозов и психозов, ибо поправки, вносимые реальностью, в современном разуме настолько сильны, что препятствуют их проецированию на реальный мир.

[508] Вернемся к анализу сновидения. Ассоциации, которые привели к сердцу этого образа, начались с *дождя во время грозы*. Девочка сказала: «Я думаю о воде... мой дядя утонул в воде... должно быть, ужасно застрять в воде вот так, в темноте... А почему малыш не тонет? Он пьет воду, которая находится в животе? Странно, когда я болела, мама посылала мою воду доктору. Я думала, он смешает ее с чем-ни-

будь вроде сиропа, из которого растут дети, и маме придется это выпить».

[509] В этой цепочке ассоциаций мы с несомненной ясностью видим, что ребенок связывает психосексуальные идеи, особенно представления об оплодотворении, с дождем во время грозы.

[510] Здесь мы снова обнаруживаем тот знаменательный параллелизм между мифологией и индивидуальными фантазиями наших дней. Этот ряд ассоциаций настолько богат символическими связями, что о них можно было бы написать целую диссертацию. Символизм утопления блестяще истолкован самим ребенком как фантазия о беременности — объяснение, которое давно приведено в психоаналитической литературе.

[511] Десятый сеанс был посвящен спонтанному описанию ребенком инфантильных теорий об оплодотворении и рождении, которые теперь можно считать исчерпанными. Девочка всегда думала, что моча мужчины попадает в тело женщины и из нее вырастет эмбрион. Следовательно, ребенок с самого начала находится в воде, то есть в моче. Другая версия заключалась в том, что мочу пьют с сиропом, отчего ребенок зарождается в голове. Затем череп вскрывают, чтобы дать младенцу простор для роста, а после родов носят шляпу, чтобы это скрыть. Роды через голову девочка проиллюстрировала небольшим рисунком. Эта идея архаична и в высшей степени мифологична. Достаточно вспомнить рождение Афины Паллады, которая вышла из головы отца. Оплодотворяющее значение мочи тоже мифологично; прекрасные этому доказательства мы находим в «Ригведе», в частности в песнях Рудры*. Я также должен упомянуть о другом важном моменте, который подтвердила мать: однажды, задолго до анализа, девочка сообщила, что видела попрыгунчика, танцующего на голове ее младшего брата — фантазия, которая вполне могла стать источником этой теории рождения.

---

* [См.: «Символы трансформации», пар. 322.] — *Примеч. ред. оригинального издания.* — Имеются в виду ведические гимны, посвященные богу грозы и бури Рудре. — *Примеч. ред.*

[512] Рисунок имел удивительное сходство с некоторыми артефактами, найденными у батаков на Суматре. Они называются магическими жезлами и состоят из нескольких фигур, поставленных одна на другую. Объяснение, которое батаки дают своим жезлам и которое многими считается нелепым, замечательно согласуется с менталитетом ребенка, все еще находящегося в плену инфантильных уз. Батаки утверждают, что эти наложенные друг на друга фигуры — совершившие инцест члены семьи, которые были обвиты одной змеей и смертельно ужалены другой. Это объяснение параллельно предположениям нашей маленькой пациентки, ибо и ее сексуальные фантазии, как мы видели из первого сна, вращались вокруг отца. Здесь, как и у батаков, главным условием являются инцестуальные отношения.

[513] Согласно третьей теории, ребенок растет в кишечнике. Эта версия имела свою собственную симптоматическую феноменологию, полностью согласующуюся с теорией Фрейда. Действуя в соответствии со своей фантазией о том, что дети рождаются через рот, девочка часто пыталась вызвать тошноту и рвоту, а в уборной регулярно упражнялась в настоящих потугах с тем, чтобы вытолкнуть ребенка. В этой ситуации неудивительно, что первыми и наиболее важными симптомами очевидного невроза были симптомы тошноты.

[514] Теперь мы продвинулись в нашем анализе достаточно далеко и можем взглянуть на весь случай в целом. За невротическими симптомами мы обнаружили сложные эмоциональные процессы, которые, несомненно, связаны с этими симптомами. Если на основании столь ограниченного материала допустимо делать общие выводы, мы можем реконструировать течение невроза следующим образом.

[515] При постепенном приближении половой зрелости либидо девочки сформировало в ней не столько объективную, сколько эмоциональную установку по отношению к действительности. Она влюбилась в своего учителя; это сентиментальное потворство мечтательным фантазиям, очевидно, сыграло более значимую роль, нежели мысль об усилиях, которых требовала такая любовь. В результате она стала рассеянной, и ее успеваемость снизилась. Это испортило ее

прежние хорошие отношения с учителем. Он стал нетерпелив, а девочка, которая была слишком требовательна в силу домашней обстановки, обиделась на него вместо того, чтобы попытаться учиться лучше. Как следствие, ее либидо отвернулось и от учителя, и от учебы и впало в характерную для него навязчивую зависимость от бедного мальчика, который всячески старался использовать эту ситуацию в своих интересах. Последнее вполне закономерно: когда индивид сознательно или бессознательно позволяет своему либидо отступить от необходимой задачи, неиспользованное (так называемое «вытесненное») либидо провоцирует всевозможные случайности как внутри, так и снаружи — симптомы, которые навязываются ему самым неприятным образом. В этих условиях нежелание девочки ходить в школу воспользовалось первой попавшейся возможностью, которая вскоре представилась в лице другой девочки, которую отправили домой из-за плохого самочувствия. Наша пациентка просто это скопировала.

[516] Вне школы путь в мир фантазий был открыт. Вследствие регрессии либидо фантазии, порождающие симптомы, пробудились и обрели влияние, которого они никогда не имели прежде, ибо никогда прежде не играли столь важной роли. Теперь же они несли в себе значимое содержание и сами казались истинной причиной регрессии либидо. Можно сказать, что девочка, с ее фантазийной натурой, слишком тесно связывала учителя с отцом и, как следствие, развила против него инцестуальное сопротивление. Тем не менее, как я уже объяснял ранее, проще и более вероятно предположить, что ей было временно удобно видеть в учителе отца. Поскольку она предпочитала следовать тайным побуждениям пубертатного периода, а не своим обязательствам перед школой и учителем, она позволила своему либидо обратиться на маленького мальчика, от которого, как мы видели в анализе, надеялась получить определенную тайную выгоду. Даже если бы анализ показал, что девочка в самом деле испытывала инцестуозное сопротивление по отношению к учителю вследствие переноса имаго отца, это сопротивление было бы не чем иным, как впоследствии раздутыми фантазиями. В любом случае первопричиной

были лень или удобство, или, выражаясь более научным языком, принцип наименьшего сопротивления.

[517] Мимоходом замечу следующее. На мой взгляд, есть веские основания предполагать, что регрессию к детским фантазиям не всегда можно объяснить совершенно законным интересом к сексуальным процессам и их неизвестной природе. Те же самые регрессивные фантазии мы находим даже у взрослых, которые знают о сексе все. У меня также сложилось впечатление, что во время анализа молодые люди часто стараются сохранить свое мнимое невежество, несмотря на все попытки их просветить, с целью направить внимание именно в ту сторону, а не на задачу адаптации. Хотя у меня нет никаких сомнений в том, что дети действительно эксплуатируют свое реальное или притворное невежество, следует подчеркнуть, что молодые люди имеют право быть надлежащим образом просвещенными по сексуальным вопросам. Как я уже говорил, для многих детей было бы гораздо полезнее, если бы это делалось дома в пристойной и разумной форме.

[518] Анализ показал, что независимо от прогрессивного развития жизни ребенка началось регрессивное движение, вызвавшее невроз, разобщенность с самим собой. Следуя этой регрессивной тенденции, анализ обнаружил острое сексуальное любопытство, вращающееся вокруг определенных, вполне конкретных проблем. Либидо, запутавшееся в лабиринте фантазий, снова стало пригодным, как только девочка, благодаря соответствующим разъяснениям, освободилась от бремени ошибочных инфантильных фантазий. Кроме того, это открыло ей глаза на ее собственную установку по отношению к реальности и позволило лучше понять свои истинные возможности. В результате она смогла объективно и критически взглянуть на свои незрелые, подростковые фантазии и отказаться от этих и всех других невозможных желаний, направив свое либидо на положительную цель — учебу и возвращение расположения учителя. Анализ принес ей душевное спокойствие, а также содействовал заметному повышению успеваемости в школе; сам учитель подтвердил, что девочка вскоре стала лучшей ученицей в его классе.

[519] В принципе этот анализ ничем не отличается от анализа взрослого человека. Только сексуальное просвещение было бы опущено, но его место заняло бы нечто очень похожее, а именно разъяснение инфантилизма прежнего отношения к действительности, а также способов приобретения другой, более разумной установки. Анализ — это утонченная техника сократовской майевтики, которая не боится углубляться в самые темные невротические фантазии.

[520] Надеюсь, с помощью этого весьма сжатого примера мне удалось дать вам некоторое представление не только о фактическом ходе лечения и технических трудностях, но также о красоте и бесконечных проблемах человеческой психики. Я намеренно подчеркнул некоторые параллели с мифологией, дабы наметить другие потенциальные области применения психоаналитических выводов. В то же время я хотел бы указать на последствия этого открытия. Заметное преобладание мифологических элементов в психике ребенка дает нам понять, как индивидуальный разум постепенно развивается из «коллективного разума» раннего детства. Очевидно, именно этот механизм лег в основу древней теории о состоянии совершенного знания до и после индивидуального существования.

[521] Мифологические отсылки, которые мы находим у детей, также встречаются при *dementia praecox* и в сновидениях. Последние представляют собой широкое и плодотворное поле для сравнительных психологических исследований. Отдаленная цель, к которой ведут эти изыскания, — филогения разума, который, подобно телу, достиг своей нынешней формы путем бесконечных преобразований. Рудиментарные органы, еще сохранившиеся в нашем разуме, могут быть обнаружены вполне действующими в других психических вариантах, а также при некоторых патологических состояниях.

[522] Эти соображения отражают нынешнее положение наших исследований, а также те наблюдения и рабочие гипотезы, которые определяют характер моих собственных настоящих и будущих трудов. Я попытался изложить некоторые взгляды, которые расходятся с гипотезами Фрейда, не как противоположные концепции, а как иллюстрации органиче-

ского развития основных идей, введенных им в науку. Было бы неразумно препятствовать научному прогрессу, занимая противоположную позицию и используя совершенно иную терминологию — это привилегия единиц; но даже они оказываются вынужденными через некоторое время спуститься со своего одинокого пьедестала и вновь встать на путь медленного познания, коим следует основная масса ученых. Надеюсь также, что мои критики не обвинят меня в том, будто мои гипотезы взяты из ниоткуда. Я бы никогда не осмелился отвергнуть существующие теории, если бы сотни наблюдений не доказали мне, что мои взгляды полностью выдерживают проверку на практике. Не следует возлагать больших надежд на результаты какой-либо научной работы, и все же я верю: если она найдет свой круг читателей, то внесет важный вклад в прояснение различных недоразумений и устранение препятствий, блокирующих путь к лучшему пониманию психоанализа. Конечно, моя работа не может заменить психоаналитический опыт. Всякому, кто желает высказать свое мнение по этим вопросам, надлежит изучать своих больных столь же тщательно, как это делает психоаналитическая школа.

X

Общие аспекты психоанализа

Первоначально работа была написана на немецком языке под названием «Allgemeine Aspekte der Psychoanalyse», затем переведена на английский язык и прочитана в виде доклада на собрании Психолого-медицинского общества в Лондоне 5 августа 1913 года. Опубликована в том же году в «Трудах» Общества, переиздана в составе сборника «Избранные статьи по аналитической психологии» (Лондон, 1916–1917 / Нью-Йорк, 1920). В настоящем издании публикуется перевод с немецкой авторской рукописи.

ОБЩИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОАНАЛИЗА

[523] Психоанализ сегодня — столько же наука, сколько и технический прием. С течением времени из этого приема развилась новая психологическая наука, которую можно назвать «аналитической психологией». Я охотно использовал бы вместо этого название, предложенное Блейлером, «глубинная психология», если бы такого рода психология имела дело исключительно с бессознательным.

[524] Психологи и врачи в целом мало знакомы с этой конкретной отраслью психологии в силу того, что ее технические основы им еще сравнительно неизвестны. Основная причина такого положения дел заключается в том, что новый метод имеет преимущественно психологическую природу, а потому не относится ни к сфере медицины, ни к сфере философии. Медик, как правило, плохо разбирается в психологии, а философ не обладает познаниями в области медицины. Следовательно, отсутствует подходящая почва, в которой можно было бы взрастить дух нового метода. Более того, сам метод представляется многим настолько произвольным, что они никак не могут примирить его со своей научной совестью. Формулировки Фрейда, основателя этого метода, подчеркивали сексуальные факторы; это вызвало сильное предубеждение и оттолкнуло многих ученых. Излишне говорить, что подобную антипатию нельзя считать достаточным логическим основанием для отказа от чего-либо. Кроме того, в психоанализе много говорится о конкретных случаях, но мало — о принципах. Это также естественным образом привело к тому, что метод плохо понимают и потому считают ненаучным. Последнее объясняется просто: если мы не признаем научного характера

метода, мы не можем признать научного характера и его результатов.

[525] Прежде чем обсуждать принципы психоаналитического метода, я должен упомянуть о двух распространенных предубеждениях против него. Первое состоит в том, что психоанализ есть не что иное, как углубленная и сложная форма *анамнеза*. Всем известно, что анамнез основывается на свидетельствах семьи пациента, а также на его собственных сознательных знаниях о себе, озвученных в ответ на прямые вопросы. Психоаналитик, естественно, составляет анамнез так же тщательно, как и любой другой специалист. Однако анамнез — всего лишь история пациента, которую не следует путать с самим анализом. Анализ — это сведение фактических содержаний сознания, якобы случайных по своей природе, к их психологическим детерминантам. Данный процесс не имеет ничего общего с анамнестической реконструкцией истории болезни.

[526] Второе предубеждение, основанное, как правило, на поверхностном знакомстве с психоаналитической литературой, состоит в том, что психоанализ — это *метод суггестии,* или внушения, посредством которого в мозг пациента внедряется некое систематическое учение, несущее исцеление в духе ментальных практик или христианской науки. Многие аналитики, особенно те, кто долгое время практиковал психоанализ, ранее пользовались суггестивной терапией, а потому прекрасно знают, что представляет собой внушение. Они знают, что метод работы психоаналитика диаметрально противоположен методу работы гипнотизера. В отличие от суггестивной терапии психоанализ не пытается навязать пациенту что-либо, чего тот не видит сам и не находит правдоподобным в рамках собственных представлений. Сталкиваясь с постоянной потребностью невротика в советах и указаниях, аналитик стремится вывести его из этой пассивной позиции и заставить применять собственный здравый смысл и критическое мышление с тем, чтобы подготовить его к самостоятельной жизни. Нас часто обвиняли в том, будто мы навязываем пациентам интерпретации, причем зачастую абсолютно произвольные. Хотел бы я, чтобы один из этих критиков попробовал навязать произволь-

ные интерпретации моим пациентам! Многие из них — люди тонкого ума и высокой культуры, нередко мои коллеги. Невозможность подобного предприятия обнаружилась бы весьма скоро. В психоанализе мы всецело зависим от пациента и от его способности к суждению, ибо анализ по самой своей природе состоит в том, чтобы помочь больному познать самого себя. Принципы психоанализа столь сильно отличаются от принципов суггестивной терапии, что в данном отношении эти два метода несопоставимы.

[527] Также предпринимались попытки сравнить психоанализ с рациональной психотерапией Дюбуа*. Однако и это сопоставление не выдерживает критики, ибо психоаналитик старательно избегает любых рассуждений и споров с пациентами. Разумеется, он выслушивает и принимает к сведению сознательные проблемы и конфликты больного, но отнюдь не с целью удовлетворить его желание получить совет или наставление относительно своего поведения. Проблемы невротика нельзя решить советами и логическими рассуждениями. Я не сомневаюсь, что добрый совет в нужное время может привести к хорошим результатам, но я не понимаю, как можно серьезно верить в то, что психоаналитик всегда будет способен дать добрый совет в нужное время. Природа невротического конфликта часто (даже обычно) такова, что посоветовать что-либо не представляется возможным. Кроме того, хорошо известно, что пациент ищет совета только с тем, чтобы сбросить с себя бремя ответственности и опереться на мнение более высокого авторитета. Что касается рассуждений и убеждений, то их эффект как терапевтического метода так же мало подлежит сомнению, как и эффект гипноза. Здесь я лишь хочу подчеркнуть их принципиальное отличие от психоанализа.

[528] В противоположность всем предшествующим методам психоанализ стремится преодолеть расстройства невротической психики не с помощью сознания, а через бессознательное. В этой работе мы, естественно, нуждаемся в сознательных содержаниях, ибо только так мы можем достичь бессознательного. Исходный сознательный материал обес-

* [См. абз. 41.]

печивает анамнез. Во многих случаях анамнез дает ценные подсказки, благодаря которым психическое происхождение симптомов становится ясным больному. Это, конечно, необходимо только тогда, когда он убежден в органическом происхождении своего невроза. Но даже в тех случаях, когда пациент с самого начала сознает психическую природу своей болезни, критический разбор анамнеза может оказаться весьма полезным, ибо он раскрывает психологический контекст, который больной прежде не замечал. Нередко таким способом удается выявить проблемы, требующие специального обсуждения. Иногда подобная работа занимает несколько сеансов. Прояснение сознательного материала завершается, когда ни аналитик, ни пациент больше не могут привнести в него что-либо важное. При самых благоприятных обстоятельствах это сопровождается формулированием проблемы, которая зачастую оказывается неразрешимой.

[529] В качестве примера рассмотрим следующий случай: человек, который ранее был совершенно здоров, в возрасте от тридцати пяти до сорока лет внезапно заболевает неврозом. Его положение обеспечено, у него есть жена и дети. Параллельно с неврозом у него развивается сильнейшее сопротивление своей профессиональной деятельности. По его словам, первые симптомы невроза проявились, когда он столкнулся с определенными сложностями в своей карьере, и с каждым последующим затруднением только усугублялись. Мимолетные улучшения наблюдались всякий раз, когда удача оказывалась на его стороне. Критическое обсуждение анамнеза позволило выявить ключевую проблему, которая состояла в следующем: пациент сознавал, что может работать лучше и что полученное таким образом удовлетворение приведет к столь желанному улучшению его невротического состояния. Однако он не мог работать эффективнее вследствие сильного сопротивления, которое вызывало в нем само дело. С рациональной точки зрения данная проблема неразрешима. Посему психоаналитическое лечение должно начинаться с этой критической точки — сопротивления работе.

[530] Возьмем другой случай. У сорокалетней женщины, матери четверых детей, развился невроз спустя четыре года по-

сле смерти одного из них. Новая беременность и рождение еще одного ребенка привели к значительному улучшению ее состояния. Это внушило ей уверенность в том, что, будь у нее еще один ребенок, ее состояние улучшилось бы еще больше. Поскольку она знала, что больше не может иметь детей, она решила посвятить себя филантропической деятельности. Однако это занятие не приносило ей ни малейшего удовлетворения. Вместе с тем всякий раз, когда ей удавалось чем-то живо заинтересоваться, пусть даже ненадолго, ей тут же становилось лучше. К несчастью, она была не в состоянии найти что-либо, что вызвало бы у нее длительный интерес и принесло удовлетворение. Рациональная неразрешимость проблемы очевидна. В данном случае психоаналитику прежде всего необходимо выяснить, что именно мешает пациентке развить иные интересы, помимо страстного желания иметь ребенка.

[531] Поскольку мы не можем заранее знать решение таких проблем, мы вынуждены искать подсказки в индивидуальности пациента. Ни сознательные расспросы, ни рациональные советы не могут помочь нам в обнаружении этих подсказок, ибо препятствия, которые мешают нам найти их, скрыты от сознания больного. Таким образом, не существует единого, универсального способа преодоления бессознательных препятствий. Единственное правило, которое диктует психоанализ в этом отношении, таково: пусть пациент озвучивает все, что приходит ему в голову. Аналитик же должен внимательно следить за всем, что говорит пациент, и принимать это к сведению, не пытаясь навязать больному собственное мнение. Первый пациент, например, начал говорить о своей семейной жизни, которую до сих пор мы считали абсолютно нормальной. Теперь же оказывается, что он испытывает трудности в отношениях с женой и совершенно ее не понимает. Аналитик не может не заметить, что, очевидно, профессиональная деятельность больного отнюдь не единственная его проблема, и что его отношение к жене также требует рассмотрения. Это запускает цепочку ассоциаций, связанных с браком. Затем следуют ассоциации, порожденные воспоминаниями о добрачных связях. Пациент подробно описывает свои переживания

в тот период; все они указывают на то, что больной весьма своеобразно вел себя в близких отношениях с женщинами и что это своеобразие приняло форму детского эгоизма. Подобная точка зрения является для него совершенно новой и неожиданной и объясняет многие его любовные неудачи.

[532] Разумеется, мы не всегда можем добиться столь успешных результатов, всего-навсего позволив больному говорить; лишь у немногих пациентов психический материал лежит так близко к поверхности. Более того, многие больные не готовы свободно говорить о том, что с ними происходит: одни — потому, что им слишком больно рассказывать о своих переживаниях аналитику, которому они, возможно, не вполне доверяют, другие — потому, что не могут вспомнить ничего сколько-нибудь заслуживающего внимания и заставляют себя говорить о вещах, к которым более или менее равнодушны. Безусловно, нежелание говорить по существу не доказывает, что пациент *сознательно* утаивает некое болезненное содержание; это может происходить совершенно бессознательно. Таким больным часто помогает совет не принуждать себя: достаточно только ухватиться за самую первую мысль, которая приходит им в голову, какой бы незначительной или смешной она ни казалась. В некоторых случаях, впрочем, даже эти инструкции бесполезны, и аналитику приходится прибегать к другим мерам — например, к ассоциативному эксперименту, который обычно дает верную информацию касательно ключевых склонностей пациента в данный момент.

[533] Второй способ — это анализ сновидений; традиционный инструмент психоанализа. Поскольку анализ сновидений вызывает столь сильное противление, краткое изложение его принципов представляется вполне уместным. Толкование сновидений, равно как и придаваемое им значение, непопулярны у широкой общественности. Еще не так давно люди практиковали онейромантию и верили в нее; не так много времени прошло и с тех пор, когда даже самые просвещенные умы находились под властью суеверий. Посему вполне понятно, что наш век все еще питает живой страх перед суевериями, преодоленными лишь частично.

Эта нервозность в отношении суеверий в значительной степени объясняет неприятие толкования сновидений, хотя психоанализ никоим образом в этом не виноват. Мы выбираем сновидение в качестве объекта не в силу суеверного восхищения перед ним, а потому, что оно представляет собой психический продукт, неподвластный влиянию сознания. Мы побуждаем пациента к свободным ассоциациям, но этот материал носит слишком скудный, вынужденный характер, а то и вообще не относится к делу. Сновидение — это свободная ассоциация, свободная фантазия; оно возникает не по принуждению и является таким же психическим феноменом, как и всякая ассоциация*.

[534] Не стану скрывать, что на практике, особенно в начале анализа, полный и идеальный анализ сновидений возможен не всегда. Обычно мы собираем сновидческие ассоциации до тех пор, пока проблема, которую пациент утаивает от нас, не проявится настолько ясно, что он сможет распознать ее сам. Эта проблема затем сознательно прорабатывается до тех пор, пока мы вновь не столкнемся с неразрешимым вопросом.

[535] Здесь внимательный читатель наверняка поинтересуется, что делать, если больной вообще не видит снов. Могу вас заверить, что до сих пор все пациенты — даже те, кто утверждал, что раньше никогда не видел снов, — начинали видеть сны во время анализа. С другой стороны, часто случается так, что пациенты, которые прежде видели яркие сны, внезапно перестают их помнить. В своей работе я придерживаюсь следующего эмпирического и практического правила: даже если пациент не видит снов, его сознание содержит достаточно материала, который он по определенным причинам стремится утаить. Зачастую главная причина такова: «Я нахожусь в руках аналитика и хочу лечиться у него. Но аналитик должен делать свое дело, поэтому в этом отношении я выбираю пассивность». Иногда возникает сопротивление более серьезного характера. В частности, некоторые пациенты, будучи не в состоянии при-

* В авторской рукописи дальнейшие абзацы идентичны абз. 324–331 настоящего тома.

знать в себе определенные нравственные изъяны, проецируют их на аналитика, после чего приходят к логическому заключению, что раз аналитик более или менее нравственно неполноценен, о некоторых неприятных вещах ему сообщать не следует.

[536] Таким образом, если пациент не видит снов с самого начала или же они внезапно прекращаются, он утаивает материал, требующий сознательной проработки. Здесь одним из главных препятствий можно считать отношения между аналитиком и пациентом. Последние могут помешать им обоим, как аналитику, так и пациенту, ясно увидеть ситуацию. Мы не должны забывать, что как аналитик проявляет и должен проявлять пытливый интерес к психологии своего пациента, так и пациент, если он обладает активным умом, нащупывает свой путь в психологию аналитика и занимает соответствующую позицию по отношению к нему. Аналитик слеп к позиции своего пациента в той мере, в какой он не видит самого себя и своих собственных бессознательных проблем. По этой причине я утверждаю, что врачу необходимо самому подвергнуться анализу, прежде чем практиковать его с больными. В противном случае анализ может обернуться сильным разочарованием: при определенных обстоятельствах высока вероятность того, что аналитик зайдет в тупик и потеряет самообладание. Если это происходит, у него есть два пути: либо согласиться с тем, что психоанализ — это бессмыслица, либо признать, что он посадил свое судно на мель. Если вы уверены в собственной психологии, вы можете заверить больного, что он не видит снов потому, что в его сознании еще остался непроработанный материал. Я настаиваю, что в такие моменты уверенность в себе необходима, ибо критика и беспощадные суждения, которые иногда приходится слышать, могут совершенно выбить из колеи того, кто к ним не готов. Непосредственным следствием утраты равновесия со стороны психоаналитика является то, что он начинает спорить со своим пациентом, дабы сохранить свое влияние на него. Это, разумеется, делает всякий дальнейший анализ невозможным.

[537] Как я уже упоминал, в первую очередь сновидения следует использовать как источник материала для анализа.

В начале анализа не только не нужно, но иногда и неразумно предлагать так называемое полное толкование сновидения. Полная и воистину исчерпывающая интерпретация крайне затруднительна. Интерпретации, которые иногда можно найти в психоаналитической литературе, очень часто представляют собой однобокие и нередко спорные формулировки. К их числу я отношу и ограниченные сексуальные редукции венской школы. Ввиду многогранности сновидческого материала следует остерегаться всех односторонних формулировок. Именно многогранность смысла сновидения, а не его однозначность, ценна для нас, особенно в начале лечения. Например, вскоре после начала лечения одной моей пациентке приснился следующий сон. *Она находится в гостинице в незнакомом городе. Внезапно вспыхивает пожар. Ее муж и отец вместе с ней помогают тушить огонь и спасать людей.*

[538] Пациентка — умная, но чрезвычайно скептически настроенная женщина — была убеждена, что анализ сновидений — сущая чепуха. Мне лишь с большим трудом удалось уговорить ее попробовать этот метод хотя бы раз. В качестве отправной точки для ассоциаций я выбрал пожар, самое заметное событие в сновидении. Пациентка сообщила мне, что недавно прочла в газетах, что в Цюрихе сгорела одна гостиница; что она помнит эту гостиницу, потому что когда-то останавливалась там. В гостинице она познакомилась с одним мужчиной, с которым у нее завязался довольно сомнительный любовный роман. В связи с этой историей выяснилось, что у нее было немало подобных приключений, и все они были решительно легкомысленного свойства. Эту важную часть ее прошлого обнаружила самая первая ассоциация. В данном случае было бы бессмысленно объяснять пациентке совершенно очевидный смысл сновидения. Учитывая ее легкомысленное отношение и скептицизм, который был лишь частным его проявлением, она холодно отвергла бы такую попытку. Однако после того как легкомысленность ее поведения была осознана и продемонстрирована ей на материале, который она сама же и предоставила, стал возможен более тщательный анализ последующих сновидений.

[539] По этой причине на начальных этапах целесообразно использовать сновидения для обнаружения критического материала посредством ассоциаций. Это самая лучшая и самая безопасная процедура, особенно для начинающих психоаналитиков. Произвольный перевод сновидений крайне нежелателен. Подобная практика была бы основана на суеверном предположении, будто сновидение несет устоявшееся символическое значение. Но фиксированных символических значений не существует. Некоторые символы действительно повторяются достаточно часто, однако даже в этом случае мы не можем выйти за рамки общих утверждений. Например, было бы ошибкой полагать, что змея, когда она появляется во сне, всегда имеет сугубо фаллическое значение; равным образом нельзя отрицать, что она может обладать этим значением в некоторых случаях. Каждый символ имеет по меньшей мере два значения. Сексуальное значение сновидческих символов — в лучшем случае лишь одно из них. Посему я не могу принять ни исключительно сексуальные толкования, которыми пестрят некоторые психоаналитические публикации, ни интерпретацию сновидений как осуществление желаний, ибо на опыте убедился в однобокости и неадекватности подобных формулировок. В качестве примера приведу очень простой сон одного молодого человека, моего пациента. Ему приснилось, будто *он поднимается по лестнице вместе с матерью и сестрой. Когда они оказались на верхней площадке, ему сообщили, что у его сестры будет ребенок.*

[540] Сперва я покажу, как, в соответствии с господствующей до сих пор точкой зрения, это сновидение может быть истолковано в сексуальном ключе. Мы знаем, что инцестуальные фантазии играют значительную роль в жизни невротика, поэтому образ матери и сестры может быть понят как намек в этом направлении. «Лестница», как полагают, имеет устоявшееся сексуальное значение: ритмичный подъем символизирует половой акт. Ребенок, которого ждет сестра, есть не что иное, как логическое следствие этих предпосылок. В таком переводе сновидение представляет собой явное исполнение так называемых инфантильных

желаний, которые, как известно, составляют важную часть теории сновидений, предложенной Фрейдом.

[541] Я же рассуждал так. Если я говорю, что лестница — это *символ* полового акта, по какому праву я считаю мать, сестру и ребенка *реальными* фигурами, а не символическими? Если я придаю символическое значение некоторым сновидческим образам, на каком основании я делаю исключение для других? Если я придаю символическое значение подъему по лестнице, я также обязан придать символическое значение образам матери, сестры и ребенка. Посему я не «переводил» сновидение, а анализировал его. Результат оказался неожиданным. Я приведу ассоциации пациента с отдельными сновидческими образами слово в слово, чтобы вы могли составить собственное мнение об этом материале. Предварительно необходимо упомянуть, что за несколько месяцев до этого молодой человек окончил университет, но не смог выбрать профессию и в конце концов забросил всякие занятия. Развившийся на этой почве невроз принял, среди прочего, ярко выраженную гомосексуальную форму.

[542] Ассоциации с *матерью*: «Я давно ее не видел, очень давно. Я знаю, это плохо. Она не заслужила такого отношения».

[543] Таким образом, *мать* символизирует нечто, к чему относятся безответственно или без должного внимания. Я спросил больного: «Что это?» Он смущенно ответил: «Моя работа».

[544] Ассоциации к *сестре*: «Прошло много лет с тех пор, как я видел ее в последний раз. Как же я хочу увидеть ее снова! Всякий раз, когда я думаю о ней, я вспоминаю наше прощание. Я поцеловал ее с искренней нежностью. В то мгновение я впервые осознал, что такое любовь к женщине». Пациенту сразу стало ясно, что «сестра» олицетворяет «любовь к женщине».

[545] Ассоциации с *лестницей*: «Подъем — вершина — карьера — рост, величие».

[546] Ассоциации с *ребенком*: «Новорожденный — обновление — возрождение — становление другим человеком».

[547] Этот материал ясно дает понять, что сновидение представляет собой не столько осуществление инфантильных

желаний, сколько выполнение биологических обязанностей, которыми пациент пренебрегает из-за своего невротического инфантилизма. Биологическая справедливость неумолима и часто вынуждает нас компенсировать во сне те обязанности, которые мы не исполняем в реальной жизни.

[548] Это сновидение — типичный пример проспективной функции сновидений, которую особенно подчеркивал мой коллега Мэдер. Если бы мы придерживались однобокой сексуальной интерпретации, то истинное значение сновидения ускользнуло бы от нас. Сексуальность в сновидении — это прежде всего средство выражения, но далеко не всегда его смысл и цель. Обнаружение проспективного или целевого смысла сновидения особенно важно, когда анализ достиг той продвинутой стадии, когда взор пациента охотнее обращается к будущему, нежели к внутреннему миру и прошлому.

[549] Этот пример доказывает, что не существует сновидческих символов, значение которых было бы фиксировано во всех подробностях, хотя символы с довольно общими значениями встречаются часто. Что касается специфически сексуального значения сновидений, то опыт позволил мне сформулировать следующие практические правила.

[550] Если анализ сновидений в начале лечения показывает, что сновидения несут несомненный сексуальный смысл, то этот смысл следует признать реальным, то есть свидетельствующим о необходимости подвергнуть сексуальные проблемы пациента тщательному рассмотрению. Например, если скрытое (латентное) содержание сновидения составляют инцестуальные фантазии, необходимо досконально изучить инфантильные отношения пациента с его родителями, братьями и сестрами, а также его отношения с другими лицами, которые могут играть роль отца или матери. Если же сновидение, возникающее на более поздней стадии анализа, содержит инцестуальную фантазию, которую мы можем считать разрешенной, ни при каких обстоятельствах ее не следует трактовать конкретно; она должна рассматриваться символически. Формула толкования такова: неизвестный смысл сновидения выражается, по аналогии, через фантазию об инцесте. В этом случае сексуальная фантазия несет сим-

волическое, а не конкретное значение. Отказываясь выйти за пределы конкретного значения, мы продолжаем ставить сексуальность во главу угла и тем самым тормозим развитие личности пациента. Ключ к спасению больного отнюдь не в том, чтобы снова и снова возвращать его к примитивной сексуальности; на столь низком культурном уровне он никогда не сможет обрести свободу и полностью восстановить свое здоровье. Регресс к состоянию варварства не может принести цивилизованному человеку никакой пользы.

[551] Вышеприведенная формула, согласно которой сексуальность сновидения есть символическое или аналогическое выражение его смысла, естественно, применима и к сновидениям, возникающим в начале анализа. Тем не менее практические причины, заставляющие нас не принимать во внимание символическое значение этих сексуальных фантазий, проистекают из следующего факта: за анормальными сексуальными фантазиями невротика следует признавать подлинную реалистическую ценность только в том случае, если они оказывают влияние на его действия. Как показывает опыт, такие фантазии не только препятствуют его приспособлению к своему положению, но и приводят к реальным половым актам, а иногда даже к инцесту. При подобных обстоятельствах было бы бесполезно рассматривать только символическое содержание; сперва следует разобрать конкретный аспект.

[552] Вышеприведенные утверждения основаны, как вы могли заметить, на концепции сновидений, отличающейся от концепции Фрейда. Для Фрейда сновидение — это, по существу, символическая маскировка вытесненных желаний, которые иначе вступили бы в конфликт с целями личности. Я вынужден рассматривать структуру сновидения с другой точки зрения. Для меня сновидение — это прежде всего сублиминальное отображение фактической психологической ситуации индивида в его бодрствующем состоянии. Оно дает нам резюме сублиминального ассоциативного материала, собранного и организованного текущей психологической ситуацией. Волевое, сознательное содержание сновидения, которое Фрейд называет вытесненным желанием, по существу является лишь средством выражения.

[553] Активность сознания представляет собой, с биологической точки зрения, стремление индивида к психологической адаптации. Сознание пытается приспособиться к сиюминутным нуждам; иначе говоря, есть задачи, которые человек должен разрешить. Во многих случаях решение, по самой природе вещей, неизвестно, а потому сознание всегда старается найти его путем аналогии. Мы стремимся заглянуть в неизвестное будущее, опираясь на модель нашего опыта в прошлом. Нет никаких оснований предполагать, что сублиминальный психический материал подчиняется иным законам, нежели материал «супралиминальный». Бессознательное, как и сознание, мобилизуется вокруг биологических задач и ищет решения по аналогии с тем, что было раньше. Всякий раз, когда мы хотим ассимилировать нечто неизвестное, мы делаем это посредством аналогии. Простой пример: когда в Америку прибыли испанцы, индейцы приняли лошадей, которых они никогда раньше не видели, за больших свиней — животных, которые в силу их прошлого опыта им были хорошо знакомы. Именно таким образом мы распознаем вещи. Кроме того, в этом кроется главная причина существования символизма: процесса постижения посредством аналогии. Сновидение есть *сублиминальный* процесс постижения посредством аналогии. Вытесненные желания суть волевые тенденции, обеспечивающие бессознательную сновидческую мысль вербальными средствами выражения. В этом отношении я полностью согласен с Адлером, другим учеником Фрейда. Что же касается того, что бессознательное выражает себя посредством волевых элементов или тенденций, то это обусловлено архаической природой мышления во сне*.

[554] Вследствие иного понимания структуры сновидений дальнейший ход анализа принимает новое направление. Символическая оценка сексуальных фантазий на более поздних стадиях неизбежно ведет не к редукции личности до примитивных тенденций, а к расширению и непрерывному развитию установки пациента. Иными словами, она стремится сделать его мышление богаче и глубже, тем самым

* [Ср.: «Символы трансформации», абз. 25 и далее].

обеспечивая его самым мощным оружием, которое только доступно человеку в борьбе за приспособление. Следуя этому новому курсу, я пришел к пониманию того, что религиозные и философские движущие силы — то, что Шопенгауэр называет «метафизической потребностью» человека, — требуют особого внимания в ходе аналитической работы. Они не должны быть уничтожены путем сведения их к примитивным сексуальным корням, но должны служить биологическим целям как психологически ценные факторы. В этом случае они вновь принимают на себя ту функцию, которая была им присуща с незапамятных времен.

[555] Подобно тому, как первобытный человек смог с помощью религиозных и философских символов высвободиться из своего первоначального состояния, так и невротик может справиться со своей болезнью. Едва ли нужно говорить, что здесь я вовсе не имею в виду необходимость прививать ему веру в ту или иную религиозную или философскую догму; я просто хочу сказать, что в нем должна быть сформирована та самая психологическая установка, которая характеризовалась живой верой в религиозную или философскую догму на более ранних уровнях развития культуры. Религиозная или философская позиция отнюдь не то же самое, что вера в догму. Догма — это преходящая интеллектуальная формулировка, плод религиозно-философской установки, обусловленный временем и обстоятельствами. Установка же есть культурное достижение; это функция, которая чрезвычайно ценна с биологической точки зрения, ибо она порождает стимулы, побуждающие людей к созиданию на благо будущего и, при необходимости, самопожертвованию ради процветания вида.

[556] Таким образом, человек достигает того же чувства единства и целостности, той же уверенности, той же способности к самопожертвованию в своем сознательном существовании, которые бессознательно и инстинктивно присущи диким животным. Всякая редукция, всякое отступление от намеченного пути развития цивилизации превращает человека лишь в искалеченное животное, но не в так называемого человека естественного. Это невозможно. Многочис-

ленные успехи и неудачи в ходе моей аналитической практики убедили меня в непоколебимой правильности такого рода психологической ориентации. Наша помощь невротику состоит не в том, чтобы освободить его от требований цивилизации, а в том, чтобы побудить его принять активное участие в напряженной работе по ее развитию. Муки, которые он при этом испытывает, вытесняют невроз. Но если невроз и сопутствующие ему проблемы никогда не сопровождаются удовольствием от хорошо выполненной работы или бесстрашно исполненного долга, то страдания, проистекающие из труда на благо общества и преодоления реальных трудностей, приносят с собой мгновения покоя и удовлетворения, дарующие человеку бесценное чувство, что он живет полной жизнью.

XI

Психоанализ и невроз

Доклад, написанный на английском языке и прочитанный на 17-м Международном медицинском конгрессе в Лондоне (1913 г.) под названием «О психоанализе». Первая публикация — в сборнике «Избранные статьи по аналитической психологии» (Лондон 1916/1917, Нью-Йорк 1920).

ПСИХОАНАЛИЗ И НЕВРОЗ

[557] Многолетний опыт убедил меня, что обсуждать психоанализ на общественных собраниях и конгрессах чрезвычайно трудно. Существует столько заблуждений в отношении этого вопроса, столько предубеждений против определенных психоаналитических взглядов, что достичь взаимопонимания на публичной дискуссии практически невозможно. Я всегда находил спокойную беседу в узком кругу гораздо более конструктивной и плодотворной, нежели жаркие споры *coram publico**. Однако, будучи удостоенным приглашения от Комитета этого Конгресса выступить в качестве представителя психоаналитического движения, я сделаю все возможное, чтобы разъяснить некоторые фундаментальные теоретические проблемы психоанализа. Я вынужден ограничиться этим аспектом предмета, ибо не в моих силах изложить в рамках настоящего выступления все, что психоанализ означает и к чему стремится, а также особенности его применения в области мифологии, сравнительной религии, философии и т.д. Тем не менее замечу, что, обсуждая некоторые теоретические проблемы, лежащие в основе психоанализа, я предполагаю, что мои слушатели знакомы с историей и основными результатами психоаналитических исследований. К сожалению, многие считают себя вправе судить о психоанализе, хотя сами никогда не читали соответствующей литературы. Я твердо убежден, что никто не может составить себе мнение по этому вопросу, пока не изучит основные труды психоаналитической школы.

---

* Публично, прилюдно (*лат.*).

[558] Хотя теория Фрейда о неврозе была разработана в мельчайших подробностях, нельзя сказать, что понять ее легко. По этой причине мне представляется целесообразным дать краткий обзор его основных взглядов по данной проблеме.

[559] Вам, конечно, известно, что первоначальная теория, согласно которой истерия и связанные с ней неврозы берут свое начало в травме или сексуальном шоке в раннем детстве, была отвергнута около пятнадцати лет назад. Вскоре стало очевидно, что сексуальная травма не может быть истинным источником невроза по той простой причине, что травма — явление почти универсальное. Едва ли найдется человек, который не пережил бы сексуального потрясения в ранней юности, и все же в более старшем возрасте невроз развивается у сравнительно немногих. Сам Фрейд вскоре пришел к заключению, что так называемая травма, о которой рассказывали многие пациенты, является вымыслом — плодом фантазии; в реальности ничего подобного никогда не происходило. Более того, дальнейшие исследования показали, что даже если травма действительно имела место, она не всегда служит единственной причиной невроза, хотя на первый взгляд на это может указывать сама его структура. Если бы невроз был неизбежным следствием травмы, было бы совершенно непонятно, почему невротиков так мало.

[560] Очевидно, патологические последствия шока обусловлены преувеличенной и болезненной фантазией пациента. Кроме того, Фрейд убедился, что та же фантазия проявляется относительно рано в дурных привычках, получивших название инфантильных перверсий. Эти выводы были положены в основу его новой концепции этиологии невроза, прослеживающей невроз до некой сексуальной активности в раннем детстве. Данная концепция привела к гипотезе о «фиксации» невротика на определенном периоде раннего детства, оставляющем некоторый след, прямой или косвенный, в психологической установке больного. Помимо этого, Фрейд делает попытку классифицировать или дифференцировать неврозы, а также *dementia praecox*, в соответствии со стадией инфантильного развития, на которой возникла фиксация. С точки зрения этой теории невротик полностью зависит от своего инфантильного прошлого; все

его проблемы в дальнейшей жизни, его нравственные конфликты и его недостатки, по-видимому, проистекают из мощных влияний этого периода. Соответственно, основной задачей лечения является разрешение этой инфантильной фиксации, под которой понимают бессознательную привязку сексуального либидо к определенным инфантильным фантазиям и привычкам.

[561] В этом, насколько я понимаю, и заключается суть фрейдовской теории невроза. Однако она упускает из виду следующий важный вопрос: какова причина этой фиксации либидо на старых инфантильных фантазиях и привычках? Не следует забывать, что почти всякому человеку в то или иное время свойственны инфантильные фантазии и привычки, в точности совпадающие с таковыми у невротика, однако он не зацикливается на них и невротиком не становится. Таким образом, этиологическая тайна невроза кроется не в самом *существовании* инфантильных фантазий, а в так называемой *фиксации* на них. Многочисленные указания невротиков на наличие инфантильных сексуальных фантазий бесполезны в той мере, в какой им приписывается этиологическое значение, ибо те же самые фантазии можно обнаружить и у нормальных людей, в чем я не раз убеждался на практике. По всей вероятности, ключевую роль здесь играет только сам факт фиксации.

[562] По этой причине необходимо требовать доказательств реального существования инфантильной фиксации. Фрейд, абсолютно искренний и кропотливый эмпирик, никогда бы не предложил эту гипотезу, не будь у него достаточных на то оснований. Эти основания обеспечивают результаты психоаналитических исследований бессознательного. Психоанализ обнаруживает бессознательное присутствие многочисленных фантазий, уходящих своими корнями в инфантильное прошлое и группирующихся вокруг так называемого «ядерного комплекса», который у мужчин можно обозначить как Эдипов комплекс, а у женщин — как комплекс Электры. Оба термина точно передают смысл соответствующих явлений. Как и судьба ребенка, трагическая судьба Эдипа и Электры ограничена узкими рамками семьи. Посему Эдипов комплекс, как и комплекс Электры, весьма

характерен для инфантильного конфликта. Существование этих конфликтов в раннем детстве доказано психоаналитическими исследованиями. Предполагается, что фиксация возникает именно в сфере этого комплекса. Чрезвычайно высокая активность ядерного комплекса в бессознательном невротиков привела Фрейда к гипотезе об особой фиксации или привязанности к нему. Таким образом, для невротика типично не само наличие этого комплекса — ибо он таится в бессознательном каждого из нас, — а сильная привязанность к нему. Невротик находится под гораздо большим влиянием этого комплекса, нежели нормальный человек; это подтверждают многочисленные примеры, которые можно найти во всех последних психоаналитических отчетах о случаях невроза.

[563] Необходимо признать, что данная точка зрения кажется весьма правдоподобной: гипотеза фиксации основана на всем известном факте, что некоторые периоды человеческой жизни, особенно раннее детство, иногда оставляют после себя перманентные следы, играющие определяющую роль. Вопрос в том, можно ли считать это объяснение достаточным. В случае людей, страдающих неврозом с детства, оно представляется удовлетворительным, ибо у них ядерный комплекс выступает в качестве постоянного и мощного агента на протяжении всей жизни. Однако если мы возьмем пациентов, которые до срыва не обнаруживали никаких заметных следов невроза, а таких случаев много, то это объяснение вызывает сомнения. Если фиксация действительно существует, гипотеза, согласно которой в определенные периоды жизни она то ослабевает, то внезапно усиливается, становится недопустимой. В таких случаях мы обнаруживаем такую же активность и действенность ядерного комплекса, как и в случаях, говорящих в пользу теории фиксации. Здесь критическое отношение оправданно, особенно если учесть, что момент начала невроза носит отнюдь не случайный характер; как правило, он имеет решающее значение. *Обычно он совпадает с необходимостью нового психологического приспособления, то есть новой адаптации*. Такие моменты содействуют возникновению невроза; это известно каждому опытному невропатологу.

[564] Данное обстоятельство представляется мне чрезвычайно важным. Если бы фиксация действительно существовала, то ее влияние было бы постоянным; другими словами, невроз сохранялся бы всю жизнь. Очевидно, что это не так. Психологическая детерминация невроза лишь отчасти обусловлена ранней инфантильной предрасположенностью; помимо нее, должна существовать некая причина в настоящем. Если мы внимательно изучим тот род инфантильных фантазий и событий, к которым привязан невротик, то будем вынуждены признать, что в них нет ничего специфически невротического. Нормальным людям свойственны схожие внутренние и внешние переживания и та же выраженная привязанность к ним, но невроз при этом не развивается. Первобытные люди, например, особенно привязаны к своей инфантильности. На сегодняшний день складывается впечатление, что эта так называемая фиксация есть нормальное явление и что важность периода младенчества для более поздней психической установки естественна и распространена повсеместно. Тот факт, что невротик, по всей видимости, находится под сильным влиянием своих инфантильных конфликтов, свидетельствует о том, что речь идет не столько о фиксации, сколько об особом использовании им своего инфантильного прошлого. Он как бы преувеличивает его значимость и придает ему совершенно искусственную ценность. Похожую точку зрения высказывает Адлер, ученик Фрейда.

[565] Было бы несправедливо утверждать, что Фрейд ограничился гипотезой фиксации; как и я, он прекрасно осознавал проблему, описанную выше. Этот феномен реактивации, или вторичного преувеличения инфантильных реминисценций, он назвал «регрессией». Однако, согласно Фрейду, реальной причиной регрессии к инфантильным фантазиям являются инцестуозные желания Эдипова комплекса. Будь это так, нам пришлось бы постулировать неожиданную интенсивность первичных инцестуозных тенденций. Данная точка зрения побудила Фрейда сравнить так называемый психологический «барьер инцеста» у детей и «табу на инцест» у первобытного человека. Фрейд полагает, что желание реального инцеста заставило первобытного человека при-

нять соответствующие законы против него; я же придерживаюсь мнения, что табу на инцест есть лишь одно из многочисленных табу и обусловлено типичным суеверным страхом первобытного человека — страхом, существующим независимо от инцеста и запрета на него. На мой взгляд, интенсивность инцестуозных желаний в детском возрасте столь же низка, как и в первобытном человечестве. Я не ищу причины регрессии в первичных инцестуозных или каких-либо других сексуальных желаниях. Должен признать, что сугубо сексуальная этиология невроза представляется мне слишком узкой. При этом я исхожу не из какого-либо предубеждения против сексуальности, а из досконального моего знакомства с данной проблемой.

[566] По этой причине я призываю освободить психоаналитическую теорию от сугубо сексуальных трактовок и вместо нее ввести в психологию невроза *энергетическую точку зрения*.

[567] Все психологические явления можно рассматривать как проявления энергии. Точно так же все физические явления понимаются как проявления энергии с тех самых пор, как Роберт Майер открыл закон сохранения энергии. Субъективно и психологически эта энергия воспринимается как *влечение*. Я называю ее *либидо*, используя этот термин в его первоначальном смысле, отнюдь не ограниченном сексуальной сферой. Саллюстий употребляет его так же, как мы: «Magis in armis et militaribus equis quam in scortis et conviviis *libidinem* habebant»*.

[568] Если смотреть более широко, либидо можно понимать как жизненную энергию вообще, или как *élan vital* Бергсона**. Впервые эта энергия проявляется у младенца в виде инстинкта питания. Проходя через многочисленные разновидности акта сосания, либидо медленно развивается в сексуальную функцию. Отсюда следует, что я не считаю соса-

---

* «К прекрасному оружию и боевым коням его [юношество] влекло больше, чем к распутству и пирушкам». Гай Саллюстий Крисп. О заговоре Катилины. *Перевод В. Гореншейна.*

** Жизненный порыв (*фр.*). Под этим определением французский философ А. Бергсон подразумевал некую врожденную «жизненную силу» в человеке, которая постепенно угасает с годами из-за сопротивления материи.

ние сексуальным актом. Удовольствие от сосания, конечно, следует рассматривать не как сексуальное удовольствие, а исключительно как удовольствие от питания, ибо нигде не доказано, что удовольствие как таковое всегда носит сексуальный характер. Процесс развития продолжается вплоть до зрелого возраста и сопровождается постоянно возрастающей адаптацией к внешнему миру. Всякий раз, когда в процессе адаптации либидо сталкивается с препятствием, происходит его накопление, которое обычно вызывает активизацию усилий по преодолению этого препятствия. Если же препятствие кажется непреодолимым, накопленное либидо регрессирует, то есть отказывается от стоящей перед ним задачи и возвращается к более раннему, примитивному способу адаптации.

[569] Лучшие примеры такой регрессии обнаруживаются при истерии, когда невроз спровоцирован разочарованием в любви или браке. При этом характерны известные расстройства пищеварения, потеря аппетита, всевозможные симптомы диспепсии и т.д. Регрессивное либидо, отворачиваясь от задачи адаптации, овладевает питательной функцией и вызывает заметные нарушения. Схожие эффекты можно наблюдать и в тех случаях, когда нарушения питательной функции отсутствуют; вместо этого происходит регрессивное оживление реминисценций из далекого прошлого. Здесь мы находим реактивацию родительских имаго, Эдипова комплекса. События раннего детства — прежде не имевшие никакого значения — внезапно обретают важность. Уберите препятствие с жизненного пути, и вся система инфантильных фантазий тут же разрушится, став такой же неактивной и безвредной, что и прежде. Впрочем, нельзя забывать, что в той или иной степени она незримо влияет на нас постоянно. Данная точка зрения, между прочим, весьма близка к гипотезе Жане, согласно которой «parties supérieures» некой функции заменяются ее «parties inférieures»*. Также нелишним будет вспомнить теорию Клапареда о невротических симптомах как эмоциональных рефлексах примитивной природы.

---

* Высшие составляющие... низшими составляющими (*фр.*).

[570] По этим причинам я ищу причину невроза не в прошлом, а в настоящем. Я спрашиваю себя: «Какова та задача, которую пациент отказывается выполнять?» Длинный список его инфантильных фантазий не дает мне удовлетворительного этиологического объяснения, ибо я знаю, что эти фантазии раздуты регрессивным либидо, не нашедшим естественного выхода в новой форме приспособления к требованиям жизни.

[571] Вы можете спросить, почему невротику присуща особая склонность не выполнять необходимые задачи. Позволю себе заметить, что ни у одного живого существа процесс приспособления к новым условиям не происходит легко и гладко. Закон инерции действует везде.

[572] Чувствительный и несколько неуравновешенный человек — а именно таковы все невротики, — неизбежно столкнется с особыми трудностями и, возможно, с более необычными жизненными задачами, чем нормальный человек. Последнему, как правило, достаточно придерживаться проторенного пути обычного существования. Для невротика не существует проторенных путей, ибо его цели и задачи носят в высшей степени индивидуальный характер. Он пытается следовать более или менее неконтролируемому и полусознательному образу действия нормальных людей, не понимая, что его собственная критическая и совершенно иная природа требует от него больших усилий, чем требуется нормальному человеку. У некоторых невротиков повышенная чувствительность и сопротивление адаптации проявляются уже в первые недели жизни в виде трудностей с сосанием материнской груди, преувеличенных нервных реакций и т.д. Для этой разновидности невротической предрасположенности мы никогда не сможем установить психологическую этиологию, ибо она предшествует всякой психологии. Эта предрасположенность — вы можете называть ее «врожденной чувствительностью» или как вам угодно — является причиной первых сопротивлений адаптации. Поскольку путь к адаптации заблокирован, биологическая энергия, которую мы называем либидо, не находит надлежащего выхода или применения, в результате чего опти-

мальная форма адаптации заменяется анормальной или примитивной.

[573] При неврозе мы говорим об инфантильной установке или о преобладании инфантильных фантазий и желаний. В жизни нормальных людей инфантильные впечатления, безусловно, играют важную роль; они сохраняют свое влияние и при неврозе, однако лишены этиологического значения; это просто реакции, явления главным образом вторичные и регрессивные. Фрейд абсолютно прав, когда утверждает, что инфантильные фантазии определяют форму и последующее развитие невроза, но это не этиология. Даже когда мы находим извращенные сексуальные фантазии, присутствовавшие уже в детстве, их нельзя считать этиологически значимыми. В действительности инфантильные сексуальные фантазии не вызывают невроз; то же следует сказать и о сексуализме невротических фантазий вообще. Это не первичное явление, основанное на извращенной сексуальной диспозиции; это вторичное явление, следствие неспособности применить накопленное либидо надлежащим образом. Я понимаю, что это старая точка зрения, однако данное обстоятельство отнюдь не умаляет ее истинности. Уверенность некоторых пациентов в том, что их инфантильные фантазии являются реальной причиной невроза, не доказывает, что они правы, или что верна теория, основанная на этом убеждении. Может показаться, что это так — и я вынужден признать, что во многих случаях именно это и происходит. Во всяком случае, нетрудно понять, как Фрейд пришел к данной точке зрения. Здесь со мной согласятся все, кто имеет хоть какой-то психоаналитический опыт.

[574] Подведем итоги. Я не вижу реальной этиологии невроза в различных проявлениях инфантильного сексуального развития и фантазиях, которые они порождают. Тот факт, что при неврозе эти фантазии оказываются преувеличенными и выходят на первый план, есть следствие накопленной энергии или либидо. Психологическое расстройство при неврозе и сам невроз можно рассматривать как *неудавшийся акт приспособления*. Такая формулировка могла бы примирить некоторые воззрения Жане с позицией Фрейда,

а именно, что невроз есть, в некотором смысле, попытка самоисцеления. Подобный взгляд может быть применен (и применяется) ко многим другим болезням.

[575] В свете вышеизложенного возникает вопрос, целесообразно ли выявлять все фантазии пациента в ходе анализа, если мы больше не приписываем им этиологического значения. До сих пор психоанализ занимался распутыванием этих фантазий только потому, что они считались этиологически важными. Хотя мой взгляд на теорию невроза изменился, это не касается психоаналитической процедуры. Техника остается прежней. Мы больше не воображаем, будто раскапываем корни болезни; вместо этого мы пытаемся выявить сексуальные фантазии, ибо к ним привязана энергия, необходимая пациенту для здоровья, то есть для адаптации. С помощью психоанализа восстанавливается связь между сознательным разумом и либидо в бессознательном. Таким образом, бессознательное либидо оказывается под контролем воли. Только таким образом отщепленная энергия вновь может стать доступной для выполнения необходимых жизненных задач. С этой точки зрения психоанализ предстает уже не просто как процесс сведения личности индивида к его примитивным сексуальным желаниям, но как в высшей степени нравственная задача, имеющая воспитательное и просветительское значение.

XII

Некоторые ключевые вопросы в психоанализе: переписка между д-ром Юнгом и д-ром Лоем

Первая публикация состоялась под названием «Переписка с доктором Юнгом, приват-доцентом психиатрии из Цюриха. Издано доктором Р. Лоем, ведущим врачом санатория L'Abri в Montreux-Territet». *Franz Deuticke Verlag* (Лейпциг и Вена, 1914).

НЕКОТОРЫЕ КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ В ПСИХОАНАЛИЗЕ: ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ Д-РОМ ЮНГОМ И Д-РОМ ЛОЕМ

Предисловие

Полагаю, необходимо сказать несколько слов, дабы объяснить, что вызвало эту переписку и что побудило нас ее опубликовать. После того как профессор Форель познакомил меня с теорией и практикой суггестивной терапии, я применял ее много лет и до сих пор прибегаю к ней в работе с некоторыми пациентами. Осознав огромное значение психоаналитических работ Фрейда, я внимательно изучил их и постепенно сам начал практиковать анализ. Я связался с ближайшим ко мне центром психоаналитических исследований — с цюрихской школой. И все же в технических вопросах мне в основном приходилось полагаться только на себя. Посему, сталкиваясь с неудачами, я спрашивал, кто или что этому виной: я ли, не умеющий применить «правильный психоаналитический метод», или, возможно, сам метод, который в некоторых случаях явно непригоден? Особым камнем преткновения стало для меня толкование сновидений: я не мог убедить себя в существовании единой общезначимой символики, тем более символики исключительно сексуальной, как утверждали многие психоаналитики. Зачастую их интерпретации казались мне надуманными. В июне 1912 года в издании «Центральблатт фюр психоанализе» я наткнулся на следующее высказывание Фрейда, которое в точности отражало мои чувства на тот момент: «Несколько лет назад меня спросили, как стать аналитиком, и я ответил: “Анализируя собственные сны”. Такой подготовки, несомненно, достаточно для многих, но не для всех, кто хотел бы научиться анализу. Кроме того, не каждый может преуспеть в толковании собственных сновидений без посторонней помощи. На мой взгляд, одна

из многочисленных заслуг цюрихской школы состоит в том, что она поставила это условием и потребовала, чтобы каждый желающий практиковать анализ сперва сам подвергся анализу у сведущего лица. Любому, кто серьезно относится к делу, надлежит избрать этот путь, ибо он дает много преимуществ; того, кто решится открыться другому человеку, не будучи вынужденным сделать это вследствие болезни, ждет щедрое вознаграждение. Таким образом удается не только достичь главной цели — изучить то, что скрыто в нашем собственном разуме, — гораздо быстрее и с меньшими аффективными затратами, но и приобрести впечатления и представления относительно себя, которые нельзя обрести путем чтения книг и посещения лекций»[1].

Д-р Юнг сообщил, что готов меня анализировать. Однако тут возникла проблема: разделяющее нас расстояние. В результате многие вопросы, которых мы касались в ходе аналитических бесед и не успевали обсудить подробно, решались путем переписки.

Когда переписка достигла своих нынешних масштабов, я подумал: а не воодушевит ли она других коллег так, как воодушевила меня: например, начинающих психоаналитиков, нуждающихся в некоем ориентире, дабы не запутаться в обилии психоаналитической литературы, или практикующих врачей, знакомых с психоанализом разве что по жестоким нападкам, которым он подвергается с завидным постоянством (часто со стороны совершенно некомпетентных и неопытных лиц). На этот вопрос я мог ответить только утвердительно. Я попросил доктора Юнга дать разрешение на публикацию корреспонденции, и он охотно согласился.

Не сомневаюсь, что читатель, как и я, будет ему чрезвычайно благодарен, ибо более сжатого и доступного описания психоаналитического метода и некоторых связанных с ним проблем, насколько мне известно, пока не существует.

Д-р Р. Лой
Санаторий «L'Abri», Монтрё-Террите,
14 декабря 1913 г.

---

[1] Ratschlage fur den Arzt bei der psychoanalytischen Behandlung (1912), с. 116 и далее. — *Примеч. авт.* Рус. пер.: *Фрейд З.* Советы врачам при ведении психоаналитического лечения // Психоаналитический вестник. 1991, № 1. С. 140–145. Переводчик не указан. — *Примеч. ред.*

I

От д-ра Лоя

12 января 1913 г.

[576] То, что вы сказали во время нашей последней беседы, произвело на меня глубочайшее впечатление. Я ожидал, что вы прольете свет на толкование моих собственных сновидений и сновидений моих пациентов с точки зрения фрейдовской интерпретации. Вместо этого вы предлагаете совершенно новую концепцию: сновидение как выработанное подсознанием средство восстановления нравственного равновесия. Это, безусловно, плодотворная мысль. Но еще более плодотворной мне представляется другая ваша идея. Вы полагаете, что задачи психоанализа гораздо глубже, нежели я мог предполагать: речь идет уже не о простом избавлении от гнетущих патологических симптомов и тревог, а о том, чтобы анализанд полностью познал себя и на основании этого знания заново выстроил свою жизнь. При этом он сам должен быть строителем; аналитик лишь снабжает его необходимыми инструментами.

[577] Для начала я хотел бы разобраться, насколько обоснована первоначальная техника Брейера и Фрейда, теперь полностью отвергнутая как самим Фрейдом, так и вами, но практикуемая, например, Франком в качестве единственного метода: «абреакция подавленных аффектов под легким гипнозом». Почему вы отказались от катартического метода? Пожалуйста, объясните. В частности, отличается ли легкий гипноз при психокатарсисе от внушения во время сна, давно практикуемого в суггестивной терапии? Я хочу сказать, имеет ли внушение только то значение, которое ему приписывает или утверждает, что приписывает, врач, то значение, которым наделяет его вера пациента? Другими словами, эквивалентно ли внушение в бодрствующем состоянии внушению в гипноидном состоянии, как утверждает теперь Бернхейм, применявший гипнотическое внушение многие годы? Вы скажете, что мы должны говорить о психоанализе, а не о внушении. На самом деле я имею в виду следующее: не является ли *внушение*, что психокатарсис

в гипнотическом состоянии произведет терапевтический эффект, главным фактором успеха психокатартического метода (с поправками, естественно, на возраст пациента и т.д.)? В своей работе «Аффективные расстройства» Франк пишет: «Что касается содержания воспроизводимых представлений, то эти односторонние установки, внушаемость и внушение, при психокатарсисе в состоянии легкого сна практически не используются»*. Это правда? Франк добавляет: «Как может пережевывание мечтаний юности *само по себе* привести к разрядке накопленной тревоги, будь то в гипнотическом состоянии или в любом другом? Не следует ли нам скорее предположить, что оно приведет лишь к усугублению тревожных состояний?» (Я и сам это замечал, причем чаще, чем мне бы хотелось.) Конечно, пациентам говорят: «Сначала мы должны посеять смуту, а потом наступит успокоение». И оно наступает. Но разве оно не наступает *вопреки этому процессу активизации*, ибо постепенно, посредством частых бесед, *не говоря уже* о легком гипнозе, пациент приобретает такое доверие к аналитику, что становится восприимчивым к прямому внушению, а потому искренне верит в улучшение и выздоровление? Я иду дальше: не является ли вера в метод, вкупе с возрастающим доверием к аналитику, главной причиной излечения при анализе в бодрствующем состоянии? Более того, разве не вера и доверие к врачу суть главный фактор успеха любого систематически применяемого терапевтического метода? Не скажу, что это единственный фактор, ибо нельзя отрицать, что, помимо эффектов косвенного внушения, немаловажный вклад в излечение вносят физические, диетические и химические процедуры, если, конечно, они правильно подобраны.

---

* Ludwig Frank. *Affektstörungen: Studien über ihre Atiologie und Therapie.*

II

От д-ра Юнга

28 января 1913 г.

[578] Что касается вашего вопроса о применимости катартической процедуры, то я придерживаюсь следующей точки зрения: все методы хороши, если они помогают. Посему я признаю все методы внушения, включая христианскую науку, ментальное исцеление и т.д. «Истина есть истина, когда она работает». Другой вопрос, пристало ли врачу, получившему научное образование, продавать пузырьки с лурдской водой*, ибо и это внушение иногда весьма полезно. Даже так называемая научная суггестивная терапия использует те же средства, что знахари и шаманы-экзорцисты. А почему нет? Публика не сильно изменилась и продолжает ожидать от врача чудесных исцелений. В самом деле, следует признать мудрыми — в светском смысле — тех врачей, которые умеют окружить себя аурой знахаря. Они не только могут похвастаться самой обширной практикой, но и добиваются лучших результатов. Это происходит потому, что, помимо неврозов, бесчисленные физические болезни осложнены психическим материалом. Медик-экзорцист всем своим поведением показывает, что понимает этот психический компонент, предоставляя пациенту возможность проникнуться верой в таинственную личность врача. Таким образом, он завоевывает разум больного, а он помогает ему оздоровить тело. Лучше всего, если сам врач верит в собственные формулы; в противном случае его могут охватить научные сомнения, и он утратит надлежащий убедительный тон. Я сам некоторое время с энтузиазмом практиковал гипнотическую суггестивную терапию. Но потом произошли три сомнительных инцидента, на которые я хотел бы обратить ваше внимание.

[579] Однажды ко мне пришла иссохшая невротичная крестьянка лет 56, дабы подвергнуться гипнозу. Загипнотизиро-

* Вода из Лурдского источника во Франции (из пещеры, где в 1858 г. было явление Богоматери местной девочке) считается священной и целебной.

вать ее было нелегко; она была очень беспокойна и все время открывала глаза, но в конце концов мне удалось ее усыпить. Когда я разбудил ее примерно через полчаса, она схватила мою руку и принялась меня благодарить. Я сказал ей: «Вы еще не вылечились, так что приберегите слова благодарности до конца лечения». «Я благодарю вас не за это, — прошептала она, краснея, — а за то, что вы такой *порядочный*». Она взглянула на меня с каким-то нежным восхищением и ушла. Я долго смотрел на то место, где она только что стояла. Порядочный? Я был ошеломлен — боже мой, неужели она вообразила?.. Это впервые натолкнуло меня на мысль, что эта старая греховодница, благодаря чудовищной прямоте своего женского (в то время я называл его «животным») инстинкта, вероятно, понимала сущность гипноза лучше, чем я со всеми моими научными знаниями и учебниками. Вся моя невинность словно испарилась.

[580] Следующей была хорошенькая, кокетливая семнадцатилетняя девушка с весьма измотанной и задерганной мамой. С раннего детства девушка страдала *enuresis nocturna** (который, среди прочего, мешал отдать ее в итальянский пансион для благородных девиц). Я сразу же вспомнил о старухе. Я попытался загипнотизировать девушку; она зашлась в приступе смеха и в течение 20 минут не поддавалась гипнозу. Я подумал: я знаю, почему вы смеетесь, вы уже влюбились в меня, но я докажу вам свою порядочность в награду за то, что вы тратите мое время на глупый смех. Наконец я ее усыпил. Эффект был мгновенным. Энурез прекратился, и я сообщил молодой леди, что вместо среды жду ее снова только в следующую субботу. В субботу она приехала сердитая и угрюмая. Энурез возобновился. Я вспомнил о своей мудрой старухе и спросил: «Когда он начался?» Она (ничего не подозревая) ответила: «В среду вечером». Я подумал про себя: все ясно, она хочет доказать мне, что я непременно должен принимать ее и по средам; не видеть меня целую неделю — это слишком долго для нежного любящего сердца. Однако я не собирался потворствовать этому досадному роману. «Было бы совершенно неправильно

* Ночным недержанием (*лат.*).

продолжать лечение при таких обстоятельствах, — сказал я. — Мы должны прервать его на три недели; возможно, энурез прекратится сам собой. Тогда приходите снова». В глубине своего злобного сердца я знал, что в это время буду в отпуске. Вернувшись на работу, я узнал от своего *locum tenens*,* что молодая леди приходила с известием, что энуреза больше нет, но была страшно разочарована моим отсутствием. «Старуха была права», — подумал я.

[581] Третий случай нанес моей любви к суггестивной терапии смертельный удар. Этот случай и правда стал последней каплей. В приемную, ковыляя на костылях, вошла 65-летняя женщина. Семнадцать лет она страдала от болей в коленном суставе и иногда оказывалась прикованной к постели на несколько недель кряду. Ни один врач не смог ее вылечить, хотя она испробовала все средства современной медицины. После 10-минутных словоизлияний с ее стороны, я сказал: «Я попробую загипнотизировать вас. Возможно, это поможет». «О да, пожалуйста», — обрадовалась она, затем склонила голову набок и заснула прежде, чем я успел что-либо сделать. Она впала в сомнамбулическое состояние и продемонстрировала все формы гипноза, какие только можно пожелать. Через полчаса я с большим трудом разбудил ее; проснувшись, она вскочила и воскликнула: «Я здорова, я в порядке, вы меня вылечили!» Я попытался робко возразить, но мои слова потонули в потоке благодарностей. Она действительно могла ходить. Я покраснел и смущенно сказал своим коллегам: «Воистину гипнотическая терапия творит чудеса!» В тот день моя связь с терапией посредством внушения оборвалась; слава, вызванная этим случаем, угнетала меня. Когда год спустя старушка вернулась, на этот раз с болью в спине, я уже погряз в безнадежном цинизме; у нее на лбу было написано, что она прочла в газете объявление о возобновлении моего курса гипноза. Докучная романтическая фантазия вызвала весьма удобную боль в спине, давшую ей повод встретиться со мной и вторично исцелиться столь же эффектным способом. Так оно и оказалось, до мельчайших деталей.

---

* Ближайшего помощника (*лат.*).

[582] Как вы понимаете, человек, обладающий научной совестью, не может примириться с подобными случаями. Я решил полностью отказаться от внушения, дабы не превратиться в чудотворца. Я хотел понять, что на самом деле происходит в разуме людей. Мне вдруг показалось невероятным ребячеством надеяться прогнать болезнь с помощью магических заклинаний; неужели это единственный результат всех наших усилий по развитию психотерапии? Открытие Брейера и Фрейда стало для меня настоящим спасением. Я воспринял их метод с неподдельным воодушевлением и вскоре осознал, насколько прав был Фрейд, когда уже в своем труде «Исследования истерии» направил прожектор на обстоятельства так называемой травмы. Вскоре я обнаружил, что, хотя травмы явно этиологического значения действительно встречаются, большинство из них крайне маловероятны. Многие травмы были настолько незначительны, настолько нормальны, что в лучшем случае их можно было рассматривать как повод для невроза. Но что в особенности меня смущало, так это то, что многие травмы были плодом воображения; в реальности не происходило ничего подобного. Одно это обстоятельство заставило меня скептически отнестись ко всей теории. (Я подробно изложил эти вопросы в своих лекциях по теории психоанализа.) Я уже не допускал, что повторяющиеся переживания фантазийно преувеличенной или полностью вымышленной травмы имеют иную терапевтическую ценность, нежели процедура внушения. Хорошо, если это помогает. Если бы только не научная совесть и это стремление к истине! Я осознавал, насколько ограничен этот метод, особенно в работе с умными и образованными пациентами. Безусловно, он чрезвычайно удобен для аналитика, ибо не предъявляет никаких особых требований к его интеллекту или способности адаптироваться. Теория и практика восхитительно просты: «Невроз возникает из травмы. Травма абреагируется». Если абреакция происходит под гипнозом или с другими магическими атрибутами (темная комната, специальное освещение и т.д.), я сразу вспоминаю мою умную старушку, которая открыла мне глаза

не только на магию месмерических пассов, но и на природу самого гипноза.

[583] Что раз и навсегда оттолкнуло меня от этого сравнительно эффективного косвенного метода внушения, основанного на столь же эффективной, но ошибочной теории, так это осознание того, что за запутанными и обманчивыми невротическими фантазиями скрывается *конфликт*, который вернее всего описать как нравственный. С тех пор для меня началась новая эра понимания. Исследования и терапия теперь действовали сообща — а именно пытались обнаружить причину и *рациональное* решение конфликта. Именно в этом я видел смысл психоанализа. Тем временем Фрейд сформулировал свою сексуальную теорию невроза, поставив тем самым массу вопросов, каждый из которых казался достойным самого пристального внимания. Мне посчастливилось долгое время сотрудничать с Фрейдом и вместе с ним работать над проблемой сексуальности при неврозе. Возможно, вы знаете по некоторым моим ранним трудам, что я всегда сомневался в значении сексуальности. Ныне это вопрос, по которому я уже не вполне разделяю мнение Фрейда.

[584] Прошу прощения, что предпочел ответить на ваши вопросы весьма непоследовательным образом. Что же касается остального, легкий гипноз и тотальный гипноз суть просто различные степени интенсивности бессознательной восприимчивости к внушениям гипнотизера. Кто может провести здесь четкую грань? Для критически настроенного разума немыслимо, чтобы в катартическом методе можно было избежать внушаемости и внушения. Они присутствуют всюду как общечеловеческие атрибуты, даже у Дюбуа* и психоаналитиков, которые убеждены, что действуют сугубо рационально. Никакая техника и никакое самоуничижение здесь не помогут; аналитик действует волей-неволей и, возможно, больше всего через свою личность, то есть через внушение. В катартическом методе опыт частых встреч с аналитиком, доверие, вера в него и в его метод имеют для пациента гораздо большее значение, нежели воскрешение

* См. выше, абз. 41.

старых фантазий. Вера, уверенность в себе, даже самоотдача аналитика (пусть даже *imponderabilia**) для больного важнее проработки старых травм[1].

[585] Пришло время извлечь из истории медицины все, что когда-либо оказывалось полезным, и тогда, возможно, мы откроем действительно нужную терапию — то есть психотерапию. Разве снадобья древних фармацевтов не давали блестящих результатов, если только больной верил в их эффективность?!

[586] Поскольку я знаю, что, несмотря на все рациональные меры предосторожности, пациент пытается ассимилировать личность аналитика, я требую, чтобы психотерапевт так же отвечал за чистоту своих рук, как и хирург. Я даже считаю необходимым условием, чтобы психоаналитик сначала сам подвергся анализу, ибо его личность является одним из главных факторов исцеления.

[587] Пациенты интуитивно считывают характер аналитика. Посему они должны увидеть в нем не только человека с недостатками, каковые, безусловно, есть у всех, но и человека, который стремится во всех отношениях исполнить свой человеческий долг в полном смысле этого слова. Я неоднократно имел возможность убедиться, что психоаналитик преуспевает в своем лечении ровно настолько, насколько он преуспел в собственном нравственном развитии. Полагаю, этот ответ удовлетворит вас.

III

От д-ра Лоя

2 февраля 1913 г.

[588] На несколько моих вопросов вы отвечаете утвердительно. В частности, вы считаете доказанным, что в лечении катар-

---

* Букв.: «невесомая» (*исп.*), в малой степени.

1 Так, одна пациентка, лечившаяся без особых успехов у молодого коллеги, сказала мне: «Несомненно, я добилась с ним отличных результатов и чувствую себя гораздо лучше, чем раньше. Он пытался анализировать мои сны. Он никогда не понимал их, но он так старался. Он хороший врач!»

тическим методом главную роль играет вера в аналитика и его метод, а не «абреакция» реальных или воображаемых травм. Я тоже так думаю. Соглашусь с вами и в том, что «снадобья древних фармацевтов», лурдские исцеления, а также успехи целителей душ, христианских ученых и сторонников рациональной психотерапии следует приписать вере в чудотворцев, а не какому-либо из используемых методов.

[589] Но вот в чем загвоздка: авгур остается авгуром до тех пор, пока сам верит, что воля богов открывается во внутренностях жертвенного животного. Если же вера его угаснет, он может спросить себя, как ему быть: продолжать использовать свой авгурский авторитет на благо государства или следовать своим новым и, надо полагать, более верным убеждениям? Возможны оба варианта. Первый называется оппортунизмом, второй — стремлением к истине и научной честности. Первый путь, возможно, принесет врачу терапевтический успех и славу, второй — упрек в том, что такого человека нельзя принимать всерьез. Что я больше всего ценю во Фрейде и его школе, так это страстное стремление к истине. С другой стороны, некоторые люди выносят иной вердикт: «Занятой врач-практик не в состоянии уследить за развитием взглядов этого исследователя и его адептов» (Франк, «Аффективные расстройства», Предисловие, с. 2).

[590] На это замечание можно не обращать внимания, но к самокритике следует отнестись серьезнее. В конце концов, можно спросить себя: учитывая, что наука пребывает в постоянном движении, имею ли я право принципиально игнорировать любой метод или сочетание методов, с помощью которых возможно достижение терапевтического эффекта?

[591] Вдумавшись в основную причину вашего отвращения к вспомогательному использованию гипноза (или полугипноза; глубина не имеет значения) при лечении внушением (которым, как вы говорите, волей-неволей пользуется каждый врач и каждый терапевтический метод, как бы он ни назывался), я, наконец, понял, что именно вызывает у вас неприятие. В сущности, это не что иное, как так называемый перенос на врача, избежать которого не можете ни вы,

с вашим чисто психоаналитическим подходом, ни все остальные. В действительности он играет важнейшую роль в успехе лечения. Вы требуете, чтобы психоаналитик отвечал за чистоту своих рук — здесь я безоговорочно согласен. Это логично. Но разве психотерапевт, прибегающий к гипнозу, больше заслуживает звания «авгура», нежели тот, который пользуется неизбежным «переносом на аналитика» в терапевтических целях? И в том, и в другом случае мы полагаемся на веру как на целительный фактор. Что же касается чувств, которые пациент — будь то мужчина или женщина — испытывает к аналитику, то разве на заднем плане нет ничего, кроме сознательного или бессознательного сексуального желания? Во многих случаях вы, безусловно, правы; некоторые женщины достаточно откровенны и могут признаться, что начало гипноза сопровождалось у них сладострастным ощущением. Но это не всегда так — иначе как бы вы объяснили чувство, например, птицы, которую гипнотизирует змея? Конечно, вы скажете, что здесь преобладает чувство страха, представляющее собой инверсию либидо, тогда как в гипнотическом состоянии, которое охватывает самку перед тем, как она уступит самцу, главенствует чистое *libido sexualis*, хотя, возможно, и тут есть некоторая примесь страха.

[592] Как бы то ни было, из ваших трех примеров я не могу вывести никакого этического различия между «восприимчивостью к внушениям гипнотизера» и «переносом на аналитика», которое бы исключало возможное сочетание гипноза с психоанализом в качестве вспомогательного средства. Вы спросите, почему я так крепко держусь за гипноз или, скорее, гипнотическое состояние. Дело в том, что я убежден: некоторых пациентов можно излечить гораздо быстрее гипнозом, чем исключительно психоаналитическим методом. Например, всего за пять-шесть сеансов я полностью излечил пятнадцатилетнюю девочку, страдавшую *enuresis nocturna* с младенчества. В остальном она была совершенно здорова и сообразительна, первая ученица в классе и т.д. Бедняжка перепробовала все способы лечения, но безрезультатно.

[593] Возможно, мне следовало выявить психоаналитические связи между энурезом и ее психосексуальной диспозицией,

растолковать их ей и т.д., но я не имел возможности этого сделать. Девочка могла посвятить лечению только короткие пасхальные каникулы, поэтому я просто загипнотизировал ее, и проблема исчезла.

[594] Во время психоанализа я использую гипноз, чтобы помочь пациенту преодолеть «сопротивление».

[595] Кроме того, я использую полугипноз в сочетании с психоанализом для ускорения стадии «реконструкции».

[596] Приведу пример. Некая пациентка, страдавшая манией мытья рук, была направлена ко мне после годичного психокатартического лечения у доктора X. Ранее ей уже объяснили символический смысл ее действий, однако во время «абреакции» предполагаемых детских травм она сильно разволновалась, ибо убедила себя посредством самовнушения, что слишком стара для излечения, что не видит никаких «образов» и т.д. Я использовал гипноз с двоякой целью. Во-первых, я стремился уменьшить частоту мытья рук — то есть «избавить ее от чувства тревоги», а во-вторых, научить поднимать предметы с пола и после этого не бежать к крану.

[597] С учетом этих соображений я буду чрезвычайно признателен, если вы, согласившись глубже вникнуть в этот вопрос, приведете более убедительные причины, почему гипнотический метод заслуживает осуждения, и объясните, как обойтись без него или чем его заменить в подобных случаях. Если вы убедите меня, я откажусь от гипноза, как это сделали вы; но то, что убедило вас, пока не убедило меня. *Si duo faciunt idem, non est idem**.

[598] Перехожу к другому важному вопросу, о котором вы упомянули: за невротическими фантазиями всегда (или почти всегда) скрывается моральный конфликт, относящийся к сфере настоящего. Это мне совершенно ясно. Исследование и терапия совпадают; их задача состоит в том, чтобы отыскать причины и рациональное решение конфликта.

[599] Хорошо — но всегда ли можно найти рациональное решение? «Соображения целесообразности» слишком часто преграждают путь, варьируя в зависимости от пациентов (дети, девушки и женщины из «благочестивых» — лицемер-

* Когда двое делают одно и то же, это уже не одно и то же (*лат.*).

ных! — католических или протестантских семей). Опять этот проклятый оппортунизм! Совершенно прав был мой коллега, когда решился сексуально просветить одного молодого француза, предававшегося мастурбации. Но тут, словно одержимая, в кабинет влетела бабушка, типичная ханжа, и произошла весьма неприятная сцена. Как действовать в этих и подобных случаях? Что делать в случаях нравственного конфликта между любовью и долгом (конфликтов в браке) — или вообще между инстинктом и моральным долгом? Что делать, если девушка с истерическими или тревожными симптомами нуждается в любви, но не имеет возможности выйти замуж или не может найти подходящего мужчину, и, будучи из «хорошей семьи», желает остаться целомудренной? Попытаться избавиться от симптомов внушением? Но это неправильно, коль скоро мы знаем способ лучше.

[600] Как примирить две совести: совесть человека, который не хочет ограничивать свою верность истине *intra muros*,* и совесть врача, который *обязан* исцелять или, по меньшей мере, облегчать страдания больного, если уж он не решается лечить согласно своим истинным убеждениям (в силу оппортунистических мотивов)? Мы живем в настоящем, но наши идеи и идеалы принадлежат будущему. Вот в чем *наш* конфликт. Как его разрешить?

IV

От д-ра Юнга

4 февраля 1913 г.

[601] ...Признаться, вы поставили меня в несколько затруднительное положение своим вопросом во вчерашнем письме. Вы совершенно точно определили дух, которым продиктовано мое последнее послание. Я рад, что этот дух признаете и вы. Мало кто может похвастаться таким либерализмом. Я бы обманывал себя, если бы мнил себя практикующим

* Букв. «внутри стен» (*лат.*); здесь: как таковой.

врачом. Прежде всего, я исследователь, а потому мое отношение ко многим проблемам несколько иное. В своем последнем письме я намеренно оставил без внимания практические потребности врача, главным образом для того, чтобы показать вам, на каких основаниях можно отказаться от гипнотической терапии. Дабы предупредить возможные возражения, скажу сразу, что я отказался от гипноза не потому, что не желал иметь дела с базовыми силами человеческой психики, а потому, что хотел бороться с ними прямо и открыто. Осознав, какие силы играют роль в гипнозе, я отказался от него, ибо стремился избавиться от всех косвенных преимуществ этого метода. Мы, психоаналитики, — да и наши пациенты тоже — ежедневно убеждаемся в том, что работаем не с «переносом на аналитика»[1], а *против него и вопреки ему*. Посему мы делаем ставку не на веру пациента, а на его *критику*. Пока это все, что я хотел бы сказать по этому щекотливому вопросу.

[602] Как следует из вашего письма, мы с вами солидарны в отношении теоретического аспекта лечения внушением. Стало быть, мы можем приступить к следующей задаче, а именно достижению согласия по практическим вопросам. Ваши замечания по поводу дилеммы врача — быть ему магом или ученым — подводят нас к самой сути проблемы. Я стараюсь не быть фанатиком, хотя есть немало тех, кто обвиняет меня в фанатизме. Я ратую лишь за признание методов исследования и их результатов, а не за применение психоаналитических методов любой ценой. Я достаточно долго был практикующим врачом, чтобы понимать: практика подчиняется и должна подчиняться иным законам, нежели поиск истины. Можно даже сказать, что практик в первую очередь должен подчиняться закону целесообразности. Со стороны исследователя было бы в высшей степени несправедливо обвинять практика в том, что он не использует «единственно верный» научный метод. Как я писал в своем последнем письме, «истина есть истина,

[1] Во фрейдистском смысле перенос на аналитика инфантильных и сексуальных фантазий. Более продвинутая концепция видит в переносе важный процесс «эмпатии», вначале пользующийся инфантильными и сексуальными аналогиями.

когда она работает». Впрочем, и практик не должен упрекать исследователя, если в своих поисках истины и новых, быть может лучших, методов он пробует необычные процедуры. В конце концов, главный удар примет на себя не практик, а исследователь и, возможно, его пациент. Практик должен, конечно, использовать те методы, которые он умеет применять с наибольшей пользой и которые дают ему сравнительно лучшие результаты. Мой либерализм, как видите, распространяется даже на христианскую науку. Однако я считаю совершенно неприемлемым, чтобы Франк, практикующий врач, бросал тень на исследования, в которых он не участвует, — на то самое направление, которому он обязан своим собственным методом. На мой взгляд, научному сообществу давно пора перестать воспринимать всякую новую идею в штыки. Никто не требует от Франка и его *confrères**, чтобы они стали психоаналитиками. Мы оставляем за ними право на существование, почему же они стремятся ограничить наше?

[603] Как видно по моим собственным случаям «исцеления», я вовсе не сомневаюсь в действенности внушения. У меня просто возникло чувство, что я мог бы найти нечто лучшее. Эта надежда была оправдана. Не вечно же должно быть так, как говорит Фауст:

> И если благ земных нам удалось добиться,
> То блага высшие относим мы к мечтам**.

[604] Признаться, на вашем месте и я бы частенько испытывал затруднения, если бы полагался исключительно на психоанализ. Я с трудом могу представить себе общую практику, особенно в лечебнице, без каких-либо вспомогательных средств, кроме психоанализа. Правда, в цюрихской клинике Бирхера*** принцип психоанализа приняли по крайней мере несколько ассистентов, но там на пациентов оказыва-

---

* Собратьев, сотоварищей (*фр.*).

** *Гете И.* Фауст. Часть 1. Сцена ночи.

*** Имеется в виду клиника швейцарского врача М. Бирхер-Беннера, основоположника лечения посредством вегетарианской диеты в сочетании с методами психоанализа.

ется и целый ряд других важных просветительских влияний, без которых, вероятно, дела бы шли гораздо хуже. В моей собственной сугубо психоаналитической практике я часто сожалею о том, что не могу воспользоваться другими методами, которые, естественно, доступны в любом учреждении, но только, конечно, в особых случаях, когда сталкиваюсь с неконтролируемыми, неподготовленными пациентами. Кто из нас рискнет утверждать, что открыл панацею? В некоторых случаях психоанализ работает хуже, чем любой другой метод. Но ведь никто не говорит, что психоанализ должен использоваться всегда и везде. Только фанатик может придерживаться подобной точки зрения. Для психоанализа пациентов следует выбирать. Случаи, кажущиеся мне неподходящими, я без колебаний направляю к другим врачам. На самом деле это происходит не так уж часто, потому что пациенты отфильтровываются сами. Те, кто обращается к психоаналитику, обычно знают, почему они обращаются именно к нему, а не к кому-то другому. Кроме того, для психоанализа идеально подходят многие невротики. В таких вопросах необходимо избегать всякого схематизма. Глупо биться головой о кирпичную стену. Какой метод будет использоваться — простой гипноз, или катартическое лечение, или психоанализ, — зависит от случая и предпочтений врача. Каждый врач добивается наилучших результатов с помощью инструмента, которым владеет лучше всего.

[605] Впрочем, за некоторыми исключениями, я должен сказать, что для меня, как и для моих пациентов, психоанализ работает лучше, чем любой другой метод. Это не просто вопрос чувства; по опыту я знаю, что психоанализ может помочь многим пациентам, невосприимчивым ко всем другим методам лечения. Я знаю, что многие мои коллеги пришли к аналогичному заключению, даже те, кто занимается исключительно практикой. Маловероятно, чтобы в корне неполноценный метод пользовался столь большой поддержкой.

[606] Применяя психоанализ в подходящем случае, аналитик *обязан* найти рациональные решения конфликтов. Мне воз-

разят, что многие конфликты внутренне неразрешимы. Люди, разделяющие подобную точку зрения, думают только о внешних решениях, которые в основе своей не являются решениями вообще. Если муж не ладит с женой, он, естественно, полагает, будто конфликт разрешится, если он женится на другой. Но это не решение. Старый грешник разрушит новый брак точно так же, как и предыдущий. Реальное решение приходит изнутри, да и то только потому, что пациент принимает иную установку.

[607] Если внешнее решение возможно, психоанализ не нужен; но если требуется решение внутреннее, перед нами встает особая задача психоанализа. Конфликт между «любовью и долгом» должен разрешаться на том уровне характера, где «любовь и долг» уже не противопоставляются друг другу. Точно так же следует разрешать распространенный конфликт между «инстинктом и общепринятой моралью» — с учетом обоих факторов. Последнее, опять-таки, возможно только через изменение характера. К этому изменению и стремится психоанализ. В таких случаях внешние решения хуже, чем полное отсутствие решений. Естественно, по какому пути в конечном счете следует пойти врачу и каков его долг, зависит от практической целесообразности. Я рассматриваю вопрос о совести — должен ли врач оставаться верен своим научным убеждениям — как второстепенный по сравнению с гораздо более важным вопросом о том, как он может наилучшим образом помочь больному. При случае доктор *должен* уметь играть роль авгура. *Mundus vult decipi** — но лечебный эффект не есть обман. Разумеется, существует конфликт между идеальным убеждением и конкретной возможностью. Но мы плохо подготовили бы почву для семени будущего, если бы забывали задачи настоящего и стремились только к культивированию идеалов. Это было бы лишь праздной мечтой. Не забывайте, что Кеплер когда-то составлял гороскопы за деньги, и что бесчисленные художники обречены работать за минимальную плату.

---

* Мир хочет обманываться (*лат.*).

V

От д-ра Лоя

9 февраля 1913 г.

[608] Мы оба жаждем истины в чистой науке, и исцеления наших пациентов — в терапии. Для исследователя, как и для врача, мы желаем полной свободы во всех направлениях — полной свободы в выборе и применении методов, обещающих достижение их целей в каждом конкретном случае. По этому последнему пункту мы с вами солидарны, но он остается постулатом, который мы должны доказать другим, коль скоро мы ищем признания наших взглядов.

[609] Прежде всего, необходимо ответить на один вопрос, уже заданный в Евангелиях: «Что есть истина?» Я убежден, что четкие определения фундаментальных идей необходимы везде. Как же нам выработать рабочее определение понятия «истина»? Возможно, нам поможет аллегория.

[610] Представим себе, что перед солнцем стоит гигантская призма, которая разлагает его лучи, но люди об этом не знают. (Я не касаюсь здесь химических, невидимых, ультрафиолетовых лучей.) Люди, живущие в области, освещенной голубым светом, скажут: «Солнце излучает только голубой свет». Они правы и в то же время неправы: со своей точки зрения они способны воспринять лишь *фрагмент* истины. То же самое можно сказать и о жителях красной, желтой и промежуточной областей. И все они будут драться и убивать друг друга, стремясь навязать свою фрагментарную истину другим — пока, став мудрее благодаря путешествиям, они не придут к заключению, что солнце излучает свет разных цветов. Это более всеобъемлющая концепция, но все же не истина. Только когда гигантская линза вновь соберет расщепленные лучи и когда невидимые, химические и тепловые лучи проявят свои специфические свойства, — только тогда возникнет представление, более или менее соответствующее истине. Люди увидят, что солнце испускает белый свет, который расщепляется призмой на различные лучи с различными свойствами, и что эти лучи вновь соединяются линзой в луч белого света.

[611] Этот пример показывает, что путь к истине лежит через ряд сравнительных наблюдений, результаты которых необходимо контролировать с помощью произвольно выбранных экспериментов до тех пор, пока не будут выработаны, казалось бы, обоснованные гипотезы и теории. Но эти гипотезы и теории рухнут, как только появится хотя бы одно новое наблюдение или один новый эксперимент, который им противоречит.

[612] Путь труден и ведет всего-навсего к *относительной* истине. Но такой относительной истины вполне достаточно, коль скоро она объясняет наиболее важные фактические звенья в прошлом, высвечивает их в настоящем, предсказывает их в будущем и позволяет нам с помощью этого знания надлежащим образом приспособиться к жизни. Абсолютная истина была бы доступна только всеведущему, обладающему знанием всех возможных сочетаний и комбинаций; но для нас это невозможно, ибо число сочетаний и комбинаций бесконечно. Соответственно, единственная истина, которая доступна нам, — это истина приблизительная. Если обнаруживаются новые связи, выстраиваются новые комбинации, картина меняется, а вместе с ней — и весь спектр наших знаний и действий. К каким только революциям в повседневной жизни не приводит каждое новое открытие: как бесконечно малы были первоначальные знания о теории электричества, как непостижимо велики были результаты!

[613] Это общие соображения, но приходится повторять их постоянно, когда видишь, как несправедлива жизнь к новаторам в любой научной области, в особенности к последователям психоаналитической школы. Все признают эти общие места до тех пор, пока речь идет об «академической» дискуссии, но как только приходится рассматривать конкретный случай, симпатии и антипатии выходят на первый план и затуманивают суждение. Посему исследователь должен неустанно бороться, апеллируя к логике и честности, за свободу исследований во всех областях и не позволять представителям каких бы то ни было политических или религиозных убеждений выдвигать «соображения целесо-

образности», способные уничтожить или даже ограничить эту свободу. Причины целесообразности уместны в другом месте, но не здесь. Наконец, мы должны раз и навсегда покончить со средневековым постулатом, *philosophia ancilla theologiae*,* а также с университетскими кафедрами, учрежденными в пользу той или иной политической или религиозной партии. Всякий фанатизм — враг науки, которая прежде всего должна быть независимой.

[614] Переходя от поиска истины к терапевтике, мы видим, что и здесь мы с вами солидарны. На практике *должна* господствовать целесообразность: врач из желтой области должен приспособиться к пациентам в желтой области, а врач из голубой области — к пациентам в голубой области; оба стремятся к одной и той же цели. Что же касается врача, живущего в белом свете, то он должен принимать во внимание прошлый опыт пациентов из желтой и голубой областей, несмотря или, скорее, благодаря своим более обширным познаниям. В таких случаях путь к исцелению будет долгим и трудным и скорее приведет к *cul-de-sac**,* чем в тех случаях, когда пациенты, как и сам врач, уже достигли понимания, что на самом деле свет белый, — другими словами, когда пациенты уже «отфильтровались». С такими избранными пациентами психоаналитик может работать исключительно методами психоанализа; он может считать себя счастливчиком, ибо ему больше не нужно «играть в авгура».

[615] Итак, методы психоанализа, каковы они? Если я правильно вас понял, то в общем и целом речь идет о непосредственной работе с фундаментальными силами человеческой психики с тем, чтобы пациент, будь он болен, здоров или в некой промежуточной стадии — ибо болезнь и здоровье незаметно перетекают друг в друга, — увидел драму, которая разыгрывается внутри него. Он должен познать автоматизмы, враждебные развитию его личности, и через это знание постепенно освободиться от них; полезные же автоматизмы он должен использовать и укреплять. Он должен превратить свое самопознание в реальный факт и контролировать ра-

* Философия — служанка богословия (*лат.*).

** Тупику (*фр.*).

боту своего ума, дабы восстановить равновесие между чувством и разумом. Насколько большую роль во всем этом играет *внушение*? Не думаю, что внушения можно полностью избежать до тех пор, пока пациент не почувствует себя по-настоящему свободным. Эта свобода, естественно, есть главное, к чему следует стремиться, и это должна быть *активная* свобода. Пациент, который просто подчиняется внушению, подчиняется ему лишь до тех пор, пока действует «перенос на аналитика».

[616] Но для того чтобы приспособиться ко всем обстоятельствам, больной должен укрепиться «изнутри». Он должен обходиться без костылей веры, должен критически подходить ко всем теоретическим и практическим проблемам и решать их сам. Это ваша точка зрения, не так ли, или я вас неправильно понял?

[617] Далее, не следует ли к каждому отдельному случаю подходить по-разному — в рамках психоаналитического метода? Ибо если каждый случай уникален, то он, несомненно, требует индивидуального подхода.

[618] «Il n'y a pas de maladies, il n'y a que des malades», — сказал один французский врач, чье имя выскользнуло у меня из головы*. Но вообще говоря, какой курс, с технической точки зрения, принимает анализ, и какие отклонения наблюдаются чаще всего? Этому я с радостью поучусь у вас. Само собой разумеется, что все «авгурские фокусы», затемненные комнаты, маски, хлороформ и так далее исключены.

[619] Психоанализ, очищенный, насколько это возможно, от суггестивного влияния, по всей видимости, имеет одно существенное отличие от психотерапии *à la* Дюбуа. У Дюбуа все разговоры о прошлом запрещены с самого начала, а на первый план выдвигаются «нравственные причины выздоровления»; психоанализ, напротив, использует подсознательный материал из прошлого и настоящего пациента, дабы содействовать самопознанию. Другое различие состоит в понятии морали: мораль прежде всего «относительна». Но какие формы (в общих чертах) следует придавать ей

---

* «Нет болезней самих по себе, есть только больные» (*фр.*). Эти слова принадлежат французскому врачу начала XIX столетия С. Аннеману.

в случаях, когда внушения нельзя избежать? Все зависит от практической целесообразности, скажете вы. В том, что касается стариков или взрослых, живущих в не очень просвещенной среде, я совершенно с вами согласен. Но если мы имеем дело с детьми, семенами будущего, то не является ли нашим священным долгом просвещать их о шатких основах так называемых моральных представлений прошлого, базирующихся исключительно на догме, и обучать их полной свободе, мужественно открывая перед ними истину? Я спрашиваю об этом не столько с точки зрения анализирующего врача, сколько с точки зрения педагога. Не следует ли рассматривать учреждение *прогрессивных школ* как задачу психоаналитика?

VI

От д-ра Юнга

11 февраля 1913 г.

[620] Относительность «истины» известна веками и ничему не мешает, а если бы и мешала, то лишь вере в догматы и авторитет. Но она даже этого не делает.

[621] Вы спрашиваете — или, скорее, говорите мне, — что такое психоанализ. Прежде чем обсуждать ваши взгляды, позвольте мне сперва обозначить область и дать определение психоанализа.

[622] Психоанализ — это, прежде всего, только метод, но метод, отвечающий всем строгим требованиям, которые сегодня подразумевает само понятие «метод». Сразу замечу, что психоанализ — это не *анамнез*, как полагают некоторые «всезнайки». Психоанализ, по существу, есть способ исследования бессознательных ассоциаций, которые не могут быть получены путем изучения сознательного разума. Опять же, психоанализ не метод исследования в духе тестов интеллекта, хотя данное ошибочное убеждение весьма распространено в определенных кругах. Это и не метод катарсиса для абреагирования, с гипнозом или без него, реальных или воображаемых травм.

[623] Психоанализ — это метод, позволяющий аналитически свести психические содержания к их простейшему выражению и обнаружить линию наименьшего сопротивления в развитии гармоничной личности. При неврозе отсутствует единообразное направление жизни, ибо противоположные тенденции препятствуют психологической адаптации. Психоанализ, насколько мы можем судить в настоящее время, представляется единственной рациональной терапией неврозов.

[624] Для техники психоанализа нельзя сформулировать некую единую программу. Существуют только общие принципы и рабочие правила для индивидуального анализа. (Что касается последнего, отсылаю вас к статье Фрейда, опубликованной в первом выпуске журнала «Интернациональ цайтшрифт фюр арцлихе психоанализе»*.) У меня только одно рабочее правило — проводить анализ как совершенно обыкновенную, разумную беседу, избегая всякой видимости медицинской магии.

[625] Главный принцип психоаналитической техники заключается в анализе психических содержаний, обнаруживаемых в данный момент. Любое вмешательство со стороны аналитика с целью заставить анализ следовать некоему систематическому курсу является грубой технической ошибкой. Так называемая случайность — закон и порядок психоанализа.

[626] В начале анализа анамнез и диагноз, естественно, стоят на первом месте. Последующая аналитическая процедура развивается индивидуально, в каждом случае по-разному. Сформулировать какие-либо правила здесь практически невозможно. Можно сказать одно: очень часто, в самом начале, приходится преодолевать ряд сопротивлений как против метода, так и против аналитика. Пациентам, не имеющим понятия о психоанализе, сперва следует разъяснить суть процедуры. У тех же, кто уже наслышан о психоанализе, часто имеются ложные представления, требующие

---

* Zur Einleitung der Behandlung (Weitere Ratschlage zur Technik der Psychoanalyse (1913). Рус. пер.: *Фрейд З.* О введении в лечение (Дальнейшие рекомендации по технике психоанализа) // Методика и техника психоанализа. Москва; Петербург: Государственное издательство, 1923.

коррекции и проистекающие главным образом из возражений, выдвинутых научной критикой. Как бы то ни было, ошибочные представления основаны на произвольных интерпретациях, поверхностном суждении и незнании фактов.

[627] Если пациент сам является врачом, его привычка все знать лучше других может оказаться чрезвычайно утомительной. С умными коллегами целесообразно провести основательную теоретическую дискуссию. С ограниченными и фанатичными пациентами приступайте сразу к анализу. В бессознательном таких людей вы всегда найдете союзника, который никогда вас не подведет. Самые первые сновидения показывают жалкую несостоятельность их критики, так что от всего здания якобы научного скептицизма не остается ничего, кроме личного тщеславия. У меня был весьма забавный опыт в этом отношении.

[628] Лучше всего предоставить пациентам возможность говорить свободно и ограничиться указанием на те или иные связи. Когда сознательный материал исчерпан, мы переходим к сновидениям, дающим сублиминальный материал. Если пациент утверждает, что не видит снов или забывает их, то обычно имеется еще какой-то сознательный материал, который требует выявления и обсуждения, но удерживается в силу сопротивления. Когда сознание опустошено, на первый план выступают сновидения, которые, как вы знаете, являются главным объектом анализа.

[629] Как проводить анализ и что говорить пациенту, зависит, во-первых, от материала, с которым предстоит иметь дело; во-вторых, от мастерства аналитика; и в-третьих, от способностей пациента. Должен подчеркнуть, что никто не должен проводить анализ иначе, как на основе досконального знания предмета, что означает доскональное знание соответствующей литературы. Без этого все можно только испортить.

[630] Не знаю, что сказать вам еще. Буду ждать ваших дальнейших вопросов.

[631] Что касается нравственности и просвещения, то позвольте заметить, что эти вещи относятся к более поздней стадии анализа, в ходе которой они решаются — или должны решаться — сами собой. В психоанализе нет готовых рецептов!

VII

От д-ра Лоя

16 февраля 1913 г.

[632] Вы пишете, что для знакомства с психоанализом необходимо основательное знание литературы. Я согласен, но с одной оговоркой: чем больше читаешь эту литературу, тем яснее видишь, как много противоречий существует между разными авторами, и не знаешь — пока не приобретешь достаточного опыта, — какой точке зрения следует отдать предпочтение, ибо зачастую утверждения не сопровождаются какими бы то ни было доказательствами. Я, например, думал (на основании моего собственного опыта суггестивной терапии), что перенос на аналитика может существенным образом влиять на излечение пациента. Но вы пишете: «Мы, психоаналитики, делаем ставку не на *веру* пациента, а на его *критику*». В противовес этому Штекель утверждает (см.: «Результаты психоаналитической терапии» в Zentralblatt fur psychoanalyse, III, 1912–13, стр. 176): «Любовь к аналитику может стать силой, способствующей выздоровлению. Невротики никогда не выздоравливают из-за любви к себе, они выздоравливают из-за любви к аналитику. Они делают это, чтобы доставить ему удовольствие...» И здесь, конечно, акцент сделан на силе внушения, не так ли? И все же Штекель считает себя чистым психоаналитиком. С другой стороны, вы отмечаете в своем письме от 28 января: «Личность аналитика является одним из главных факторов исцеления». Не следует ли трактовать это так: если психоаналитик внушает пациенту уважение, если он достоин его любви, пациент последует его примеру, чтобы доставить ему удовольствие, и постарается преодолеть свой невроз с тем, чтобы исполнить свои человеческие обязанности в самом широком смысле этого слова?

[633] Полагаю, от всей этой неопределенности и сомнений можно избавиться только тогда, когда приобретешь достаточный личный опыт. Опыт покажет, какая процедура лучше всего отвечает особенностям личности врача и дает лучшие терапевтические результаты. Это еще одна причина,

почему так важно самому подвергнуться анализу, познать себя. Я полностью согласен с вашим отрицательным определением психоанализа: психоанализ не является ни анамнезом, ни методом исследования, подобным тесту интеллекта, ни тем более психокатарсисом. Но ваше положительное определение, что «психоанализ есть метод обнаружения линии наименьшего сопротивления в развитии гармоничной личности», кажется мне применимым только к лености пациента, но не к высвобождению сублимированного либидо и приложению его к новой жизненной цели.

[634] Вы говорите, что при неврозе отсутствует единая направленность, ибо противоположные тенденции препятствуют психической адаптации. Верно, но не будет ли психическая адаптация совершенно различной в зависимости от того, на что перенаправит излечившийся пациент свою жизнь: на избегание боли (линия наименьшего сопротивления) или на достижение наибольшего удовольствия? В первом случае он будет более пассивным и просто примирится с «трезвой действительностью» (Штекель, с. 187). Во втором случае он будет воодушевлен чем-то или кем-то и «преисполнен энтузиазма». Но что определяет активность или пассивность в его «второй» жизни? На ваш взгляд, возникает ли этот определяющий фактор спонтанно в ходе анализа? Должен ли аналитик тщательно избегать склонения чаши весов в ту или иную сторону посредством своего влияния? А если он позволит себе канализировать либидо пациента в определенном направлении, не утратит ли он вообще право называться психоаналитиком, и не следует ли считать его в таком случае «умеренным» или «радикальным»? (Ср.: у Фюртмюллера в «Метаморфозах фрейдовской школы», Zentralblatt, III, с. 191.) Впрочем, думаю, что вы уже ответили на этот вопрос в своем письме от 11 февраля: «Любое вмешательство со стороны аналитика является грубой технической ошибкой. Так называемая случайность — закон и порядок психоанализа». Но это предложение, вырванное из контекста, возможно, передает не весь смысл, который вы в него вкладываете.

[635] Что касается разъяснения пациенту сути психоаналитического метода до начала анализа, то тут вы, очевидно, со-

гласны с Фрейдом и Штекелем: лучше слишком мало, чем слишком много. Знание, которое навязывается пациенту, все равно остается полузнанием, а полузнание порождает «желание знать больше», что только мешает анализу. Итак, после краткого объяснения мы сначала даем пациенту возможность высказаться, кое-где указывая на значимые связи, а затем, когда сознательный материал будет исчерпан, переходим к сновидениям.

[636] Но здесь я сталкиваюсь с другим препятствием, о котором я уже упоминал в нашей устной беседе: пациент перенимает тон, язык или жаргон аналитика (будь то в силу сознательного подражания, переноса или просто назло, дабы поразить аналитика его же собственным оружием). Как же избежать генерации всевозможных фантазий о якобы реальных травмах раннего детства и *сновидений*, кажущихся спонтанными, но в действительности прямо или косвенно, хотя и непроизвольно, *внушенных* врачом?

[637] Я уже говорил вам, что пациенты Фореля (см. его работу «О гипнотизме») видели во сне то, что хотел он. Я сам легко повторил этот эксперимент. Но если аналитик не хочет *ничего внушать*, должен ли он бóльшую часть времени молчать — разве что при интерпретации сновидений предложить пациенту собственное толкование?

VIII

От д-ра Юнга

18 февраля 1913 г.

[638] Не могу не согласиться с вашим замечанием, что в психоаналитической литературе царит большая путаница. В настоящее время в сфере теоретической оценки аналитических результатов развиваются разные точки зрения, не говоря уже о многочисленных индивидуальных отклонениях. Наряду с почти исключительно каузальной концепцией Фрейда возникла на первый взгляд абсолютно противоречащая ей чисто финалистская теория Адлера, хотя в действительности она представляет собой не что иное, как важное до-

полнение к теории Фрейда. Я придерживаюсь скорее среднего курса, допуская обе точки зрения. Неудивительно, что в отношении основных вопросов психоанализа, ввиду их особой сложности, имеются существенные разногласия. В частности, проблема терапевтического эффекта психоанализа настолько трудна, что было бы поистине удивительно, если бы мы достигли окончательной уверенности в этом вопросе.

[639] Замечание Штекеля весьма характерно. То, что он говорит о любви к аналитику, очевидно, верно, но это просто констатация факта, а не цель или руководящий принцип аналитической терапии. Будь это целью, многих пациентов можно было бы излечить, но мы бы столкнулись и со многими неудачами, которых можно было бы избежать. Цель состоит в том, чтобы просветить пациента таким образом, чтобы он выздоровел ради себя самого, а не ради аналитика. Хотя, конечно, с терапевтической точки зрения было бы абсурдно не позволить пациенту выздороветь потому, что он хочет доставить этим удовольствие врачу. Пациент должен знать, что он делает, вот и все. Не нам предписывать ему пути выздоровления. Естественно, мне кажется (с психоаналитической точки зрения) неправомерным использование суггестивного воздействия, дабы заставить пациента излечиться из любви к своему психоаналитику. Такого рода принуждение иногда жестоко мстит за себя. Установка «ты должен и будешь спасен» в терапии неврозов заслуживает не больше похвалы, чем в любой другой сфере жизни. Кроме того, она противоречит принципам аналитического лечения, которое избегает всякого принуждения и пытается позволить всему расти изнутри. Как вы знаете, я противник не суггестивного воздействия вообще, но сомнительной мотивации. Если психоаналитик требует, чтобы его пациент выздоровел из любви к нему, пациент будет рассчитывать на взаимную услугу и, без сомнения, потребует ее. Я могу только предостеречь вас от подобной практики. Гораздо более сильным мотивом для выздоровления — а также более здоровым и этически более ценным — является глубокое проникновение пациента в реальное положение дел, ви́дение вещей такими, какие они есть и какими должны быть.

Если он знает себе цену, он поймет, что не может оставаться в трясине невроза.

[640] Я не могу согласиться с вашей интерпретацией моих замечаний о целительном эффекте личности аналитика. Я писал*, что его личность оказывает исцеляющее действие потому, что пациент *считывает* личность аналитика, а не потому, что он выздоравливает *из любви* к аналитику. Аналитик не может помешать больному вести себя по отношению к своим конфликтам так, как он ведет себя сам, ибо нет ничего более тонкого, чем эмпатия невротика. *Этой же цели служит и всякий сильный перенос*. Если аналитик обходителен и благожелателен по отношению к пациенту, он тем самым просто откупается от множества сопротивлений, которые пациент должен был преодолеть и которые ему, несомненно, придется преодолеть позже. Таким образом, эта техника ничего не дает; разве что пациенту облегчается начало анализа; впрочем, в некоторых случаях это имеет смысл. Чтобы перелезть через заграждение из колючей проволоки, не имея впереди какой-либо заманчивой цели, необходима аскетическая сила воли, которой нельзя ожидать ни от обычного человека, ни от невротика. Даже христианство, чьи нравственные требования столь высоки, не пренебрегло этим приемом и предложило нам Царствие Небесное как цель и награду за земные труды. На мой взгляд, аналитик вправе говорить о преимуществах, вытекающих из анализа. Только он не должен ни намеками, ни обещаниями представлять себя или свою дружбу в качестве награды, если только он серьезно не намерен так и поступить.

[641] Что касается вашей критики моего предварительного определения психоанализа, то замечу, что решение взобраться на крутую гору тоже соответствует линии наименьшего сопротивления, если на удобной дороге в долине вас поджидает свирепый бык. Другими словами, линия наименьшего сопротивления — это компромисс со *всеми* обстоятельствами, а не только с ленью. Было бы предрассуд-

---

* Предположительно отсылка к абз. 587 или к неопубликованному письму.

ком думать, будто линия наименьшего сопротивления совпадает с путем инерции. (Так думали мы, когда корпели над латынью в школе.) Лень дает лишь временное преимущество и впоследствии приводит к наибольшим сопротивлениям. Посему в целом она не совпадает с линией наименьшего сопротивления. Жизнь по линии наименьшего сопротивления также не является синонимом безжалостного преследования эгоистичных желаний. Всякий, кто живет так, вскоре с горечью поймет, что не следовал линии наименьшего сопротивления, ибо человек есть социальное существо, а не просто сгусток эгоистических инстинктов, как утверждают некоторые. Лучше всего это видно на примере первобытных людей и домашних животных, у которых хорошо развито социальное чувство. Без такой функции стадо вообще не могло бы существовать. Впрочем, человек, как стадное животное, никоим образом не обязан подчиняться законам, навязанным извне; он несет свои социальные императивы внутри себя, априори, как врожденную необходимость. Здесь, как вы видите, я решительно противопоставляю себя некоторым, по моему мнению, совершенно необоснованным взглядам, высказываемым иногда сторонниками психоаналитической школы.

[642] Соответственно, линия наименьшего сопротивления означает *eo ipso* не столько избегание боли, сколько надлежащее уравновешивание боли и удовольствия. Болезненная деятельность сама по себе не приводит ни к чему, кроме истощения. Человек должен наслаждаться жизнью, иначе она не стоит затрачиваемых усилий.

[643] В каком направлении должна развиваться жизнь пациента в будущем, судить не нам. Мы не должны воображать, будто знаем это лучше его собственной природы, ибо тот, кто так думает, неизбежно окажется наставником самого худшего сорта. (Фундаментальные идеи подобного рода также высказывались школой Монтессори*.) Психоанализ — это только средство, позволяющее расчистить путь для дальнейшего развития, а вовсе не метод (как часто

* Итальянский врач и педагог д-р Мария Монтессори (1870–1952) опубликовала работу «Метод Монтессори» в 1912 году.

утверждает гипнотизм) вкладывания в пациента того, чего раньше в нем не было. Лучше отказаться от всяких попыток задать направление и вместо этого рельефно представить все то, что выявил анализ, дабы пациент мог сам это увидеть со всей возможной ясностью и сделать соответствующие выводы. В то, что он приобрел не сам, он все равно в итоге не поверит, а то, что он перенимает от авторитета, лишь подкрепляет его инфантильность. Скорее, мы должны побудить его к тому, чтобы он сам управлял собственной жизнью. Искусство анализа заключается в том, чтобы следовать за пациентом по всем его ложным путям и вместе с ним собирать его заблудших овец. Программирование, работа по заранее составленной схеме лишают анализ его главных преимуществ. Посему я твердо придерживаюсь убеждения, которое вызвало у вас возражения: «Любое вмешательство со стороны аналитика является грубой технической ошибкой. Так называемая случайность — закон и порядок психоанализа».

[644] Как вы, должно быть, знаете, мы все еще не можем отказаться от педантичного желания исправить природу и навязать ей наши ограниченные «истины». Но в терапии неврозов мы встречаемся с таким количеством странных, непредвиденных и непредсказуемых переживаний, что следует отбросить всякую надежду на то, что мы вправе предписывать пути. Обходные и даже неправильные пути необходимы. Если вы отрицаете это, вы также должны отрицать необходимость ошибок в истории. Так смотрит на мир педант. Подобная установка не годится для психоанализа.

[645] Вопрос о том, сколько психоаналитик невольно внушает пациенту, весьма щекотлив. Внушение, безусловно, играет гораздо более важную роль, чем это до сих пор признавали в психоанализе. Опыт убедил меня, что пациенты быстро начинают пользоваться идеями, почерпнутыми из психоанализа, что обнаруживается и в их сновидениях. Вы можете найти много примеров такого рода в книге Штекеля «Язык сновидений». В моей собственной практике был весьма поучительный случай: одна очень умная дама с самого начала питала фантазии, вызванные переносом на меня

и принявшие обычную эротическую форму. Но она категорически отказывалась признавать их существование. Естественно, ее выдали сновидения, в которых, однако, моя личность всегда была скрыта за какой-то другой фигурой. После длинной череды таких сновидений я заметил: «Видите ли, человек, который действительно вам снится, в манифестном сновидении всегда заменяется и маскируется кем-то другим». До тех пор она упрямо отрицала этот механизм. Но на этот раз она была вынуждена признать мое рабочее правило — но лишь для того, чтобы сыграть со мной злую шутку. На следующий день она рассказала мне сновидение, в котором мы с ней предстали в явно сладострастной ситуации. Естественно, я был озадачен и вспомнил о своем правиле. Ее первой ассоциацией был ехидный вопрос: «Разве вы не говорили, что человек, который действительно снится, в манифестном сновидении всегда заменяется кем-то другим?»

[646] Очевидно, она использовала свой опыт, чтобы найти защитную формулу, с помощью которой могла открыто выражать свои фантазии совершенно невинным способом.

[647] Этот пример ясно показывает, как пациенты используют знания, приобретенные в ходе анализа. Они пользуются ими в целях символизации. Вы попадаетесь в собственные сети, если верите в фиксированные, неизменные символы. Такое случалось со многими психоаналитиками. Посему любая попытка проиллюстрировать конкретную теорию сновидениями, возникающими в процессе анализа, заведомо обманчивое и рискованное предприятие. Доказательством могут служить только сновидения лиц, не подвергавшихся никакому влиянию извне. В таких случаях следовало бы исключить еще телепатическое чтение мыслей. Но если вы допускаете такую возможность, вам придется подвергнуть пересмотру многие другие вещи, включая судебные вердикты.

[648] Хотя элемент внушения требует самого пристального внимания, не следует заходить слишком далеко. Пациент — это не пустой мешок, который мы можем набить чем угодно; он приносит с собой свое особое содержимое, которое упрямо сопротивляется внушению и снова и снова выдви-

гается на первый план. Аналитические «внушения» искажают выражение, но не содержание, в чем я имел возможность убедиться бесчисленное множество раз. Выражение меняется неограниченно, но содержание фиксировано; добраться до него можно лишь со временем, да и то с большим трудом. Будь это иначе, суггестивная терапия была бы во всех смыслах самым эффективным, благодарным и легким методом из всех, настоящей панацеей. К сожалению, это не так, как охотно подтвердит каждый честный гипнотизер.

[649] Возвращаясь к вашему вопросу о том, возможно ли, чтобы пациенты обманывали аналитика, используя — пусть непроизвольно — присущий ему способ выражения, замечу, что это действительно серьезная проблема. Аналитик должен проявлять максимальную осторожность и самокритичность, дабы не позволить сновидениям пациента сбить себя с пути. Можно сказать, что пациенты почти всегда, в той или иной степени, используют в сновидениях способ выражения, усвоенный при анализе. Так, интерпретации более ранних символов в последующих снах будут использоваться как новые символы. Например, сексуальные ситуации, которые в более ранних сновидениях проявлялись в символической форме, в более поздних сновидениях часто появляются уже «неприкрыто» — опять же, в символической форме — как доступные анализу выражения скрытых за ними идей иной природы. Таким образом, весьма распространенное сновидение о кровосмесительном сожительстве отнюдь не является «неприкрытым» содержанием, но сновидением столь же символическим и поддающимся анализу, как и все другие. Прийти к парадоксальной идее, что такой сон следует понимать буквально, возможно только в том случае, если придерживаться сексуальной теории невроза.

[650] То, что пациент может водить аналитика «за нос» в течение более или менее длительного времени посредством преднамеренного обмана и неумышленных искажений, возможно, как и во всех других областях медицины. Но этим больной больше всего вредит самому себе, ибо за каждый обман и каждую увертку ему приходится расплачиваться обострением старых симптомов или возникновением новых.

Обман настолько невыгоден ему самому, что рано или поздно он от него откажется.

[651] Что касается техники анализа, то лучше обсудим этот вопрос при личной встрече.

IX

От д-ра Лоя

23 февраля 1913 г.

[652] В вашем письме от 18 февраля я хотел бы, прежде всего, выделить самый конец, где вы так метко определяете роль элемента внушения в психоанализе: «Пациент — это не пустой мешок, который мы можем набить чем угодно; он приносит с собой свое особое содержимое, с которым приходится считаться». С этим я полностью согласен, и мой опыт это подтверждает. Вы добавляете: непроизвольные аналитические внушения оставят это содержание нетронутым, но выражение, подобное Протею, может быть искажено беспредельно. Следовательно, это своего рода «мимикрия», с помощью которой больной пытается убежать от аналитика, загоняющего его в угол и временно кажущегося ему врагом. Это продолжается до тех пор, пока благодаря совместным усилиям пациента и аналитика — первый спонтанно раскрывает свое психическое содержание, второй только интерпретирует и объясняет — анализ не высветит самые темные уголки психики пациента, в результате чего он сам сможет видеть истинные отношения, делать правильные выводы и применять их к своей будущей жизни. Эта новая жизнь будет следовать линии наименьшего сопротивления — или лучше сказать, наименьших сопротивлений — как «компромисс со всеми обстоятельствами», в справедливом балансе боли и удовольствия. Не нам произвольно решать за пациента, как обстоят дела и что принесет ему пользу; это решает его собственная природа. Другими словами, мы должны взять на себя роль повитухи: она может вывести на свет божий только уже живого ребенка, но при этом должна избежать ряда ошибок, чтобы ни ребенок, ни мать не пострадали.

[653] Все это мне совершенно ясно. Это общеизвестный принцип, приложенный к психоанализу: никогда не насилуй природу! Я также понимаю, что психоаналитик должен следовать за пациентом по явно «ошибочным путям», если, конечно, он хочет, чтобы пациент пришел к собственным убеждениям и освободился раз и навсегда от инфантильной зависимости от авторитета. Люди учатся на собственных ошибках; так и человечество в целом не всегда двигалось по прямой дороге, а лишь путем частых ошибок создало условия для своего нынешнего и будущего развития. Думаю, вы согласитесь со мной, что многие невротики заболевают отчасти потому, что теряют инфантильную веру в авторитет. Они в ужасе стоят над обломками своей веры, ибо не могут найти замену, которая бы указала им дальнейший путь. Таким образом, они остаются зажатыми между инфантилизмом, от которого не желают отказываться, и серьезными задачами настоящего и будущего (нравственный конфликт). Я также ясно вижу, особенно в таких случаях, насколько вы правы, когда говорите: было бы ошибкой пытаться заменить утраченную веру верой в новый авторитет, ибо последняя была бы полезной ровно столько, сколько она существует. Таким образом, вы выносите вердикт намеренному использованию суггестивного воздействия в психоанализе и пониманию «переноса на аналитика» как цели аналитической терапии. Я больше не оспариваю ваше утверждение: «Всякое вмешательство со стороны аналитика является грубой технической ошибкой. Так называемая случайность — закон и порядок психоанализа». Более того, я полностью согласен с вами, когда вы говорите, что альтруизм присущ человеку с рождения, как стадному животному. Обратное было бы странно.

[654] Я склонен считать, что первичны не эгоистические, а альтруистические инстинкты. К ним относятся: любовь и доверие ребенка к матери, которая его кормит, нянчит, лелеет и ласкает; любовь мужчины к женщине, понимаемая как растворение в чужой личности; любовь к потомству, забота о нем; любовь к родственникам и т.д. Эгоистические инстинкты, напротив, обязаны своим существованием стремлению к исключительному обладанию предметом любви: желанию всецело обладать матерью, не делясь ею с отцом, братьями

и сестрами; желанию единолично обладать женщиной; желанию обладать драгоценностями, одеждой и т.д. Но, возможно, вы скажете, что это парадокс, и что инстинкты, альтруистические или эгоистические, возникают в сердце человека вместе, и что каждый инстинкт амбивалентен по своей природе. Но я спрашиваю: действительно ли наши чувства и инстинкты амбивалентны? Может, они биполярны? Можно ли вообще сравнивать качества эмоций? Действительно ли любовь есть противоположность ненависти?

[655] Как бы то ни было, хорошо, что социальные императивы заложены в человеке как врожденная необходимость. В противном случае плохо бы пришлось нашему цивилизованному человечеству, подчиненному лишь законам, навязанным извне: когда бы прежняя религиозная вера в авторитет угасла, мы бы неизбежно впали в полную анархию. Тогда мы могли бы спросить себя: не лучше ли было силой поддержать подлинно религиозную веру в авторитет, как это было в Средние века? Несомненно, блага цивилизации, стремящейся предоставить каждому индивиду столько внешней свободы, сколько возможно, не нарушая при этом свободы других, стоят такой жертвы, как свобода исследования. Но эпоха насилия против природы прошла, цивилизованное человечество оставило этот ложный путь не по капризу, но повинуясь внутренней потребности, а потому мы можем с радостным предвкушением смотреть в будущее. Человечество, неуклонно продвигаясь вперед в своем познании и подчиняясь своему собственному внутреннему закону, обязательно найдет свой путь через руины веры в авторитет к нравственной автономии личности.

X

От д-ра Юнга

Март 1913 г.

[656] Читая ваши письма, я обратил внимание, что проблема «переноса» кажется вам особенно важной. Ваше чувство полностью оправданно. В настоящее время перенос действительно является центральной проблемой анализа.

[657] Вы знаете, что Фрейд рассматривает перенос как проекцию инфантильных фантазий на аналитика. В этом смысле это инфантильно-эротические отношения. Однако если смотреть со стороны и поверхностно, то эти отношения далеко не всегда выглядят как инфантильно-эротические. До тех пор, пока речь идет о так называемом положительном переносе, вы можете, как правило, без особого труда распознать инфантильно-эротическое содержание переноса. Но если это так называемый отрицательный перенос, то вы не видите ничего, кроме яростных сопротивлений, которые иногда облачаются в теоретические, кажущиеся критическими или скептическими, формы. В определенном смысле определяющим фактором в этих отношениях является отношение пациента к авторитету, то есть в конечном счете к своему отцу. В обеих формах переноса пациент относится к аналитику так, как если бы он был отцом — либо с любовью, либо с враждебностью. Согласно этому взгляду на перенос, он действует как сопротивление, как только встает вопрос о разрешении инфантильной установки. Но от этой формы переноса необходимо избавиться, ибо конечной целью анализа является нравственная автономия пациента.

[658] Высокая цель, скажете вы. Действительно, высокая и далекая, но все же не такая уж далекая, ибо она соответствует одной из главенствующих тенденций нашей ступени цивилизации — стремлению к индивидуализации, которое могло бы служить девизом всей нашей эпохи. (Ср.: Мюллер-Льер, «Семья».) Любой, кто не верит в эту конечную цель, но все еще придерживается старого научного каузализма, естественно, будет стремиться убрать из переноса только враждебный элемент и позволит пациенту сохранить позитивное отношение к отцу в соответствии с идеалами прошлой эпохи. Как известно, католическая Церковь является одной из самых мощных организаций, основанных на этой тенденции. Не сомневаюсь, что многие чувствуют себя счастливее, находясь под давлением других, нежели будучи вынужденными к самодисциплине (ср.: Шоу, «Человек и Сверхчеловек»). Тем не менее мы причинили бы нашим невротическим пациентам тяжкий вред, если бы пытались загнать их всех в категорию подневольных. Среди невроти-

ков немало таких, которые не нуждаются в напоминаниях о своих социальных обязанностях и обязательствах, но скорее рождены быть носителями новых культурных идеалов. Они невротичны до тех пор, пока склоняются перед авторитетом и отказываются от предназначенной им свободы. Пока мы будем смотреть на жизнь только ретроспективно, как это делают в своих психоаналитических трудах представители венской школы, мы никогда не воздадим должное этим людям и никогда не принесем им долгожданного освобождения. Ибо тем самым мы учим их быть послушными детьми и укрепляем те самые силы, которые и вызвали болезнь, — консервативную отсталость и подчинение авторитету. До определенного момента этот путь оптимален для людей, страдающих инфантильной непокорностью и *еще* неспособных приспособиться к авторитету. Но импульс, выталкивающий других из консервативных отношений к отцу, ни в коем случае не есть инфантильное стремление к неподчинению; это мощное влечение к развитию собственной личности. Вытекающая из этого борьба — их императивный долг. Психология Адлера гораздо лучше отражает эту ситуацию, нежели психология Фрейда.

[659] Для одного типа людей (инфантильно-бунтарского) положительный перенос — это прежде всего важное достижение, имеющее целительное значение; для другого (инфантильно-послушного) — опасный шаг назад, удобный способ уклонения от выполнения жизненных обязанностей. Для пациентов первого типа отрицательный перенос означает неподчинение и, следовательно, шаг назад, уклонение от жизненных обязанностей, для пациентов второго типа — это шаг вперед, имеющий целительное значение. (О двух типах см. «Защиту и повиновение» Адлера в «Монатшефте фюр педагогик унд шульполитик», VIII, 1910.)

[660] Как видите, в разных случаях перенос следует оценивать по-разному.

[661] Психологический процесс переноса — будь то положительный или отрицательный — заключается в «инвестировании либидо» в личность аналитика; иными словами, он наделяется эмоциональной ценностью. (Как вы знаете, под либидо я подразумеваю в значительной степени то, что древ-

ние подразумевали под космогоническим принципом Эроса, или, говоря современным языком, «психическую энергию».) Пациент связан с аналитиком нитями привязанности или сопротивления и не может не следовать и не имитировать его психическую установку (эмпатия). При всем своем желании и при всем своем техническом мастерстве аналитик не может этому помешать, ибо эмпатия действует решительно и инстинктивно, несмотря на сознательное суждение, пусть даже самое уверенное. Если сам аналитик невротичен и недостаточно приспособлен к требованиям жизни или своей собственной личности, пациент скопирует этот дефект и отразит его в собственных установках: к чему это приведет, можете себе представить.

[662] Посему я не могу рассматривать перенос только как проекцию инфантильно-эротических фантазий. Безусловно, с одной стороны, так оно и есть, но я также вижу в нем, как я уже отмечал в предыдущем письме, процесс сопереживания и адаптации. С этой точки зрения инфантильно-эротические фантазии, несмотря на их неоспоримую реальность, выступают скорее как средство сравнения или аналогические образы для чего-то еще не понятого, нежели как самостоятельные желания. На мой взгляд, именно в этом кроется истинная причина их бессознательности. Пациент пытается нащупать правильное отношение к аналитику путем сравнения и аналогии со своими инфантильными переживаниями. Неудивительно, что в поисках подходящей формулы он возвращается к самым интимным отношениям своего детства, ибо отношение к аналитику так же интимно и несексуально, как отношение ребенка к родителям. Это последнее отношение — ребенка к родителю, — которое христианство установило как символическую формулу человеческих отношений вообще, помогает пациенту восстановить то непосредственное чувство человеческой общности, которое было уничтожено вторжением сексуальных и социальных оценок (оценок с точки зрения власти и т.д.). Сугубо сексуальные и другие более или менее примитивные и варварские оценки противодействуют прямым, чисто человеческим отношениям, что влечет за собой закупорку либидо, которая легко может привести к невротическим формациям. Анали-

зируя инфантильное содержание трансферентных фантазий, пациент вспоминает свои детские отношения, которые, лишенные своих инфантильных качеств, дают ему ясное представление о непосредственных человеческих отношениях, выходящих за рамки чисто сексуальных оценок, и т.д. На мой взгляд, было бы ошибкой ретроспективно толковать детские отношения как исключительно сексуальные, хотя известной доли сексуальности в них нельзя отрицать.

[663] Подводя итоги, о положительном переносе я бы хотел сказать следующее: либидо пациента привязывается к личности аналитика в форме ожидания, надежды, интереса, доверия, дружбы и любви. Перенос сначала вызывает проекцию инфантильных фантазий, часто с преимущественно эротическим оттенком. На этой стадии она, как правило, носит явно сексуальный характер, хотя сексуальная составляющая остается относительно бессознательной. Тем не менее этот эмоциональный процесс служит мостом для более высокого уровня эмпатии, посредством которого пациент осознает несостоятельность своей собственной установки через признание установки аналитика, которая представляется адаптированной к требованиям жизни и нормальной. Через воспоминания о детских отношениях пациенту показывают путь, ведущий к отказу от вспомогательных, сугубо сексуальных или властных ценностей, приобретенных в период полового созревания и подкрепленных социальными предрассудками. Этот путь ведет к чисто человеческим отношениям и к близости, основанной не на сексуальных факторах или власти, а на ценности личности. Это тот путь к свободе, который аналитик должен указать своему пациенту.

[664] Не стану скрывать, что акцент на сексуальных ценностях не поддерживали бы так упорно, если бы они не играли столь важной роли в том периоде жизни, в котором размножение имеет первостепенное значение. Открытие ценности человеческой личности следует приберечь для более зрелого возраста. Для молодых людей поиск личностных ценностей часто является предлогом для уклонения от выполнения своего биологического долга. И наоборот, преувеличенное стремление пожилого человека к сексуальным ценностям молодежи есть не что иное, как недальновидное

и часто трусливое уклонение от исполнения долга, требующего признания ценности личности и подчинения иерархии культурных ценностей. Молодой невротик боится расширения жизненных обязанностей, старый — истощения приобретенных им сокровищ.

[665] Этот взгляд на перенос, как вы могли заметить, тесно связан с принятием биологических «обязанностей». Под ними я подразумеваю тенденции или детерминанты, которые продуцируют у человека культуру с той же логикой, с какой у птицы — искусно сплетенное гнездо, а у оленя — рога. Чисто каузальные, чтобы не сказать материалистические, взгляды последних десятилетий стремятся объяснить все органические образования как реакцию живой материи. Хотя с эвристической точки зрения подобное направление исследований имеет несомненную ценность, всякое объяснение сводится лишь к более или менее хитроумному откладыванию и минимизированию проблемы. Могу напомнить вам о замечательной критике Бергсона по этому вопросу. Внешние причины могут объяснить реакцию лишь наполовину, другая же половина обусловлена особыми свойствами самой живой материи, без которых специфическая реакция невозможна вообще. Мы должны применить этот принцип и в психологии. Психика не просто *реагирует*, она дает свой собственный специфический ответ на внешние воздействия, причем по меньшей мере половина результирующего образования полностью обусловлена психикой и присущими ей детерминантами. Культуру никогда не следует понимать как реакцию на окружающую среду. Это поверхностное объяснение можно смело оставить в прошедшем столетии. Именно эти детерминанты выступают в качестве психологических императивов, и мы ежедневно убеждаемся в их непреодолимой силе. То, что я называю «биологическим долгом», тождественно этим детерминантам.

[666] В заключение я должен затронуть еще один вопрос, который, по-видимому, вызывает у вас беспокойство, а именно вопрос *нравственный*. У наших пациентов мы наблюдаем столько так называемых аморальных импульсов, что психотерапевт невольно задумывается: что было бы, если бы все эти желания были удовлетворены? Из моих предыдущих

писем вы могли понять, что к этим желаниям не следует относиться слишком серьезно. В основном это бесконечно преувеличенные требования, которые выдвигаются на первый план запруженным либидо пациента, обычно помимо его воли. Канализации либидо в русло простых жизненных обязанностей в большинстве случаев достаточно, чтобы свести давление этих желаний к нулю. Однако в некоторых случаях, как известно, «аморальные» тенденции не устраняются анализом, а проявляются все более и более явственно, пока не становится очевидным, что они принадлежат к биологическим обязанностям индивида. Это особенно верно в отношении определенных сексуальных требований, направленных на индивидуальную оценку сексуальности. Это не вопрос патологии, это социальный вопрос сегодняшнего дня, который настоятельно требует этического решения. Для многих работа над практическим решением этого вопроса — биологический долг. (Природа, как мы знаем, не довольствуется теориями.) В наши дни отсутствует подлинная сексуальная мораль — есть только легалистическое отношение к сексуальности; точно так же в Средние века не существовало подлинной этики стяжательства, а только предрассудки и легалистическая точка зрения. Мы еще не доросли до того, чтобы различать моральное и аморальное поведение в сфере сексуальной свободы. Последнее находит ясное выражение в традиционном отношении к незамужним матерям. Всем этим отвратительным лицемерием, наплыву проституции и распространением венерических заболеваний мы обязаны варварскому, сугубо юридическому осуждению некоторых видов сексуального поведения и нашей неспособности развить более тонкое моральное чувство и понимание огромных психологических различий, существующих в области сексуальной свободы.

[667] Существование этой чрезвычайно сложной и значимой современной проблемы поможет вам понять, почему среди наших пациентов оказывается столько людей, которые в силу своих духовных и социальных дарований определенно призваны принимать активное участие в развитии цивилизации — такова их биологическая судьба. Никогда нельзя забывать, что то, что сегодня кажется нам моральной запо-

ведью, завтра будет брошено в плавильный котел и преобразовано с тем, чтобы в ближайшем или отдаленном будущем послужить основой для новых этических образований. История цивилизации должна была научить нас тому, что формы нравственности принадлежат к категории преходящих явлений. Необходим тончайший психологический такт, чтобы помочь этим чувствительным натурам не только обойти опасный угол инфантильной безответственности, лености или распущенности, но и ясно увидеть возможность морально автономного поведения. Пять процентов на ссуженные деньги — справедливый процент, двадцать процентов — подлое ростовщичество. Этот подход следует применить и к сексуальному поведению.

[668] Таким образом, есть много невротиков, чья внутренняя порядочность мешает им быть заодно с современной моралью и которые не могут приспособиться, пока в моральном кодексе имеются пробелы. Заполнение этих пробелов — насущная потребность нашего века. Мы обманываем себя, если думаем, будто многие замужние женщины невротичны только из-за сексуальной неудовлетворенности, или из-за отсутствия подходящего мужчины, или из-за инфантильной сексуальной фиксации. Во многих случаях истинная причина заключается в том, что они не могут осознать стоящую перед ними культурную задачу. Мы все слишком рьяно придерживаемся психологии «ничего кроме»; иными словами, мы все еще воображаем, будто новое будущее, которое стучится в дверь, можно втиснуть в рамки того, что уже известно. Как следствие, люди видят только настоящее, но не будущее. Провозглашение христианством ориентации на будущее как пути к спасению и искуплению имело глубокое психологическое значение. В прошлом ничего нельзя изменить, в настоящем можно изменить мало, но будущее принадлежит нам; только оно способно придать максимальную насыщенность и глубину жизни человека. Нам лично принадлежит лишь краткий миг молодости, все остальное принадлежит нашим детям.

[669] Таким образом, ваш вопрос об утрате веры в авторитет разрешается сам собой. Невротик болен не потому, что потерял прежнюю веру, а потому, что еще не нашел новой формы для своих лучших устремлений.

XIII

Предисловия к сборнику «Избранные статьи по аналитической психологии»

Опубликованы в сборнике «Collected Papers on Analytical Psychology» под ред. д-ра К. Э. Лонг (Лондон и Нью-Йорк, 1916; 2-е изд., 1917). По всей вероятности, предисловия были написаны на немецком языке и переведены на английский язык д-ром Лонг. Немецкие рукописи текстов не обнаружены; для настоящей публикации тексты были переведены на немецкий К. Тиле-Дорманном.

ПРЕДИСЛОВИЯ К СБОРНИКУ «ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ ПО АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ»

Предисловие к первому изданию

[670] В этом сборнике собраны статьи и брошюры по аналитической психологии, написанные с некоторыми интервалами в течение последних четырнадцати лет*. Эти годы ознаменовались развитием новой отрасли науки и, как это обычно бывает в подобных случаях, повлекли за собой многочисленные изменения во взглядах, понятиях и формулировках.

[671] В мои намерения не входит изложение фундаментальных концепций аналитической психологии. Тем не менее эта книга проливает некоторый свет на то направление мысли, которое особенно характерно для цюрихской школы психоанализа.

[672] Как известно, честь открытия нового аналитического метода общей психологии принадлежит венскому профессору Фрейду. Его первоначальные взгляды подверглись многочисленным трансформациям, отчасти под влиянием

---

* Содержание 1-го издания: «К психологии и патологии так называемых оккультных феноменов»; «Ассоциативный метод»: Лекция I (без названия), Лекция II («Семейные констелляции») и Лекция III («О конфликтах детской души»); «Значение отца в судьбе индивида»; «Вклад в психологию слухов»; «О значении чисел в сновидениях»; «Критика блейлеровской теории шизофренического негативизма»; «О психоанализе»; «Психоанализ и невроз»; «Некоторые ключевые вопросы в психоанализе»; «О значении бессознательного в психопатологии»; «Вклад в изучение психологических типов»; «Общие аспекты психологии сновидений»; «Содержание психозов»; «Новые пути в психологии».

трудов цюрихской школы, хотя сам он не разделяет ее точку зрения.

[673] Поскольку я не могу вдаваться здесь в принципиальные различия между двумя этими школами, упомяну лишь следующее: венская школа придерживается исключительно сексуалистической точки зрения, в то время как цюрихская школа символистична. Венская школа интерпретирует психологический символ семиотически, как знак или признак определенных примитивных психосексуальных процессов. Метод ее аналитический и каузальный. Цюрихская школа признает научную возможность такого взгляда, но отрицает его исключительную значимость, поскольку интерпретирует психологический символ не только семиотически, но и символически, то есть приписывает ему положительную ценность.

[674] Ценность символа зависит не только от исторических причин; помимо этого, он имеет значение для настоящего и будущего в их психологическом аспекте. Для цюрихской школы символ — это не просто признак чего-то вытесненного и скрытого; это попытка постичь и указать путь к дальнейшему психологическому развитию личности. Таким образом, мы дополняем ретроспективную ценность символа проспективным значением.

[675] Следовательно, метод цюрихской школы не только аналитический и каузальный, но и синтетический и проспективный: эта школа признает, что человеческий разум характеризуется как *fines* (целями), так и *causae* (причинами). Данное обстоятельство следует подчеркнуть особо, ибо существует два типа психологии: один из них следует принципу гедонизма, другой — принципу власти. Философский аналог первого типа — это научный материализм, второго — философия Ницше. Принцип фрейдистской теории — это гедонизм, в то время как теория Адлера (одного из первых учеников Фрейда) основана на принципе власти.

[676] Цюрихская школа, признавая существование обоих типов (на которые указывал и ныне покойный профессор Уильям Джеймс), считает взгляды Фрейда и Адлера однобокими и достоверными лишь в пределах соответствующего им типа.

Оба принципа существуют в каждом человеке, хотя и не в равном соотношении.

[677] Таким образом, очевидно, что каждому психологическому символу присущи два аспекта. Стало быть, его необходимо толковать в соответствии с обоими принципами. Фрейд и Адлер дают аналитическую и каузальную интерпретацию, сводя все к инфантильному и примитивному. Так, Фрейд понимает «цель» как осуществление желания, а Адлер — как узурпацию власти. В своей практической аналитической работе оба занимают позицию, позволяющую выявить только инфантильные и грубо эгоистические цели.

[678] Цюрихская школа убеждена, что в пределах болезненной психической установки психология пациента соответствует описаниям Фрейда и Адлера. В самом деле, именно из-за такой невозможной и детской психологии индивид и находится в состоянии внутренней диссоциации и, следовательно, невротичен. Однако цюрихская школа сводит психологический символ (фантазийные продукты пациента) к фундаментальному инфантильному гедонизму или инфантильному желанию власти. Фрейд и Адлер довольствуются результатом простой редукции, которая согласуется с их научным биологизмом и натурализмом.

[679] В свете вышеизложенного возникает важный вопрос. Может ли человек повиноваться основным и примитивным импульсам своей природы, не нанося серьезного вреда себе или своим ближним? В силу определенных, весьма строгих ограничений, он не может удовлетворять ни свое сексуальное желание, ни свое стремление к власти безгранично. Цюрихская школа не упускает из виду конечный результат анализа и рассматривает основные мысли и импульсы бессознательного как символы, указывающие направление будущего развития. Мы должны, однако, признать, что подобный взгляд *научно необоснован*: наша современная наука всецело основана на каузальности. Но каузальность — это только один из принципов. Психология не может быть исчерпана только каузальными методами, ибо разум живет также и целями. Помимо этого спорного философского довода, у нас есть еще один, гораздо более ценный аргумент, говорящий в пользу нашей гипотезы, а именно — *жизненная*

необходимость. Невозможно жить согласно порывам инфантильного гедонизма или инфантильного стремления к власти. И то и другое следует понимать символически. Из символического приложения инфантильных тенденций развивается установка, которую можно назвать философской или религиозной: оба термина достаточно хорошо описывают траекторию дальнейшего развития индивида. Индивид есть не просто фиксированный и неизменный комплекс психологических фактов; он — чрезвычайно вариабельное единство. Исключительное сведение к причинам лишь подкрепляет примитивные тенденции личности; это полезно только тогда, когда последние уравновешиваются признанием их символической ценности. Анализ и редукция ведут к каузальной истине; само по себе это никак не поддерживает нас в жизни и лишь вызывает смирение и безнадежность. С другой стороны, признание внутренней ценности символа ведет к созидательной истине и помогает жить; оно вселяет надежду и расширяет возможности будущего развития.

[680] В истории цивилизации функциональное значение символа проступает со всей ясностью. На протяжении тысячелетий религиозный символ был самым действенным средством нравственного воспитания человечества. Только предубежденный разум дерзнет отрицать столь очевидный факт. Конкретные ценности не могут заменить символ; лишь новые и более эффективные символы способны вытеснить устаревшие символы, утратившие свою действенность в результате прогресса в сфере интеллектуального анализа и понимания. Дальнейшее развитие индивида может быть достигнуто только посредством символов, которые представляют нечто, намного опережающее его самого, и которые в своем интеллектуальном значении пока постигнуты не до конца. Такие символы порождает индивидуальное бессознательное. Их ценность для нравственного развития личности невозможно переоценить.

[681] Человеку свойственно придерживаться тех или иных философских и религиозных взглядов относительно смысла мира и своей собственной жизни. Впрочем, есть люди, ко-

торые гордятся отсутствием определенной позиции по этому вопросу. Такие люди — исключения из остального человечества; они лишены важной функции, абсолютно необходимой для человеческой психики.

[682] В таких случаях вместо современного символизма мы находим в бессознательном устаревшее, архаичное ви́дение мира и жизни. Если важная психологическая функция не представлена в сфере сознания, то она существует в бессознательном в форме архаического или эмбрионального прототипа.

[683] Это краткое *résumé* может дать читателю представление о том, чего он, возможно, *не* найдет в этом сборнике. Очерки — это своего рода остановки, станции на пути к более общим взглядам, изложенным выше.

Д-р Юнг,
Кюснахт / Цюрих, январь 1916 г.

Предисловие ко второму изданию

[684] С согласия д-ра К. Э. Лонг я внес некоторые дополнения во второе издание этой книги. Прежде всего, я хотел бы отметить, что была добавлена новая глава — «Концепция бессознательного»*. Это лекция, которую я прочел в начале 1916 года на заседании Цюрихского общества аналитической психологии. В ней дан общий обзор наиболее важной проблемы практического анализа, а именно отношения эго к психологическому *не-эго*. Глава XIV «Психология бессознательных процессов»** была основательно переработана;

---

* Перевод первоначальной версии статьи «Отношения между эго и бессознательным». В 1916 году немецкий оригинал был переведен на французский язык под названием «La Structure de l'inconscient». См.: Gesammelte werke, band 3.

** Пересмотренная и расширенная версия очерка «Новые пути в психологии» (*Raschers Jahrbuch für Schweizer Art und Kunst*, Цюрих, 1912). В 1926 году очерк вновь подвергся изменениям и был опубликован под названием «Das Unbewusste im normalen und kranken Seelenleben». В 1942 году был издан пересмотренный и расширенный вариант, озаглавленный «Über die Psychologie des Unbewussten». См.: Gesammelte werke, band 3.

воспользовавшись случаем, я включил в нее статью*, в которой изложены результаты новейших исследований.

[685] В соответствии с моим привычным методом работы, я даю максимально обобщенное описание. Обычно я некоторое время изучаю человеческий материал, после чего стараюсь вывести из собранных данных как можно более общую формулу, вырабатываю на ее основе гипотезу и применяю ее в своей практической работе до тех пор, пока она не будет либо подтверждена, либо изменена, либо отвергнута. Если формула подтверждается, я публикую ее в качестве обобщенной точки зрения, не приводя эмпирических данных. Я привожу материал, накопленный в ходе моей практики, только в виде примеров или иллюстраций. Посему я прошу читателя не рассматривать изложенные мною взгляды как простые измышления моего мозга. Они представляют собой результаты обширного опыта и глубоких размышлений.

[686] Внесенные дополнения позволят читателю второго издания ознакомиться с новейшими взглядами цюрихской школы.

[687] Что касается критики, с которой столкнулось первое издание этой книги, то я рад, что мои сочинения были восприняты английскими критиками с гораздо большей непредубежденностью, нежели немецкими. В Германии они были встречены молчанием, порожденным презрением. Я особенно благодарен д-ру Агнес Сэвилл за исключительно проницательную критику в журнале «Медикал пресс». Я также признателен д-ру Т. У. Митчеллу за исчерпывающий обзор, опубликованный в сборнике «Труды общества психических исследований»**. Некоторые возражения у д-ра Митчелла вызвало мое «лжеучение» относительно каузальности. Он убежден, что я вступаю на опасный (ибо ненаучный) путь, когда ставлю под сомнение универсальную до-

---

* Часть II работы «Содержание психозов», гл. XIII. Первоначально была написана на английском языке и опубликована под названием «On Psychological Understanding» в журнале *Journal of Abnormal Psychology* (Бостон), IX (1915). Позже была переведена на немецкий язык и в качестве приложения включена в книгу «Der Inhalt der Psychose».

** [См.: Savill, «Psychoanalysis» (1916); Mitchell (1916).]

стоверность каузальной точки зрения в психологии. Я разделяю его чувства, но, по-моему, природа человеческого разума вынуждает нас занять финалистическую позицию. Нельзя отрицать, что с психологической точки зрения мы изо дня в день живем и работаем в соответствии с принципом направленной цели, а также принципом причинности. Психологическая теория должна обязательно приспособиться к этому факту. Тому, что явно направлено к цели, не может быть дано сугубо каузалистическое объяснение. В противном случае мы бы пришли к выводу, выраженному в знаменитом изречении Молешотта**: «Man ist was er isst» (Человек есть то, что он ест). Мы всегда должны помнить, что *каузальность — это точка зрения*. Она подтверждает неизбежную и неизменную связь последовательности событий: *а–б–в–я*. Поскольку это отношение фиксировано и, согласно каузальной точке зрения, должно быть таковым, то при логическом рассмотрении порядок может быть и обратным. *Финальность тоже есть точка зрения*. Она эмпирически оправдана существованием последовательности событий, причинная связь которых очевидна. Однако *смысл ее можно постичь только сквозь призму конечных продуктов (финальных результатов)*. Обычная жизнь изобилует такими примерами. Каузальное объяснение должно быть механистическим, если мы не собираемся постулировать метафизическую сущность как первопричину. Например, если принять сексуальную теорию Фрейда и придать первостепенное психологическое значение функции половых желез, то мозг следует рассматривать как придаток половых желез. Если мы подойдем к венской концепции сексуальности, со всем ее смутным всемогуществом, строго научным образом и сведем ее к физиологической основе, то придем к первопричине, согласно которой психическая жизнь представляет собой, по большей части, напряжение и расслабление половых желез. Если мы на мгновение предположим, что это механистическое объяснение «истинно», то это будет истина, которая исключительно досадна и жестко ограничена

** Я. Молешотт — итальянский врач и физиолог, сторонник вульгарного материализма.

по своему охвату. То же касается утверждения, что половые железы не могут функционировать без адекватного *питания*, из чего следует, что сексуальность есть вспомогательная функция питания. Истинность этого утверждения составляет важную главу в биологии низших форм жизни.

[688] Выбирая подлинно психологический подход, мы стремимся установить *значение* психологических явлений. Знание, из какой стали сделаны различные части локомотива, на каком заводе она изготовлена и из какого рудника добыт металл, ничего не говорит нам о *функции* локомотива, то есть о его *значении*. Но «функция», как она понимается современной наукой, ни в коем случае не является исключительно каузальным понятием; это понятие финалистическое, или «телеологическое». Нельзя рассматривать психику только с каузальной точки зрения; мы обязаны рассматривать ее и с финалистической позиции. Как замечает д-р Митчелл, невозможно представить каузальную детерминацию, имеющую финалистический аспект. Это было бы очевидным противоречием. Однако теория познания не обязана оставаться на докантовском уровне. Кант ясно показал, что механистическая и телеологическая точки зрения не являются *конституентными* (объективными) принципами — свойствами объекта, но представляют собой сугубо *регулятивные* (субъективные) принципы мышления и как таковые не противоречат друг другу. Я могу, например, с легкостью составить следующую тезу и антитезу:

Теза: Все возникло в соответствии с механистическими законами.

Антитеза: Некоторые вещи возникли не только в соответствии с механистическими законами.

На это Кант отвечает: Разум не может доказать ни то ни другое, ибо сугубо эмпирические законы природы априори не могут дать нам детерминативный принцип относительно потенциальности событий.

[689] Современная физика была вынуждена перейти от идеи чистого механицизма к финалистической концепции сохранения энергии, поскольку механистическое объяснение признает только обратимые процессы, тогда как в реальности процессы природы необратимы. Это обстоятельство

привело к концепции энергии, которая стремится к ослаблению напряжения и, следовательно, к дефинитивному конечному состоянию.

[690] Обе эти точки зрения — и причинную, и финалистическую — я считаю необходимыми, но в то же время хотел бы подчеркнуть, что со времен Канта мы пришли к пониманию того, что они не антагонистичны, если их рассматривать как регулятивные принципы мышления, а не как конституентные принципы самой природы.

[691] Говоря о рецензиях на эту книгу, я должен упомянуть, что некоторые из них кажутся мне весьма далекими от цели. Удивительно, но многие мои оппоненты не могут отличить теоретическое объяснение, предложенное автором, от фантастических идей, порожденных пациентом. В частности, в этом повинен один из критиков, обсуждавший статью «О значении чисел в сновидениях». Ассоциации с цитатами из Библии, приведенные в этой работе, как заметит любой внимательный читатель, представляют собой не мои произвольные толкования, а зашифрованную конгломерацию, исходящую вовсе не из моего мозга, а из сознания пациента. Обвинения в мистицизме, выдвигаемые против меня вышеупомянутым критиком, лишь обнажают глубину его непонимания. Нетрудно увидеть, что эта конгломерация точно соответствует бессознательной психологической функции, из которой берет начало весь мистицизм чисел — пифагорейский, каббалистический и так далее, вплоть до самой глубокой древности. Между тем мой критик убежден, что на английской почве аналитическое исследование выявило бы меньше «порочных идей» (!), чем на «развращенном» континенте («Судя по всему, данным исследователям не повезло столкнуться с людьми низких моральных качеств и носителями упаднической культуры, и возникает сам собою вопрос, удалось бы достичь тех же самых результатов, проводись работа в отдалении от той выгребной ямы, которая более известна как Центральные империи»*.) Имею честь уведомить своего критика, коего

* Имеются в виду территории Австро-Венгерской и Германской империй.

впору поименовать господином Тартюфом*, что половину моих пациентов составляют честные и достойные швейцарцы, а вторую половину — представители пуританской культуры Новой Англии.

[692] Я признателен всем моим серьезным рецензентам и, что доказывает предыдущий параграф, ценю тех, кто умеет веселить.

Д-р Юнг,
Июнь 1917 г.

* Персонаж одноименной комедии Мольера, святоша, на поверку оказавшийся обманщиком.

XIV

Значение отца в судьбе индивида

Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen (Лейпциг), I (1909), 155–173. В 1909 году перепечатано в виде брошюры. Второе издание (Вена, 1927) появилось с кратким предисловием. Третье издание, сильно переработанное и дополненное, вышло в свет в 1949 году (Цюрих). Четвертое издание состоялось в 1962 году в Цюрихе. Текст публикуется по последнему изданию.

ЗНАЧЕНИЕ ОТЦА В СУДЬБЕ ИНДИВИДА

Предисловие ко второму изданию

Этот небольшой очерк, написанный семнадцать лет назад, заканчивался словами: «Остается надеяться, что опыт грядущих лет позволит глубже проникнуть в эту темную область, на которую я смог пролить лишь мимолетный свет, и откроет больше о тайной мастерской Гения, определяющего нашу судьбу». Опыт более поздних лет действительно изменил и углубил наши представления о многих явлениях; некоторые из них предстали в совершенно ином свете. Так, я убедился, что корни судьбы и психики уходят гораздо глубже «семейного романа» и что не только дети, но и родители суть лишь ветви одного великого дерева. Работая над проблемой материнского комплекса, описанного в книге «Метаморфозы и символы либидо»*, я осознал, каковы глубинные причины этого комплекса; почему не только отец, но и мать выступают столь важным фактором в судьбе ребенка. Это не потому, что им самим присущи те или иные человеческие слабости или достоинства, но потому, что они первыми запечатлевают в детском разуме те таинственные и могущественные законы, которые управляют не только семьями, но и целыми народами, даже всем человечеством. Под «законами» я разумею не законы, изобретенные человеческим умом, но законы и силы природы, средь которых человек ходит словно по лезвию бритвы.

Я оставляю этот очерк в неизменном виде. В нем нет ничего ошибочного — просто он слишком прост, слишком наивен. Стих Горация, который я поместил в конце, указывает на более глубокий, темный фон:

---

* Пересмотрено (1952) и опубликовано под названием «Символы трансформации».

Scit Genius natale comes qui temperat astrum,
Naturae deus humanae, mortalis in unum,
Quodque caput, vultu mutabilis, albus et ater*.

К. Г. Юнг,
Кюснахт, декабрь 1926 г.

Предисловие к третьему изданию

Данный очерк был написан почти сорок лет назад, но на этот раз я не захотел публиковать его в первоначальном виде. С тех пор изменилось столь многое, что я счел необходимым внести ряд исправлений и дополнений в первоначальный текст. В связи с открытием коллективного бессознательного в теорию комплексов потребовалось внести определенные поправки. Раньше личность казалась уникальной и как бы ни в чем не укорененной; теперь же обнаружилась общечеловеческая предпосылка, унаследованная и врожденная биологическая структура, которая является инстинктивной основой каждого человека. Из нее исходят, как и во всем животном царстве, определяющие силы, которые тормозят или усиливают более или менее случайные констелляции индивидуальной жизни. Каждая нормальная человеческая ситуация обеспечена и как бы запечатлена в этой унаследованной структуре, ибо она случалась бесчисленное количество раз в нашей долгой родословной. В то же время эта структура несет с собой врожденную тенденцию инстинктивно искать или создавать такие ситуации. Вытесненное содержание действительно исчезало бы в пустоте, если бы не оседало в этом предустановленном инстинктивном субстрате. Здесь можно найти те силы, которые оказывают самое упорное сопротивление рассудку и воле, что объясняет противоречивую природу комплекса.

Я попытался изменить старый текст в соответствии с этими открытиями и довести его, в некоторой степени, до уровня наших нынешних знаний.

К. Г. Юнг,
октябрь 1948 г.

---

* «Знает то Гений, звезду направляющий нашу с рожденья:
Бог он природы людской, умирающий одновременно.

Значение отца в судьбе человека

Желающего судьба ведет,
нежелающего — тащит.
Клеанф*

[693] Согласно Фрейду, эмоциональное отношение ребенка к родителям, и в особенности к отцу, имеет решающее значение с точки зрения содержания невроза, развивающегося в дальнейшей жизни. Эта связь в действительности представляет собой инфантильный канал, по которому либидо**, сталкиваясь с какими-либо трудностями в более поздние годы, устремляется вспять, что влечет за собой реактивацию давно забытых психических содержаний детства. Так всегда бывает и в жизни, когда мы отступаем перед слишком большим препятствием — скажем, перед угрозой горького разочарования или перед слишком рискованным и ответственным решением. Энергия, накопленная для решения задачи, устремляется обратно и заполняет старые каналы, устаревшие системы прошлого. Человек, разочаровавшийся в любви, возвращается назад и в качестве замены хватается за какую-нибудь сентиментальную дружбу, мастурбацию или ложную религиозность; если он невротик, то регрессирует еще дальше, к детским отношениям, от которых никогда полностью не отказывался и к которым даже нормальный человек прикован более чем одной цепью — к отношениям с отцом и матерью.

[694] Каждый сколько-нибудь основательно проведенный анализ обнаруживает эту регрессию более или менее ясно. Одна из особенностей, которая выделяется в работах Фрейда, заключается в том, что отношение к отцу, по-видимому, обладает особым значением. (Это не значит, что отец всегда оказывает большее влияние на формирование судьбы ре-

---

* Древнегреческий философ-стоик.

** Либидо — то, что раньше психологи называли «хотением» или «стремлением» (наклонностью). Фрейдистский термин представляет собой апостериорное обозначение (*denominatio a potiori*).

бенка, чем мать. Влияние отца носит специфический характер и обычно отличается от влияния матери[1].)

[695] Значение отца в формировании психики ребенка можно обнаружить и в совершенно другой области — а именно, в изучении семьи[2]. Последние исследования показывают преобладающее влияние характера отца, часто сохраняющееся веками. Мать, по всей вероятности, играет менее важную роль. Если это верно в отношении наследственности, то можно ожидать, что это верно и в отношении психологических влияний, исходящих от отца[3]. Охват проблемы был существенно расширен в связи с исследованиями моей ученицы, д-ра Эммы Фюрст, посвященными сходству типа реакции в пределах одной семьи[4]. В рамках эксперимента она предложила ассоциативные тесты 100 испытуемым из 24 семей. Из всего этого обширного материала к настоящему времени обработаны и опубликованы только результаты анализа девяти семей и 37 человек (все необразованные). Тем не менее уже сейчас полученные данные позволяют сделать некоторые значимые выводы. Д-р Фюрст классифицировала ассоциации по схеме Крепелина—Ашаффенбурга, которую я несколько упростил и видоизменил, после чего вычисляла различия в разных качественных группах для разных испытуемых. Таким образом, мы получаем средние показатели различий в типе реакции:

Мужчины, не связанные родством	5,9
Женщины, не связанные родством	6,0
Мужчины, связанные родством	4,1
Женщины, связанные родством	3,8

---

1 Я рассматривал этот вопрос дважды: в «Символах трансформации» (относительно сына) и в «Психологических аспектах архетипа матери» (относительно дочери).

2 См.: Sommer, *Familienforschung und Vererbungslehre* (1907); Joerger, «Die Familie Zero» (1905); Ziermer, «Genealogische Studien über die Vererbung geistiger Eigenschaften» (1908).

3 Эти наблюдения, а также результаты одного анализа, проведенного совместно с д-ром Отто Гроссом, убедили меня в правомерности этой точки зрения. — *Примеч. авт.*

4 «Statistische Untersuchungen über Wortassoziationen und über familiäre. Übereinstimmung im Reaktionstypus bei Ungebildeten» (1907). — *Примеч. авт.* Об Э. Фюрст см. выше, абз. 309 — *Примеч. ред.*

[696] Таким образом, родственникам, особенно женского пола, в среднем присущ схожий тип реакции. Это означает, что их психологическая установка отличается, но незначительно. Изучение разных степеней родства дало следующие результаты:

[697] Среднее расхождение между мужем и женой составляет 4,7%. Однако значение дисперсии для этой средней величины равно 3,7; это указывает на то, что средний показатель 4,7 состоит из очень широкого диапазона значений: в одних супружеских парах сходство типа реакции очень велико, в других — значительно меньше.

[698] В целом отцы и сыновья, матери и дочери стоят ближе друг к другу:

Разница для отцов и сыновей	3,1
Разница для матерей и дочерей	3,0

[699] За исключением нескольких супружеских пар (где разница составляла всего 1,4), это одни из самых низких показателей. У Фюрст даже был один случай, когда 45-летняя мать и ее 16-летняя дочь отличались друг от друга всего на 0,5. Но именно в этом случае разница между типом реакции матери и дочери, с одной стороны, и типом реакции отца, с другой, составила 11,8. Отец был человек грубый и глупый, к тому же пьяница; мать увлекалась Христианской наукой. Соответственно, мать и дочь выказывали крайний ценностно-предикатный тип реакции[1], что по моему опыту является важным признаком конфликтного отношения к объекту. Ценностно-предикатные типы демонстрируют чрезмерную интенсивность чувств и тем самым выдают непризнанное, но очевидное желание вызвать ответные чувства у экспериментатора. Данная точка зрения согласуется с тем обстоятельством, что в материале Фюрст количество ценностно-предикатных типов увеличивается с возрастом субъекта.

[700] Сходство типа реакции у детей и родителей наводит на размышления. Ассоциативный эксперимент есть не что

---

[1] Под ним я подразумеваю реакции, когда ответом на стимульное слово всегда является субъективно окрашенный предикат, а не объективное отношение, например: *цветок — красивый; лягушка — отвратительная; фортепиано — страшное; соль — плохая; пение — милое; умение готовить — полезное*.

иное, как небольшой фрагмент психологической жизни человека, а повседневная жизнь — это, в сущности, обширный и весьма разнообразный ассоциативный эксперимент. В принципе в обоих случаях мы реагируем одинаково. Как ни очевидна эта истина, она все же требует некоторых оговорок. Возьмем случай 45-летней матери и ее 16-летней дочери: выраженный ценностно-предикатный тип матери, без сомнения, является осадком всей жизни, полной несбывшихся надежд и желаний. Подобный тип реакции в данном случае не должен нас удивлять. Но шестнадцатилетняя дочь толком еще и не жила; она была не замужем и все же реагировала так, как если бы была матерью и пережила бесконечную череду разочарований. У нее установка матери, и в этой степени она идентифицирует себя с ней. Установка матери объяснялась ее отношением к отцу. Но дочь не была замужем за отцом, а потому не нуждалась в такой установке. Она просто переняла ее в силу влияния окружающей среды и позже будет пытаться приспособиться к миру под влиянием этой семейной проблемы. В той мере, в какой нежелателен брак с неподходящим человеком, нежелательна и вытекающая из него установка. Чтобы приспособиться, девочке придется преодолеть препятствия семейной среды; если же она этого не сделает, то покорится судьбе, к которой ее предрасполагает подобная установка.

[701] Ясно, что такая судьба может сложиться по-разному. Сглаживание семейной проблемы и развитие негатива родительского характера может происходить глубоко внутри, незаметно для всех, в виде запретов и конфликтов, которые сама девочка не понимает. Или, повзрослев, она вступит в конфликт с реальным миром, нигде не находя себе места, пока один удар судьбы за другим не откроет ей глаза на собственные инфантильные, неадаптивные качества. Источником инфантильного нарушения адаптации, естественно, является эмоциональное отношение к родителям. Это своего рода психическое заражение, вызванное, как мы знаем, не логическими истинами, а аффектами и их физическими проявлениями[1]. В ключевой период между первым

[1] См.: Vigouroux & Juquelier, *La Contagion mentale* (1904), гл. 6.

и пятым годами жизни все существенные характеристики, идеально вписывающиеся в родительский шаблон, уже развиты: опыт учит нас, что первые признаки борьбы между вытеснением и либидо (Фрейд) или более позднего конфликта между родительской констелляцией и стремлением индивида к независимости появляются, как правило, до пятого года жизни.

[702] Ниже я приведу несколько историй болезни и на их примере покажу, как родительская констелляция препятствует адаптации ребенка[1].

Случай первый

[703] Пациентка — женщина 55 лет; одета бедно, но аккуратно и со вкусом во все черное; волосы тщательно уложены; манеры вежливые, несколько жеманные; речь утонченная, набожная. Судя по виду, она вполне могла быть женой мелкого чиновника или лавочника. Краснея и опуская глаза, пациентка сообщила мне, что была женой простого крестьянина, но некоторое время назад с ним развелась. Она обратилась в клинику из-за депрессии, ночных кошмаров, учащенного сердцебиения и нервных подергиваний в руках — типичных признаков легкого климактерического невроза. Для полноты картины пациентка добавила, что ее мучают тревожные сновидения; во сне за ней часто гонится какой-то человек, нападают дикие животные и т.д.

[704] Анамнез начался с семейной истории. (По возможности я привожу ее собственные слова.) Отец был красивым, статным, довольно тучным мужчиной представительной наружности и большого ума. Он был счастлив в браке — мать пациентки его боготворила, — слыл искусным мастером и занимал достойное положение в обществе. Детей было двое — пациентка и старшая сестра. Сестра была любимицей матери, а пациентка — отца. В возрасте сорока двух лет отец скончался от инсульта. В то время пациентке едва исполнилось пять лет. Она тяжело переживала утрату и чувство-

[1] При этом я ограничусь изложением только основных событий, то есть связанных с сексуальностью. Полагаю, этого будет достаточно.

вала себя очень одинокой. С тех пор мать и сестра стали обращаться с ней как с Золушкой. Кроме того, пациентка видела, что мать явно любит сестру больше, чем ее. Второй раз замуж мать так и не вышла — уважение к покойному мужу было слишком велико. Она хранила память о нем «как религиозный культ» и учила своих детей тому же.

[705] Сестра вышла замуж сравнительно рано; пациентка вышла замуж только в двадцать четыре года. Молодые люди не интересовали ее, все они казались ей скучными; гораздо больше ее привлекали более зрелые мужчины. Около двадцати лет она познакомилась с «представительным» джентльменом лет сорока, но по разным причинам отношения не сложились. В двадцать четыре года пациентка познакомилась с вдовцом, у которого было двое детей. Это был красивый, представительный, довольно тучный мужчина, как и ее отец; ему было сорок четыре года. Она вышла за него замуж и очень его уважала. Брак был бездетным; его дети от первого брака умерли от инфекционной болезни. Спустя четыре года супружеской жизни супруг пациентки умер от инсульта. Восемнадцать лет она оставалась его верной вдовой. Однако в сорок шесть лет (как раз перед менопаузой) она ощутила непреодолимую потребность в любви. Поскольку знакомых мужчин у нее не было, она обратилась в брачное агентство и вышла замуж за первого встречного — крестьянина лет шестидесяти, который уже дважды разводился из-за собственной грубости и развращенности; пациентка знала это еще до замужества. Она прожила с ним пять невыносимых лет, а затем тоже подала на развод. Некоторое время спустя у нее развился невроз.

[706] Для читателя, имеющего некоторый психаналитический опыт, дальнейшее разъяснение не требуется; случай слишком очевиден. Я лишь подчеркну, что до сорока шести лет пациентка только и делала, что претворяла в жизнь точную копию среды своей юности. Обострение сексуальности в климактерическом периоде привело к еще худшему варианту отцовского суррогата, из-за которого она лишилась позднего расцвета своей сексуальности. Невроз обнаруживает явный, хоть и вытесненный, эротизм стареющей жен-

щины, которая по-прежнему хочет нравиться (аффектация), но не осмеливается признать свою сексуальность.

Случай второй

[707] Пациент — мужчина 34 лет, небольшого роста; выражение лица умное, доброе. Часто смущается и краснеет. Пришел лечиться из-за «нервозности». Говорит, что легко раздражается, быстро утомляется, страдает нервным расстройством желудка и часто впадает в такую глубокую депрессию, что иногда подумывает о самоубийстве.

[708] Перед первым сеансом он прислал мне обстоятельную автобиографию, или, скорее, историю своей болезни. Его рассказ начинался так: «Мой отец был очень крупным и сильным человеком». Эта фраза пробудила во мне любопытство; я перевернул страницу и прочел следующее: «Когда мне было пятнадцать лет, крупный девятнадцатилетний парень заманил меня в лес и напал на меня с непристойными намерениями».

[709] Многочисленные пробелы в рассказе больного побудили меня собрать более точный анамнез, что привело к следующим любопытным результатам. Пациент был младшим из трех братьев. Его отец, крупный рыжеволосый мужчина, в прошлом служил в Швейцарской гвардии в Ватикане; позже стал полицейским. Это был суровый, грубоватый старый солдат, воспитывавший своих сыновей по-военному; дома он командовал, подзывал детей свистом, а не по имени. Свою юность он провел в Риме и в то время заразился сифилисом, от последствий которого страдал и в пожилом возрасте. Он любил рассказывать о своих похождениях в молодости. Его старший сын (значительно старше пациента) был копией отца — крупным, сильным, рыжеволосым. Мать была женщиной болезненной и рано состарилась. Измученная и уставшая от жизни, она умерла в сорок лет, когда пациенту было восемь. О своей матери он сохранил нежные и добрые воспоминания.

[710] В школе пациент всегда был мальчиком для битья и объектом насмешек одноклассников. Он думал, что виной

тому было его необычное произношение. Позже его отдали в ученики строгому и злому мастеру, у которого он прожил более двух лет в таких тяжелых условиях, что другие ученики сбегали гораздо раньше. В пятнадцать лет произошло вышеупомянутое нападение, за которым последовало несколько других, более мягких гомосексуальных связей. Потом судьба забросила его во Францию. Там он познакомился с одним южанином, великим хвастуном и донжуаном, который потащил его в бордель; наш пациент пошел неохотно, скорее из страха, и обнаружил, что сексуально бессилен. Позже он уехал в Париж, где его старший брат, каменщик и точная копия отца, вел распутную жизнь. Больной прожил в Париже достаточно длительное время, получая мизерную плату и помогая невестке из жалости. Брат часто брал его с собой в бордель, но пациент всегда был бессилен.

[711] Однажды брат потребовал, чтобы наш пациент передал ему 6000 франков, унаследованные от отца. Больной обратился за советом к своему второму брату, который тоже был в Париже. Средний брат настойчиво пытался отговорить его от передачи денег, ибо тот их наверняка промотает. Тем не менее больной отдал свое наследство старшему брату, который, естественно, спустил его в кратчайшие сроки. Средний брат тоже потерял 500 франков. На мой удивленный вопрос, почему он так легкомысленно отдал деньги без всяких гарантий, пациент ответил: «Ну, он же попросил». Он нисколько не жалел о деньгах, он дал бы еще 6000 франков, если бы они у него были. После этого старший брат совсем опустился, и жена с ним развелась.

[712] Пациент вернулся в Швейцарию. В течение года не мог найти постоянную работу и нередко голодал. За это время он познакомился с одной семьей и стал их частым гостем. Муж принадлежал к какой-то секте, был лицемером и совершенно не заботился о своей семье. Жена была пожилой, больной, слабой женщиной и к тому же ждала ребенка. В семье было шестеро детей, и все они жили в крайней нищете. К этой женщине пациент проникся теплой привязанностью и делился с ней тем немногим, что имел сам. Она

рассказала ему о своих тревогах: она была уверена, что умрет в родах. Пациент обещал, что позаботится о детях. Женщина действительно умерла при родах, но сиротский приют разрешил оставить только одного ребенка. Итак, теперь у пациента был ребенок, но не было семьи, и, естественно, он не мог воспитывать его сам. Постепенно больной пришел к мысли о женитьбе. Но поскольку ему еще ни разу не случалось влюбиться в девушку, то он был в большом замешательстве.

[713] Вспомнив, что его старший брат развелся с женой, он решил жениться на ней. Он написал ей в Париж, сообщив о своих намерениях. Она была на семнадцать лет старше, но не возражала и пригласила его во Францию, чтобы все обсудить. Впрочем, судьбе было угодно, чтобы наш пациент наступил на гвоздь и не смог поехать. Через некоторое время, когда рана затянулась, он все-таки приехал в Париж и обнаружил, что иначе представлял себе свою невестку и будущую жену — красивее и моложе, чем это было в действительности. Однако свадьба состоялась, а через три месяца по инициативе жены между ними произошел первый половой акт. Сам пациент не испытывал к этому никакого желания. Они вместе воспитывали ребенка: он по-швейцарски, она по-парижски. В возрасте девяти лет ребенка насмерть сбил велосипедист. Тогда пациент почувствовал себя очень одиноким. Он предложил жене удочерить девочку-подростка, но она пришла в ярость от ревности. Затем, впервые в жизни, пациент влюбился в девушку. Одновременно с этим начался невроз, сопровождавшийся глубокой депрессией и нервным истощением, ибо его домашняя жизнь превратилась в ад.

[714] Мое предложение расстаться с женой было немедленно отвергнуто на том основании, что он не может так обойтись со старой женщиной. Он явно предпочитал, чтобы его мучили и дальше: воспоминания юности казались ему дороже всех радостей в настоящем.

[715] И этот пациент всю жизнь вращался в магическом круге семейной констелляции. Роковым фактором было отношение к отцу; его мазохистско-гомосексуальная окраска от-

четливо проявляется во всем, что он делал. Даже неудачный брак был предопределен отцом, ибо больной женился на разведенной жене своего старшего брата, что было равносильно женитьбе на его матери. В то же время его жена была суррогатом женщины, которая умерла в родах. Невроз развился в тот момент, когда либидо было выведено из инфантильных отношений и впервые приблизилось к индивидуально выбранной цели. В этом, как и в предыдущем случае, семейная констелляция оказалась намного сильнее, так что борющейся индивидуальности осталось лишь узкое поле невроза.

Случай третий

[716] Пациентка — 36-летняя крестьянка крепкого телосложения и средних умственных способностей, мать троих здоровых детей. Материальное положение вполне удовлетворительное. Женщина обратилась в клинику по следующей причине: в течение нескольких недель она чувствовала себя ужасно несчастной, испытывала странное беспокойство, плохо спала, по ночам видела страшные сны, а днем страдала от тревоги и депрессии. Она заявила, что все эти чувства абсолютно беспочвенны, что она сама им удивлялась и что ее муж был совершенно прав, когда говорил, что все это «вздор и чепуха». Тем не менее она никак не могла избавиться от них. Часто ей в голову приходили странные мысли: что она скоро умрет и попадет в ад. В отношениях с мужем проблем не было.

[717] Расспросы дали следующие результаты. За несколько недель до этого пациентке случайно попались несколько религиозных трактатов. В них сообщалось, что сквернословы попадут в ад. Она приняла это очень близко к сердцу и с тех пор думала, что должна перестать сквернословить, иначе тоже попадет в ад. Примерно за две недели до того, как она прочла эти трактаты, ее отец, который жил с ней, скончался от удара. На самом деле она не присутствовала при его смерти, а вернулась домой только тогда, когда он был уже мертв. Ее ужас и горе были очень велики.

[718] В течение нескольких дней после его смерти она много думала о том, почему ее отец умер так внезапно. Во время этих размышлений она вдруг вспомнила последние слова, которые слышала от него: «Я один из тех, кто попал в лапы дьявола». Это воспоминание глубоко встревожило ее; она вспомнила, как часто ее отец извергал проклятия и ругался. Как следствие, ее стал беспокоить вопрос, существует ли на самом деле жизнь после смерти и где ее отец: в раю или в аду. Именно во время этих размышлений она наткнулась на трактаты и начала их читать, пока не дошла до того места, где говорилось, что сквернословам уготовано место в аду. Тогда великий страх и ужас охватили ее; она осыпала себя упреками, что вовремя не пресекла брань своего отца и тем самым заслужила наказание. Она умрет и попадет в ад. С этого момента она стала печальна, угрюма, мучила мужа навязчивыми идеями и избегала всяких удовольствий и веселья.

[719] История жизни пациентки была такова: она была младшей из пяти братьев и сестер и всегда была любимицей отца. Отец потакал всем ее прихотям. Если ей хотелось новое платье, а мать отказывала, она могла быть уверена, что отец привезет его в следующий раз, когда поедет в город. Мать умерла довольно рано. В двадцать четыре года пациентка вышла замуж за мужчину по своему выбору. Отец категорически не одобрял ее выбор, хотя и не имел ничего против этого человека. После свадьбы она заставила отца переехать с ней в новый дом. Это было естественно, сказала она, так как другие не предлагали взять его к себе. На самом деле он был сварливым, грубым старым пьяницей. Муж и тесть, как легко себе представить, не ладили. Несмотря на бесконечные препирательства и ссоры, пациентка исправно приносила ему выпивку из трактира. И все же она признала, что ее муж прав. Он был хорошим, терпеливым человеком, но с одним недостатком: он недостаточно слушался ее отца. Она находила это непостижимым и предпочла бы, чтобы муж покорился ее отцу. Что бы ни произошло, отец всегда остается отцом. В частых ссорах она всегда принимала сторону отца. Но она ничего не могла возразить

и своему мужу: обычно он был прав в своем негодовании. Тем не менее даже в этом случае всякий должен стоять на стороне своего отца.

[720] Вскоре ей стало казаться, что она согрешила против отца, выйдя замуж против его воли, и после ссор часто чувствовала, что ее любовь к мужу умерла. После смерти отца она больше не могла его любить: именно его непослушание обычно становилось причиной приступов ярости и ругани, которые находили на отца. Однажды муж, которому надоели вечные ссоры, уговорил жену найти жилье для отца в другом месте, где тот прожил два года. Все это время муж и жена жили мирно и счастливо. Но мало-помалу она стала упрекать себя в том, что оставила отца одного; несмотря ни на что, он был ее отцом. В конце концов, несмотря на протесты мужа, она забрала отца домой, потому что, по ее собственным словам, в глубине души она любила отца больше, чем мужа. Стоило старику только появиться в доме, как война между супругами возобновилась. Так продолжалось вплоть до его внезапной кончины.

[721] После этого рассказа пациентка разразилась жалобами и причитаниями: мол, она должна развестись с мужем и давно бы это сделала, если бы не дети. Она совершила страшную ошибку, тяжкий грех, выйдя замуж против воли отца. Она должна была взять в мужья человека, которого советовал отец; он, конечно, слушался бы ее отца, и тогда все было бы хорошо. О, причитала она, ее муж был далеко не так мил, как ее отец: в отличие от мужа, из отца она вила веревки. Отец давал ей все, что она хотела. А сейчас ей больше всего хотелось умереть, чтобы снова оказаться рядом с ним.

[722] Когда она успокоилась, я с любопытством спросил, почему она отвергла жениха, предложенного ее отцом.

[723] Судя по всему, отец, мелкий крестьянин, нанял работника как раз в то время, когда родилась его младшая дочь. Это был несчастный маленький мальчик, подкидыш, который развивался самым неприятным образом: он был так глуп, что не мог научиться ни читать, ни писать, ни даже правильно говорить. В юности у него на шее образовался ряд

язв, некоторые из которых открылись и постоянно выделяли гной, придавая этому грязному, уродливому существу поистине ужасный вид. Поскольку с годами его умственные способности так и не улучшились, он остался в качестве фермерского рабочего без какой-либо определенной заработной платы.

[724] На этом идиоте отец и хотел женить свою любимую дочь.

[725] К счастью, девушка не была расположена сдаваться, хотя теперь горько сожалела об этом, ибо этот идиот, несомненно, был бы более послушен отцу, чем ее муж.

[726] Здесь, как и в предыдущем случае, необходимо четко понимать, что больная вовсе не была слабоумной. И отец, и дочь обладали нормальным интеллектом, хотя шоры инфантильной констелляции не позволяли им использовать его надлежащим образом. Это с поразительной ясностью проявляется в жизненной истории пациентки. Авторитет отца никогда даже не ставится под сомнение. Для нее не имеет ни малейшего значения, что он был сварливым старым пьяницей, очевидной причиной всех ссор и разногласий; напротив, ее муж должен склониться перед этим пугалом. В конце концов, наша пациентка даже начинает сожалеть, что ее отцу не удалось полностью разрушить счастье ее жизни. Теперь она сама начинает разрушать его своим неврозом, который навязывает ей желание умереть, чтобы попасть в ад, куда, несомненно, уже отправился ее отец.

[727] Если мы склонны видеть некую демоническую силу, управляющую судьбой смертных, то, безусловно, можем усмотреть ее здесь, в этих печальных, безмолвных трагедиях, медленно и мучительно разыгрывающихся в больных душах невротиков. Некоторые, шаг за шагом, пребывая в постоянной борьбе с невидимыми силами, освобождаются из когтей демона, который гонит своих ничего не подозревающих жертв от одной жестокой катастрофы к другой; другие восстают и отвоевывают свободу с тем, чтобы позже вернуться на старый путь, попав в силки невроза. Мы даже не можем утверждать, что эти несчастные люди — обязательно невротики или «дегенераты». Если мы, нормальные

люди, внимательно вглядимся в свою жизнь с психаналитической точки зрения, то увидим, что и нашей судьбой управляет могущественная рука, причем не всегда милостивая[1]. Часто мы называем ее рукой бога или дьявола, тем самым бессознательно выражая чрезвычайно важный психологический факт: сила, формирующая жизнь психики, имеет характер автономной личности. Во всяком случае, она ощущается как таковая, так что сегодня в просторечии, как и в древности, источник любой такой судьбы предстает как Гений, добрый или злой дух.

[728] Персонификация этого источника восходит в первую очередь к отцу, и по этой причине Фрейд придерживался мнения, что все «божественные» фигуры уходят своими корнями в имаго отца. Едва ли можно отрицать, что они действительно происходят от этого имаго, но что мы можем сказать о самом имаго отца — это другой вопрос. Родительский имаго обладает совершенно необычайной силой; он так сильно влияет на психическую жизнь ребенка, что мы должны спросить себя, вправе ли мы вообще приписывать такую магическую силу обычному человеку. Очевидно, он обладает ей, но действительно ли она ему принадлежит? Человек «обладает» многими вещами, которые он никогда не приобретал, но унаследовал от своих предков. Он не рождается *tabula rasa**, он просто рождается бессознательным.

---

[1] «Между тем, мы верим, что в каждое мгновение мы — господа своих действий. Но когда мы бросаем взор на пройденное жизненное поприще и особенно припоминаем свои неудачные шаги, вместе с их последствиями, то часто для нас становится непостижимо, каким образом могли мы совершить то-то или не сделать того-то, и дело принимает такой вид, как если бы нашими шагами руководила какая-то посторонняя сила. Вот почему Шекспир и говорит:

> Fate, show thy force; ourselves we do not owe;
> What is decreed must be, and be this so!
> Двенадцатая ночь, A. I, сц. 5.
>
> Свершай, судьба! Мы не имеем воли,
> И нам судьбы своей не избежать». (*Перевод А. Кронеберга*) —

Шопенгауэр А. О видимой преднамеренности в судьбе отдельного лица // Парерги и Паралипомены. М., 1910. *Перевод Н. Самсонова*.

* Чистой доской (*лат.*).

Вместе с тем он несет в себе системы, уже организованные и готовые функционировать присущим человеку образом. Этим он обязан миллионам лет человеческой эволюции. Как перелетные и гнездовые инстинкты птиц не приобретаются индивидуально, так и новорожденный уже несет в себе основной план своей природы — природы не только индивидуальной, но коллективной. Эти унаследованные системы соответствуют человеческим ситуациям, существовавшим с незапамятных времен: молодость и старость, рождение и смерть, сыновья и дочери, отцы и матери, брак и так далее. Только индивидуальное сознание переживает эти вещи впервые, но не телесная система и бессознательное. Для них все это лишь привычное функционирование инстинктов, сформировавшихся давным-давно. «Ах, когда-то ты сестрой была мне иль женой», — говорит Гете, облекая в слова смутные чувства многих.

[729] Я назвал эту врожденную и предсуществующую инстинктивную модель, или паттерн поведения, *архетипом*. Это имаго, заряженное динамизмом, который нельзя приписать отдельному человеку. Если бы эта сила действительно была в наших руках и подчинялась нашей воле, мы были бы так подавлены ответственностью, что никто в здравом уме не осмелился бы иметь детей. Но сила архетипа не контролируется нами; мы сами находимся в его власти в неограниченной степени. Многие сопротивляются его влиянию и принуждению, но столь же многие отождествляют себя с ним, например с *patris potestas** или с муравьиной маткой. Поскольку каждый человек в той или иной степени «одержим» своей специфически человеческой преформацией, он крепко держится за нее; он очарован ею и оказывает такое же влияние на других, не осознавая того, что делает. Опасность заключается именно в этом бессознательном отождествлении с архетипом: он не только оказывает доминирующее влияние на ребенка посредством внушения, но и вызывает у него такую же бессознательность, в результате чего ребенок легко поддается влиянию извне и в то же вре-

* Всевластным отцом семьи (*лат.*).

мя не может противостоять ему изнутри. Чем больше отец отождествляет себя с архетипом, тем более бессознательными и безответственными, даже психотическими будут и он, и его дети. В случае, который мы обсуждали выше, это почти «folie à deux»*, ибо на протяжении тысячелетий сила инфантильной констелляции давала весьма убедительный материал для религий. Все это не означает, что мы должны возлагать вину за первородный грех на наших родителей. Чувствительный ребенок, чьи симпатии легко запечатлевают в его психике излишества родителей, несет ответственность за свою судьбу в своем собственном характере. Но, как показывает наш последний случай, это не всегда так, ибо родители могут вселить (и, к сожалению, слишком часто действительно вселяют) зло в душу ребенка, пользуясь его невежеством, дабы сделать его рабом собственных комплексов.

[730] В нашем случае совершенно очевидно, что делал отец и почему он хотел выдать дочь замуж за идиота: он хотел удержать ее при себе и сделать своей рабыней навсегда. Его поведение есть не что иное, как грубое преувеличение того, что делают тысячи так называемых респектабельных образованных родителей, которые гордятся своими прогрессивными взглядами. Отцы, критикующие в своих детях всякие признаки эмоциональной независимости, ласкающие своих дочерей с плохо скрываемым эротизмом и тиранящие их чувства, держащие сыновей на привязи, принуждающие их к определенной профессии и, наконец, к «подходящему» браку; матери, которые даже в колыбели возбуждают своих детей нездоровой нежностью, превращают их в марионеток и, наконец, разрушают их любовную жизнь из ревности, — все они в принципе ничем не отличаются от этого глупого, грубого мужика. Они не осознают, что делают, и не знают, что, поддавшись компульсии, передают ее детям, которые становятся рабами своих родителей и бессознательного. Такие дети еще долго будут изживать наложенное на них родительское проклятие, даже если сами родители давно умерли. «Они не ведают, что

* Психоз на двоих (*фр.*).

творят». Бессознательность есть первородный грех. Возникает вопрос: в чем же заключается волшебная сила родителей, приковывающая к ним детей, часто на всю жизнь? Психоаналитик знает, что это не что иное, как сексуальность с обеих сторон. Мы до сих пор не желаем признавать сексуальность ребенка. Но это происходит исключительно вследствие умышленного неведения, которое очень распространено в последнее время[1].

Случай четвертый

[731] Пациент — восьмилетний мальчик, умный, довольно хрупкий на вид; страдает энурезом. Во время консультации ребенок все время прижимался к матери, хорошенькой молодой женщине. Брак был счастливым, но отец был строг, и мальчик (старший ребенок в семье) немного его побаивался. Мать компенсировала строгость отца соответствующей нежностью, на которую мальчик отвечал тем, что ни на секунду не отходил от материнской юбки. Он никогда не играл со своими школьными товарищами и никогда не выходил на улицу один, если только ему не нужно было идти в школу. Боясь грубости и насилия со стороны других мальчиков, он предпочитал играть дома в умные игры или помогать матери по хозяйству. К отцу он относился очень ревниво и не выносил, когда тот проявлял нежность к матери.

[732] Я отвел мальчика в сторону и спросил о его снах. Очень часто ему снилась *черная змея, которая хотела укусить его в лицо*. Тогда он начинал кричать; мать приходила к нему из соседней комнаты и подолгу сидела у его постели.

---

[1] Я не проводил никакого настоящего анализа этих случаев. Посему мы не знаем, что происходило с этими марионетками судьбы, когда они были детьми. Неожиданно глубокое проникновение в живую душу ребенка дано в работе Фрейда, опубликованной в настоящем полугодовом томе «Ярбух» [«Анализ фобии пятилетнего мальчика»]. Если я беру на себя смелость, после мастерского изложения Фрейда, внести свой небольшой вклад в изучение детской психики, то делаю это потому, что психоаналитические истории болезни всегда представлялись мне особенно ценными.

[733] По вечерам он ложился спать совершенно спокойно. Но когда он засыпал, ему казалось, что *на его кровати лежит злой черный человек с мечом или ружьем — высокий худой мужчина, который хочет его убить*. Родители спали в соседней комнате. Мальчику часто снилось, что там творится что-то ужасное, как будто там были *большие черные змеи или злые люди, которые хотели убить маму*. Тогда он начинал плакать, и мама прибегала его утешать. Каждый раз, когда он мочился в постель, он звал маму, которая приходила и меняла постельное белье.

[734] Отец был высоким худощавым мужчиной. Каждое утро он стоял голый у умывальника и на глазах у мальчика тщательно мылся. Кроме того, мальчик рассказал мне, что по ночам часто просыпается от странных звуков в соседней комнате; он боялся, что там происходит что-то страшное, какая-то борьба, но мама всегда успокаивала его и говорила, что все хорошо.

[735] Нетрудно представить, что происходило в соседней комнате. Так же легко понять цель мальчика, когда он звал свою мать: он ревновал и тем самым пытался разлучить ее с отцом. Он делал это и днем, когда видел, как отец ее обнимает и целует. До сих пор мальчик просто соперничал с отцом за любовь матери.

[736] Но змея и злой человек угрожают и самому мальчику: с ним происходит то же самое, что происходит с его матерью в соседней комнате. В этой степени он отождествляет себя с ней и таким образом ставит себя в сходные отношения с отцом. Это вызвано гомосексуальной составляющей, которая чувствует себя женственной по отношению к отцу. (Ночное недержание мочи в этом случае заменяет сексуальность. Давление мочи в сновидениях, а также в бодрствующем состоянии часто является выражением какого-то другого давления, например: страха, ожидания, подавленного возбуждения, неспособности говорить, потребности выразить бессознательное содержание и т.д. В нашем случае суррогат сексуальности имеет значение преждевременной маскулинности, которая призвана компенсировать неполноценность ребенка.

[737] Хотя я не намерен углубляться в психологию сновидений в этой связи, мотив черной змеи и черного человека не должен остаться незамеченным. Оба этих ужасных призрака угрожают сновидцу так же, как и его матери. «Черный» означает нечто темное, бессознательное. Сновидение показывает, что отношениям матери и ребенка угрожает бессознательность. Угрожающая сила представлена мифологическим мотивом «отца-животного»; другими словами, отец предстает как угрожающий. Это согласуется с тенденцией ребенка оставаться бессознательным и инфантильным, что, безусловно, опасно. Для мальчика отец — это антиципация собственной мужественности, конфликтующей с желанием оставаться инфантильным. Попытки змеи укусить мальчика в лицо — ту часть, которая «видит», — репрезентируют опасность для сознания (ослепление). С фрейдистской точки зрения нетрудно понять, что означает в данном случае ночное недержание мочи. Сны о мочеиспускании дают нам ключ к разгадке. Здесь я отсылаю читателя к анализу, опубликованному в моей работе «Анализ сновидений» (см. выше, пар. 82). Ночное недержание мочи следует рассматривать как инфантильный сексуальный суррогат. Даже в сновидческой жизни взрослых оно легко используется в качестве маскировки для давления сексуального желания.

[738] Данный пример показывает нам, что происходит в психике восьмилетнего ребенка, который чрезмерно зависит от своих родителей. Вина за это частично лежит на слишком строгом отце и слишком нежной матери. (Отождествление мальчика с матерью и страх перед отцом в данном случае представляют собой инфантильный невроз, но в то же время репрезентируют изначальную человеческую ситуацию, привязанность примитивного сознания к бессознательному и компенсирующий импульс, стремящийся вырвать сознание из объятий тьмы. Поскольку человек смутно предчувствует эту первоначальную ситуацию, стоящую за индивидуальным опытом, он всегда старался придать ей общезначимое выражение через универсальный мотив борьбы божественного героя с матерью-драконом, целью которой является освобождение от власти тьмы. Этот миф имеет

«спасительное», то есть терапевтическое значение, поскольку дает адекватное выражение динамизму, лежащему в основе индивидуальных затруднений. Миф нельзя причинно объяснить как следствие личного отцовского комплекса; его необходимо понимать телеологически, как попытку бессознательного спасти сознание от опасности регрессии. Идеи «спасения» не являются последующими рационализациями отцовского комплекса; скорее, это архетипически преформированные механизмы развития сознания[1].)

---

[1] Очевидно, что инфантильная установка есть не что иное, как инфантильная сексуальность. Если мы теперь еще раз оглянемся на все возможности инфантильной констелляции, то будем вынуждены заключить, что в сущности наша жизненная судьба тождественна судьбе нашей сексуальности. Если Фрейд и его школа в первую очередь прослеживают сексуальность индивида, то, конечно, не для того, чтобы возбудить пикантные ощущения, а для того, чтобы глубже проникнуть в движущие силы, определяющие его судьбу. Этим мы говорим не слишком много, а, скорее, слишком мало. Ибо, стоит нам сдернуть покровы с проблем индивидуальной судьбы, как наше поле зрения мгновенно расширяется от истории отдельного человека до истории целых народов. Мы можем взглянуть, прежде всего, на историю религии, на историю фантазийных систем разных народов и эпох. Религия Ветхого Завета возвысила отцов семейства до статуса иудейского Иеговы, которому народ должен повиноваться в страхе и ужасе. Патриархи были промежуточной ступенью к божеству.

Невротический страх в иудаизме, несовершенная или, во всяком случае, неудачная попытка сублимации со стороны все еще слишком варварского народа, породила чрезмерную строгость Моисеева закона, навязчивый церемониал невротика.Только пророки могли освободиться от него; для них идентификация с Иеговой, полная сублимация, была успешной. Они стали отцами народа. Христос, исполнитель их пророчеств, положил конец страху перед Богом и научил человечество, что истинное отношение к божеству есть любовь. Тем самым он разрушил навязчивый церемониал закона и сам стал выразителем личного любовного отношения к Богу. Позднее несовершенные сублимации христианской мессы вновь привели к церемониалу Церкви, от которого сумели освободиться лишь те святые и реформаторы, которые в действительности были способны к сублимации. Посему современная теология не без основания говорит об освобождающем действии «внутреннего», или «личного», опыта, ибо пламя любви всегда превращает страх и принуждение в более высокое, более свободное чувство.

Ср.: *Freud*, Zeitschrift für Religionspsychologie (1907).

[739] То, что мы видим разыгрывающимся на арене мировой истории, происходит и в человеке. Ребенка направляет власть родителей, как высший рок. Однако по мере того, как он растет, начинается борьба между его инфантильной установкой и растущим сознанием. Родительское влияние, начиная с раннего инфантильного периода, вытесняется и погружается в бессознательное, но не исчезает вовсе; невидимыми нитями оно направляет внешне индивидуальную работу созревающего ума. Как и все, что попадает в бессознательное, инфантильная ситуация продолжает посылать смутные, предостерегающие чувства, чувства тайного руководства потусторонними влияниями. (Обычно эти чувства относятся не к отцу, а к положительному или отрицательному божеству. Подобное изменение совершается отчасти под влиянием образования, отчасти спонтанно. Оно универсально. Кроме того, оно сопротивляется сознательной критике с силой инстинкта; по этой причине душа (*анима*) может быть описана как *naturaliter religiosa**. Причина такого развития, даже сама его возможность, заключается в том, что ребенок обладает унаследованной системой, которая предвосхищает существование родителей и их влияние на него. Другими словами, за отцом стоит архетип отца, и в этом предсуществующем архетипе кроется тайна его власти; точно так же сила, которая заставляет птицу мигрировать, принадлежит не самой птице, но проистекает от ее предков.

[740] От читателя не ускользнет, что роль имаго отца в нашем случае неоднозначна. Угроза, которую он представляет, имеет двойственный аспект: страх перед отцом может либо вывести мальчика из отождествления с матерью, либо заставить его сблизиться с ней еще больше. Тогда возникает типично невротическая ситуация: он хочет и в то же время не хочет, говоря «да» и «нет» одновременно.

[741] Этот двойственный аспект имаго отца характерен для архетипа вообще: он способен к диаметрально противоположным эффектам и действует на сознание скорее так, как

* Естественная религиозность (*лат.*).

Яхве действовал по отношению к Иову — амбивалентно. Как и в Книге Иова, отвечать за последствия приходится человеку. Мы не можем с уверенностью сказать, что архетип всегда действует таким образом, поскольку известны случаи, доказывающие обратное. Впрочем, последние, по всей видимости, являются скорее исключением, нежели правилом[1].)

[742] Поучительным и хорошо известным примером амбивалентного поведения имаго отца является любовный эпизод в книге Товита*. Сара, дочь Рагуила из Экбатаны, желает выйти замуж. Но злой судьбе угодно, чтобы семь раз, один за другим, она выбирала себе мужа, который умирал в первую брачную ночь. Их убивает преследующий ее злой дух Асмодей. Сара молит Яхве, чтобы он лучше послал ей смерть, нежели заставил пережить этот позор снова, ибо даже служанки смотрят на нее с презрением. Восьмой жених, ее двоюродный брат Товия, сын Товита, послан Богом. Его ведут в брачный покой. Старый Рагуил тайком пробирается во двор и копает могилу своему зятю, а утром посылает к новобрачным служанку, чтобы убедиться в его смерти. Но на этот раз Асмодей не сыграл свою роль — Товия жив.

[743] В этой истории отец Рагуил предстает в двух ролях: как безутешный отец невесты и как предусмотрительный могильщик своего зятя. С человеческой точки зрения его не

---

[1] Таковы корни первых религиозных сублимаций. Вместо отца с его констеллирующими добродетелями и недостатками появляется, с одной стороны, возвышенное божество, а с другой — дьявол, который в наше время в значительной степени уничтожен осознанием собственной моральной ответственности. Возвышенная любовь приписывается первому, низменная сексуальность — второму. Как только мы вступаем в область невроза, эта антитеза растягивается до предела. Бог становится символом наиболее полного сексуального вытеснения, дьявол — символом сексуальной похоти. Таким образом, сознательное выражение отцовской констелляции, как и всякое выражение бессознательного комплекса, достигающее сознания, приобретает двуликость, свои положительные и отрицательные компоненты.

* Главы 3 (стих 7 и далее) и 8 (стих 1 и далее). — *Примеч. ред. оригинального издания*.

в чем упрекнуть. Но есть еще злой дух Асмодей, присутствие которого нуждается в объяснении. Если мы заподозрим старика Рагуила в том, что он играет двойственную роль, то эта инсинуация будет относиться только к его чувствам; нет никаких доказательств, что убийца — именно он. Убийства выходят за рамки комплекса дочери, присущего старику, и комплекса отца, присущего Саре; по этой причине легенда вполне уместно приписывает их демону. Асмодей играет роль ревнивого отца, который не желает отказываться от своей любимой дочери. Лишь вспомнив о своем собственном положительном аспекте, он смягчается и в этом качестве, наконец, посылает Саре достойного жениха. Примечательно, что этот мужчина является восьмым по счету: последней и высшей ступенью*. Асмодей символизирует отрицательный аспект архетипа отца, ибо архетип — это Гений человека: «Бог он природы людской, умирающий одновременно / С каждым из нас; он видом изменчив: то светлый, то мрачный»**. Легенда предлагает психологически правильное объяснение: она не приписывает сверхчеловеческое зло Рагуилу и проводит четкое различие между человеком и Гением. Точно так же психология должна различать поступки, обусловленные личными мотивами, и поступки, которые должны быть приписаны врожденной, инстинктивной системе, которую человек не создавал, но находит внутри себя. Мы были бы крайне несправедливы к Рагуилу, если бы считали его ответственным за роковую силу этой системы, то есть архетипа.

[744] Потенциальные возможности архетипа как в отношении добра, так и зла многократно превосходят возможности человека; человек может присвоить себе его силу только в том случае, если отождествит себя с Гением, позволит ему овладеть собой, утратив таким образом свою собственную человечность. Роковая сила отцовского комплекса исходит от архетипа; такова истинная причина, по которой общее согласие (*consensus gentium*) ставит божественную или демо-

* См. аксиому Марии, а также обсуждение 3 и 4, 7 и 8, в «Психологии и алхимии», абз. 201 и далее и 209.

** Гораций, Послания, II, 2, 188–89.

ническую фигуру на место отца. Личный отец неизбежно воплощает в себе архетип, который и наделяет его фигуру своей чарующей силой. Архетип действует как усилитель влияний, исходящих от отца, при условии, разумеется, что они согласуются с унаследованным паттерном[1].)

---

[1] Соображения врачебной тайны, к сожалению, запрещают мне рассказать об одном случае истерии, который точно соответствует этой схеме, с той лишь разницей, что не семь мужчин, а только трое были выбраны при всех зловещих признаках инфантильной констелляции. Наш первый случай тоже относится к этой категории, а в третьем случае мы видим старого крестьянина, готовящегося посвятить дочь такой же судьбе.

Как благочестивая и послушная дочь (ср. ее молитву в книге Товита, гл. 3), Сара вызвала обычную сублимацию и расщепление отцовского комплекса, с одной стороны, возвысив свою инфантильную любовь до поклонения богу, а с другой — превратив навязчивую власть отца в демона Асмодея. История прекрасно проработана и показывает отца Рагуила в двух его ипостасях: как безутешного отца невесты и как предусмотрительного могильщика своего зятя, судьбу которого он предвидит. Эта красивая сказка стала классическим примером в моей аналитической работе: мы часто сталкиваемся со случаями, когда отец-демон накладывает свою руку на дочь, так что даже после замужества об истинном внутреннем союзе не может быть и речи — образ мужа не в силах вытеснить бессознательный и постоянно действующий инфантильный идеал отца. Это относится не только к дочерям, но и к сыновьям. Прекрасный пример такого рода отцовской констелляции можно найти в недавно опубликованной работе Брилла «Психологические факторы в Dementia Praecox» (1908).

По моему опыту, решающим и опасным объектом детской фантазии обычно является отец; если такую роль играет мать, то я всегда мог обнаружить за ней деда, которому она принадлежала всем сердцем.

Я должен оставить этот вопрос открытым: моих наблюдений недостаточно для его решения. Остается надеяться, что опыт грядущих лет позволит глубже проникнуть в эту темную область, на которую я смог пролить лишь мимолетный свет, и откроет больше о тайной мастерской Гения, который определяет нашу судьбу. Вот что пишет о нем Гораций:

Scit Genius natale comes qui temperat astrum,
Naturae deus humanae, mortalis in unum,
Quodque caput, vultu mutabilis, albus et ater.

(Здесь цитируются строки Горация, перевод которых приводился выше. — *Ред.*) — *Примеч. авт. к третьему изданию текста.*

XV

Вступительная статья к книге В.М. Кранефельдта* «Психоанализ»

Первоначально опубликовано в издании: W. M. Kranefeldt «Die Psychoanalyse. Psychoanalitische Psychologie» (Берлин и Лейпциг, 1930). В 1956 году статья была переиздана под названием «Терапевтическая психология: введение в психоанализ».

---

* В. М. Кранефельдт — немецкий психиатр и психотерапевт.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ К КНИГЕ В.М. КРАНЕФЕЛЬДТА «ПСИХОАНАЛИЗ»

[745] В настоящее время можно с уверенностью утверждать, что пока невозможно составить исчерпывающую и, следовательно, правильную картину всего того, что обычно носит столь презираемое многими название «психоанализ». То, что обыватель обычно понимает под «психоанализом» — медицинское вскрытие души с целью выявления скрытых причин и связей, — затрагивает лишь малую часть рассматриваемых явлений. Даже рассматривая психоанализ под более широким углом — в соответствии с концепцией, предложенной Фрейдом, — как по существу медицинский инструмент для лечения невроза, мы тем самым не исчерпываем его природу. Прежде всего, психоанализ в строго фрейдистском смысле представляет собой не только терапевтический метод, но и психологическую теорию, которая ни в коей мере не ограничивается неврозами и психопатологией в общем, но стремится включить в свою сферу нормальный феномен сновидения и, кроме того, широкие области гуманитарных наук, литературы и искусства, а также биографии, мифологии, фольклора, сравнительного религиоведения и философии.

[746] В истории науки известен один весьма любопытный факт, который, впрочем, согласуется с особой природой психоаналитического движения: Фрейд, создатель психоанализа (в более узком смысле), настаивал на отождествлении данного метода с его сексуальной теорией, накладывая на него тем самым печать догматизма. Эта декларация «научной» непогрешимости заставила меня в свое время порвать с Фрейдом, ибо для меня догма и наука — понятия несопо-

ставимые, дискредитирующие друг друга посредством взаимного загрязнения. Догма как фактор религии бесценна именно в силу своей абсолютной позиции. Но когда наука обходится без критики и скептицизма, она вырождается, превращаясь в чахлое тепличное растение. Одним из элементов, необходимых науке, является крайняя неопределенность. Всякий раз, когда наука тяготеет к догме и проявляет нетерпимость и фанатизм, она скрывает некоторое сомнение, которое, по всей вероятности, оправданно, и неуверенность, которая обоснованна.

[747] Я подчеркиваю это прискорбное положение дел не ради того, чтобы покритиковать теорию Фрейда, а ради того, чтобы указать непредвзятому читателю на тот знаменательный факт, что фрейдовский психоанализ представляет собой не только научное достижение, но и психический симптом, оказавшийся более плодотворным, нежели аналитическое искусство самого мастера. Как показано в книге Майлана «Трагический комплекс Фрейда», нетрудно вывести тенденцию Фрейда к догматизации из предпосылок его собственной личной психологии. Хотя он обучал этому приему своих учеников и более или менее успешно пользовался им сам, я не хочу обращать против него его же оружие. В конце концов, никто не в силах полностью преодолеть собственные ограничения; каждый в той или иной степени их пленник — особенно если он практикует психологию.

[748] Я нахожу эти технические недостатки неинтересными и полагаю, что опасно придавать им слишком большое значение, ибо это отвлекает внимание от одного важного обстоятельства: даже самый возвышенный ум крайне ограничен и зависим, причем именно там, где, как нам кажется, он пользуется наибольшей свободой. По моему мнению, творческий дух в человеке — это вовсе не его личность, а скорее признак или симптом современного движения мысли. Личность важна только как рупор убежденности, возникающей из бессознательного, коллективного фона — убежденности, лишающей человека свободы, заставляющей жертвовать собой и совершать ошибки, которые он безжалостно критиковал бы в других. Фрейда влечет за собой

особое течение мысли, восходящее к эпохе Реформации. Постепенно оно освободилось от бесчисленных покровов и обличий и теперь превращается в тот вид психологии, который с провидческой проницательностью предвидел Ницше — психологию, открывающую психику как новый факт. Когда-нибудь мы увидим, какими извилистыми путями двигалась современная психология от мрачных лабораторий алхимиков, месмеризма и магнетизма (Кернер, Эннемозер, Эшимайер, Баадер, Пассаван и другие) к философским антиципациям Шопенгауэра, Каруса и фон Гартмана; и как, сформировавшись на почве повседневного опыта у Льебо и еще раньше у Куимби (духовного отца «Христианской науки»), она наконец дошла до Фрейда через учение французских гипнотизеров. Этот поток идей проистекал из многих неясных источников и, быстро набрав силу в XIX веке, завоевал множество приверженцев, среди которых Фрейд отнюдь не стоит особняком.

[749] То, что сегодня обозначается словом «психоанализ», на самом деле не является чем-то единым, но включает в себя множество различных аспектов величайшей психологической проблемы нашего века. Эта проблема существует вне зависимости от того, осознает ее широкая общественность или нет. В наше время психическое стало проблемой для каждого. Психология приобрела мощную притягательную силу. Именно ею объясняется удивительное, повсеместное распространение фрейдистского психоанализа, сопоставимого с Христианской наукой, теософией и антропософией не только по своему успеху, но и по своей сущности, ибо догматизм Фрейда очень близок к установке религиозной убежденности, характеризующей эти движения. Более того, все четыре движения определенно психологичны. Если добавить к этому невероятный подъем оккультизма в любых его формах во всех цивилизованных странах западного мира, мы получим более или менее ясную картину этого направления мысли, в известной степени табуированного, но, тем не менее, захватывающего. Аналогичным образом современная медицина явно склоняется к духу Парацельса и все больше осознает важную роль психики при соматических заболеваниях. Даже традиционализм уголовного права

начинает уступать требованиям психологии, о чем свидетельствуют нередкие отсрочки исполнения приговора и учащающаяся практика привлекать экспертов-психологов.

[750] Таковы положительные стороны этого психологического движения. Однако все его достоинства уравновешиваются столь же характерными отрицательными аспектами. Уже во времена Реформации сознательный разум начал отдаляться от метафизических данностей готической эпохи. С каждым столетием разрыв становился шире и глубже. В начале XVIII века мир впервые увидел, как христианские истины были публично свергнуты с престола, а в начале XX века правительство одной из крупнейших стран мира прилагает все усилия, дабы искоренить христианскую веру, словно опасную болезнь. Между тем интеллект белого человека в целом перерос авторитет католической догмы, и протестантизм раскололся более чем на четыреста конфессий посредством самых тривиальных софизмов. Эти очевидные недостатки объясняют, почему люди все чаще присоединяются к любому движению, от которого ждут помощи и истины.

[751] Религии суть великие системы, исцеляющие болезни души. Неврозы и подобные им расстройства возникают, как правило, из психических осложнений. Однако едва догму начинают оспаривать и подвергать сомнению, она теряет свою целительную силу. Человек, который больше не верит в то, что Бог, познавший страдание, смилостивится над ним, поможет и утешит его, придаст смысл его жизни, становится жертвой собственной слабости и превращается в невротика. Бесчисленные патологические элементы в популяции представляют собой один из мощнейших факторов, подкрепляющих психологические тенденции нашего времени.

[752] Другой и отнюдь не маловажный контингент составляют все те, кто после периода веры в некий авторитет с недовольством пробудился и впредь находит удовлетворение, смешанное с самоистязанием, в отстаивании так называемой новой истины, губительной для их прежних, еще тлеющих убеждений. Такие люди не могут молчать и из-за слабости своих убеждений и страха перед изоляцией всегда стремятся объединиться в группы новообращенных, тем самым компенсируя количеством свое сомнительное качество.

[753] Наконец, существуют те, кто искренне ищет нечто, кто абсолютно убежден, что душа есть вместилище всех психических страданий и в то же время место обитания всех исцеляющих истин, которые когда-либо были возвещены страдающему человечеству. Хотя из души исходят самые бессмысленные конфликты, мы обращаемся к ней в поисках решения или, по крайней мере, правдоподобного ответа на мучительный вопрос: почему?

[754] Не нужно быть невротиком, чтобы чувствовать потребность в исцелении. Эту потребность ощущают даже те люди, которые с глубочайшей убежденностью отрицают саму возможность такого исцеления. В минуту слабости они с любопытством заглянут в книгу по психологии, хотя бы для того, чтобы найти рецепт, как ловко образумить непокорного супруга.

[755] Эти совершенно разные интересы со стороны общественности находят свое отражение в вариациях на тему «психоанализ». Адлеровская школа, сформировавшаяся бок о бок с фрейдизмом, уделяет особое внимание социальному аспекту психической проблемы и, соответственно, все больше дифференцируется в систему социального воспитания. Она отрицает все фрейдистские элементы психоанализа не только в теории, но и на практике, причем в такой степени, что за исключением нескольких теоретических принципов исходные точки соприкосновения с фрейдистской школой стали почти неразличимы. По этой причине «индивидуальная психология» Адлера уже не может быть включена в понятие «психоанализ». Это самостоятельная система психологии, выражение иного темперамента и совершенно иного взгляда на мир.

[756] Всякий, кто интересуется «психоанализом» и хочет получить адекватный обзор всей области современной психиатрии, должен ознакомиться с трудами Адлера. Он найдет их чрезвычайно стимулирующими, и, кроме того, обнаружит, что один и тот же случай невроза можно одинаково убедительно объяснить как с точки зрения Фрейда, так и с точки зрения Адлера, хотя эти два толкования кажутся диаметрально противоположными. Но то, что в теории безнадежно распадается, в парадоксальной душе человека лежит рядом

и не противоречит одно другому: в каждом из нас половой инстинкт сосуществует с инстинктом власти. Как следствие, каждый человек проявляет обе эти психологии, и каждый психический импульс в нем содержит тонкие обертоны, исходящие как с одной, так и с другой стороны.

[757] Поскольку точное количество основных инстинктов у человека или у животных не установлено, не исключено, что изобретательный ум мог бы открыть еще несколько психологий, явно противоречащих всем остальным и все же обеспечивающих весьма удовлетворительные объяснения. Однако эти открытия не сводятся к тому, чтобы просто сесть и развить новую психологическую систему из, скажем так, художественного импульса. Ни психология Фрейда, ни психология Адлера не возникли таким образом. Скорее, их появление было обусловлено внутренней необходимостью: оба исследователя изложили собственный главенствующий принцип, зафиксировав свою личную психологию и, следовательно, свой способ наблюдения за другими людьми. Это вопрос глубоких переживаний, а не интеллектуальный трюк. Хотелось бы, чтобы подобных откровений было больше; они дали бы нам более полную картину потенциальных возможностей психики.

[758] Мои собственные воззрения и школа, которую я основал, в равной степени психологичны, а потому подвержены тем же ограничениям и критике, которые я позволил себе озвучить в отношении двух других психологов. Насколько я сам могу судить о своей точке зрения, она отличается от рассмотренных выше взглядов на психологию тем, что она не монистична, а скорее дуалистична, ибо основана на принципе противоположностей и, возможно, плюралистична, ибо признает наличие множества относительно автономных психических комплексов.

[759] Свою теорию я вывел из того факта, что противоречивые и в то же время удовлетворительные объяснения возможны. В отличие от Фрейда и Адлера, чьи принципы объяснения по существу редуктивны и всегда возвращаются к детству, ограничивая человеческую природу, я делаю акцент на конструктивном или синтетическом объяснении в знак признания того обстоятельства, что завтра имеет большее практи-

ческое значение, чем вчера, и что «откуда» менее важно, чем «куда». При всем моем уважении к истории, мне представляется, что никакое проникновение в прошлое и никакое повторное переживание патогенных воспоминаний — какими бы мощными они ни были — не может освободить человека от тисков прошлого более эффективно, нежели построение чего-то нового. Разумеется, я сознаю, что без понимания прошлого и без интеграции значимых воспоминаний, которые были утрачены, не может быть создано ничего нового и жизнеспособного. Тем не менее я считаю пустой тратой времени копаться в прошлом в поисках предполагаемых причин болезни; ибо неврозы, какими бы ни были породившие их обстоятельства, обусловлены и поддерживаются ошибочной установкой, которая присутствует все время и которую необходимо исправить *сейчас*, а не в младенчестве. Кроме того, самого по себе осознания причин недостаточно, ибо лечение невроза — это в конечном счете нравственная проблема, а не магия репетиции старых воспоминаний.

[760] Мои взгляды отличаются от взглядов Фрейда и Адлера еще и тем, что я придаю бессознательному принципиально иную ценность. Фрейду, который признает за бессознательным бесконечно более важную роль, чем Адлер (эта школа допускает его полное исчезновение на заднем плане), присущ более религиозный темперамент, нежели Адлеру. По этой причине он, естественно, приписывает автономную, хотя и отрицательную, функцию психическому не-эго. В этом отношении я иду дальше Фрейда. Для меня бессознательное — это не просто вместилище всех нечистых духов и других одиозных пережитков мертвого прошлого, таких как, например, вековые отложения общественного мнения, которые составляют фрейдовское «супер-эго». Это воистину вечно живой зародышевый слой в каждом из нас, и хотя он может использовать древние символические образы, он, тем не менее, требует, чтобы мы понимали их по-новому. Естественно, новое значение не возникает из бессознательного в готовом виде, подобно Афине Палладе, вышедшей во всеоружии из головы Зевса. Живой эффект достигается только тогда, когда продукты бессознательного тесно соприкасаются с сознательным разумом.

[761] Чтобы интерпретировать продукты бессознательного, я также счел необходимым дать совершенно иное толкование снам и фантазиям. Я не сводил их к личностным факторам, как это делает Фрейд, но, в соответствии с самой их природой, сравнивал с символами из мифологии и истории религий, дабы обнаружить тот смысл, который они пытаются выразить. Этот метод дал чрезвычайно интересные результаты — не в последнюю очередь потому, что позволил совершенно иначе интерпретировать сновидения и фантазии, тем самым сделав возможным соединение прежде несовместимых и архаичных тенденций бессознательного с сознательной личностью. Долгое время такой союз представлялся мне конечной целью, к которой следует стремиться, ибо невротики (да и многие нормальные люди) по сути страдают диссоциацией между сознанием и бессознательным. Поскольку бессознательное содержит в себе не только истоки инстинкта и всю доисторическую природу человека вплоть до животного уровня, но и, наряду с этим, созидательные семена будущего и корни всех конструктивных фантазий, отрыв от бессознательного при невротической диссоциации означает не что иное, как отрыв от источника всякой жизни. Посему мне представлялось, что главная задача терапевта состоит в восстановлении этой утраченной связи и живительного взаимодействия между сознанием и бессознательным. Фрейд обесценивает бессознательное и ищет безопасности в различающей способности сознания. Такой подход обычно ошибочен и ведет к иссушению и ригидности там, где уже существует прочно утвердившееся сознание; удерживая антагонистические и явно враждебные элементы в бессознательном, сознание лишает себя жизненной силы, необходимой для его обновления.

[762] Впрочем, подход Фрейда ошибочен не во всех случаях, поскольку сознание незыблемо не всегда. Устойчивость сознания предполагает обширный жизненный опыт и определенную степень зрелости. Молодые люди, весьма далекие от понимания того, кто они есть на самом деле, подверглись бы большому риску, если бы еще больше затуманили свое знание о себе, позволив «темной ночи души» влиться в их незрелое, неустойчивое сознание. В таких случаях некоторое

обесценивание бессознательного оправданно. Опыт убедил меня, что существуют не только различные темпераменты («типы»), но и различные стадии психологического развития. Как следствие, можно утверждать, что психология первой половины жизни существенно отличается от психологии второй половины жизни. Здесь я опять-таки расхожусь во взглядах с другими, ибо утверждаю, что разные жизненные стадии требуют разных психологических критериев.

[763] Если ко всем вышеизложенным соображениям добавить тот факт, что я не только провожу различие между экстравертами и интровертами, но и различаю их в зависимости от наиболее дифференцированной функции (из которых я четко могу выделить четыре), то станет очевидным, что до сих пор моя главная задача как исследователя заключалась в том, чтобы вмешаться в ситуацию, которая с двух других точек зрения проста до монотонности, и привлечь внимание к непостижимой сложности психики, которая присуща ей в действительности.

[764] Большинство людей предпочли бы закрыть глаза на эти сложности и искренне огорчились бы, узнав об их существовании. Но стал бы какой-нибудь физиолог утверждать, что тело устроено просто? Или что проста живая молекула альбумина? Человеческая психика должна быть невообразимо сложной и разнообразной, в силу чего к ней невозможно подойти с позиций простой психологии инстинкта. Я могу лишь с удивлением и благоговением взирать на глубины и высоты нашей психической природы. Ее внепространственная вселенная таит в себе неисчерпаемое обилие образов, накопившихся за миллионы лет живого развития и закрепившихся в организме. Мое сознание подобно глазу, проникающему в самые отдаленные места, но именно психическое не-эго наполняет их внепространственными образами. И эти образы не бледные тени, но чрезвычайно мощные психические факторы. Самое большее, что мы можем сделать, — это неправильно их понять, но мы не можем лишить их силы, отрицая их существование. Рядом с этой картиной я хотел бы поместить изображение звездного неба, ибо единственный эквивалент вселенной внутри — это вселенная снаружи; как я соприкасаюсь с этим

миром через посредство своего тела, так я соприкасаюсь с тем миром через посредство своей психики.

[765] Таким образом, я не могу сожалеть о сложностях, привнесенных в психологию моими собственными изысканиями, ибо ученые всегда глубоко заблуждались, полагая, будто открыли, как просты на самом деле вещи.

[766] В этом предисловии я надеялся донести до читателя, что психологические усилия, обобщенные в обывательском представлении о «психоанализе», гораздо глубже уходят своими корнями в историю, социологию и философию, чем это предполагает данный термин. Возможно, мне также удалось показать, что область исследований, представленная в этой книге, отнюдь не является отдельной, легко определяемой территорией. Напротив, это развивающаяся наука, которая только готовится покинуть свою медицинскую колыбель и стать психологией человеческой природы.

[767] Нижеследующее изложение не ставит своей целью описать весь спектр современных психологических проблем. Оно ограничивается обзором начал современной психологии и элементарных вопросов, относящихся главным образом к компетенции врача. В свое предисловие я включил ряд дополнительных соображений лишь с тем, чтобы дать читателю более полное представление.

К. Г. Юнг,
январь 1930 г.

XVI

Фрейд и Юнг: различия во взглядах

Впервые очерк опубликован под названием «Der Gegensatz Freud und Jung» («Противоречия Фрейда и Юнга» в газете *Kolnische Zeitung* (Кельн) 7 мая 1929 года (стр. 4); позже включен в сборник «Seelenprobleme der Gegenwart» (Цюрих, 1931).

ФРЕЙД И ЮНГ: РАЗЛИЧИЯ ВО ВЗГЛЯДАХ

[768] О различиях между взглядами Фрейда и моими собственными лучше всего сможет судить тот, кто находится вне орбиты тех идей, которые ассоциируются с нашими именами. Смогу ли я быть достаточно беспристрастным, чтобы подняться над собственными воззрениями? Под силу ли это вообще кому-нибудь? Сомневаюсь. Если бы мне сказали, что некто обскакал барона Мюнхгаузена и действительно совершил подобный подвиг, я бы ни на мгновение не усомнился в том, что его идеи заимствованы.

[769] Впрочем, общепринятые идеи никогда не являются личной собственностью их так называемого автора; напротив, он сам становится их рабом. Впечатляющие идеи, которые полагают истинными, содержат в себе нечто особенное. Хотя они возникают в определенный момент, они существуют и всегда существовали вне времени; они проистекают из той сферы созидательной психической жизни, из которой эфемерный разум отдельного человека вырастает подобно растению. Это растение цветет, приносит плоды и семена, а затем увядает и умирает. Идеи обязаны своим возникновением отнюдь не отдельному человеку; их порождает нечто несравнимо большее. Человек не создает идеи; скорее, это идеи создают человека.

[770] Всякая идея несет в себе неизбежное признание, ибо обнаруживает не только наши достоинства, но и наши худшие слабости и личные недостатки. Особенно это касается представлений о психологии. Откуда же им взяться, как не из нашего субъективизма? Могут ли наши переживания объективного мира спасти нас от субъективной предвзятости? Разве каждое переживание, даже при самых благоприятных

обстоятельствах, не является по меньшей мере на пятьдесят процентов субъективной интерпретацией? С другой стороны, любой субъект есть объективный факт, частица мира; то, что исходит от него, исходит в конечном счете от самого мира; точно так же любой организм — даже самый редкий и странный — носит и питает общая для всех земля. Именно наиболее субъективные идеи, будучи ближе всего к природе и нашей собственной сущности, заслуживают того, чтобы считаться самыми истинными. Но «что есть истина?»

[771] В психологии, я полагаю, лучше всего отказаться от мысли, что сегодня мы в состоянии утверждать что-либо «истинное» или «правильное» о природе психического. Самое большее, на что мы способны, — это правдивое выражение. Под ним я подразумеваю открытое признание и подробное изложение всего того, что мы наблюдаем субъективно. Один будет подчеркивать *формы*, в которые он может втиснуть свой материал, и потому полагать себя творцом обнаруженного внутри себя. Другой будет придавать наибольший вес тому, *что* он видит, и говорить об этом как о феномене, сознавая собственную рецептивную установку. Истина, вероятно, лежит где-то посередине: правдивое выражение состоит в придании определенной формы наблюдаемым явлениям.

[772] Современный психолог, каким бы честолюбивым он ни был, вряд ли может надеяться достичь чего-то большего. Наша психология — это более или менее удачно сформулированная исповедь нескольких индивидов, а поскольку каждый из них более или менее соответствует определенному типу, его признание можно считать вполне достоверным описанием множества других людей. Поскольку те, кто относится к другим типам, тоже принадлежат к человеческому роду, можно заключить, что это описание применимо и к ним, хотя и в меньшей степени. То, что Фрейд говорит о сексуальности, инфантильном удовольствии и их конфликте с «принципом реальности», об инцесте и тому подобном, служит самым точным выражением его личной психологии. Это удачная формулировка его субъективных наблюдений. Я не противник Фрейда; я лишь кажусь тако-

вым в силу его собственной близорукости и близорукости его учеников. Ни один опытный психиатр не станет отрицать, что он лечил десятки пациентов, чья психология отвечает психологии Фрейда во всех ключевых аспектах. По его собственному субъективному признанию, Фрейд способствовал рождению великой истины о человеке. Он посвятил свою жизнь и силы построению психологии, которая представляет собой не что иное, как формулировку его собственного естества.

[773] Каков человек, таково и его ви́дение. Поскольку у разных людей разная психология, им свойственно разное ви́дение и разные способы самовыражения. Наглядный тому пример — Адлер, один из самых первых учеников Фрейда. Работая с тем же эмпирическим материалом, что и Фрейд, он подошел к нему с совершенно иной точки зрения. Его взгляды, по меньшей мере, так же убедительны, как и взгляды Фрейда: подобно Фрейду, Адлер олицетворяет достаточно распространенный тип психологии. Последователи обеих школ убеждены, что я ошибаюсь, однако меня не покидает надежда, что история и все беспристрастно мыслящие люди подтвердят мою правоту. Обе школы, по моему мнению, следует упрекнуть в чрезмерном акцентировании патологического аспекта жизни и интерпретации человека исключительно в свете его недостатков. В качестве убедительного примера можно привести неспособность Фрейда понять религиозное переживание, о чем ясно свидетельствует его книга «Будущее одной иллюзии».

[774] Со своей стороны, я предпочитаю смотреть на человека в свете того, что в нем есть здорового и здравого, и вижу свою первоочередную задачу в том, чтобы освободить больного от той самой психологии, которая пропитывает каждую страницу, написанную Фрейдом. Я не представляю, как Фрейд может выйти за рамки своей собственной психологии и избавить пациента от страданий, от которых страдает сам. Его психология — это психология невротических состояний разума, определенно однобокая и этими состояниями ограниченная. В их пределах она истинна и достоверна, причем даже тогда, когда заблуждается, ибо всякое заблуждение содержит важный элемент общей картины и несет в себе

истину откровения. Но это не психология здорового разума; она основана — и это один из симптомов ее морбидности — на некритическом, даже бессознательном ви́дении мира, склонному сужать горизонт опыта и ограничивать обзор. Со стороны Фрейда было большой ошибкой отвернуться от философии. Он ни разу не подвергает критике ни свои предположения, ни даже личные психические предпосылки. И напрасно, как можно заключить из того, что я сказал выше; если бы Фрейд критически анализировал свои базовые принципы, он никогда бы не смог так наивно выставить на всеобщее обозрение свою своеобразную психологию, как это было сделано в «Толковании сновидений». Во всяком случае, он бы получил некоторое представление о тех трудностях, с которыми пришлось столкнуться мне. Я никогда не отказывался от горько-сладкого напитка философской критики, но принимал его с осторожностью, понемногу. Слишком мало, скажут мои оппоненты; даже слишком много, подсказывает мое собственное чувство. Самокритика отравляет наивность, то бесценное достояние или, вернее, дар, без которого не может обойтись ни один творческий человек. Как бы там ни было, философская критика помогла мне увидеть, что всякая психология, включая мою собственную, носит характер субъективного признания. И все же я не должен допускать, чтобы мои критические способности подрывали мои творческие силы. Я осознаю, что каждое произнесенное мной слово несет в себе частицу меня самого — моей особой и уникальной самости с ее специфической историей и ее собственным специфическим миром. Даже когда я оперирую эмпирическими данными, я обязательно говорю о себе. Только приняв это как неизбежность, я могу служить цели познания человека человеком — цели, которой, несмотря ни на что, служил и Фрейд. Знание зиждется не только на истине, но и на заблуждении.

[775] Возможно, именно в вопросе о признании субъективной окрашенности всякой психологии, созданной одним человеком, расхождения между Фрейдом и мной проступают особенно явственно.

[776] Еще одно различие, как мне кажется, состоит в том, что я стараюсь освободиться от всех бессознательных и потому

некритических предположений о мире в общем. Я говорю «стараюсь», ибо кто может быть уверен, что он в самом деле избавился от всех своих бессознательных допущений? По крайней мере я стараюсь воздерживаться от самых грубых предубеждений, а потому склонен признавать всевозможных богов, если только они действуют в человеческой психике. Я не сомневаюсь, что естественные инстинкты или влечения являются мощными движущими силами в нашей психической жизни вне зависимости от того, как мы их называем: сексуальностью или волей к власти. Однако я также не сомневаюсь и в том, что эти инстинкты вступают в столкновение с духом, ибо они постоянно сталкиваются с чем-то, и почему это что-то не может называться «духом»? Я далек от понимания того, что такое дух, и столь же далек от понимания того, что такое инстинкты. Первое для меня так же загадочно, как и второе, и я не могу объяснить одно как неверное истолкование другого. В природе не бывает двусмысленностей — разве можно ошибочно истолковать тот факт, что у Земли есть только один спутник — Луна? Ложные представления существуют только в сфере того, что мы называем «пониманием». Разумеется, инстинкт и дух выше моего понимания. Это термины, которыми мы обозначаем могущественные силы, природу которых человек не знает.

[777] Посему я отношусь ко всем религиям позитивно. В их символике я узнаю те фигуры, с которыми сталкиваюсь в сновидениях и фантазиях своих пациентов. В их нравственных учениях я вижу попытки, подобные тем, которые предпринимают мои больные, когда, руководствуясь собственным интуитивным пониманием или вдохновением, ищут правильный способ совладания с силами психической жизни. Ритуалы, обряды посвящения и аскетические практики во всех своих формах и вариациях вызывают у меня живой интерес, равно как и многочисленные техники установления надлежащей связи с этими силами. Не менее позитивно я отношусь к биологии и эмпиризму естествознания вообще. Если религиозный гнозис есть грандиозная попытка человеческого разума извлечь знание о космосе изнутри, то естествознание есть геркулесова попытка понять психику, приблизившись к ней извне. Моя картина мира

разделена на обширное внешнее царство и столь же обширное внутреннее царство; между двумя этими царствами стоит человек. Он обращается то к одному, то к другому и, в зависимости от темперамента и характера, принимает одно за абсолютную истину, а другое отрицает или приносит в жертву.

[778] Несмотря на всю гипотетичность данной картины, из нее вытекает гипотеза, которая настолько ценна, что я не откажусь от нее. Я считаю ее эвристически и эмпирически обоснованной; более того, она подтверждается общим согласием (*consensus gentium*). Эта гипотеза, несомненно, пришла ко мне из внутреннего источника, хотя я мог бы вообразить, что к ее открытию привели эмпирические данные. Именно она легла в основу моей теории типов, а также побудила меня примириться со взглядами, столь же отличными от моих собственных, как и взгляды Фрейда.

[779] Во всем происходящем я усматриваю игру противоположностей и основываю на этой концепции свое представление о психической энергии. Я полагаю, что психическая энергия включает в себя игру противоположностей почти так же, как физическая энергия включает в себя разность потенциалов, то есть существование таких противоположностей, как тепло и холод, высокое и низкое и т.д. Первоначально Фрейд рассматривал сексуальность как единственную психическую движущую силу и только после моего разрыва с ним принял во внимание другие факторы. Со своей стороны, я объединил различные психические влечения или силы — выделенные более или менее спонтанно (*ad hoc*) — в общее понятие энергии, дабы исключить почти неизбежную произвольность, свойственную всякой психологии, которая построена исключительно на стремлении к власти. По этой причине я говорю не об отдельных влечениях или силах, а о «системе ценностей»[1]. Этим я не пытаюсь отрицать важность сексуальности в психической жизни, хотя Фрейд упрямо утверждает, что это так. Прежде всего, я стремлюсь ограничить терминологию секса, которая

[1] Ср.: «О психической энергии», абз. 14 и далее. — *Примеч. авт.* См.: Gesammelte werke, band 8. — *Примеч. ред. оригинального издания.*

пропитывает все обсуждения человеческой психики, и вернуть сексуальность на надлежащее ей место.

[780] Здравый смысл всегда будет возвращаться к тому факту, что сексуальность является лишь одним из биологических инстинктов, лишь одной из психофизиологических функций, хотя, без сомнения, и очень важной. Но что происходит, когда мы больше не можем утолить свой голод? Совершенно очевидно, что сегодня в психической сфере секса наблюдаются заметные возмущения. Равным образом, когда у нас болит зуб, вся психика, кажется, состоит из одной только зубной боли. Тип сексуальности, описанный Фрейдом, — это та безошибочно узнаваемая сексуальная одержимость, которая проявляется всякий раз, когда пациент достигает точки, где его нужно либо силой, либо хитростью избавить от ошибочной установки или вызволить из неподходящей ситуации. Это та чрезмерно подчеркнутая сексуальность, которая накапливается перед запрудой, но мгновенно принимает нормальные пропорции, как только открывается путь к развитию. Как правило, к запруживанию жизненной энергии ведет зацикливание на старых обидах по отношению к родителям и родственникам, а также на утомительных эмоциональных перипетиях «семейного романа». Подобный застой неизменно проявляется в форме так называемой инфантильной сексуальности. Это не собственно сексуальность, а неестественная разрядка напряжений, которые в действительности принадлежат совсем другой стороне жизни. Если так, какой смысл плавать по этой затопленной стране? Конечно, прямолинейный разум согласится с тем, что гораздо важнее открыть спускные каналы, то есть найти новую установку или образ жизни, которые обеспечат подходящий градиент для сдерживаемой энергии. В противном случае возникает замкнутый круг. Именно к нему ведет фрейдистская психология. Она не указывает никакого пути, позволяющего выйти за пределы неумолимого цикла биологических событий. В отчаянии мы можем воскликнуть вместе со святым Павлом: «Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» Духовный человек в нас выступает вперед и, качая головой, отвечает словами Фауста: «Тебе знакомо лишь одно стремленье», —

а именно плотская связь, ведущая назад к отцу и матери или вперед к детям, которые произошли от нашей плоти — «инцест» с прошлым и «инцест» с будущим, первородный грех увековечения «семейного романа». Ничто не может освободить нас от этой связи, кроме противоположного стремления жизни — духа. Не детям плоти, но «детям Бога» дано познать истинную свободу. В трагедии Эрнста Барлаха «Мертвый день» Кулобарб говорит в конце: «Странно только, что человек не хочет понять, что его отец — Бог». Этого не хочет понимать ни Фрейд, ни все те, кто разделяет его взгляды. По крайней мере, они не находят ключ к этому знанию. Теология не помогает тем, кто ищет ключ, ибо теология требует веры, а вера не может возникнуть по желанию: это воистину дар благодати. Перед современным человеком стоит задача заново открыть жизнь духа. Другого способа разрушить чары, привязывающие нас к циклу биологических событий, не существует.

[781] Моя позиция по этому вопросу — третья точка расхождения между моими взглядами и взглядами Фрейда. Из-за нее меня часто обвиняют в мистицизме. Я, однако, не считаю себя ответственным за тот факт, что человек всегда и везде спонтанно развивал религиозную функцию и что человеческая психика с незапамятных времен пронизана религиозными чувствами и идеями. Тот, кто не способен увидеть этот аспект человеческой психики, слеп; тот же, кто тщится дать ему поверхностное или «просвещенное» объяснение, лишен всякого чувства реальности. Или, может, мы должны усматривать в отцовском комплексе, проявляющемся у всех представителей фрейдистской школы, включая ее основателя, свидетельство знаменательного избавления от фатальности семейной ситуации? Комплекс отца, отстаиваемый с таким упрямством и чрезмерной чувствительностью, представляет собой неверно понятую религиозную функцию, тот же мистицизм, выраженный сквозь призму биологических и семейных отношений. Что же касается фрейдовской концепции «супер-эго» (Сверх-Я), то в ней я вижу попытку тайком протащить освященный веками образ Иеговы в психологическую теорию. Со своей стороны, я предпочитаю

называть вещи теми именами, под которыми они были известны всегда.

[782] Нельзя пытаться повернуть колесо истории вспять, как нельзя отрицать движение человека к духовной жизни, начавшееся с первобытных обрядов посвящения. Для науки допустимо разделять области своих исследований и оперировать ограниченными гипотезами, ибо только так она и должна функционировать; но человеческая психика не может быть фрагментирована подобным образом. Это единое целое, которое охватывает сознание и является его матерью. Научное мышление, будучи лишь одной из функций психики, никогда не сможет исчерпать всех ее возможностей. Психотерапевт не должен позволять патологии искажать его ви́дение; не следует забывать, что больной разум — это человеческий разум и что, несмотря на свой недуг, он бессознательно разделяет всю психическую жизнь, свойственную человеку. Необходимо признать, что эго больно́ именно потому, что отрезано от целого и утратило свою связь не только с человечеством, но и с духом. Эго воистину есть «средоточие страха», как пишет Фрейд в «Я и Оно», но только до тех пор, пока оно не вернется к своим «отцу» и «матери». Фрейд спотыкается о вопрос Никодима: «Как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» (Иоанн, 3:4). История повторяется, ибо — если сравнивать малое с великим — этот вопрос вновь возникает сегодня в виде внутренних распрей, раздирающих современную психологию.

[783] На протяжении тысячелетий обряды посвящения учили возрождению от духа, и все же, как ни странно, человек снова и снова забывает о смысле божественной прокреации. Хотя подобная забывчивость может быть плохим свидетельством силы духа, наказание за непонимание — невротическое разложение, озлобленность, атрофия и стерильность. Легко изгнать духа за дверь, но тогда пища теряет свой вкус — соль земли. К счастью, убедительное доказательство того, что дух всегда восстанавливает свою силу, кроется в том, что учение о посвящениях передается из поколения

в поколение. Снова и снова находятся люди, которые понимают, что значит «Бог есть отец наш». Равновесие плоти и духа не утрачено миром навсегда.

[784] Расхождения между Фрейдом и мной восходят к принципиальным различиям в наших базовых допущениях. Допущения неизбежны, а потому глупо притворяться, будто их нет у нас. Вот почему я предпочел осветить здесь фундаментальные вопросы; на их основе легче понять многочисленные различия между взглядами Фрейда и моими собственными.

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Перечень периодических изданий, с сокращениями

Amer. J. Psychol. = American Journal of Psychology. Балтимор.
Arch. Psychol. Suisse rom. = Archives de psychologie de la Suisse romande. Женева.
Arch. Rass. u. GesBiol. = Archiv für Rassen- und Gesellschaftsbiologie. Лейпциг, Берлин.
Berl. klin. Wschr. = Berliner klinische Wochenschrift. Берлин.
J. abnorm. Psychol. = Journal of Abnormal Psychology. Бостон.
Jb. psychoanal. psychopath. Forsch. = Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. Вена, Лейпциг.
Med. Klinik = Medizinische Klinik. Вена, Берлин.
Med. Pr. = Medical Press. Лондон.
Münch. med. Wschr. = Münchener Medizinische Wochenschrift. Мюнхен.
Monatshefte für Pädagogik und Schulpolitik. Вена.
Proc. Soc. psych. Res., Lond. = Proceedings of the Society for Psychical Research. Лондон.
Psychiat. — neurol. Wschr. = Psychiatrisch-neurologische Wochenschrift. Галле.
Z. ReligPsychol. = Zeitschrift für Religionspsychologie. Галле.
Z. Völkerpsychol. Sprachw. = Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Берлин.
Zbl. Nervenheilk. = Zentralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie. Берлин.
Zbl. Psychoan. = Zentralblatt für Psychoanalyse. Висбаден.

Б. Общая библиография

** Научные труды и художественные произведения, переведенные на русский язык, см. в конце перечня.*

ABRAHAM, KARL. *Dreams and Myths*. (Nervous and Mental Disease Monograph Series, 15.) New York, 1913.

— "The Psycho-Sexual Differences between Hysteria and Dementia Praecox" // *Selected Papers*. (International Psycho-Analytical Library, 13.) London, 1927.

ADLER, ALFRED. "Trotz und Gehorsam", *Monatshefte für Pädagogik und Schulpolitik* (Vienna), VIII (1910).

ASCHAFFENBURG, GUSTAV. "Die Beziehungen des sexuellen Lebens zur Entstehung von Nerven- und Geisteskrankheiten", *Münch. med. Wschr.*, LIII (1906), 1793–98.

BARLACH, ERNST. *Der Tote Tag*. Berlin, 1912; 1918.

BINET, ALFRED. *Alterations of Personality*. London, 1896. (Ориг.: *Les Altérations de la personnalité*, 1892.)

BINSWANGER, LUDWIC. "Freud'sche Mechanismen in der Symptomatologie von Psychosen", *Psychiat. — neurol. Wschr.*, VIII (1906).

BINSWANGER, OTTO. *Die Hyste*rie. (Specielle Pathologie und Therapie, 12, первая половина, часть 2.) Vienna, 1904.

BLEULER, EUGEN. "Die Psychoanalyse Freuds", *Jb. psychoanal. psychopath. Forsch.*, II (1910), 623–730.

BOAS, FRANZ. *Indianische Sagen von der Nord-pacifischen Küste Amerikas*. Berlin, 1895.

BRILL, A. A. "Psychological Factors in Dementia Praecox: an Analysis", *J. abnorm. Psychol.*, III (1908), 219.

FLOURNOY, THÉODORE. *From India to the Planet Mars*. New York, 1900. (Ориг.: *Des Indes à la planète Mars*, 1900.)

— "Nouvelles observations sur un cas de somnambulisme avec glossolalie", *Arch. Psychol. Suisse rom.*, I (1901), 101–255.

FOREL, AUGUSTE. *Hypnotism: or, Suggestion and Psychotherapy*. London and New York, 1906. (Ориг.: *Der Hypnotismus*, 1889.)

FRANK, LUDWIG. *Affektstörungen. Studien über ihre Ätiologie und Therapie*. (Monographien aus dem Gesamtgebiete der Neurologie und Psychiatrie, 4.) Berlin, 1913.

FREUD, SIGMUND. *Collected Papers*. (International Psycho-Analytical Library, 7–10, 37.) London, 1924–50.

— "Zwangshandlungen und Religionsübung", *Z. ReligPsychol.*, I (1907).

— "On Beginning the Treatment (Further Recommendations on the Technique of Psycho-Analysis I)" // Standard Edn., 12. 1958.

— "Psycho-Analytic Notes on an Autobiographical Account of a Case of Paranoia (Dementia Paranoides)" // Standard Edn., 12. 1958. (Ориг.: "Psycho-analytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia Paranoides)", 1911.)

— *Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre*. Vienna, 1906–22.

FROBENIUS, LEO. Das Zeitalter des Sonnengottes. Berlin, 1904.
FÜRST, EMMA. "Statistical Investigations on Word-Associations and on Familial Agreement in Reaction Type among Uneducated Persons" // C. G. JUNG (ed.). Studies in Word-Association. London, 1918; New York, 1919.
FURTMÜLLER, CARL. "Wandlungen in der Freud'schen Schule", *Zbl. Psychoan*., III (1912–13), 189–201.
HASLEBACHER, J. A. "Psychoneurosen und Psychoanalyse", *Correspondenzblatt für Schweizer Ärzte* (Basel), XL:7 (Mar. 1, 1910).
HOCHE, ALFRED E. "Eine psychische Epidemie unter Aerzten", *Med. Klinik*, VI (1910), 1007–10.
JANET, PIERRE. Les Névroses. Paris, 1898.
JONES, ERNEST. "Freud's Theory of Dreams", *Amer. J. Psychol*., XXI (1910), 283–308.
— On the Nightmare. (International Psycho-Analytical Library, 20.) London, 1931.
— "Remarks on Dr Morton Prince's Article 'The Mechanism and Interpretation of Dreams'". *J. abnorm. Psychol*., V (1910–11), 328–36.
— *Sigmund Freud: Life and Work*. London, 1953–57.
JÖRGER, J. "Die Familie Zero", *Arch. Rass. u. GesBiol*. (Leipzig and Berlin), II (1905), 494–559.
JUNG, CARL GUSTAV. "The Association Method" // *Experimental Researches*. (Collected Works, 2; Collected Papers on Analytical Psychology.)
— *Collected Papers on Analytical Psychology*. London and New York, 1916, 1917.
— "The Familial Constellations" // *Experimental Researches*. (Collected Works, 2; Collected Papers on Analytical Psychology.)
— Studies in Word-Association // *Experimental Researches*. (Collected Works, 2; Studies in Word-Association... under the direction of C. G. Jung. London, 1918; New York, 1919.)
— *Wandlungen und Symbole der Libido*. Leipzig and Vienna, 1912.
KUHN, FRANZ FELIX ADALBERT. *Mythologische Studien*. Gütersloh, 1886–1912.
MAEDER, ALPHONSE. "Contributions à la psychologie de la vie quotidienne", *Arch. Psychol. Suisse rom.,* VI (1906–7), 148, VII (1907–8), 283.
— "Essai d'interprétation de quelques rêves", *Arch. Psychol. Suisse rom*., VI (1906–7), 354.
— "Die Symbolik in den Legenden, Märchen, Gebräuchen und Träumen", *Psychiat. — neurol. Wschr*. (Halle), X (1908).

MAYLAN, CHARLES E. *Freuds tragischer Komplex: Eine Analyse der Psychoanalyse*. Munich, 1929.

MITCHELL, T. WEIR. Review of "Collected Papers on Analytical Psychology", *Proc. Soc. psych. Res.*, Lond., XXIX (1916), 191–95.

MÜLLER-LYER, FRANZ. *The Family*. London, 1931. (Ориг.: *Die Familie*, 1912.)

OPPENHEIM, H. "Thatsächliches und Hypothetisches über das Wesen der Hysterie", *Berl. klin. Wschr.,* XXVII (1890), 553.

PAGE, H. W. "Shock from Fright" // HACK TUKE. Dictionary of Psychological Medicine. London, 1892.

— *Injuries of the Spine and Spinal Cord without Apparent Mechanical Lesions, and Nervous Shock — Their Surgical and Medico-Legal Aspects*. London and Philadelphia, 1883.

PETERS, WILHELM. "Gefühl und Erinnerung" // EMIL KRAEPELIN. *Psychologische Arbeiten*. Leipzig and Berlin, 1914. (Т. 6, ч. 2, с. 197–260.)

PRINCE, MORTON. *The Dissociation of a Personality*. New York and London, 1906.

— "The Mechanism and Interpretation of Dreams", *J. abnorm. Psychol.*, V (1910–11), 139–95.

PUTNAM, JAMES J. "Personal Impressions of Sigmund Freud and His Work, with Special Reference to His Recent Lectures at Clark University", *J. abnorm. Psychol.,* IV (1909–10), 293, 372.

— "Persönliche Erfahrungen mit Freud's psychoanalytischer Methode", *Zbl. Psychoan.*, I (1910–11), 533–48.

RANK, OTTO. "Ein Traum, der sich selbst deutet", *Jb. psychoanal. psychopath. Forsch.*, II (1910), 465–540.

RIKLIN, FRANZ. *Wishfulfilment and Symbolism in Fairy Tales*. (Nervous and Mental Disease Monograph Series, 21.) New York, 1915.

SADGER, ISIDOR, "Analerotik und Analcharakter", *Die Heilkunde* (Vienna), 02/1910.

SAVILL, AGNES. "Psychoanalysis", *Med. Pr.,* CLII (1916), 446–48.

SILBERER, HERBERT. "Phantasie und Mythos", *Jb. psychoanal. psychopath. Forsch.*, II (1910), 541–622.

— *Problems of Mysticism and Its Symbolism*. New York, 1917.

SOMMER, ROBERT. *Familienforschung und Vererbungslehre*. Leipzig, 1907.

SPIELMEYER, WALTER. Примечание без названия в: *Zbl. Nervenheilk.*, XXIX (1906), 322–24.

SPIELREIN, SABINA. "Über den psychologischen Inhalt eines Falls von Schizophrenie", *Jb. psychoanal. psychopath. Forsch.*, III (1912), 329–400.

STEINTHAL, HEYMANN. “Die Sage von Simson”, *Z. Völkerpsychol. Sprachw.*, II (1861), 129–78.
STEKEL, WILHELM. “Ausgänge der psychoanalytischen Kuren”, *Zbl. Psychoan.*, III (1912–13), 175–88.
— *Die Sprache des Traumes*. Wiesbaden, 1911.
VIGOUROUX, A., JUQUELIER, P. *La Contagion mentale*. (Bibliothèque internationale de psychologie.) Paris, 1904.
ZIERMER, MANFRED. “Genealogische Studien über die Vererbung geistiger Eigenschaften”, *Arch. Rass. — u. GesBiol.,* V (1908), 178–220, 327–63.

Научные труды и художественные произведения, переведенные на русский язык

АДЛЕР, А. О нервическом характере. — М.: АСТ, 1997. (Ориг.: *Über den nervösen Charakter*, 1912.)
ГАРТМАН, Э. Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного. — М.: Ленанд, 2019.
ГЕТЕ, И. В. Фауст. — М.: Детская литература, 1969.
— О, зачем твоей высокой властью... / И. В. Гете. Лирика. М.: Профиздат, 2009.
ГОРАЦИЙ. Послания / Гораций. Сочинения. — М.: Художественная литература, 1970.
ДЖЕМС, В. Прагматизм. — С.-Петербург, 1910.
САЛЛЮСТИЙ КРИСП. О заговоре Катилины // Сочинения. М.: АСТ, 1999.
РАНК, О. Миф о рождении героя. — М.: Академический проект, 2020.
ФРЕЙД, З. Будущее одной иллюзии. — М.: АСТ, 2011. (Ориг.: *Die Zukunft einer Illusion*, 1927.)
— Невропсихозы защиты. — Ижевск, ERGO, 2018. (Ориг.: *Die Abwehrneuropsychosen*, 1894.)
— О психоанализе. Пять лекций, прочитанных к торжеству по случаю 20-летия основания Университета Кларка в Вустере, Массачусетс (сентябрь 1909). — М.: ERGO, 2019. (Ориг.: *Ueber Psychoanalyse*. 1910.)
— О психотерапии // З. Фрейд. Методика и техника психоанализа. — Москва; Петербург: Государственное издательство, 1923. (Ориг.: “Über Psychotherapie”, 1904.)
— Остроумие и его отношение к бессознательному. — М.: Азбука, 2020. (Ориг.: *Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten,* 1905.)

— Психоаналитический метод Фрейда; // З. Фрейд. Методика и техника психоанализа. — Москва; Петербург: Государственное издательство, 1923. (Ориг.: “Die Freud’sche Psychoanalytische Methode”, 1904.)
— Психопатология обыденной жизни // З. Фрейд. Психология бессознательного. — СПб.: Питер, 2002. (Ориг.: *Zur Psychopatlhologie des Alltagslebens*, 1901.)
— Советы врачам при ведении психоаналитического лечения / Психоаналитический вестник, № 1, 1991. (Ориг.: “Ratschläge für den Arzt bei der psychoanalytischen Behandlung”, 1912.)
— Толкование сновидений. — М.: Эксмо, 2015. (Ориг.: *Die Traumdeutung*, 1900.)
— Три очерка по теории сексуальности // З. Фрейд. Психология бессознательного. — СПб.: Питер, 2002. (Ориг.: *Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie*, 1905.)
— Фрагмент анализа истерии // З. Фрейд. Пять историй болезни. — М.: Алгоритм, 2018. (Ориг.: “Bruchstücke einer Hysterie-Analyse”, 1905.)
— Характер и анальная эротика // З. Фрейд. Психоаналитические этюды. — М.: АСТ, 2017. (Ориг.: “Charakter und Analerotik”, Psychiat. — neurol. Wschr., IX (1907).)
— Я и Оно // З. Фрейд. Психология бессознательного. — СПб.: Питер, 2002. (Ориг.: *Das Ich und das Es*, 1923.)
ФРЕЙД, З., БРЕЙЕР, И. Исследования истерии. — СПб., 2005. (Ориг.: *Studien über Hysterie*, 1895.)
ШОПЕНГАУЭР, А. О видимой преднамеренности в судьбе отдельного лица // А. Шопенгауэр. Полное собрание сочинений. — М., 1910. — Т. III.
ШОУ, Б. Человек и сверхчеловек. — М.: АСТ, 2014.
ЮНГ, К. Г. Аналитическая психология. — М.: АСТ, 2020.
— Новые пути в психологии // К. Г. Юнг. Аналитическая психология. — М.: АСТ, 2020.
— Психологические аспекты архетипа матери // К. Г. Юнг. Архетипы и коллективное бессознательное. — М.: АСТ, 2019.
— Психология и алхимия. — М.: АСТ, 2008.
— Символы трансформации. — М.: АСТ, 2008.

Содержание

Предисловие редактора к тому IV полного собрания сочинений К. Г. Юнга 5

I. ТЕОРИЯ ИСТЕРИИ ЗИГМУНДА ФРЕЙДА: ОТВЕТ АШАФФЕНБУРГУ (1908). 9

II. ФРЕЙДИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ИСТЕРИИ (1908) 19

III. АНАЛИЗ СНОВИДЕНИЙ (1909) 39

IV. ВКЛАД В ПСИХОЛОГИЮ СЛУХОВ (1910/11) 53

V. О ЗНАЧЕНИИ ЧИСЕЛ В СНОВИДЕНИЯХ (1910/11) 69

VI. МОРТОН ПРИНС. «МЕХАНИЗМ И ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ»: КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР (1911). . 79

VII. О КРИТИКЕ ПСИХОАНАЛИЗА (1910) 101

VIII. О ПСИХОАНАЛИЗЕ (1912) 107

IX. ПОПЫТКА ИЗЛОЖЕНИЯ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ (1913) 113
Предисловие к первому изданию 115
Предисловие ко второму изданию 117
1. Обзор первоначальных гипотез 118
2. Теория инфантильной сексуальности 132
3. Понятие либидо 143

4. Невроз и этиологические факторы в детстве 162
5. Фантазии бессознательного 172
6. Эдипов комплекс 185
7. Этиология невроза 191
8. Терапевтические принципы психоанализа 217
9. Случай невроза у ребенка 241

X. ОБЩИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОАНАЛИЗА (1913) 267

XI. ПСИХОАНАЛИЗ И НЕВРОЗ / О ПСИХОАНАЛИЗЕ* (1916) 285

XII. НЕКОТОРЫЕ КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ В ПСИХОАНАЛИЗЕ: ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ Д-РОМ ЮНГОМ И Д-РОМ ЛОЕМ (1914). 297

XIII. ПРЕДИСЛОВИЯ К СБОРНИКУ «ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ ПО АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ» (1916/1917/1920). 343
Предисловие к первому изданию 345
Предисловие ко второму изданию 349

XIV. ЗНАЧЕНИЕ ОТЦА В СУДЬБЕ ИНДИВИДА (1909) 357
Предисловие ко второму изданию 357
Предисловие к третьему изданию 358
Значение отца в судьбе человека 359

XV. ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ К КНИГЕ В. М. КРАНЕФЕЛЬДТА «ПСИХОАНАЛИЗ» (1930) . . 385

XVI. ФРЕЙД И ЮНГ: РАЗЛИЧИЯ ВО ВЗГЛЯДАХ (1929) 395

Библиография 407

* В немецком издании раздел называется «О психоанализе», однако русскоязычному читателю работа больше известна под названием «Психоанализ и невроз».

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Юнг Карл Густав

ФРЕЙД И ПСИХОАНАЛИЗ

Сборник

Компьютерная верстка: *Р. Рыдалин*
Технический редактор *Т. Полонская*

Подписано в печать 20.07.2021. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 26,00.
Печать офсетная. Гарнитура Newton.
Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 – книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2021 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705,
пом. I, 7 этаж.
Наш электронный адрес: **www.ast.ru.** Интернет-магазин: **www.book24.ru.**
E-mail: **ask@ast.ru.** ВКонтакте: **vk.com/ast_neoclassic.**
Инстаграм: **instagram.com/ast_neoclassic**

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, Жулдызды гұлзар, д. 21, 1 құрылым, 705 бөлме, пом. 1, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: **www.ast.ru**
Интернет-магазин: **www.book24.kz** Интернет-дүкен: **www.book24.kz**
Импортер в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий
в Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.
Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасында наразылықтарды
қабылдау бойынша өкіл — «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы
к., Домбровский көш., 3«а», Б литері офис 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91,
факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107; E-mail: **RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz**
Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2021
Өнімнің жарамдылық; мерзімі шектелмеген.

ISBN: 978-5-17-137025-1

9 785171 370251

16+